

ДЭВИД МОРРЕЛЛ

ИЗЯЩНОЕ
ИСКУССТВО
СМЕРТИ

*Окутанный туманом Лондон станет полем битвы
гениального писателя и маниакального убийцы,
чьи судьбы связаны глубоко погребенной,
но не забытой тайной.*

АЗБУКА

Annotation

В 1811 году Лондон был потрясен убийствами на Рэтклифф-хайвей, где в течение недели подверглись зверской расправе две семьи. Почти пол века спустя в город возвращается Томас Де Квинси, ярко описавший эту трагедию в своем эссе «Убийство как одно из изящных искусств». Через несколько дней после его прибытия еще одну семью постигает такая же ужасная смерть. Складывается впечатление, что кто-то вдохновился книгой и пользуется ею в качестве руководства к действию. Подозрение падает на самого Де Квинси. С помощью своей дочери Эмили и двух детективов Скотленд-Ярда он должен узнать правду, прежде чем прольется еще больше крови, и остановить убийцу, жестокостью соперничающего с самим Джеком Потрошителем.

- [Дэвид Моррелл](#)
 - [Вступление](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Постскриптум](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Благодарности](#)

- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
-

Дэвид Моррелл
ИЗЯЩНОЕ ИСКУССТВО СМЕРТИ

Роберту Моррисону и Гревелу
Линдону, которые направляли мое
путешествие в мир Томаса Де
Квинси.

Вступление

На первый взгляд кажется удивительным, что Англия середины Викторианской эпохи, славившаяся своей чопорностью, буквально сошла с ума от нового жанра художественной литературы — детективного романа. Вышедший в 1860 году роман Уилки Коллинза «Женщина в белом» положил начало тому, что викторианские критики определили как «детективомания». Она оказалась сродни «вирусу, распространяющемуся во всех направлениях», и удовлетворяла «потаенные, нездоровые желания».

Корни нового жанра лежат в готических романах предыдущего столетия с той только разницей, что авторы детективов помещают своих героев не в древние мрачные замки, а во вполне современные дома привычной викторианской Англии. Тьма имеет вовсе не сверхъестественное происхождение. Она гнездится в сердцах с виду респектабельных граждан, чья личная жизнь полна ужасающих тайн. Безумие, инцест, насилие, шантаж, детоубийство, поджоги, наркозависимость, отравления, садомазохизм и некрофилия — вот далеко не полный перечень «скелетов в шкафу», которые, по мнению авторов, скрывались за внешним викторианским лоском.

При ближайшем рассмотрении выясняется, что повальное увлечение новым жанром, вытаскивающим на свет божий мрачные тайны, являлось естественной реакцией на всеобщую скрытность, характерную для того времени. Трудно даже представить, до какой степени англичане среднего и высшего класса отделяли свою частную жизнь от общественной и насколько тщательно скрывали истинные чувства от посторонних. Общепринятая практика держать окна постоянно зашторенными очень хорошо отражает отношение англичан викторианского времени к своему дому и частной жизни: это священная территория, откуда можно выглядывать наружу, но заглядывать куда запрещено. Тайнами изобиловал каждый дом, их наличие считалось чем-то само собой разумеющимся и не касающимся никого из посторонних.

Скандалный, не вписывающийся в свою эпоху Томас Де Квинси, чьи теории о сверхъестественном на семьдесят лет предвосхитили

учение Фрейда, так высказался о всеобщей сдержанности и привычке скрывать личную жизнь: «В одном, по крайней мере, я уверен: ум лишен способности забывать; тысячи случайных событий могут и будут создавать пелену между нашим сознанием и тайными письменами памяти, и тысячи таких же событий, в свою очередь, могут разрывать ту пелену, но, так или иначе, письма те вечны; они подобны звездам, которые, казалось бы, скрываются перед обычным светом дня, однако мы знаем: свет — лишь покров, сброшенный на светила ночные, и ждут они, чтоб проявиться вновь, покуда затмевающий их день не сокроется сам».

Де Квинси стал знаменитым, когда совершил поступок, доселе невероятный: выставил напоказ личную жизнь в знаменитом бестселлере «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум». Уильям Берроуз позднее охарактеризовал это произведение как «первую и до сих пор лучшую книгу о наркотической зависимости».

Жутковатая проза Де Квинси, в особенности эссе «Убийство как одно из изящных искусств», позволяет назвать его родоначальником детективного жанра. Указанное произведение, шокирующее неподготовленного читателя, проливает свет на знаменитые убийства на Рэтклифф-хайвей, которые в 1811 году привели в ужас население Лондона и всей Англии. Заманчивой выглядит идея сравнить эффект, произведенный этими преступлениями, со страхом, охватившим лондонский Ист-Энд уже в конце девятнадцатого века, в 1888 году, когда несколько напугавших убийств совершил Джек-потрошитель. При этом оказывается, что паника, последовавшая за событиями на Рэтклифф-хайвей, была значительно более масштабной. Причина в том, что эти зверские массовые убийства оказались первыми в своем роде, сведения о которых быстро распространились по стране, — все благодаря растущей значимости газет (в одном только Лондоне их в 1811 году насчитывалось пятьдесят две) и недавно усовершенствованной системе доставки корреспонденции почтовыми каретами, которые колесили по всей Англии с постоянной скоростью десять миль в час.

Кроме того, все убитые Потрошителем были проститутками, в то время как жертвы убийств на Рэтклифф-хайвей — это деловые люди и их семьи. Джека-потрошителя боялись только «ночные бабочки», а причины испытывать страх перед убийцей 1811 года имел буквально

каждый житель Лондона. Подробности того, как преступник расправился со своими жертвами, можно найти в первой главе данного повествования. Кому-то они могут показаться шокирующими, отвратительными, но все основано на исторических свидетельствах.

Много времени утекло с тех пор, как мы прочитали Томаса Де Квинси, но описанный им кровавый ужас все еще свеж в памяти и не утратил своей чудовищной силы. И по сию пору каждая ночь заставляет нас снова и снова дрожать от парализующего волю и невероятно реального страха и вызывает к жизни кошмары, на которые мы обречены тем фактом, что ознакомились с творчеством Де Квинси.

British Quarterly Review, 1863.

Глава 1

«ХУДОЖНИК СМЕРТИ»

...Для создания истинно прекрасного убийства требуется нечто большее, нежели двое тупиц — убиваемый и сам убийца, а в придачу к ним нож, кошелек и темный проулок. Композиция, джентльмены, группировка лиц, игра светотени, поэзия, чувство — вот что ныне полагается необходимыми условиями для успешного осуществления такого замысла. Подобно Эсхилу или Мильтону в поэзии, подобно Микеланджело в живописи, великий убийца доводит свое искусство до пределов грандиозной величественности.

*Томас Де Квинси.
Убийство как одно из
изящных искусств/*

Лондон, 1854 год.

Говорят, что Тициан, Рубенс и ван Дейк всегда писали картины, будучи при полном параде. Прежде чем увековечить свои видения на холсте, они принимали ванну и таким образом символически очищали сознание от всего постороннего. Потом надевали лучшую одежду, наикрасивейшие парики, а в одном случае имела место еще и шпага с усыпанным бриллиантами эфесом.

«Художник смерти» готовился похожим образом. Он надел вечерний костюм и два часа сидел, уставившись в стену, — сосредоточивался. Когда на город опустились сумерки и в комнате с

занавешенным окном стало темно, он зажег масляную лампу и стал складывать в черный кожаный саквояж свои аналоги кистей, красок и холстов. Был там и парик (вспомним Рубенса) — желтый, ничуть не похожий по цвету на его светло-каштановые волосы. Еще он взял с собой такого же цвета накладную бороду. Десять лет назад бородач привлек бы к себе всеобщее внимание, но последние веяния в моде, наоборот, заставили бы окружающих оборачиваться при виде человека с чисто выбритым подбородком. Среди прочих предметов он поместил в саквояж тяжелый молоток корабельного плотника — старый, с буквами J. P., нацарапанными на ударной части. Вместо инкрустированной бриллиантами шпаги, которую цеплял во время работы на пояс один из художников прошлого, наш «художник» положил в карман бритву с ручкой из слоновой кости.

Он покинул свое логово, прошел пешком несколько кварталов до оживленного перекрестка, чтобы поймать кеб. Через две минуты рядом остановился свободный экипаж; возница гордо возвышался над его блестящим верхом. «Художник смерти» ничуть не беспокоился тем, что торчит этим промозглым декабрьским вечером у всех на виду. В данный момент он даже хотел, чтобы его видели; впрочем, это было бы затруднительно — с Темзы на город быстро надвигался туман, окружая газовые фонари светящимся ореолом.

«Художник» сунул вознице восемь пенсов и велел отвезти его на Стрэнд, к театру Адельфи. Ловко пробираясь меж заполонивших улицу экипажей, уворачиваясь от хрипящих лошадей, кеб направлялся к толпе хорошо одетых горожан, ожидающих, когда их пустят внутрь. Светящиеся буквы над входом извещали, что сегодня в театре дают нашумевшую мелодраму «Корсиканские братья». «Художник смерти» был хорошо знаком с пьесой и легко мог ответить на любой вопрос о ней, особенно касаясь необычного режиссерского хода в двух первых актах: события в них разворачивались последовательно, хотя на самом деле (и зрителю предстояло это вообразить) происходили в одно время. В первом акте один из братьев видит призрака своего близнеца, а во втором зрителю в красках показывают, как в ту же самую минуту близнеца убивают. Во второй половине пьесы оставшийся в живых брат мстит убийцам, мстит жестоко, так что сцену буквально заливают потоки бутафорской крови. Многие посетители театра приходили от

увиденного в ужас, но их праведный гнев только способствовал росту популярности пьесы.

«Художник смерти» слился с возбужденной толпой и вместе со всеми вошел внутрь. Карманные часы показывали двадцать минут восьмого. Занавес должны будут поднять через десять минут. В царящей в фойе суматохе он миновал служащего, который предлагал всем ноты «Темы призрака» — мелодии, звучащей в пьесе, — открыл боковую дверь, прошел немного по скрытому туманом переулку и притаился в тени за грудой ящиков. Там он просидел десять минут, терпеливо дожидаясь, не появится ли кто следом.

Убедившись, что все чисто, «художник» выбрался из переулка, прошагал два квартала и снова поймал кеб. Ждать ему на этот раз не пришлось, поскольку свободные экипажи, высадившие седоков возле театра, один за другим двигались по улице. В этот раз путь «художника» лежал в менее фешенебельную часть города. Он закрыл глаза и слушал, как колеса сначала мягко шелестят по ровным гранитным мостовым центральных улиц, а затем подсакивают на мелком необработанном булыжнике старинных переулков лондонского Ист-Энда. Когда «художник» вышел из кеба в районе, где редко встретишь человека в вечернем костюме, возница, несомненно, решил, что седок собирается снять здесь проститутку.

Зайдя в общественную уборную, «художник» достал из саквояжа менее презентабельную одежду и переделся, а ненужный пока вечерний костюм аккуратно уложил в саквояж. Затем «художник» углубился в узкие улочки, и чем дальше он уходил, тем более убогие дома встречались по пути. Он нарочно перепачкал костюм и заляпал кожаный саквояж грязью. По дороге ему встретился извозчий двор; туда зашел чисто выбритый мужчина со светло-каштановыми волосами, а вышел — с желтой бородой и в такого же цвета парике. Модный складной цилиндр давно уступил место потертой матросской шапке. Плотницкий молоток теперь лежал в кармане рваного матросского плаща.

Прошло два часа, а «художник» все шел вперед. Он никуда не торопился, и столь долгое путешествие его не утомляло. Он даже рад был возможности во всех подробностях еще раз прокрутить перед мысленным взором предстоящую композицию. Наконец под покровом густого тумана он приблизился к цели своего путешествия — ничем не

примечательному магазинчику, в котором продавалась одежда для моряков, которых было полно в этом районе, вблизи от лондонских доков.

Он остановился на углу и достал из кармана часы, предварительно удостоверившись, что никто их не увидит. Часы были совершенно чужеродным элементом в здешних бедняцких кварталах, и любой случайный прохожий сразу бы заподозрил, что «художник» совсем не тот человек, за которого себя выдает. Стрелки показывали почти десять. Пока все шло по расписанию. Во время предыдущих посещений «художник» заметил, что местный полицейский проходит по этой улочке в пятнадцать минут одиннадцатого. Точность была отличительной чертой служителей порядка, и каждый патрульный ежечасно совершал двухмильный обход. Время появления полисмена возле магазинчика редко отличалось больше чем на минуту-другую.

Единственным человеком на улице, помимо «художника», была проститутка, которую даже холод не заставил вернуться в ту убогую дыру, которую она называла домом. Женщина шагнула было к потенциальному клиенту, но «художник» так на нее зыркнул, что бедняжка резко остановилась и поспешила скрыться в тумане в противоположном направлении.

Он снова обратил внимание на магазин и заметил, что стекло в единственном окне покрывает тонкий слой пыли и происходящее внутри можно разобрать с трудом. На улице появился мужчина и опустил на окно жалюзи, — как обычно, магазин закрылся в десять.

Когда мужчина вернулся внутрь, «художник» быстро пересек пустую улицу и подошел к двери. Если бы она оказалась уже заперта, он бы постучал в надежде, что торговец не откажется посвятить пять минут припозднившемуся покупателю и, возможно, продать еще пару брюк. Но дверь была лишь прикрыта; она скрипнула, когда «художник» толкнул ее и зашел в магазин, где было лишь немногим теплее, чем на улице.

Хозяин, как раз собиравшийся погасить висевшую на стене лампу, обернулся на шум. Ему было лет тридцать — худой, бледный, с тоской во взгляде, одет в черную рубашку со стоячим воротничком. Одна пуговица на рубашке отличалась от остальных по цвету. Внизу на брюках была бахрома.

Нуждается ли высокое искусство в достойном предмете? Иными словами, произведет ли убийство королевы больший эффект, чем убийство простого гражданина? Нет. Цель убийства как искусства — пробудить жалость и страх. Никто не станет жалеть убитую королеву, или, скажем, премьер-министра, или какого-нибудь состоятельного человека. Люди, скорее, испытают чувство недоверия, оттого что даже сильные мира сего не застрахованы от смертельного удара. Но потрясение длится не так долго, как жалость.

Нет, жертвой должен стать человек молодой, упорно работающий от восхода до заката, но с незавидным материальным положением; с надеждами и амбициями, с далеко идущими планами, несмотря даже на владеющее им уныние. У жертвы обязательно должны быть любящая жена и дети, находящиеся на его иждивении. Жалость, слезы — вот необходимые составляющие изящного искусства.

— Собирались запираяться? Хорошо, что я успел, — закрывая дверь, сказал «художник».

— Жена готовит ужин, но время еще для одного покупателя всегда найдется. Итак, чем могу помочь?

Худой владелец магазина, похоже, не заметил, что борода у припозднившегося покупателя фальшивая; ничем он не показал и того, что узнал посетителя, который неделей раньше уже приходил к нему в ином обличье.

— Мне нужно четыре пары носков. — «Художник» пригляделся и ткнул пальцем за прилавок. — Толстых. Вроде тех, что лежат вон на той полке.

— Четыре пары? — переспросил хозяин. Судя по его тону, мало кто совершал такие серьезные покупки. — Они стоят шиллинг за пару.

— Это слишком дорого. Я надеялся на меньшую цену, раз уж беру несколько. Наверное, стоит поискать в другом месте.

За ведущей внутрь дома дверью послышался детский плач.

— Похоже, кто-то голоден, — заметил «художник».

— Лора. Боже, когда она не голодна? — Хозяин вздохнул. — Я добавлю еще пару. Будет пять пар за четыре шиллинга.

— Идет.

Когда хозяин направился к прилавку, «художник» быстро подался назад и задвинул засов на входной двери. Чтобы шум не вызвал подозрений, он громко кашлянул; впрочем, за шарканьем ног торговец

и так ничего бы не услышал. Убийца вытащил из кармана молоток и пошел следом.

Хозяин шагнул за прилавок и протянул руку к верхней полке. Носки эти «художник» присмотрел в свой прошлый визит неделю назад.

— Эти?

— Ага, эти. Из плотной ткани.

«Художник» замахнулся молотком. Орудие убийства имело широкую ударную поверхность, оно с шумом рассекло воздух и врезалось в череп торговца. Силы убийце было не занимать. Раздался звук, похожий на тот, с которым раскалывают кусок льда. Несчастный застонал и начал падать. «Художник» нанес еще один удар по голове оседающей на пол жертвы, и на этот раз молоток влажно чмокнул.

Убийца достал из саквояжа рабочий халат и надел поверх одежды. Шагнув за прилавок, он вытащил бритву, открыл ее и, откинув назад изуродованную жестокими ударами голову хозяина магазина, перерезал ему горло. Превосходно заточенное лезвие вошло в плоть, словно в масло. Хлынувшая из раны кровь забрызгала разложенный на полках товар.

Висящая под потолком лампа, казалось, засияла ярче.

Изящное искусство.

За дверью снова заплакал ребенок.

Убийца отпустил обмякшее тело, и оно почти беззвучно легло на пол. Он закрыл бритву, положил обратно в карман, потом поднял валяющийся рядом с саквояжем молоток и направился к внутренней двери, из-за которой раздался женский голос;

— Джонатан, ужин готов.

«Художник» толкнул дверь и наткнулся на невысокую худощавую женщину, как раз собиравшуюся выйти в помещение магазина. У нее был такой же унылый вид, как у хозяина. Глаза ее широко раскрылись, и женщина с удивлением уставилась на незнакомца в рабочем халате.

— Вы кто такой, черт возьми?

Коридорчик был узкий, с низким потолком. Убийца успел его мельком заметить неделю назад, когда изображал интересующегося покупателя. В этом тесном пространстве, чтобы нанести сокрушающий удар, ему пришлось бить от бедра и вверх, прямо в подбородок несчастной. От удара голова женщины запрокинулась, она

застонала, и убийца швырнул ее на пол. Потом опустился на одно колено и, имея теперь пространство для размаха, ударил второй раз. И третий, и четвертый...

Справа находилась дверь в кухню, откуда доносились ароматы вареной баранины. Убийца услышал звук разбившейся тарелки, вскочил, бросился в кухню и увидел девушку-служанку. Он также обратил на нее внимание неделю назад — тогда ее отправили из магазина с поручением. Девушка открыла рот и собралась закричать, но «художник» уже широко размахнулся и нанес удар сбоку, обрывая крик и сокрушая челюсть.

— Мама! — захныкал ребенок.

Убийца развернулся на месте и увидел в коридоре девочку лет семи с волосами, заплетенными в косички. Она сжимала в руках тряпичную куклу и с ужасом смотрела на распростертое на полу тело матери.

— Ты, наверное, Лора, — произнес «художник».

И с силой опустил молоток ей на голову.

На кухне застонала служанка. Он вернулся и перерезал девушке горло.

Потом перерезал горло матери.

И девочке.

«Художник» стоял и, вдыхая аромат баранины, смешивающийся с запахом свежей крови, созерцал созданную им картину. Сердце с такой силой колотилось в груди, что он едва мог дышать.

Он закрыл глаза.

И вынужден был открыть их, когда снова услышал детский плач.

Доносился он откуда-то из глубины дома. Убийца подошел к двери и обнаружил, что та ведет в загроможденную мебелью и пахнущую плесенью спальню. При свете свечи он увидел колыбельку с поднятой плетеной крышкой. Оттуда и доносились крики.

Убийца вернулся на кухню, взял молоток, прошел в спальню и разбил на куски колыбельку, не пропустив и ее содержимого. Потом он, по обыкновению, перерезал жертве горло.

Бездыханное тельце он снова завернул в сверток и положил под сорванную крышку.

Свеча как будто засияла ярче, и «художник» внимательно рассмотрел свои руки, блестящие от только что пролитой крови. Халат,

так же как и ботинки, окрасился в алый цвет. Глянув в обшарпанное зеркало, стоящее на блеклом коричневом бюро в спальне, он убедился, что борода, парик и шапка тем не менее остались чистыми.

Он зашел на кухню, налил в тазик воды из кувшина и тщательно вымыл руки. Потом разулся и отмыл от крови ботинки. Халат он снял, свернул и положил на стул.

Оставив окровавленный молоток на столе, «художник» вышел в коридор и оттуда полюбовался зрелищем тела служанки, лежащей на полу в кухне. Он закрыл дверь, потом прикрыл и дверь в спальню. Затем направился в магазин и по дороге остановился, чтобы оценить, насколько красиво смотрятся на залитом кровью полу коридорчика трупы матери и ее семилетней дочери.

Он прикрыл дверь, ведущую в жилую часть дома, и осмотрелся. Тело хозяина можно было увидеть, только если заглянуть за прилавок. Да, первый утренний покупатель столкнется здесь с массой сюрпризов.

Ужас и жалость.

Изящное искусство.

Вдруг кто-то постучал с улицы, заставив убийцу подскочить на месте.

Стук повторился. Кто-то настойчиво пытался проникнуть внутрь, но «художник» с облегчением убедился, что дверь надежно заперта на засов.

На входной двери не было окошка. Кто бы там ни стучался, при опущенных жалюзи он не мог увидеть, что происходит в доме, хотя, очевидно, свет от лампы проникал на улицу сквозь щели.

— Джонатан, это Ричард! — громко позвал мужской голос. — Я принес одеяло для Лоры. — Он снова застучал. — Джонатан!

— Эй, что здесь такое происходит? — раздался властный голос.

— Констебль, рад вас видеть.

— И что вы тут делаете?

— Это магазин моего брата. Он просил принести еще одно одеяло для дочки. Она простудилась.

— И почему вы ломитесь в дверь?

— Он не открывает. Он ждет меня, но почему-то не открывает.

— Постучите громче.

Дверь задрожала от ударов.

— Сколько здесь проживает человек? — поинтересовался полицейский.

— Мой брат, его жена, девушка-служанка и две их дочери.

— Кто-то должен был слышать ваш стук. Здесь есть еще один вход?

— Да, в том переулке. За стеной.

— Стойте здесь, а я погляжу.

Убийца подхватил с пола саквояж и выбежал в коридорчик, не забыв при этом затворить дверь. Сердце его от волнения громко стучало. Он промчался мимо тел матери и ребенка, едва не потерял равновесие на скользком от крови полу и отпер дверь черного хода. Выскочив в маленький внутренний дворик, он снова не пожалел несколько драгоценных секунд, чтобы закрыть за собой дверь.

Густой туман пах дымом из печных труб. В темноте убийца разглядел какое-то небольшое сооружение — туалет, решил он, — и спрятался позади него в ту самую секунду, когда пыхтящий от напряжения констебль перевалился через стену и осветил дворик фонарем.

— Эй, — позвал он хриплым голосом. Приблизился к двери черного хода и постучал. — Я полицейский! Констебль Беккер! У вас все в порядке?

Он открыл дверь и вошел в дом. Услышав, как полицейский охнул от ужаса, убийца повернулся к возвышающейся за туалетом мрачной стене.

— Боже милостивый, — растерянно пробормотал констебль.

Очевидно, он обнаружил в коридоре трупы женщины и девочки. Деревянные планки пола отчетливо скрипели под его ногами, когда полицейский подходил к убитым.

«Художник» не преминул воспользоваться тем, что констебль в эту минуту был озабочен только кошмарным зрелищем. Он поставил саквояж на стену, подтянулся на руках, схватил саквояж и спрыгнул с другой стороны. Там он приземлился на грязный склон, прокатился по нему до самого низа, где едва не свалился в глубокую лужу и насквозь промочил нижнюю часть брюк. При этом убийца, как ему показалось, произвел столько шума, что он испугался, как бы не услышал констебль. Повернув направо, он побежал вдоль стены и быстро скрылся в тумане. Крысы бросались врассыпную из-под ног.

Он услышал, как позади поднимается тревога. Каждый лондонский патрульный имел при себе деревянную трещотку, представлявшую собой массивную лопасть, насаженную на рукоятку. Крутясь, лопасть издавала громкие щелкающие звуки. Сейчас констебль пустил в ход свою трещотку, и поднявшийся шум не могли не услышать другие полицейские, патрулировавшие ближайшие окрестности.

Убийца добрался до почти целиком скрытого в тумане переулка. Единственным источником света здесь служил фонарь, находившийся в дальнем его конце.

— Помогите! Убийство! — громко крикнул полицейский.

— Убийство? Где? — заорали в ответ.

— В магазине моего брата! — ответил третий голос. — Сюда! Ради всего святого, помогите!

Повсюду открывались окна, распахивались двери. Вечернюю тишину нарушил топот множества ног.

«Художник» дошел до конца переулка. Фонарь давал достаточно света, и он быстро спрятал окровавленную бритву за кучей мусора. Совсем рядом, скрытые туманом, на крики и шум, производимый трещоткой констебля, промчались несколько человек.

Когда топот стих, убийца выбрался из переулка и зашагал по улице в противоположном направлении, держась ближе к темным домам, готовый в любой момент нырнуть в переулок или укрыться в нише, если услышит за спиной шаги преследователей. Гомон растущей возле магазина толпы постепенно превратился в отдаленное эхо.

Он нашел общественный туалет, снял там желтоволосый парик и бросил его в дырку в полу. За ним последовала борода. Через пять минут, добравшись до границы более приличного квартала, «художник» скинул матросский костюм и снова переоделся в аккуратное вечернее платье. Ненужную больше одежду вместе с кепкой он свернул в узел и оставил на углу — утром какой-нибудь бедняк с радостью ее подберет. Чуть подальше он швырнул в кучу мусора заляпанный грязью саквояж. Он тоже легко найдет себе нового хозяина.

Ориентируясь в густом тумане на топот конских копыт, убийца вскорости вышел на довольно оживленную улицу. На стоянке возле ресторана дожидался пустой кеб. Возница со своей верхотуры окинул

взглядом потенциального клиента, заметил вечерний костюм и решил, что этот пассажир, пожалуй, вызывает у него доверие в столь поздний час.

Пока экипаж вез его в мюзик-холл в Вест-Энде, «художник» протер носовым платком ботинки, очищая их от грязи. Оказавшись в мюзик-холле, он прикинулся заядлым театралом, который захотел посмотреть что-нибудь повеселее после кровавой развязки в финале «Корсиканских братьев». По окончании представления он снова поймал кеб (последний на сегодня) и отправился домой. По дороге он размышлял, испытывали ли когда-нибудь Тициан, Рубенс и ван Дейк такое же удовлетворение от своих творений, какое испытал сегодня он.

Глава 2

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СКРЫВАЛ СВОИ РЫЖИЕ ВОЛОСЫ

Управление полиции Лондона было создано в 1829 году и стало первым официальным органом охраны правопорядка в Англии. Прежде обязанность обеспечивать безопасность горожан возлагалась на престарелых ночных сторожей; им выдавали трещотку и тусклый фонарь, и каждые полчаса, совершая обход по своему району, они должны были перекликаться с товарищами. Частенько, однако, пожилые сторожа преспокойно спали всю ночь в крохотных караульных будках. Когда население Лондона выросло до полутора миллионов, сэру Роберту Пилу было поручено создать городскую полицию. Первые лондонские полицейские (числом три с половиной тысячи) быстро стали известны как «бобби» или «пилеры», по имени сэра Роберта. ^[1]

К 1854 году население английской столицы достигло почти четырех миллионов — это был крупнейший город во всем мире. В то же время численность стражей правопорядка составляла около семи тысяч, то есть выросла только вдвое. Полицейских едва ли было достаточно, чтобы контролировать семьсот квадратных миль, на которых раскинулся город. В дополнение к регулярным силам было создано детективное бюро из восьми агентов, которые проводили расследования в штатском, оставаясь незнанными. Это обстоятельство беспокоило многих лондонцев, которые были буквально помешаны на том, чтобы сохранить личную жизнь в тайне, и опасались, что за ними установлена негласная слежка.

Детективов выбирали из числа сотрудников регулярной полиции. Они по долгу службы хорошо знали город, но выделяло их из общей массы полицейских необычайное внимание ко всякого рода мелочам. Они могли понаблюдать за оживленным гостиничным холлом или запруженной толпами железнодорожной станцией и с легкостью обнаружить людей, выделяющихся среди прочих: вот вероятный сообщник грабителя на шухере — он застыл на месте, в то время как

все вокруг находятся в движении; вот, похоже, карманник, который внимательно изучает прохожих, прежде чем выбрать жертву; а вот сутенер — на его лице напряженное выражение, он подсчитывает доход, когда окружающие веселы и беззаботны.

Управление полиции Лондона, так же как и детективное бюро, было расквартировано в районе Уайтхолла, где находилось множество правительственных учреждений. Поскольку вход в управление осуществлялся с улицы Грейт Скотленд-Ярд, репортеры, упоминая лондонскую полицию, со временем стали использовать сокращенное название — Скотленд-Ярд. Неженатые детективы и констебли, как правило, обитали в расположенном неподалеку общежитии. Проживал там и инспектор Шон Райан, сорока лет от роду, которого субботней декабрьской ночью 1854 года в двадцать пять минут после полуночи поднял с постели патрульный и доложил, что в Ист-Энде, в районе Уоппинг, в одном из домов убито несколько человек. Хотя Ист-Энд и славился разгулом насилия, все же убийства там происходили редко. За прошедший год в Лондоне повесили лишь пятерых убийц, и в каждом случае жертва преступления была всего одна. Даже для крупнейшего города в мире убийство одновременно нескольких человек являлось событием из ряда вон выходящим.

Райан накануне обильно поужинал отварной говядиной и пудингом и потому спал плохо. Ему хватило пяти минут, чтобы одеться и проверить, что перчатки лежат в кармане мешковатого пальто. Он вышел на улицу в сопровождении десяти констеблей, с которыми делил комнату, секунду понаблюдал за вылетающим изо рта паром — ночью подморозило — и забрался в поджидавший их экипаж. Холодные, окутанные туманом лондонские улицы были практически пустынные в этот поздний час, и полицейские добрались до места преступления за сорок минут.

Там уже собралась большая толпа, словно на публичное повешение, так что кучеру пришлось остановить коляску на некотором расстоянии от нужного дома. Райан и констебли выбрались на грязную бульжную мостовую и пошли в направлении гомонящей публики, пока не уперлись в плотную стену зевак, которые наглухо перекрывали дальнейший путь.

— Это сотворил Джек-попрыгунчик, точно вам говорю! — громогласно заявил один из бездельников.

Джеком-попрыгунчиком прозвали огнедышащего человека с когтями и пружинами на ботинках, который якобы повадился нападать на мирных жителей Лондона семнадцать лет назад и превратился в персонажа городского фольклора.

— Не, это сделал ирландец! Везде, куда ни глянь, торчат эти проклятые ирландцы и выпрашивают деньги! Этот голод — сплошная выдумка! Не было никакого голода! [2]

— Чертовски верно, приятель! Ирландцы все выдумали, чтобы приехать к нам и отобрать у нас работу! Гнать их назад!

— Нет, черт возьми! Они все воры. Повесить их всех!

Райан, чьи родители эмигрировали из Ирландии, когда он был еще ребенком, долго и упорно работал над тем, чтобы избавиться от ирландского акцента и говорить как настоящий лондонец. Одежда также не могла ничего о нем рассказать. Привыкший к ремеслу тайного агента, он обычно носил кепку как у разносчиков газет, низко надвинутую на глаза, чтобы никто не заметил рыжих волос.

— Констебль, — обратился Райан к одному из сопровождающих, — расчистите путь.

— Слушаюсь, инспектор.

У фонарей под названием «бычий глаз», которые носил с собой каждый полицейский, имелись внутренний отражатель и увеличительные линзы над пропускающим свет отверстием. Ослепляющие лучи пронзили толпу зевак, и десять полицейских двинулись вперед с громкими криками:

— Все в сторону! Полиция! Очистить улицу!

Райан пошел за ними. Он надеялся, что в присутствии стольких людей в форме толпа не станет обращать внимание на него самого и ему удастся сохранить инкогнито. Наконец они пробились к одному из многочисленных в этом районе магазинчиков, которые снабжали товарами моряков из расположенных неподалеку лондонских доков. Здесь, рядом с Темзой, стояло невыносимое зловоние. В городе отсутствовала канализация, и все продукты жизнедеятельности человека сливались или сбрасывались в реку.

Вход в лавку охранял констебль. Окна были закрыты жалюзи, не дающими возможности заглянуть внутрь.

Как и все штатные полицейские, этот констебль был высок ростом и широк в плечах. Один внешний вид должен был отбить у всякого

преступника охоту с ним связываться. На каске и широком ремне имелись значки, свидетельствующие о принадлежности к лондонской полиции, и выведенные золотом инициалы VR, то есть «Королева Виктория».

Райан узнал констебля, в основном по шраму на широком подбородке. Месяц назад они вместе ловили грабителей, и полицейский получил ранение во время схватки со стоявшим на шухере преступником.

— Беккер, это вы?

— Да, инспектор. Рад снова вас видеть. Хотя и хотел бы, чтобы это произошло при более благоприятных обстоятельствах.

— Что вы обнаружили?

— Пять тел.

— Пять? Мне доложили, что их четверо.

— Я так и подумал сначала. Трое взрослых и маленькая девочка. По словам соседей, ей было семь лет.

Семь лет? Райану с трудом удалось совладать с эмоциями.

— Но потом я произвел более тщательный осмотр, — продолжил Беккер. — В спальне я обнаружил кучу каких-то обломков. Я не сразу сообразил, но потом догадался, что это была колыбелька. А затем нашел и мертвого младенца.

— Младенца, — с трудом пробормотал Райан. Борясь с нахлынувшими чувствами, инспектор повернулся к прибывшим вместе с ним констеблям. — Расспросите соседей обо всем, что показалось им необычным. Может, видели незнакомых людей. Важна любая мелочь, которая выглядела подозрительной.

Несмотря на то что отданные Райаном распоряжения казались очевидными, сама методика расследования преступлений возникла лишь несколько десятилетий назад. Наука, получившая название криминологии, зародилась во Франции. Бывший профессиональный преступник Эжен Франсуа Видок завязал с прошлым, устроился на работу в парижскую полицию и в 1811 году организовал особую бригаду из полицейских, работавших в штатском. Ее члены, прикидывавшиеся нищими и пьяницами, наводнили злачные места, где любили собираться местные преступники. В конце концов Видок оставил службу в полиции и основал первое в мире частное детективное агентство. В 1843 году, спустя год после того, как в

Лондоне было создано собственное детективное бюро, команда вошедших в него сотрудников — включая и Райана — отправилась в Париж, где сам Видок обучал их своим методам. С тех пор организованное расследование на месте преступления превратилось в стандартную процедуру.

— Заставьте всех соседей понять: важной может оказаться даже самая неприметная деталь, выпадающая из привычной картины. Один из вас останется стеречь вход, пока мы с констеблем Беккером войдем в дом. Никто больше туда заходить не должен. Готовы? — обратился инспектор к Беккеру.

— Это будет нелегко, — открывая дверь, предупредил констебль.

— Не сомневаюсь.

Райан зашел первым.

Из толпы раздался громкий крик:

— Дайте нам войти! Мы тоже хотим поглядеть!

— Точно, — вторил другой зевака. — Здесь холодно!

Райан впустил Беккера и закрыл за ним дверь. В доме отчетливо ощущался запах свежей крови.

Собираясь с мыслями, инспектор осмотрел магазин. Лампа под потолком — колпак покрыт сажей. Грязный прилавок. Полки, на которых лежат одежда и носки — все грубой работы. Закрытая дверь слева от прилавка.

— Когда вы вошли, эта дверь была закрыта? — спросил он Беккера.

— Я вошел через черный ход, но, да, она была закрыта. Я тут осмотрелся и оставил все на своих местах — как вы и учили меня три месяца назад.

— Хорошо. Значит, вы проникли в дом через черный ход. Дверь была не заперта?

— Я легко ее открыл.

— Тогда убийца сбежал черным ходом, перед тем как вы вошли.

— Я так и подозревал.

Райан не стал высказывать свои мысли: Беккеру, похоже, повезло, что, когда он зашел в дом, преступник уже скрылся, — констебль мог оказаться захваченным врасплох и стать еще одной жертвой.

Заметив большое кровавое пятно, инспектор собрался с силами, заглянул за прилавок и обнаружил первый труп. Горло жертвы было

перерезано, так что казалось, будто у убитого появился второй рот. По голове, очевидно, несколько раз ударили тупым тяжелым предметом. Тело лежало в огромной луже крови, кровью была забрызгана и лежащая на полках одежда.

Райану лишь несколько раз довелось видеть трупы, находившиеся в худшем состоянии. В предыдущих случаях это было следствием многочисленных крысиных укусов или длительного пребывания в реке. Однако выучка и сейчас помогла ему сохранить спокойствие.

В луже крови валялось пять пар носков.

— Похоже, владелец магазина доставал их, когда это произошло. Где он хранил деньги?

— Под прилавком.

Райан вытащил ящик, открыл и принялся изучать содержимое, состоявшее из золотых, серебряных и медных монет.

— Один фунт восемь шиллингов и два пенса.

— Дела у него, верно, шли неважно. — В голосе Беккера прозвучало сожаление.

— Но для некоторых людей это целое состояние. Почему же убийца не забрал деньги?

Райан прошел к двери слева от прилавка, открыл ее и замер при виде распростертых на полу тел женщины и маленькой девочки. Лица их были ужасно изуродованы, а горло также перерезано.

На несколько мгновений инспектор потерял дар речи.

Однако ему снова удалось быстро совладать с собой.

— Кто-то направлялся к двери черного хода. При этом он наступил в кровь и поскользнулся. Это были вы, Беккер?

— Никак нет, инспектор.

— Отпечаток ноги размазанный, но, пожалуй, можно утверждать, что обувь не подбита гвоздями.

— Вы хотите сказать, что убийца был не из работяг?

— Очень верное замечание, Беккер.

Райан открыл дверь по правую руку, откуда пахло вареной бараниной и кровью. Часто дыша, он осмотрел лежащий на полу кухни труп девушки-служанки. Изуродованное лицо несчастной было искажено болью, но инспектор разглядел на нем веснушки и подумал, что она, возможно, ирландка, как и он сам.

Ему стало не по себе от ужасного зрелища, да и дышать здесь было тяжело, и он отвел взгляд. На кухонном столе рядом с тарелкой он заметил большой молоток. Сердце инспектора забилося с удвоенной скоростью, когда он увидел, что молоток весь покрыт запекшейся кровью.

Никогда еще Райану не приходилось сталкиваться со столькими смертями в одном месте. Голос его, когда он заговорил, был хриплым от напряжения.

— Может быть, жена владельца магазина помешала грабителю, и он не успел открыть ящик с деньгами? Поэтому он ворвался сюда и убил всех, кто был в доме? Чтобы не осталось ни одного свидетеля. Потом в дверь с улицы постучали, преступнику пришлось бежать, и он не успел забрать деньги.

Райан поразмыслил несколько секунд и покачал головой:

— Нет, этот вариант не проходит. Если у него не было времени забрать добычу, почему он потратил драгоценные секунды на то, чтобы закрыть за собой дверь, прежде чем выбежать в коридор?

— Возможно, он не знал о ящичке с наличными? — предположил Беккер.

— Тогда зачем он убил хозяина?

Райан вернулся в коридор и обнаружил, что дверь в дальнем его конце также закрыта. Он открыл ее и оказался в маленькой спальне — судя по количеству мебели, здесь спало много народу. На полу были разбросаны изуродованные остатки колыбельки. Хотя Беккер и предупредил его, что обнаружил труп младенца, все же инспектор оказался не готов к предстоящему зрелищу. Он едва не лишился чувств, когда увидел крошечное тельце, завернутое в одеяло и небрежно засунутое под изуродованную крышку колыбельки.

— Господи! — вымолвил он.

Двенадцать лет Райан служил инспектором в бюро. Перед этим восемь лет был патрульным. Исходив за эти годы вдоль и поперек крупнейший в мире город, он повидал многое, своими глазами видел, что одно человеческое существо может сотворить с другим, и полагал, что ничего более чудовищного уже не встретит. До сегодняшней ночи. Теперь он осознал, каким же невинным был на самом деле, — никогда он не думал, что это слово применимо к нему самому.

— Младенец. Удар молотком должен был... — Райан замолчал, чтобы справиться с чувствами. — Вы говорите, это была девочка?

— Да, — тихо подтвердил констебль.

— Она умерла бы от одного удара, но он все равно перерезал ей горло. — Инспектор с трудом сдерживал рвущийся наружу гнев. — Зачем, черт побери? Она бы не смогла его опознать. Не было никакой причины убивать ребенка. Он не забрал деньги. Он аккуратно закрыл за собой все двери. Оставил орудие убийства. Почему?! Я не понимаю.

Райан в ярости покинул спальню, прошел по коридору и открыл дверь черного хода.

Перед ним вырос констебль.

— Вам сюда нельзя.

— Все в порядке, Гарри, — заверил коллегу подоспевший Беккер. — Это инспектор Райан.

— Извините, инспектор. Я просто исполняю свои обязанности.

— Вы все сделали как надо, констебль.

Райан шагнул во двор. Он надеялся, что холодный ночной воздух успокоит его, но вместо этого к невыветривающемуся из носа смраду добавился еще и специфический запах сырости и тумана.

— Что здесь обнаружили?

Констебль указал фонарем на туалет, потом осветил плотно утрамбованную землю:

— Я поискал, но земля больно твердая, никаких следов не осталось.

— Вы попали сюда через дом?

— Нет. Констебль Беккер сказал, что чем меньше людей будет в доме, тем лучше. Он попросил меня перелезть через стену, как сделал он сам. Вон там, справа отсюда.

— Возьмите фонарь и посветите мне.

Знаменитые густые лондонские туманы — явление уникальное, характерное лишь для этого города, — появлялись, когда дым полумиллиона печных труб смешивался с речным туманом, поднимающимся от Темзы. На городских стенах постоянно лежал слой копоти. Сейчас в свете фонаря хорошо были видны те места, где проникли во двор Беккер и второй констебль.

— Давайте осмотрим всю стену.

Позади туалета в дальнем конце маленького внутреннего дворика также оказались следы, свидетельствующие о том, что кто-то здесь перелезал.

— Вот здесь убийца и перебрался через стену, — заключил Райан. Тем временем толпа у входа шумела все громче.

— Дайте нам войти и посмотреть, что сделал этот мерзавец! Это дело рук чужаков! Никто из тех, кто знал Джонатана, никогда бы его не тронул!

Райан сказал полицейскому, дежурившему у двери черного хода:

— Похоже, скоро здесь станет жарко. Встаньте в переулке. Не позволяйте никому проникнуть в магазин через внутренний двор. Если понадобится, будьте готовы действовать предельно жестко.

— Будет сделано, инспектор. Тот, кто попытается проскочить мимо меня, быстро об этом пожалеет.

Констебль направился к стене и через несколько секунд скрылся в тумане. Свет фонаря сперва потускнел, а затем и вовсе исчез.

Райан послушал, как полицейский, кряхтя, перелезает через стену, а потом обратился к Беккеру:

— Я хочу, чтобы вы составили мне компанию.

— Конечно, инспектор.

Райан подтянулся на руках и, вскарабкавшись на стену, всмотрелся в клубящуюся туманом темноту по ту сторону.

— Дайте мне свой фонарь, пока будете забираться сюда. И постарайтесь не смазать следы убийцы. Нам нужно спуститься чуть дальше.

Когда Райан прыгнул с противоположной стороны стены, нога его неожиданно попала в грязь, он охнул и едва не заскользил вниз по склону, но успел в последний момент ухватиться за констебля.

— Дождя не было, — недоуменно заметил инспектор. — Откуда здесь появилась грязь?

— Верно. Земля во дворе лавки сухая, как камень, — кивнул озадаченный Беккер. Светя под ноги фонарем, он осторожно прошел несколько шагов по склону. Луч света выхватил из темноты источник смрада более сильного, чем стоял вокруг: вдоль стены пролежала канава, переполненная мутной маслянистой жидкостью. — О господи! Сюда стекают нечистоты из всех соседских сортиров.

В зловонной жидкости плавал труп — похоже, собаки.

Райана от отвращения едва не стошнило.

— Как вы думаете, можно подцепить холеру, вдыхая эту вонь?

— Моя мать постоянно предостерегала меня от этого, — стараясь сдерживать дыхание, проговорил Беккер.

— Вы слышали о докторе Джоне Сноу?

— Нет, — промычал констебль, почти не разлепляя губ.

— Мы работали вместе во время эпидемии холеры три месяца назад. Так вот, Сноу полагает, что холерой заболевают оттого, что пьют грязную воду, а вовсе не потому, что дышат отравленным воздухом.

— Надеюсь, он прав.

— Я тоже очень на это надеюсь, — сказал Райан. — Но давайте поторопимся. Опустите фонарь пониже — в грязи должны были остаться следы.

— Вот они, — кивнул Беккер. — Глубокие.

— Прекрасно. Посветите еще немного ниже. Смотрите: здесь в подошвах тоже не видно гвоздей. Отпечатки довольно свежие. Я смогу снять с них гипсовые слепки.

— Я слышал об этом. Но сам никогда не видел.

— Смешивайте воду со строительным гипсом, пока...

Райан замолк, услышав рядом хрюканье.

Инспектор напрягся.

Снова раздалось хрюканье — теперь громче и ближе.

Где-то слева.

— Свинья, — промолвил Беккер.

— Да, — кивнул обеспокоенный Райан.

— Судя по звукам, крупная хрюшка.

Надо сказать, что во всех районах Лондона можно было встретить разнообразную домашнюю живность. Перебравшиеся в город фермеры, да и обычные рабочие, отчаянно сражающиеся за существование, частенько изыскивали возможность держать во дворе скотину себе на пропитание. Коровы, свиньи, козы, овечки, цыплята — издаваемые ими звуки стали столь же обыденными для Лондона, как грохот экипажей или топот лошадиных копыт.

Ну а свиньи не только обеспечивали хозяев мясом, но также пожирали отбросы. Если бы не свиньи да вездесущие вороны, Лондон давно бы уже оказался под угрозой превращения в одну огромную помойку.

Свинья снова хрюкнула, и на этот раз звук раздался совсем рядом с Райаном, на уровне его мошонки.

— Когда они очень голодны, они нападают и на людей, — заметил Беккер и, держа фонарь в одной руке, другой вытащил дубинку. — Как-то мне довелось такое наблюдать.

В свете фонаря они увидели торчащую из стены металлическую скобу. Беккер ударил по ней металлическим наконечником дубинки — раздался громкий звон.

— Если эта свинья подойдет ближе, она затопчет все следы и вы не сможете сделать свои слепки. Но пока мы с вами здесь стоим, убийца уходит все дальше.

— И что вы предлагаете? — спросил Райан.

— Кто-то должен отправиться по его следам. А другой должен остаться и охранять эти отпечатки. Идите, инспектор. Вы знаете, что искать. Я останусь здесь и не подпущу свинью.

— Вы уверены, что хотите остаться? — засомневался Райан, глядя в скрывающий все на расстоянии нескольких шагов туман.

— Инспектор, я готов сделать что угодно, лишь бы схватили подонка, сотворившего такое. Идите. И возьмите фонарь.

— И оставить вас в темноте?

— Но в противном случае вы сами останетесь без света и как тогда будете различать следы? Схватите его.

— А если мне не удастся его настигнуть, тогда, возможно, эти отпечатки помогут опознать убийцу. Ну хорошо. — Райан скрепя сердце взял у констебля фонарь. — Спасибо.

— Могу я задать вам вопрос, инспектор?

— Конечно.

— Что мне нужно, чтобы стать детективом? — робко поинтересовался Беккер.

— У вас к тому есть все задатки. — Райан определил, что следы ведут в сторону противоположную той, где скрывалась свинья. — Я верну вам фонарь как можно быстрее.

Он открутил металлическую крышку, чтобы к горящему фитилю попадало больше воздуха. Фонарь сразу засиял ярче. Освещая перед собой дорогу, инспектор направился по скользкому грязному склону. Он услышал, как за спиной снова хрюкнула свинья, а следом в ночи раздался звон от удара полицейской дубинкой по металлической скобе.

Райан шел по следам, держась возле стены. Двигался он, соблюдая максимум осторожности, понимая, что преступник может бродить где-то поблизости. Из темноты к нему протягивал призрачные щупальца туман, под ногами, царапая когтями камни, шныряли крысы. Спустя пять минут инспектор добрался до уходящего вправо переулка, неровная мостовая которого была завалена грудями мусора, и заметил знакомые грязные отпечатки. Дорогу впереди с истошным воплем перебежал кот.

Грязь на обуви убийцы стремительно высыхала, но следы еще были заметны, и Райан дошел по ним до конца переулка, где горел тусклый газовый фонарь. Озадаченный инспектор увидел, что последние читаемые следы ведут к стене по левую руку, а потом возвращаются на мостовую. С правой стороны, где остался магазин Джонатана, доносился шум взволнованной толпы.

«Да, в этой всеобщей суматохе никто, конечно, и не заметил выходящего из переулка убийцу», — с горечью подумал Райан.

Но зачем он здесь подходил к стене?

Подсвечивая себе фонарем, инспектор стал ковыряться ногой в мусоре. Он отшвырнул несколько старых рваных тряпок, куски битого стекла и воняющие мочой обломки деревянного ящика.

Тут его внимание привлек некий светлый предмет. Райан разгреб кучу мусора и наклонился, чтобы изучить находку. В груди у него все сжалось, когда инспектор понял, что рассматривает бритву с рукояткой из слоновой кости.

В то время как инспектор Райан рассматривал бритву, констебль Беккер стоял в крошечной тьме возле стены и чувствовал, как капельки тумана оседают на лице. Из-за стены практически не было слышно шума зевак, которые так и продолжали толпиться возле магазинчика Джонатана. Единственными громкими звуками были стук дубинки констебля и хрюканье проклятой свиньи. Хрюканье это, низкое и хриплое, напоминало Беккеру кашель чахоточного больного, пытающегося отхаркнуть кровь.

— Убирайся от меня к чертовой матери! — громко крикнул Беккер, надеясь испугать животное и заставить его убежать.

Однако свинья отступить не собиралась.

А хрюканье между тем приближалось. Беккеру показалось, что он разглядел неясные очертания в тумане. Полицейский рос на ферме и знал, что свиньи могут достигать веса в два центнера ^[3]— но только в том случае, если у них достаточно пищи. Эта тварь отыскивает себе пропитание, роясь в отбросах да пожирая найденные трупы других животных. Достаточно ли этого, чтобы набрать такую массу? Но даже если на самом деле она весит на треть меньше, чем с опаской предполагал Беккер, и этого вполне хватит, чтобы свалить его на землю, вздумай животное наброситься из темноты. Особенно с учетом того, что констебль стоял на скользком склоне и легко мог потерять равновесие от любого толчка. Его отец однажды, когда кормил свиней, оступился и упал. Огромные мерзкие зверюги немедленно на него набросились. Острыми зубами они вырывали куски плоти из ног и рук несчастного. Хорошо, что юный Беккер услышал отчаянные крики отца и, прибежав на помощь, принялся швырять в свиней камнями, чтобы отвлечь их внимание от жертвы, а отец, воспользовавшись замешательством, сумел перелезть через забор, оставляя за собой кровавый след, и оказался в безопасности.

Беккер помотал головой, чтобы прогнать ужасные воспоминания, и постарался убедить себя, что все это ему только показалось, что на деле он не видел в тумане огромной тени животного. Констебль дышал через раз, чтобы в нос попадало как можно меньше зловония разлагающихся в канаве экскрементов, и от нехватки воздуха немного кружилась голова. Правду ли сказал инспектор, что заболеть холерой скорее можно оттого, что пьешь плохую воду, а не потому, что вдыхаешь всякую гадость? Смрад стоял такой, что Беккер с трудом сдерживал рвотные позывы.

Свинья засопела еще ближе.

Беккеру отчаянно хотелось перебраться через стену и оказаться в тихом, безопасном дворике. Но он хорошо помнил об обнаруженных в магазине пяти трупах и своем обещании стеречь оставленные убийцей следы. Он вовсе не собирался всю жизнь служить констеблем. Беккеру было всего двадцать пять лет, но он уже перепробовал много тяжелых и вредных для здоровья профессий, работал по шестьдесят часов в неделю на кирпичном заводе, пока не сообразил, что высокий рост и могучее телосложение помогут ему устроиться в полицию. Вот уже пять лет, как он патрулировал лондонские улицы, в основном в

неблагополучных районах, и при этом проводил на службе больше времени, чем когда пахал на заводе. Каждую ночь он отмахивал по двадцать миль, а выходной имел всего один в две недели.

Тем не менее, хотя Беккер и испытывал отвращение от того, с чем ему приходилось почти ежедневно сталкиваться, он гордился, что может на своей работе применять не только грубую физическую силу, но и интеллект. Он мог вовремя остановить проявления жестокости и насилия. Хотя тот же инспектор Райан, конечно, делал это с гораздо большим успехом. Да и жалованье детектива составляет восемьдесят фунтов в год, а констебль зарабатывает только пятьдесят пять. И если он может рассчитывать на какие-то дивиденды, стоя здесь и охраняя отпечатки от этой чертовой свиньи, тогда ему нужно собраться с духом и терпеливо дожидаться возвращения инспектора.

Решимость Беккера едва не улетучилась, когда он услышал неподалеку в тумане хрюканье еще одной свиньи.

Эта тварь расположилась с другой стороны от констебля. Окруженный животными, он продолжал периодически стучать дубинкой по стене и кричать:

— Убирайтесь отсюда, вы, сучьи дети!

Внезапно Беккер услышал, как первая свинья хрюкнула и зашлепала по грязи. Прикинув расстояние, констебль размахнулся и нанес сильнейший удар дубинкой. Судя по звуку, он не промахнулся. Тут же свинья огласила окрестности яростным визгом — он напомнил Беккеру детство, когда отец перерезал животным глотки, перед тем как везти на ярмарку мясо.

Широко расставив ноги, Беккер встал над следами, которые поклялся охранять, и ударил еще раз и еще, и каждый раз дубинка соприкасалась с плотью. Свинья завизжала и толкнула человека головой в бедро. Силы в ней оказалось столько, что констебль едва не плюхнулся в канаву с нечистотами.

Он должен сохранить следы в целости!

Пригнувшись, чтобы удержать равновесие, Беккер, как только свинья оказалась в зоне досягаемости, ударил снова. Дубинка врезалась в плоть, и свинья огласила окрестности воплем. Беккер быстро отступил и занял прежнюю позицию, стараясь не повредить отпечатки.

Теперь обе зверюги стояли рядом, так что констеблю не приходилось больше расплывать внимание. Но вот если они решат наброситься одновременно, нет никакой надежды остановить тварей. Они собьют его с ног в грязь и станут рвать на куски.

— Хотите побороться? Давайте!

Беккер шагнул вперед — следы теперь находились за его широкой спиной. Он со страшной силой ударил дубинкой наугад и сам был удивлен, когда попал. В раздавшемся громком визге смешались одновременно боль и ярость. При этом ярость перевесила боль. Первая свинья снова бросилась в атаку. Или это была вторая? Беккер не мог утверждать наверняка, да на размышления не было и времени — он замахнулся, ударил, но не попал по мерзкой твари, и тут же в рукав куртки вцепились зубы. Свинья потащила его к себе.

Беккер дернулся в противоположную сторону, рукав оторвался, а сам он рухнул на землю. Следы! Нельзя повредить следы! Ужом он скользнул в сторону, подальше от них, и со стоном привалился спиной к стене, но поскользнулся в грязи и упал на бок. Окаймленная сталью каска слетела и покатилась прочь. Свиньи бросились в атаку. Беккер принялся отбиваться обеими ногами. Он бил по зубам, по тупым рылам. От страха ему почудилось, будто он едет на недавно появившемся хитроумном приспособлении под названием «велосипед» — констеблю довелось его видеть. Он так же яростно молотил ногами, вот только лежал на боку, а толстые подошвы ботинок не нажимали на педали, а чувствовали под собой упругую плоть. Беккер закричал и, корчась, словно червяк, у стены, стал наносить еще более яростные удары.

Нет! Он находится слишком близко от следов убийцы!

Инспектор Райан стоял и исследовал найденную среди мусора складную бритву, когда полицейский фонарь начал гаснуть. Он отвернул крышку, чтобы усилить приток воздуха для лучшего горения, но хитрость не помогла. Фонарь с каждой секундой светил все слабее. Инспектор потряс его, не услышал плеска керосина и понял, что совсем скоро останется в полной темноте.

Впрочем, света еще вполне хватало, когда он открыл бритву и увидел, что лезвие перепачкано в крови. Он закрыл оружие преступления и сунул в карман пальто.

Наконец фонарь погас. Разглядеть хоть что-то можно было только благодаря светившей в конце переулка газовой лампе. Справа раздавался шум толпы, все еще торчавшей перед магазином. Райан вышел из переулка и зашагал, ежесекундно отступаясь на скользких булыжниках, перебираясь от одной тусклой лампы к другой, в ту сторону, откуда доносились голоса. Чем ближе он подходил, тем светлее становилось — к уличным фонарям добавлялись окна. Владельцы соседних лавочек, чьи жилища располагались сразу за магазинами, были разбужены царящей на улице суматохой и теперь спешили зажечь свет, чтобы лучше видеть происходящее.

Райан подошел к сгрудившимся на мостовой зевакам и попытался проскользнуть между ними к месту преступления.

— Эй, смотри, куда прешь! — рявкнули на него из толпы.

— Полиция. Мне необходимо пройти.

— По мне, так ты не похож на легавого.

— Я детектив, работаю в штатском.

— Ну конечно. А я лорд Палмерстон. Правда, Пит? Я хренов лорд Палмерстон. ^[4]

— Да, господин Купидон, именно так.

— А этот парень, видать, считает себя королевой Викторией, раз так прет.

— Мне действительно необходимо пройти. Пожалуйста, подвиньтесь, чтобы я...

— Да пошел ты, приятель.

От «лорда Палмерстона» несло джином, и Райан решил попытать счастья в другом месте. Он поднял над головой фонарь, надеясь, что это придаст его действиям убедительности.

— Уступите дорогу. Мне нужно попасть в магазин.

— Эй, где ты украл полицейский фонарь?

— Я и есть полиция. Мне нужно пройти.

— Да, конечно. Где твой значок? Вали лучше отсюда.

Внезапно Райан почувствовал, как чья-то рука залезла в карман пальто. Случившийся поблизости карманник пытался его ограбить. Детектив ударил воришку фонарем по руке.

Несостоявшийся вор закричал:

— У него в кармане бритва!

— У кого? Где?

— Вот у него! У него бритва!

Райан попытался ускользнуть, но его уже схватили несколько пар рук, придавили к фонарному столбу и сильно встряхнули.

Кепка слетела с головы.

— Ба! Рыжий!

— Он ирландец! Мы нашли убийцу!

— Да послушайте меня! Я работаю вместе с полицейскими!

— Тогда что делает бритва у тебя в кармане? Кто-нибудь прежде видел его здесь?

— Никогда! Я бы запомнил эти рыжие волосы!

Ощущая себя будто голым, Райан попытался вырваться.

— Не, никуда ты не денешься!

Здоровенный кулак врезался в живот.

Райан согнулся пополам и, хватая ртом воздух, неожиданно нанес наудачу удар фонарем. Один из державших его мужчин заревел от боли, Райан толкнул его на других, кто-то закричал и упал. Райан мгновенно ринулся в образовавшуюся щель, продолжая размахивать фонарем.

— Не дайте убийце сбежать! — заорали ему вслед.

Преследуемый по пятам разъяренной толпой, Райан увидел переулок, из которого вышел несколько минут назад, и метнулся туда. Но вдали от единственного фонаря стояла такая густая тьма, что он не рискнул в нее соваться — там легко можно было на что-нибудь наткнуться, пораниться и лишиться надежды скрыться от преследователей. В тусклом свете фонаря Райан заметил рядом с местом, где обнаружил бритву, доску от ящика. Он быстро схватил ее и отступил в темноту. Толпа наконец достигла переулка, самый смелый сунулся в него и немедленно получил сильный удар доской по уху.

С воплем мужчина выскочил обратно на улицу.

— Что вы там застряли? — заорали из толпы. — Давайте за ним!

— Вот сам туда и иди! — крикнул в ответ ушибленный, потирая окровавленную голову.

— Что тут происходит? — раздался спокойный, уверенный голос.

— Констебль, мы обнаружили убийцу! Он в этом переулке! У него бритва!

— Отойдите назад!

Туман прорезал яркий луч света.

Через секунду его источник приблизился.

— Это полиция! Назовите себя!

Райан узнал голос. Констебль оказался одним из его соседей по общежитию.

— Привет, констебль Рейли.

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Как нарыв на левой ноге? Уже лучше?

— Нарыв на... Господи всемогущий, эти рыжие волосы. Да это же инспектор Райан!

— Врежьте ему! — заорали из толпы.

— Дайте мне дубинку! — попросил Райан.

Констебль молча повиновался.

— И достаньте трещотку.

Полицейский снял с ремня трещотку и откинул рукоятку. В свете фонаря металлическая лопасть выглядела весьма устрашающе.

В карманах мешковатого пальто Райана хранилась масса всяких полезных вещей. Сейчас он извлек из них четыре шерстяные ленточки.

— Это еще для чего? — удивился констебль.

— Чтобы мы не оглохли.

Райан скатал две ленты в рулончик и засунул в уши констеблю. Потом повторил ту же операцию с собственными ушами. Окружающие звуки сразу же стали намного тише.

— Интересное изобретение, — сообщил полицейский.

— Направьте луч фонаря вперед и как можно громче гремите трещоткой. Будем пробиваться назад к магазинчику. Готовы?

— С радостью.

— Ну, тогда давайте наведем порядок.

— Эй, вытащите оттуда этого ирландца! — проревел голос с улицы.

Констебль направил фонарь на толпу и крикнул:

— Дорогу!

Другой рукой он яростно раскручивал трещотку.

— Шевелитесь! — рявкнул Райан, выходя из переулка. В одной руке он держал дубинку, в другой — доску. — Очистите улицу!

Толпа отшатнулась.

— Расходись! — зычно крикнул констебль, изо всех сил крутя трещотку.

Стоявший у них на пути высоченный парень замешкался, получил удар дубинкой по руке, взвыл и ретировался в темноту.

Какой-то смельчак бросился на инспектора, но Райан врезал нападавшему под колено, и тот упал на землю.

Вдруг к одной трещотке присоединились еще несколько, и на улице воцарился настоящий пандемониум. На выручку товарищам мчались другие констебли. Они с ходу врезались в толпу, ослепляя бунтующих светом фонарей, а особо ретивых угощали ударами тяжелых трещоток.

Люди наконец бросились врассыпную.

— Продолжайте поиски! Продолжайте расспросы! — наставлял констеблей Райан. — Кто-нибудь! Одолжите мне фонарь!

Он вспомнил про Беккера, кинулся в магазин и через коридор выскочил на задний двор.

— Беккер!

Райан пробежал мимо туалета и подтянулся на руках на стену.

— Беккер, вы слышите меня?

Он посветил фонарем, пригляделся внимательнее и охнул.

Констебль лежал возле заполненной экскрементами канавы. Его форменная одежда была вся перепачкана кровью и грязью. Рядом валялись две огромные свиньи, также покрытые кровью, — похоже, дохлые.

— Беккер! — взмолился инспектор. — Скажите что-нибудь! Вы в порядке?

Констебль зажмурился от яркого света.

— Свиньям не удалось затоптать следы. Я сохранил их, как и обещал. Теперь вы можете сделать с них лепки.

Глава 3

АНГЛИЧАНИН, УПОТРЕБЛЯВШИЙ ОПИУМ

Лауданум имеет рубиновый цвет. Это настойка, состоящая на 90 процентов из спирта и на 10 — из опиума. На вкус она горькая. Честь изобретения лауданума принадлежит одному швейцарскому алхимику — в самом начале шестнадцатого века он обнаружил, что опиум гораздо лучше растворяется в спирте, чем в воде. Он также добавлял в настойку толченый жемчуг. В шестидесятые годы семнадцатого века английский врач доработал формулу, исключил из нее посторонние примеси вроде толченого жемчуга и выписывал лауданум в качестве лекарства против головных болей, болей в животе и других внутренних органах, а также как средство при нервных расстройствах. К описываемому периоду лауданум был настолько широко распространен как обезболивающее, что хотя бы одну бутылочку можно было обнаружить практически в каждом доме. Учитывая тот факт, что производными опиума являются морфин и героин, репутация лауданума как сильного болеутоляющего была вполне обоснованна. Производители лауданума, такие как «Бэрлиз седэтив солюшн», «Макманнз эликсир» и «Мазерс Бэйлис куитинг сирэп», рекламировали его как отличное средство при зубной боли, подагре, диарее, туберкулезе и раке — и это далеко не полный список. Женщины применяли лауданум, чтобы облегчить болезненные спазмы при менструации. Его давали детям, страдающим коликами.

В пятидесятые годы девятнадцатого века еще не существовало четкого определения наркотической зависимости. Хотя некоторые врачи обращали внимание, что длительный прием лауданума может вызвать зависимость от препарата, большинство простых людей рассматривали пристрастие к лаудануму как одну из привычек, порождаемых слабоволием, которую легко можно побороть с помощью характерных для Викторианской эпохи добродетелей — дисциплины и характера. Соответственно, распространение лауданума не регламентировалось никакими законами. Его без проблем и дешево

можно было купить у любого ближайшего аптекаря. Но поскольку рецепта на нее не требовалось, настойку также легко было приобрести в бакалейной или мясной лавке, портновской мастерской, у уличных торговцев, владельцев таверн и даже сборщиков арендной платы. Рекомендуемая доза — и то только при определенных симптомах — составляла двадцать пять капель, или треть чайной ложки, с наставлением не применять лекарство в течение длительного времени. Однако многие люди эпохи королевы Виктории не обращали внимания на эти ограничения и становились полностью зависимыми от лауданума, хотя негласные законы викторианского общества не поощряли граждан признаваться в том, что они оказались слабы духом.

Невозможно точно сказать, сколько англичан того времени испытывали наркотическую зависимость. Но число их должно было быть значительным, если учесть, что миллионы употребляли лауданум ежедневно. Бледность многих дам из средних и высших слоев общества, частое отсутствие у них аппетита, периодические обмороки, склонность проводить много времени в одиночестве в темных покоех, бросающаяся в глаза вычурность забитых мебелью и увешанных от пола до потолка коврами гостиных, вечно закрытые тяжелые шторы на окнах — все это свидетельствовало об охватившей страну зависимости, хотя, согласно тем же неписаным законам викторианского общества, его члены не могли обсуждать эту тему.

Однако Томас Де Квинси не делал тайны из своей зависимости. В 20-е годы XIX века он стал самым знаменитым писателем в Англии благодаря тому, что имел смелость подробно описать пагубную привычку в приобретенном скандальную славу национальном бестселлере «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум». В этой книге Де Квинси описывает, как впервые попробовал наркотик. Это случилось в 1804 году, когда он купил в аптеке немного лауданума, чтобы облегчить постоянные «боли в голове и лице». В то время он был девятнадцатилетним студентом Оксфорда, и преследовавшие его боли, очевидно, являлись следствием нервного напряжения — он, молодой человек, едва сводивший концы с концами, вынужден был днем и ночью находиться рядом со смотревшими на него свысока обеспеченными студентами. На протяжении девяти лет он непрерывно увеличивал частоту приема и дозы и к 1813 году мог сдерживать

непреодолимое влечение к лаудануму лишь на краткие промежутки времени и ценой огромных усилий. В итоге его дневная норма выросла с трети чайной ложки до невероятного количества — шестнадцать унций. Для человека, непривычного к настойке опия, и одной унции было бы достаточно, чтобы вызвать смерть.

Несмотря на злоупотребление лауданумом (а может, наоборот, благодаря ему), Де Квинси написал ряд выдающихся эссе, которые по праву считаются одними из лучших в девятнадцатом столетии. Среди них такие, как «Английская почтовая карета» и «О стуке в ворота у Шекспира („Макбет“»)». Последнее считается классикой среди критиков Шекспира. Его воспоминания о Вордсворте, Кольридже и других литературных деятелях бесценны. Однако Де Квинси не в силах был писать достаточно быстро, чтобы обеспечивать жену и восьмерых детей. Испытывая постоянную нужду в деньгах, он часто менял места жительства, преследуемый взыскателями долгов.

Однажды разгневанный домовладелец год удерживал Де Квинси фактически в плену в меблированных комнатах и заставлял его писать и писать, чтобы погасить огромную задолженность. Комната, в которой он обитал, была, по выражению Де Квинси, «занесена» листами бумаги. «На столе не было свободного места даже для того, чтобы поставить чашку чая, ни единая половица не просматривалась между дверью и камином». Спасти из плена ему удалось хитростью: он попросил своего издателя прислать вместе с бумагой и письменными принадлежностями слабительные соли. Опиум оказывает такое закрепляющее воздействие, что Де Квинси, бывало, в течение пяти дней не мог опорожнить кишечник. Но в этот раз все было по-иному. Приняв огромную дозу слабительного, он несколько дней провел, практически безвылазно, в единственном на весь дом туалете. Остальные обитатели меблированных комнат настолько осточертели хозяину жалобами, что он неохотно, но отпустил Де Квинси на все четыре стороны.

В 1854 году Де Квинси было шестьдесят девять лет. Жена его была уже мертва, так же как и трое сыновей. Остальные дети рассеялись по свету: кто в Ирландии, кто в Индии, кто в Бразилии. Исключение составляла лишь Эмили, его последний ребенок, двадцати одного года от роду и единственная незамужняя из дочерей. Эмили добровольно приняла на себя уникальное в своем роде обязательство:

присматривать за гениальным, эксцентричным и непредсказуемым отцом.

Из дневника Эмили Де Квинси

Воскресенье, 10 декабря 1854 года.

Сегодня утром я снова обнаружила, что отец ходит взад и вперед по внутреннему двору. Опять он проснулся намного раньше меня — должно быть, еще до рассвета. Я уверена, что слышала ночью, как скрипели половицы под его ногами, когда он направлялся мимо моей двери к лестнице и потом — бродить по темным улицам. Отец говорит, это единственный способ прогнать прочь мысли о лаудануме — направить все усилия на то, чтобы ходить и ходить и проделывать не меньше пятнадцати миль в день.

Небольшой рост только подчеркивает теперешнюю худобу отца. Я опасюсь, как бы его чрезмерные упражнения не причинили больше вреда, чем пользы. Манера его разговора также меня беспокоит. До того как мы покинули наш дом в Эдинбурге и отправились в Лондон, чтобы поспособствовать распространению нового сборника произведений отца, он обычно вставал с тяжелой головой не раньше полудня. В течение длительного времени он категорически отказывался ехать в Лондон, но внезапно переменял решение. Он объявил, что это очень важная поездка, и я с удивлением наблюдала за его активными приготовлениями. Вскорости он взял за привычку просыпаться в девять. Буквально через пару недель время подъема отца сдвинулось на шесть утра. Во время поездки из Эдинбурга он не мог усидеть на месте и ходил по вагону, щеки его горели от напряжения.

— Чтобы отказаться от приема лауданума, — настойчиво повторял отец.

Но я-то знала, что он не отказался полностью от пагубной привычки. Среди упакованных книг и одежды находились и два пузырька с этой гадостью.

Особенно я встревожилась после такого его заявления: «Если я и дальше буду вставать все раньше: в пять, в четыре, в три, то эдак скоро окажусь во вчерашнем дне».

А я убеждена, что именно во вчерашний день ему бы и хотелось попасть. Мне кажется, эта поездка в Лондон важна для него больше именно возвращением в прошлое, нежели продвижением сборника. Или, возможно, обе цели одинаково важны и переплетаются между собой.

Дохода, который приносит занятие отца, совершенно недостаточно для того, чтобы можно было позволить себе такой шикарный дом, в каком мы здесь обитаем. Вместе с домом нам также досталась женщина средних лет — она выполняет обязанности горничной и кухарки. Отец клянется, что не знает, кто оплачивает счета, и я ему верю. Быть может, один из его старых знакомых тайком решил помочь нам совершить это путешествие, вот только я не могу вообразить, кто бы это мог быть. Ведь большинство его знакомых, Вордсворт и Кольридж например, уже скончались, или, как говорит отец, «присоединились к большинству», ведь за многие века людей умерло значительно больше, чем сейчас проживает на свете.

Наш дом находится рядом с площадью Рассел-сквер. Когда мы только прибыли (было это четыре дня назад), отец очень удивил меня, предложив прогуляться с ним немедленно, не распаковывая вещей. Мы прошли несколько кварталов и оказались на площади, где я с радостью обнаружила чудесный парк — настоящее чудо посреди шумного города. Ветерок разогнал туман. Светило солнце, что, как объяснил мне отец, для декабря редкое явление. Он рассматривал траву и голые, без листвы, деревья, и по сиянию его голубых глаз я поняла, что он погружен в воспоминания.

— Когда мне было семнадцать, я жил на улицах Лондона.

Конечно, я знала об этом, ведь отец включил описание некоторых ужасных событий того времени в свою «Исповедь».

— Я прожил на улице целую зиму, — продолжал он.

И об этом мне тоже было известно, но я уже давно приучилась позволять отцу высказать все, что у него на уме.

В те дни на этой площади паслись коровы. Мы с товарищем много ночей спали здесь, укрываясь рваниной, которая когда-то была одеялом. Нам очень повезло, что я раздобыл старое ведро. Когда вымя у коров наполнялось, я выбирал одну из них и старательно доил. Попив парного молока, мы уже не так страдали от холода.

Отец рассказывал и не смотрел на меня. Он был весь в прошлом.

— Столько всего изменилось. Мы ведь приехали на вокзал, которого в то время еще не существовало. Я с трудом узнаю город. И мне нужно посетить так много мест.

По его тону я предположила, что некоторые места отец не хотел бы посещать, хоть и ощущал в том необходимость.

— Энн, — пробормотал он.

Мою мать звали Маргарет, а я — Эмили.

— Энн, — снова произнес отец.

Я припомнила этот разговор, наблюдая, как отец энергично меряет шагами задний дворик.

В кухню вошла наша экономка, миссис Уорден. На голове у нее была строгая шляпа, под мышкой зажат псалтырь. На обеденном столе стояли хлеб, масло, земляничный джем и чайник.

— Мисс Де Квинси, я иду в церковь. Надеюсь, что вы и ваш отец скоро тоже отправитесь туда.

С самого нашего приезда миссис Уорден держалась с отцом настороженно, а вот ко мне относилась с симпатией, — похоже, она считала, что мне приходится нести непомерное бремя.

— Да, в церковь, — ответила я, надеясь, что в моих словах не слышно притворства.

— Он кажется очень религиозным человеком, — неохотно, но с одобрением продолжала миссис Уорден. — Вы уж простите мне мою прямоту, но я такого не ожидала. Ну, вы понимаете, учитывая, какую книгу он написал.

Отец за свою жизнь написал множество книг, но тон, каким экономка произнесла это слово, не оставлял сомнений, которую из них она имела в виду.

— Да, книгу, — кивнула я.

— Ну конечно, сама-то я ее не читала.

— Конечно.

Мимо окна снова прошел отец — он так и продолжал мерить шагами дворик, из угла в угол, из угла в угол. Худое лицо его было искажено гримасой, взгляд устремлен вдаль, на нечто видимое только ему одному. В руках отец перебирал четки.

— Я вижу, насколько он набожен, — прокомментировала миссис Уорден. — Молитва во время ходьбы укрепляет как душу, так и тело.

Четки, которые сжимал отец, состояли из синих и белых бусин: одна синяя, девять белых, снова синяя и дальше опять девять белых.

— Я встречала мало католиков, — говоря о приверженцах католической церкви, миссис Уорден явно ощущала себя неудобно, — но уверена, что паписты могут быть такими же религиозными, как и англиканцы.

На самом деле отец принадлежал к англиканской церкви и часто писал о запутанных религиозных тайнах. Но я бы не смогла объяснить экономке, зачем отцу четки, не пробуждая в ней излишних подозрений. Так что я молча кивнула.

— Ладно, я пошла, — сказала наконец миссис Уорден.

— Спасибо. Отец говорил, чтобы вы не ждали нас сегодня рано.

Уже поворачиваясь к двери, миссис Уорден окинула меня взглядом, в котором явно читалось неодобрение моего наряда (ведь наша благочестивая экономка полагала, что я собираюсь в церковь). Сама она вырядилась в платье с кринолином и оборками, настолько широкое, что миссис Уорден испытала некоторые трудности, протискиваясь в дверной проем. Впечатление создавалось такое — и я не преувеличиваю, — будто под платьем у нее спрятана птичья клетка. Я же предпочитаю в одежде стиль, который в последнее время пропагандирует Амелия Блумер: длинные свободные панталоны, стянутые на лодыжках, надетые под свободно ниспадающее платье. Не понимаю, почему газеты с такой насмешкой относятся к подобному стилю, презрительно называют эти панталоны «блумерсами», но готова скорее подвергнуться осмеянию за свой костюм, чем сковывать свободу движения ради каких-то там условностей.

Миссис Уорден закрыла входную дверь. Тут же со двора зашел отец — будто слышал, как она ушла, — и положил четки на стол. Он был без шляпы, и короткие каштановые волосы — на удивление, до сих пор нетронутые сединой, — блестели от пота. Лишь отчасти причиной тому была утренняя интенсивная прогулка; я не сомневалась, что отец с трудом сражается с желанием принять опий.

— Сколько ты сегодня прошел? — спросила я.

— Всего пять миль.

Четки были вовсе не четками, а своеобразным инструментом, с помощью которого отец определял пройденное расстояние. Когда мы приехали в Лондон, он сразу же измерил периметр внутреннего дворика и взял его за единицу измерения — одну белую бусину. Когда девять белых и одна синяя бусина были «пройденны», отец начинал отсчет сначала. Таким образом, ему требовалось просто подсчитывать количество синих бусин и в конце умножить их на десять, а потом помножить получившийся результат на периметр двора. Отец утверждал, что это элементарно. Но когда я пыталась объяснить это другим, большинство людей морщились, словно от внезапной головной боли.

— Отец, пора пить чай.

— Боюсь, Эмили, мой желудок этого не перенесет. Нам надо идти.

— Сперва попьем чая, — настаивала я.

— Мне нужно посетить так много мест.

— Чай, хлеб, масло и джем.

С момента приезда в Лондон отец только и делал, что встречался с различными людьми. Я всюду сопровождала его и следила, чтобы он не забывал поесть и попить. Сейчас в продаже находились американское издание собрания сочинений отца и четыре тома из многотомного собрания, выпускаемого в Англии. Это и было одной из причин его поездки в Лондон: переговорить с продавцами и издателями, а также газетчиками с Флит-стрит.

Как ни унижительно в этом признаваться, но мы нуждаемся в деньгах. Насколько отец одержим пристрастием к лаудануму, настолько же он сам не свой до приобретения книг. На протяжении многих лет он набивал книгами до отказа один дом за другим, долги все накапливались, и я уже боюсь того, что мы в скором времени окажемся на улице без всяких средств к существованию. Эта поездка в Лондон действительно представлялась очень важной, хотя, возможно, и не в том смысле, который, как я полагаю, вкладывал в это понятие отец.

Его героическая попытка заработать для нас денег имеет свою цену. Еще с юношеских времен, когда один из братьев постоянно

издевался над ним, отец испытывает трудности в общении с людьми. У него сразу начинаются проблемы с пищеварением, справиться с которыми помогает только все тот же лауданум, ну или мое присутствие, когда я могу его защитить. Сейчас он вынужден общаться с людьми, вести с ними непринужденные беседы — все для того, чтобы они купили его сочинения и тем самым обеспечили средствами к продолжению отшельнического существования. Его усилия, направленные на подрыв сложившихся устоев, оказались успешными. Читатели жаждут встретиться с «англичанином, употреблявшим опиум», чей откровенный и подробный рассказ о пагубном пристрастии до сих пор будоражит умы, хотя со времени написания «Исповеди» прошло уже тридцать три года.

Недавно отец закончил третью часть своего ужасного эссе «Убийство как одно из изящных искусств». С одной стороны, мне приятно, что новые опубликованные материалы способствовали росту продаж, но... должна признаться, подробности, с которыми отец описывает убийства, для меня оказались слишком отвратительны и я не смогла дочитать книгу до конца. Люди спрашивают, не боюсь ли я жить с отцом под одной крышей, предполагая, какой он, должно быть, жестокий. Я им отвечаю, что отец — самый добрый и мягкий среди живущих на свете людей. На это «доброжелатели» скептически меня оглядывают и явно думают: «Мы все прекрасно понимаем, вы лжете, потому что он — ваш отец, но, по правде говоря, человек, который так красочно и с такими реками крови описывает убийства, должен быть и сам жестоким и склонным к проявлению насилия».

Сегодня у отца наконец выдался первый свободный день, и мы вдвоем направились к расположенному неподалеку Британскому музею. Улицы были пустынные — все находилось на церковной службе, почему отец и выбрал именно это время для прогулки. Музей оказался закрыт, но отец, похоже, был целиком поглощен своими мыслями и даже не обратил на это внимания.

Прохладный ветерок продолжал разгонять туман. Отец остановился и уставился на эффектно выглядящий двор музея. Он с силой сжал челюсти — столь сильным было желание принять лауданум.

— Когда я последний раз приезжал в Лондон, этого здания еще не было, — сообщил он мне. — На протяжении двадцати пяти лет здесь шла самая грандиозная стройка в Европе, а я этого не видел.

Громада здания давила и заставляла ощущать себя маленькой и беззащитной букашкой.

— Здесь хранятся таблички с ассирийской клинописью, — печальным тоном продолжал отец. — И знаменитый Розеттский камень. Это ключи к расшифровке прошлого. Но кто сможет расшифровать руины в нашей памяти?

Говорят, у отца очень своеобразная манера изъясняться, но, по моему, все наоборот. Многие люди такие нудные, что от их болтовни я едва не засыпаю. Да, я не всегда понимаю отца, по мне всегда интересно его слушать, даже тогда, когда он выводит меня из себя. Вероятно, поэтому я, дожив до двадцати одного года, не нашла пока подходящего молодого человека, с которым могла бы провести вместе столько же лет, сколько провела с отцом.

Мы взяли кеб и отправились осматривать все те архитектурные сооружения, что были построены за десятилетия, прошедшие после отъезда отца из Лондона: Букингемский дворец, памятники на площади Белгрейд и Трафальгарской площади, Национальную галерею и новое здание парламента.

Но нигде мы не выходили из кеба и ни в одном месте не задержались. Даже сидя в экипаже, отец нетерпеливо дергал ногами, будто продолжал утреннюю прогулку. У меня создалось впечатление, что в нашей поездке отсутствует какая-либо система. В конце концов я догадалась, что все места, которые мы посетили, не имели для отца никакого значения, и теперь мы направлялись туда, куда отцу так необходимо было попасть и где он тем не менее так не хотел оказаться.

Кебмен высадил нас у Мраморной арки, которая, как рассказал отец, является копией Триумфальной арки Константина в Риме. Очевидно, изначально она была белого цвета, но сейчас из-за постоянно висящей в городском воздухе копоти стала серой. Наш кеб проехал через большой центральный пролет, а мы с отцом прошли в левый, пешеходный, пролет меньших размеров. Сидевший в будке полисмен кивнул нам.

— Этого тоже раньше не было, — заметил отец.

Позади простирался обширный Гайд-парк. Служба в церкви завершилась, и по улицам засновали в разных направлениях экипажи. Люди в теплых пальто прогуливались в парке среди деревьев. Однако внимание отца было приковано к расположенной перед нами Оксфорд-стрит.

— В те времена эта улица была более мрачной и неприглядной, — поведал отец, когда мы вышли на нее.

По обеим сторонам расположились магазины и представительства различных компаний. Сегодня, в воскресенье, Оксфорд-стрит, являющаяся главной торговой артерией столицы, казалась неестественно притихшей.

— Когда мне было семнадцать и я жил на улице... — начал отец и замолчал, глядя на крыльцо перед одним из магазинов. Потом продолжил: — Пять месяцев, большей частью зимних... — Он снова умолк и некоторое время разглядывал пекарню, причем смотрел как будто издалека. — Происходило это в основном здесь. На Оксфорд-стрит. Эмили, видишь эту пекарню? Когда я голодал, как же я мечтал о хлебе! Я не рассказывал тебе о скелете?

Услышать подобный вопрос из уст отца не показалось мне чем-то невероятным. Я только переспросила:

— О скелете?

— Да, это было в Манчестере, в средней школе, которую я посещал. У работавшего там врача в кабинете стоял скелет. Тут интересно то, что скелет принадлежал одному известному разбойнику. В те дни, когда еще не было железных дорог, грабители представляли серьезную угрозу для путешественников. Этого грабителя повесили, и врач заплатил палачу, чтобы тот после казни отдал ему труп. Тогда это был единственный законный способ заполучить тело для проведения медицинских исследований. Но оказалось, что палач так торопился снять тело с виселицы, что приговоренный не успел испустить дух. Поэтому, когда врач со студентами собрались производить вскрытие, им пришлось сначала перерезать разбойнику горло, а потом уже приступить к исследованиям. В конце концов то, что осталось от трупа, сварили в щелочи, пока не остался один только скелет.

Жутковатый рассказ отца меня не поразил, но я была рада, что мимо не прошел ни один прохожий и не подслушал нас.

— Чувства, которые я испытывал к этому мерзкому скелету, были сравнимы с моим отношением к школе, — продолжил отец. — Учитель, преподававший мне латынь и греческий, был возмущен тем, как быстро я осваивал эти предметы, — он-то в свое время с ними намучился. Возмущение вскоре переросло в ярость, а потом дело дошло и до рукоприкладства. В конце концов я стал умолять опекунов освободить меня от ужасов этой школы.

Мой дед был бродячим торговцем, и отец его практически не видел. Он скончался от чахотки, когда отцу было семь лет. В завещании дед назначил четырех опекунов, которые должны были распорядиться делами его сына. Однако они спустя рукава подходили к выполнению своих обязанностей, и в результате учился мой отец урывками и бессистемно.

— Один из опекунов особенно негодовал. Он хотел добиться от меня полного повиновения, так же как и тот преподаватель. А я на это был не согласен. И я убежал. К матери я возвращаться не мог — она бы просто вернула меня опекунам. Так что я взял в долг небольшую сумму денег у друга нашей семьи, который сочувствовал моему отчаянному положению. Какое-то время мыкался по фермам в Уэльсе, но, когда мой и без того скромный капитал почти иссяк, я решил попытать счастья здесь, в Лондоне. Это решение меня едва не погубило.

Ветер прекратился, и туман снова заволакивал улицы, так что видимость ограничивалась одним кварталом. Заметно похолодало, и я порадовалась, что надела теплое пальто.

Отец шел по Оксфорд-стрит, смотрел на закрытые двери и окна с опущенными жалюзи, и у меня создавалось впечатление, будто он в свое время очень хорошо знал все эти магазины.

— Денег у меня было столько, что я мог себе позволить питаться только раз в день: чай и хлеб с маслом. Но скоро денег не осталось даже на такую скромную еду. Я просил милостыню, но в Лондоне и без меня было полным-полно попрошайек. Не знаю, что бы скорее убило меня, голод или непогода, если бы не помощь одного человека, которому принадлежал дом на Греческой улице. Это недалеко отсюда. Он занимался тем, что давал людям ссуды, но,

помимо легального дохода, был у него и нелегальный. Звали его Брунелл, но сам он именовал себя еще и Брауном. Был он известен и под другими именами — все для того, чтобы его не смогли вычислить неприятели. Каждую ночь он проводил в разных местах, в разных частях Лондона. По утрам он приходил в дом на Греческой улице, а вечером исчезал в неизвестном направлении. Дом выглядел настолько необитаемым, что хозяин опасался взломщиков. И вот, когда я явился к нему, надеясь занять немного денег, чем-то я ему приглянулся, и он предложил сделку. Мне дозволялось ночевать в доме, но в случае, если кто-то попытается в него проникнуть, я должен был поднять шум и спугнуть грабителей.

Дом был совсем запущенный. Мебель имела только в одной комнате — той, где он хранил свои бумаги. Ночью в доме было темно и страшно. Я пытался спать на голом полу; лежал и дрожал, слушая, как мириады крыс царапают когтями пол. Из-за того что чувствовал я себя неважно и постоянно был голоден, спал я плохо, урывками, меня мучили кошмары, и я во сне громко стонал. Я все время был на взводе, у меня непроизвольно сокращались мышцы, я дергал ногами и от этого постоянно просыпался.

К счастью, Брунелл, или Браун, или как тех его звали по-настоящему, любил поговорить о древнегреческой и древнеримской литературе. Каждое утро он приносил себе на завтрак выпечку, мы сидели, обсуждали «Одиссею» или «Энеиду», и он позволял мне доедать за ним остатки. В остальное время я питался теми жалкими кусками, что мне подавали днем небезразличные люди на лондонских улицах. Я бы погиб от голода и холода, если бы меня не пожалела одна девушка, хотя она сама заслуживала еще большей жалости.

Звали ту девушку Энн.

Имя прозвучало совершенно неожиданно — как будто колокол зазвонил в самый неподходящий момент. На улице становилось все холоднее. Я плотнее закуталась в пальто и была очень благодарна отцу, когда мы наконец двинулись дальше по Оксфорд-стрит. Туман сгущался, и теперь мы видели перед собой лишь с десяток домов.

— Энн тогда было шестнадцать, — продолжил отец. — Она была, как принято говорить, гулящая.

— Ты всегда называл вещи своими именами. Объясни, что это значит.

Отец на мгновение замялся.

— Проститутка. Нищета свалилась на Энн неожиданно — из-за разногласий в отношении денег, которые она унаследовала от родителей. Нашлись люди, которым удалось хитростью завладеть наследством, и Энн осталась без гроша. В то зимнее время бедняжка жестоко страдала от кашля, но тем не менее заботилась обо мне и опекала так, будто это я был очень болен. Мы часто гуляли вместе по Оксфорд-стрит или отдыхали в крытых галереях, укрываясь от непогоды. Она защищала меня от сторожей, которые норовили прогнать меня, когда я, бывало, садился на крыльцо магазина передохнуть и набраться сил.

Взгляд отца затуманился, он снова находился мыслями в далеком прошлом. Он остановился.

— Единственное, что как-то нас развлекало, это когда вот на этот угол приходил со своим инструментом шарманщик. Он вечно делал такой вид, будто его шарманка весит раза в три больше, чем на самом деле. Когда он крутил ручку, он всегда надувал щеки, тяжело дышал и всем своим видом демонстрировал, какое же это тяжелое занятие — играть на шарманке. Мы с Энн стояли, держались за руки и слушали музыку. Иногда люди бросали монетки в кружку, висевшую на инструменте. Шарманщик так усердно рассыпал благодарности, что можно было подумать, у него в кружке целое состояние, а не несколько самых мелких монет, которых было не жалко любому прохожему. Для нас с Энн, правда, эта жалкая подачка действительно стала бы настоящим богатством. У нас не было еды, но зато мы наслаждались музыкой. С тех пор всякий раз, когда я слышу звуки шарманки, они напоминают мне о вечерах, когда мы стояли под старой масляной лампой, что висела на этом углу, а я обнимал свою Энн за талию.

Отец тяжело вздохнул и заставил себя продолжить:

— Однажды вечером я почувствовал себя хуже обычного и попросил Энн отвести меня на боковую улочку. Мы присели там на крыльце дома, и внезапно мне сделалось совсем нехорошо. Я сидел, склонив голову на ее грудь, а потом она не удержала меня, и я повалился на землю. Энн испуганно вскрикнула и побежала на

Оксфорд-стрит. Я еще не успел толком сообразить, что произошло, как она вернулась со стаканом сухого вина. Это было именно то, что нужно. Еду мой пустой желудок просто не принял бы, а вот вино придало достаточно сил, чтобы я снова сел. Энн, у которой денег едва-едва хватало на то, чтобы только не протянуть ноги, не могла надеяться, что я когда-нибудь верну ей потраченное, но все же она, не раздумывая, купила мне вино.

Я часто размышляю над тем, с какой скоростью может вращаться колесо Фортуны. Спустя несколько дней после того случая с вином я стоял на Альбемарль-стрит и просил милостыню. Случилось так, что мимо проходил один джентльмен, знакомый с нашей семьей. Он узнал меня, хотя в первое мгновение решил, что ошибся — так его поразил мой жалкий внешний вид. Он задал мне множество вопросов, и я попросил ничего не сообщать матери, так как в этом случае она немедленно известит опекунов, а они заставят меня вернуться в ту ужасную школу, из которой я уже раз убежал и убегу снова. Он, верно, услышал, с каким надрывом я об этом говорю, и пообещал сохранить все в тайне. На другой день он вручил мне банкноту в десять фунтов — сумма, которую я не мог даже вообразить.

Когда тот человек, в чьем доме я ночевал, узнал об этих десяти фунтах, он потребовал три фунта отдать ему. Я попросил, чтобы Энн тоже могла находить там убежище на ночь, но он предупредил, что, если я приведу в его дом проститутку, он вышвырнет меня вон. Часть из оставшихся денег (пять шиллингов) я потратил на еду для Энн и для себя. Пятнадцать шиллингов пришлось пустить на покупку одежды. Знаешь, я до сих пор помню, как тяжело было с ними расставаться. Но это было необходимо для осуществления плана, который подсказал мой благодетель. В школе в Манчестере я подружился с одним юношей из состоятельной семьи, а его отец просто преклонялся перед молодыми людьми, имеющими способности к латыни и греческому.

Я решил отправиться к другу, который теперь учился в Итоне, и уговорить его вместе поехать к его отцу — там я надеялся получить помощь. Перед отъездом я отдал Энн два фунта — не только на еду, но и на лекарства от ее ужасного кашля. И вот темным зимним вечером, около шести часов, мы с Энн, держась за руки, шли в

направлении Пикадилли. Я намеревался сесть там на почтовую карету до Итона.

Мы проходили через ту часть Лондона, которой теперь не существует. Я обещал Энн, что она разделит со мной мою удачу, что я никогда-никогда ее не покину. Я говорил Энн, что люблю ее. Мне ужасно не хотелось оставлять ее одну, но в то же время меня переполняли надежды на наше общее будущее. Но Энн была печальна. Когда я попрощался с ней и поцеловал, она обняла меня за шею и заплакала.

Я думал вернуться через неделю. По нашей договоренности, на восьмой день, в шесть часов вечера, Энн должна была ждать меня в конце Грейт-Тичфилд-стрит, месте наших обычных встреч. Но все мои попытки достичь чего-то в Итоне оказались тщетными, да к тому же отняли гораздо больше времени, чем предполагалось, так что в Лондон я смог вернуться только много месяцев спустя.

В шесть часов вечера я примчался в конец Грейт-Тичфилд-стрит. Я прождал несколько часов, но Энн не появилась. Я пришел туда и на следующий вечер. Энн снова не было. Я приходил туда несколько вечеров подряд, но безуспешно. Днем я посетил дом, в котором в ужасной нищете обитала Энн, но никто из подруг не видел ее. Мне только рассказали, что вроде бы хозяин так плохо с ней обращался, что бедняжка вынуждена была перебраться в другое место. Я нашел еще один дом, где обретались «ночные феи», но эти меня совсем не знали. Я был достаточно прилично одет, и меня приняли за джентльмена, который ищет подружку на ночь. Они наперебой стали предлагать себя. Другие решили, что я, возможно, связан со служителями закона или же меня обворовали и я теперь ищу, кто это сделал. В общем, они не стали говорить со мной.

Днем и ночью я бродил взад и вперед по Оксфорд-стрит. Перенес поиски и на соседние улицы и переулки. Ждал Энн на нашем любимом месте, где играл шарманщик. Но все было безрезультатно. Прошло столько времени, что Энн, вероятно, отчаялась меня дождаться и никогда уже больше не придет. Быть может, я проходил буквально в нескольких футах от нее и не знал, что Энн рядом. В запутанном и переполненном людьми лабиринте улочек несколько футов могли означать больше, чем несколько миль. Не исключено и то, что в мое отсутствие Энн стала жертвой своего ужасного кашля. И хотя я

сильно горевал, обдумывая эту возможность, в то же время испытывал облегчение — если Энн действительно отправилась в лучший из миров, то в нашем жестоком мире ей уже не придется страдать.

В конце концов в поисках лучшей доли я вынужден был снова покинуть Лондон на почтовой карете. И на протяжении многих лет всякий раз, возвращаясь сюда, я не забывал прийти в шесть часов вечера на Грейт-Тичфилд-стрит. Энн я так и не встретил. Я непрерывно искал ее и на других лондонских улицах, где мне приходилось оказываться, но... и там ее не было.

Голос отца гулким эхом отдавался в желтом тумане, который теперь сгустился настолько, что я видела лишь несколько ближайших домов.

— Мне нужно спросить тебя кое о чем, — сказал вдруг отец.

— Конечно. Мы же всегда открыто говорили на любые темы. О чем ты хочешь спросить?

Видно было, что отцу приходится тяжело, но он все же задал свой вопрос:

— Тебя не коробит тот факт, что какое-то время самым близким для меня человеком на всем белом свете была проститутка?

Я немного подумала над ответом.

— Если вопрос стоит так: отказаться от добродетели или погибнуть, что ж, я могу понять выбор, который пришлось совершить Энн.

— Тебя не беспокоит то, что я говорю об Энн так, как если бы она была твоей матерью?

— Все это происходило пятьдесят два года назад. Мама уже пятнадцать лет как мертва. И я не вижу ничего зазорного в том, что задолго до того, как вы встретились и поженились, ты любил другую женщину. Но к чему ты ведешь?

— К чему веду?

— Ты уже целый месяц что-то от меня скрываешь. Это из-за Энн ты согласился поехать в Лондон?

Отец отвел взгляд.

Но я не собиралась отступить.

— Поначалу ты категорически отказывался ехать сюда, чтобы продвигать свои произведения. Пристрастие к лаудануму и нежелание

общаться с посторонними людьми служили достаточным основанием для отказа. Но потом ты внезапно меняешь решение, сокращаешь дозу и заявляешь, что для тебя очень важно отправиться в Лондон.

— Да. Это случилось после того, как я получил по почте письмо.

— Письмо?

Туман продолжал стремительно сгущаться.

— Ты удивлялась, как нам удалось остановиться здесь в таком шикарном доме.

— Да, — кивнула я, — и ты ответил, что не знаешь.

— Это правда. Я не знал и до сих пор не знаю. Предложение поселиться в этом доме содержалось в том же письме. Автор письма не подписался. Но документы об аренде дома и о найме на работу миссис Уорден оказались подлинными. Я не рассказывал тебе остального, потому что не мог найти в себе силы еще раз пережить кошмар тех далеких дней. У меня вошло в привычку утверждать, что «ум лишен способности забывать», но, положив руку на сердце, я обманывал самого себя — я как раз и пытался все забыть.

— Ты говоришь, что не рассказывал мне остального. Отец, что ты имеешь в виду?

Отец тяжело вздохнул и выдал наконец то, что так долго держал при себе:

— В письме говорилось: если я приеду в Лондон, то узнаю, что случилось с Энн.

Это было совершенно неожиданно, и на мгновение я потеряла дар речи. Потом придвинулась к отцу и переспросила:

— Узнаешь, что случилось с Энн? И ты узнал? Мы в Лондоне уже четыре дня. Автор письма вышел с тобой на связь?

— Нет. Все это остается такой же загадкой, как и в день, когда пришло письмо. Я думал, возможно, пока я езжу по городу, встречаюсь с книготорговцами и газетчиками, кто-нибудь незаметно подойдет ко мне и намекнет, что нам нужно поговорить наедине.

— Но с какой стати кому бы то ни было идти на такие расходы, снимать роскошный дом, а потом даже не связаться с тобой, чтобы прояснить, ради чего он тебя пригласил?

— Представления не имею. Те дни были наихудшими в моей жизни. И наилучшими. Только благодаря Энн. Если бы все пошло иначе, она могла бы стать твоей матерью.

— И тебе было так трудно мне рассказать?

— Наверное, мы не были готовы открыто обсуждать все-все темы.

— Это меняет дело, — кивнула я.

— Да, — согласился отец.

Вокруг клубился густой туман. Холод усиливался. Я плотнее запахнула пальто.

— Давай возвращаться домой, — решил отец.

— Но как в этом тумане мы найдем дорогу?

— Единственная улица в мире, которую я знаю как свои пять пальцев, — это Оксфорд-стрит. Не волнуйся, Эмили, мы найдем путь домой.

Мимо прогрохотал экипаж, и отец повел меня за собой сквозь туман.

Мы двигались по левой стороне и вскоре подошли к пересечению с широкой улицей.

— Если не ошибаюсь, это должна быть Тоттенхем-Корт-роуд, — сказал отец. — Вот. Видишь табличку на стене? Да, Тоттенхем-Корт-роуд. Пойдем сюда. Когда я был молодым, любил здесь стоять и воображать, как иду и иду по городу, и вот дома кончаются и начинаются поля и леса.

Мы двинулись по Тоттенхем-Корт-роуд, не видя ничего на расстоянии буквально нескольких метров, потом свернули в боковую улочку, затем еще в одну. Кажется, отец не преувеличивал, когда говорил о лабиринте лондонских улиц.

— Не волнуйся, — снова успокоил он меня.

Сказать по правде, я никогда не волнуюсь, если только дело не касается моего отца.

Мы прошагали никак не меньше двух миль. Большинство женщин в своих куполообразных юбках не прошли бы и пары кварталов. Но мне мои «блумерсы», как их пренебрежительно называют газетчики, позволяли чувствовать себя свободно.

Мы пересекли улицу, которую отец назвал Грейт-Рассел-стрит, а на следующем перекрестке он заверил меня, что мы уже почти

пришли.

Но тут в тумане замаячили фигуры двух людей.

Отец резко втянул носом воздух.

Неизвестные — теперь я разглядела, что это высокие мужчины, — приближались.

Через несколько секунд они встали у нас на пути, оставаясь еле видимыми.

— Вы — те люди, с которыми я жду встречи? — нарушил тишину отец.

— О чем вы говорите?

— Энн.

— Энн? Кто такая Энн?

— Если вы не знаете, кто такая Энн, уйдите с дороги, — велел отец.

Мужчины не пошевелились, и отец попробовал обойти их стороной.

Но неизвестные передвинулись и снова загородили нам путь. Я заметила, что лица у них осунувшиеся и небритые.

— Черт бы вас побрал! Отойдите с дороги! — Отец рассердился не на шутку.

Первый незнакомец в мешковатом пальто напоминал типичного уличного головореза, на втором я заметила странную шляпу. Я быстренько прикинула, в каком направлении нам с отцом бежать.

— У меня нет денег! — сказал отец. — Делайте со мной что хотите, но только отпустите дочь.

— Отец, я не уйду без тебя!

— Это вы Любитель Опиума? — спросил первый.

— Что?

— Томас Де Квинси?

— Но какое дело может быть...

— Я инспектор Райан, а это констебль Беккер.

В это мгновение туман немного рассеялся, и я увидела, что странной формы шляпа — на самом деле полицейская каска, а одет мужчина в полицейскую форму.

Но главным из этих двоих был первый, в штатском.

— Я должен попросить вас пройти с нами в Скотленд-Ярд.

Глава 4

«СРЕДИ НАС ЕСТЬ ЧУДОВИЩА»

Холера вызывает безудержную диарею почти белого цвета, которая быстро приводит к обезвоживанию организма и — с большой вероятностью — к смерти. Тремя месяцами ранее, в сентябре 1854 года, Лондон пережил самую страшную эпидемию этого заболевания за несколько последних десятилетий. Всего лишь за две недели болезнь унесла жизни семи сотен человек. Доктор Джон Сноу сумел остановить вспышку холеры, доказав, что заражаются ею не оттого, что дышат отравленным воздухом, а потому, что пьют воду, загрязненную фекалиями. Центр эпидемии находился в районе Брод-стрит в Сохо. Доктор Сноу провел тщательное расследование и выяснил, что первыми подхватили заразу люди, пользовавшиеся общественной водокачкой в этом районе. В ходе учиненных раскопок обнаружилось, что источник воды находится рядом с выгребной ямой, откуда в него просачиваются экскременты. К удивлению сторонников теории «отравленного воздуха», доктору Сноу удалось очень просто остановить эпидемию: он распорядился, чтобы источник воды перенесли в другое место.

Инспектор Райан тогда помогал доктору проводить расследование. В эту ночь, когда он забрался на стену, осветил фонарем вниз и увидел залитого кровью Беккера, лежащего рядом с двумя мертвыми свиньями возле переполненной нечистотами канавы, он ни секунды не сомневался, куда доставить констебля для оказания срочной медицинской помощи.

Райан распорядился немедленно погрузить Беккера в полицейский фургон и гнать изо всех сил на квартиру доктора Сноу. Доктор проживал в доме 54 по Фрит-стрит в Сохо, недалеко от очага недавней эпидемии.

Полицейские неистово барабанили в дверь, и через некоторое время на пороге со свечой в руке и в домашнем халате появился доктор Сноу, узколицый мужчина сорока одного года.

— Кто там, черт бы вас побрал? — спросил доктор и, прищурившись, уставился на двух констеблей, держащих

бесчувственного Беккера.

— Инспектор Райан просил передать вам эту записку, сэр, — сказал один из полисменов.

Доктор с растущей тревогой прочитал послание от инспектора.

— Снимите с него грязную одежду. Прямо здесь. И бросьте на улице. Потом занесите вашего товарища в прихожую. Но не дальше! Я принесу горячую воду и чистые тряпки. Мы тщательно обмоем его, перед тем как перенести в кабинет.

Беккера ополоснули чистой водой и положили на застеленное простыней кресло в кабинете Сноу. У врачей Средневикторианской эпохи в кабинетах стояли обычные письменные столы, а не столы для обследования. Собственно, в последних у них не было нужды. Врачи были джентльменами и почти никогда не опускались до того, чтобы пачкать руки о пациентов. В крайнем случае измеряли у них пульс. Неблагодарная работа по настоящему лечению больных выпадала на долю стоявших ниже по социальному статусу хирургов.

Но Сноу раньше был хирургом и, даже поднявшись в медицинской иерархии, не утратил прежних навыков. Держа в руке масляную лампу, он внимательно обследовал следы укусов на руках и ногах Беккера и наконец воскликнул:

— Если эти свиньи были заражены, если в раны попали экскременты...

Сноу быстро продезинфицировал места укусов нашатырным спиртом — процедура, на которую мог решиться лишь редкий врач.

От резкого запаха нашатыря Беккер зашевелился и скорчил гримасу. Услышав писк и другие непонятные звуки, он в недоумении огляделся и увидел стоящие на полках клетки. Мыши, птицы и лягушки были взволнованы внезапной суматохой.

— Я правда вижу животных?

— Я экспериментирую на них с дозировкой, — объяснил доктор Сноу.

— Дозировкой чего? — не понял Беккер.

— На самые серьезные раны необходимо наложить швы. Боль будет жуткая. Но вот с этим вы почувствуете себя спокойно.

«Это» представляло собой металлический ящик с прикрепленной к нему маской.

Сноу поднес маску к лицу констебля.

— Что это такое?

— Хлороформ.

— Нет! — воскликнул Беккер и отпрянул.

Он знал о хлороформе — недавно изобретенном анестезирующем газе. Годом раньше лондонские газеты были полны статей, рассказывающих о неоднозначном выборе королевы Виктории во время родов восьмого ребенка: венценосная особа согласилась принять хлороформ. В качестве наблюдающего врача на случай осложнений она выбрала доктора Сноу.

— Это абсолютно безопасно, — заверил пациента Сноу. — Если мне доверилась ее величество, вы и подавно можете это сделать. Бояться совершенно нечего.

— Я и не боюсь. Но я не могу позволить себе заснуть, — подчеркнул Беккер.

— Я так полагаю, вам пришлось перенести тяжелую схватку, и отдых мог бы...

Сноу снова поднес маску к лицу констебля.

— Нет! — Беккер поднял руку, не подпуская к себе доктора. — Я не могу уснуть! Я хочу стать детективом! Если вы усыпите меня, я не смогу принять участие в дальнейшем расследовании! У меня не будет другого шанса!

А в это время к месту убийства подоспели еще полицейские.

— Продолжайте обходить соседние дома. Расспрашивайте всех подряд. Расширьте круг поисков, — командовал Райан. — Я хочу знать обо всех, пусть даже самых незначительных, странностях.

В сопровождении двух полицейских с фонарями инспектор снова перебрался через стену позади магазинчика, осторожно — чтобы не задеть туши мертвых свиней — спустился на землю и склонился над отпечатками ног. К счастью, следы сохранились значительно лучше, чем он мог рассчитывать.

«Хорошая работа, Беккер», — мысленно похвалил коллегу Райан.

Констебли передали ему пустое ведро, кувшин с водой и мешок гипса, а затем и сами перелезли через стену. Инспектор вздохнул, вспомнив, что обещал показать Беккеру, как это делается, и принялся за работу: налил в ведро воды, насыпал гипса и стал перемешивать,

выверяя пропорции таким образом, что в итоге получилась смесь консистенции горохового супа. Ее он вылил на следы убийцы.

— Оставайтесь здесь и следите, чтобы ничего не попало на смесь, пока она застывает, — наказал он констеблям. — Я понимаю: это тяжело, но через пару часов я пришлю вам кого-нибудь на смену.

Райан вышел на шумную улицу и поздоровался с командой присланных по его распоряжению золотарей. Когда случилась эпидемия холеры, доктор Сноу в качестве одного из основных аргументов в борьбе против теории «отравленного воздуха» приводил тот факт, что золотари, которые постоянно вдыхают миазмы, заболевают ничуть не чаще остальных людей.

Поскольку туалеты обычно чистили по ночам — отсюда и выражение «темные делишки», — прибывшие четыре специалиста (один спускался вниз, другой вытаскивал ведро на веревке, а еще двое заполняли бочку) не нашли ничего необычного в работе в столь поздний час. Правда, срочность вызова заставила их гадать, какую неожиданность может таить эта вроде бы стандартная процедура.

Интерес золотарей значительно возрос, когда Райан поставил перед ними задачу:

— Возможно, убийца обронил что-то в «очко» сортира и потом пытался выловить при помощи палки. Выгребите все содержимое из ямы и разбросайте по территории двора. Через магазин не ходить. Во двор попадете, перебравшись через стену в соседнем переулке.

Золотари отправились выполнять распоряжение инспектора, а к зданию магазина в это время подкатил полицейский экипаж, из которого вылез бородатый мужчина. Райан узнал его в свете пляшущих фонарей: художник-криминалист из «Illustrated London News».

— Схема будет такая же, как в прошлый раз, — обратился к нему инспектор. — Оригиналы остаются у меня. Вы можете сделать копии, но использовать их без моего разрешения нельзя. А дам я его вам, возможно, только через несколько недель.

— Из-за чего сыр-бор?

— Как у вас с желудком?

— Мне уже начинать сожалеть о том, что я согласился приехать?

— Вы не пожалеете. Особенно когда ваш редактор увидит рисунки, — заверил его Райан. — Я хочу, чтобы вы зарисовали все, что

сможете, пока руки не онемеют.

— Это займет столько времени!

— Надеюсь, жена не рассчитывает, что вы вернетесь домой ко времени похода в церковь?

— Она ушла месяц назад.

— Извините. Но вполне вероятно, что, после того как вы здесь закончите, вам захочется посетить церковь.

Когда инспектор проводил художника внутрь и показал следы резни, бородач смертельно побледнел.

— Пресвятой Боже!

Райан оставил его в магазине, а сам вышел на улицу — как раз вовремя, чтобы встретить комиссара полиции сэра Ричарда Мэйна. Мэйну было пятьдесят восемь лет, он имел аристократическую внешность и густые седые баки почти до подбородка. Он выслушал доклад инспектора и осмотрел место преступления, сохранив при этом профессионально невозмутимый вид, однако, когда снова оказался на улице, был столь же бледен, как и художник.

— Ничего ужаснее я еще не видел, — признался Мэйн.

Райан кивнул.

— И это не ограбление.

— Министр внутренних дел будет давить на нас, чтобы мы как можно скорее отыскали этого безумца, — предрек Мэйн. Министр внутренних дел контролировал все вопросы безопасности внутри страны, в том числе курировал лондонское полицейское управление и был непосредственным начальником комиссара. — Лорд Палмерстон потребует немедленно раскрыть преступление. Прежде чем начнется паника.

— Полагаю, у нас в руках оба орудия убийства: молоток и вот это.

Райан продемонстрировал бритву с рукояткой из слоновой кости.

— Дорогая вещь.

— Да. И, судя по следам, ботинки у убийцы не подбиты гвоздями. Это тоже указывает на человека не из бедных.

— Немыслимо! — воскликнул комиссар. — Человек с достатком не смог бы учинить такое зверство. Должно быть, бритва украдена.

— Возможно. Мы проверим сообщения о кражах — не упоминается ли там о пропаже подобного предмета. Также расспросим владельцев магазинов, торгующих дорогими бритвами, — может, кто-

нибудь опознает нашу. Что касается молотка, его владельца, похоже, будет нетрудно отыскать. На нем есть инициалы.

— Инициалы?

— Дж. П.

— Нет, — прошептал Мэйн. Лицо его исказила гримаса боли. — Вы уверены?

— Конечно. А в чем проблема? — удивился Райан.

— Дж. П., говорите? Боюсь, что у нас действительно серьезная проблема.

— Мы нашли его! — закричали невдалеке. — Убийца! Мы его схватили!

Райан обернулся в ту сторону, откуда доносился шум. В свете фонарей показались несколько мужчин, одного они тащили, крепко схватив за руки. Мятое пальто последнего было испачкано в крови. Он отчаянно сопротивлялся.

— Он прятался в переулке!

— Я не прятался! Я спал!

— Он полез драться, когда его схватили!

— А что мне оставалось делать? Вы на меня напали!

— Ты зарезал Джонатана с семьей, мерзавец! И его бедную служанку.

— Джонатан? Никогда не слышал о...

— Это его кровь на твоём пальто!

— Я вчера просто перебрал. Я упал!

— Ты убил моего брата! — С этими словами один из мужчин ударил пленника кулаком в лицо.

— Эй! — вмешался в перепалку Райан.

Брат Джонатана нанес еще один удар. Пленник всхлипнул и пошатнулся.

— Довольно! — приказал Райан. — Пусть он все объяснит.

— Все это будет ложь! Гад зарезал моего брата!

И мужчина ударил снова. Во все стороны брызнула кровь.

Райан кинулся к толпе, чтобы прекратить избиение. Внезапно пленник упал, увлекая за собой державших его людей.

— Я его не вижу! Где этот негодяй? — заорал брат убитого.

— Вот он! Я его держу!

— Нет, ты меня держишь!

На земле продолжала ворочаться куча-мала.

— Здесь! Держи его!

Горе-охотники кое-как вскочили и кинулись в сторону переулка по пятам отчаянно улепетывающего мужчины. Кто-то швырнул тяжелую палку, и она едва разминулась с головой подозреваемого.

Райан бросился следом. Он заметил бегущего рядом человека, повернул голову и едва не споткнулся от изумления.

— Беккер?

Беккер в чистенькой форме не отставал от инспектора, хотя ему и мешали многочисленные швы и повязки.

— Я вернулся сразу, как смог.

— Вам нужно отдохнуть.

— И упустить возможность поучиться у вас?

Бегущая толпа добралась до переулка.

Вдруг кто-то завопил:

— У него разбитая бутылка! Мои глаза! Он полоснул меня по глазам! Господи! Я ничего не вижу!

Почти все преследователи втянулись в переулок.

— Я не могу дышать!

Райан прибавил ходу и догнал толпу.

Через мгновение к нему присоединился Беккер. Будучи на полтора десятка лет моложе инспектора, выше его, с хорошо развитой мускулатурой, он с ходу принялся вытаскивать людей из переулка и швырять их на булыжную мостовую.

От запаха спиртного полицейским едва не стало дурно.

— Двигайте отсюда! — рявкнул Райан.

Но народ и не думал расходиться.

Слева инспектор увидел пробивающийся через приоткрытую дверь свет и стоящую с разинутым ртом грузную женщину.

— Туда! — крикнул он констеблю.

Они проскочили мимо застывшей женщины и оказались в одной из многочисленных в этом районе таверн. Оставив позади зал со скамьями и стойку, они вылетели в коридор, а из него попали в кладовку.

— Окно! — воскликнул Райан.

Беккер обогнул бочонки с пивом и поднял раму. В комнату ворвались громкие крики, перемежаемые проклятиями. Райан поднес к окну фонарь. Луч света рассеял мглу, и инспектор увидел беглеца. Он стоял перед толпой и размахивал зажатым в руке отбитым горлышком бутылки. У многих преследователей лица уже были в крови. В страхе перед смертоносным оружием они отчаянно пытались выбраться из узкого переулка, но сталкивались с теми, кто наседал сзади.

Беккер высунулся по пояс из окна и, ухватив беглеца за плечи длинными ручищами, потащил его внутрь. В то же время двое из толпы, осмелев, вцепились в ноги.

Беглец завопил так, будто его действительно разрывали на части.

Райан поставил фонарь на стол и схватил стоявшую в углу метлу. Высунув рукоятку в окно, он принялся колотить мужчин, державших беглеца. Он целился в лицо, бил как можно сильнее, и наконец один, получив чувствительный удар, завопил от боли и схватился за голову. Инспектор врезал второму, тот взвыл и тоже отпустил жертву.

Беккер по инерции отшатнулся от окна, втащил недавнего пленника в комнату и, не удержавшись на ногах, рухнул вместе с ним на пол.

— Уберитесь от меня! — размахивая разбитой бутылкой, заорал беглец.

Райан изловчился, схватил его за запястье и выкручивал до тех пор, пока мужчина не взвизгнул от боли и не выронил бутылку, которая упала на пол и разбилась. Беккер снял с ремня наручники; недавно разработанный пружинный механизм удерживал на месте браслеты, пока констебль запирали их ключом.

— Я ничего не сделал! — крикнул арестованный.

— Ну, это мы быстро выясним, — с трудом восстанавливая дыхание, проговорил Райан. — Откуда у вас на пальто кровь?

— Черт! Они чуть меня не убили! Вот оттуда и кровь.

Губы мужчины действительно распухли и кровоточили.

— Если вы и правда отрубились по пьянке, а не скрывались, они сделали для вас доброе дело, — заметил Беккер.

— Какого хрена вы хотите сказать?

— Ночь очень холодная, и вы могли бы замерзнуть до смерти.

— Хорошенькое «доброе дело»! Я бы не замерз, но меня избивали бы до смерти.

— Могли бы поблагодарить нас, что мы этого не допустили.

— Где вы пили? — вступил в разговор Райан.

На него произвела впечатление попытка констебля расположить к себе арестованного.

— Да много где, — огрызнулся тот.

— А как называлось последнее заведение? И когда вы оттуда вышли?

— Не помню, — рыгнул джином подозрительный тип.

— Пусть побудет здесь, пока не протрезвеет. Тогда мы его допросим, — сказал Райан вбежавшим в комнату патрульным.

Все еще тяжело дыша, инспектор и Беккер прошли в общий зал таверны, где уже сидел комиссар Мэйн. Выглядел он намного старше своих пятидесяти восьми лет. Кожа на лице над бакенбардами была туго натянута.

С улицы доносился шум потасовки, громко кричали констебли, разгонявшие при помощи дубинок не желающую угомониться толпу.

— Все только начинается, — мрачно изрек Мэйн.

— Можно надеяться, что от выпитого джина они все-таки успокоятся и заснут, — предположил Райан.

— Нет-нет, будет только хуже. Поверьте моему опыту. Молоток и инициалы на нем. Я...

Внезапно комиссар умолк и посмотрел на грузную женщину, распорядившуюся в таверне. К ней подошел и встал рядом мужчина с красным лицом — очевидно, муж.

— Мне нужно поговорить с вами, — демонстративно игнорируя Беккера, сказал инспектору Мэйн. — Наедине.

На лице хозяина таверны читалось явственное недоумение, отчего это комиссар полиции уделяет такое внимание подозрительному рыжему ирландцу и не хочет пообщаться с патрульным.

— Констебль Беккер — мой помощник. Он должен быть в курсе всего.

Конечно, Беккер вряд ли ожидал услышать подобные слова, но ему все же удалось скрыть удивление.

— Ваш помощник? — Мэйн по-прежнему не смотрел на констебля. — Вам не кажется, что это несколько необычно?

— Как вы сами сказали, лорд Палмерстон будет давить на нас, чтобы мы поскорее раскрыли убийство и не допустили паники. Мы

хотим заверить людей, что я испробовал все возможные варианты. Если вы не возражаете, давайте вернемся в магазин, там нас никто не подслушает.

— За исключением мертвых, — пробормотал комиссар.

Когда они появились в магазине, художник из «Illustrated London News» жадно глотал из фляжки и ничуть не смутился, что его застали за этим занятием.

— Думаю, эта работа не для меня, — с трудом выговорил он. — Когда я почувствовал, что больше не могу здесь находиться, я вышел на улицу и попытался зарисовать волнующуюся толпу, но...

— Ради всего святого, не помещайте в газете материалы о беспорядках на улице, — попросил комиссар.

— Насчет меня не беспокойтесь. Я практически ничего не мог разглядеть в тумане, не то что нарисовать. Но я насчитал там не меньше двух дюжин репортеров, так что не сомневайтесь, в газетных репортажах о том, что здесь сегодня произошло, вы прочтете и о волнениях.

Комиссар застонал.

— Представляю, что скажет лорд Палмерстон.

— В общем, на улице стало так жарко, что я предпочел вернуться в это проклятое место, — продолжил художник.

Внутри по-прежнему стоял одуряющий запах крови.

— Определенно, эта работа не для меня.

— Может, вам еще выпить? — предложил Райан.

— Еще чертовски много выпить! Если бы мне не были так нужны деньги...

— Нам нужно побыть здесь одним, — сообщил художнику инспектор. — На улице сейчас спокойно. Подышите свежим воздухом — возможно, полегчает. Или сходите в таверну, это здесь недалеко.

— Хотите побыть одни? Да сколько угодно, торчите здесь хоть до утра.

С этими словами газетчик выскочил из магазина и закрыл дверь.

Комиссар Мэйн стоял, уставившись на прилавок, за которым лежало тело хозяина. Хотя трупа и не было видно, от его незримого присутствия комната казалась совсем маленькой.

— Инициалы на молотке. Вы уверены, что там стояли буквы Дж. П.?

— Стопроцентно, — кивнул Райан.

— Мне было всего пятнадцать, но я помню, как был напуган. Как была напугана моя мать.

— Напуганы? — подал голос Беккер.

— Отец никогда не показывал виду, что чего-то опасается, но я чувствовал: ему тоже страшно.

— Не понимаю, — признался Райан.

— Вы оба слишком молоды и в то время еще не появились на свет. Каждый день я читал об этом все статьи, во всех газетах, какие мог найти.

— Об этом?

— Об убийствах на Рэтклифф-хайвей.

Райан и Беккер непонимающе нахмурились, и тогда комиссар все рассказал.

7 декабря 1811 года, суббота.

События той ночи всколыхнули по всей Англии волну ужаса, равной которой с тех пор не было. Улица Рэтклифф-хайвей получила название не из-за крыс, а от скалы из красного песчаника, что нависает над Темзой. ^[5]Однако в 1811 году крыс здесь все же было великое множество, а отчаяние ассоциировалось с нищетой.

Каждое восьмое здание в том районе было таверной. Процветали азартные игры. На каждом углу толпились проститутки. Воровство приобрело такой размах, что между Рэтклифф-хайвей и лондонскими доками пришлось возвести стену наподобие крепостной.

Незадолго до полуночи торговец одеждой Тимоти Марр попросил своего подручного Джеймса Гоуэна помочь закрыть лавку. Он припозднился — нужно было обслужить моряков, только прибывших в порт и горевших желанием потратить деньги. Марр отправил служанку по имени Маргарет Джуэлл, чтобы она оплатила счет пекарю, а на обратном пути прихватила свежих устриц — пищу дешевую и простую, не требующую готовки. Однако пекарня оказалась уже закрыта, также не работали и все лавки, где можно было купить устриц. Расстроенная служанка вернулась в хозяйскую лавку и обнаружила, что дверь заперта. Ее громкий и настойчивый стук

привлек внимание ночного сторожа, проходившего своим обычным маршрутом, и соседа, которому пришлось прервать поздний ужин, чтобы узнать, кто там шумит.

Сосед перелез через ограду и, обнаружив заднюю дверь незапертой, проник в дом, пошел по коридору и наткнулся на труп Гоуэна с разможенной головой. Все стены были забрызганы кровью. Сосед, трясаясь от ужаса, прошел непосредственно в лавку и замер на месте — возле входной двери распростерлось неподвижное тело миссис Марр. Голова ее превратилась в кровавое месиво, на полу валялись кусочки мозга. Едва способный пошевелиться, сосед все же смог отодвинуть засов на двери. В лавку чуть не сбив его с ног, ввалилась толпа народу. Была там и Маргарет Джуэлл. Она заглянула за прилавок, увидела изуродованное тело Тимоти Марра и завизжала.

Но, как выяснилось, на этом кошмар не закончился. При более пристальном осмотре тел оказалось, что всем — Марру, его жене и подручному — убийца перерезал глотки. Причем в случае с хозяином разрез был таким глубоким, что обнажился шейный позвонок. В комнате в глубине дома нашли разломанную на кусочки колыбельку и мертвого младенца с проломленной головой; горло его также было перерезано.

— Все наличные деньги остались на месте, — подчеркнул комиссар Мэйн. — В спальне обнаружили молоток корабельного плотника с инициалами Дж. П. Его ударная часть была заляпана кровью со слившимися волосами.

— Но... — Беккер замешкался, приводя мысли в порядок. — То же самое произошло и здесь, только убили двоих детей, а не одного.

Комиссар, похоже, даже не заметил, что констебль нарушил все правила, вступив в разговор раньше инспектора.

Теперь подал голос и Райан:

— Рэтклифф-хайвей находится всего в четверти мили отсюда. Вы сказали, суббота, седьмое декабря тысяча восемьсот одиннадцатого года?

— Сорок три года назад, — еле слышно подтвердил Мэйн.

— Сегодня десятое декабря, а не седьмое, но тоже ночь с субботы на воскресенье. Так что можно говорить о почти полном совпадении.

Мэйн кивнул.

— Я вырос в Дублине. Мой отец был судьей.

Прежде Райан и не предполагал, что комиссар ирландец, так же как и он. И, подобно Райану, он почти полностью избавился от ирландского акцента.

— В те давние времена, когда еще не существовало железных дорог, лондонские газеты и журналы доставляли на почтовых каретах. По хорошей дороге они могли передвигаться с потрясающей скоростью десять миль в час, — продолжил рассказ комиссар. — Новости о жестоком убийстве неумолимо распространялись по стране, а вслед за ними катилась волна ужаса. Когда почтовые кареты достигли порта в Холихеде, газеты погрузили на пакетботы, отплывавшие в Дублин. До появления пароходов суда полностью зависели от капризов погоды, находились во власти ветра и бурь. Бывало, им требовалось два дня, чтобы пересечь Ирландское море. Отец всерьез интересовался политикой, и все новости из Лондона представляли для него важность. Репортажи об убийстве на Рэтклифф-хайвей добрались до Дублина спустя пять дней после резни.

Райану и Беккеру показалось, будто стены начали сжиматься вокруг них.

— Мой отец не помнил — да и *никтоне* помнил, — когда зараз убивали столько человек. Да, бывало, разбойник с большой дороги пристрелит ночью одинокого путника. Прохожего могли в темном переулке ограбить да и зарезать там же. Пьяные драки в трактире порой заканчивались тем, что кого-то из драчунов избивали до смерти. Но никто не мог припомнить, чтобы сразу убили троих взрослых и ребенка. Младенца! Да еще с такой жестокостью.

Новости об убийстве распространялись из города в город. Местные газеты перепечатывали подробности, и трагедию обсуждали абсолютно все. Но никто не мог предположить, что за безумец сотворил такое. Когда отец узнал из газет о случившемся — я уже говорил, это было через пять дней, — он заметил своему деловому знакомому, который находился у нас в гостях, что к этому времени убийца может оказаться где угодно. Действительно, он вполне мог находиться на борту пакетбота, доставившего ужасные известия в Ирландию. А то уже и в самом Дублине. Тут отец обнаружил, что я все слышу, и быстренько прикрыл дверь.

В магазине покойного Джонатана похолодало. Когда комиссар поднял глаза, Райан и Беккер увидели, что в них застыла боль.

— Люди боялись покидать дома. Под подозрение попадал каждый незнакомец. Я слышал, что одна состоятельная женщина установила замки даже на внутренних дверях своего дома. Люди шарахались от всякого звука в ночи — они были уверены: это убийца идет по их души. Не сразу, но понемногу паника ослабевала. Однако вскоре страхи вернулись с удвоенной силой — спустя двенадцать дней после первого группового убийства произошло второе.

— Что? — воскликнул изумленный Райан. — Еще одно убийство? Через двенадцать дней?

— Всего в полумиле от лавки Марра. Опять в районе Рэтклифф-хайвей.

— На этот раз убийство было совершено в четверг, — продолжил комиссар. — За неделю до Рождества. Один из завсегдатаев таверны Джона Уильямсона торопился в это питейное заведение в надежде купить пива. Время было уже после закрытия. И тут он услышал крик: «Убийство!» Кричал полуобнаженный мужчина, болтавшийся на связанных вместе простынях, что свисали из окна верхнего этажа таверны.

Мужчина этот снимал у Уильямсона комнату. Он свалился на улицу, где его едва успел подхватить ночной сторож. Мужчина продолжал вопить, а сторож тем временем забарабанил в запертую дверь. Вокруг быстро собиралась толпа. Самые смелые откинули дверцу люка, через который загружали бочонки с пивом, и забрались в подвал. На полу они обнаружили тело Джона Уильямсона с разможенной головой. Орудие убийства — окровавленный ломик — лежало рядом с трупом. Горло жертвы было перерезано. Большой палец на правой руке был почти полностью отрублен, — очевидно, несчастный пытался защищаться.

Из подвала смельчаки поднялись в кухню и обнаружили там в луже крови жену Уильямсона: голова также разбита, горло перерезано. Подле нее лежало тело девушки-служанки с аналогичными повреждениями. Немного пришедший в себя жилец сообщил, что находился у себя в комнате, услышал снизу страшный шум и спустился посмотреть, что происходит. Стоя на последней ступеньке,

он заглянул в кухню и увидел рядом с телом миссис Уильямсон какого-то мужчину. Он жутко перепугался и, страшась каждого звука, прокрался обратно в комнату, связал вместе простыни и попытался выбраться через окно.

Сообщения о резне распространились повсеместно. Зазвонили пожарные колокола. Мужчины похватали пистолеты, сабли и выбежали на улицы, охотясь на всех и каждого, кто выглядел хоть чуточку подозрительно. Один такой доброволец долго преследовал мужчину, которого считал убийцей, но на самом деле невиновного, тот в итоге вытащил пистолет и пальнул преследователю прямо в лицо. Все иностранцы, в особенности ирландцы, априори считались виновными.

Комиссар сделал паузу после того, как упомянул про ирландцев, — удостовериться, что Райан прочувствовал весь ужас тогдашних дней.

— Чужаки прятались и от этого вызывали еще больше подозрений. Окна во всех домах были постоянно закрыты ставнями. Ночных сторожей нанимали, чтобы охранять дома, а потом их же начинали считать убийцами. Почтовые кареты доставляли газеты с новостями во все районы страны, и вместе с ними ширилась паника. Расположенные обособленно деревушки вооружались, их жители были убеждены, что убийца бежит из Лондона и непременно через их края, оставляя позади горы новых трупов. Помню, я ужасно напугался, когда услышал, как один из отцовских друзей сказал: «Мы больше не можем чувствовать себя в безопасности даже в собственных постелях». Я читал, что в Лондоне толпы людей устремлялись в церкви молить Господа о спасении своих жизней, но обнаруживали лишь приколотые к дверям объявления, гласившие: «Среди нас есть чудовища».

— Чудовища, — повторил Райан.

— Представьте всеобщее облегчение, когда анонимный источник привлек внимание к некоему Джону Уильямсу. Этот молодой матрос с торгового судна недавно вернулся из длительного плавания, а его страсть постоянно ввязываться во всякого рода стычки была хорошо известна.

— Джон Уильямс? — переспросил озадаченный Беккер.

— Верно. Он снимал комнату в нескольких минутах ходьбы от мест обоих преступлений. До него там обитал корабельный плотник и

оставил после себя целый ящик инструментов. Среди прочего был и большой молоток с выцарапанными на ударной части инициалами плотника: «Дж. П».

— Дж. П. Эти инициалы были на молотке, который мы обнаружили здесь, — сказал Райан.

— Теперь вы понимаете, почему я так встревожился. Владельцу мебелированных комнат, где квартировал Уильямс, был знаком этот инструмент. Он опознал орудие убийства, оставленное в лавке Марра. В ночь второй резни Уильямс, когда вернулся в мебелированные комнаты, — после того как пошли разговоры о новом убийстве, — вел себя, по сообщениям очевидцев, довольно странно. Припомнили, что одежда у него была перепачкана кровью, однако сам Уильямс утверждал, будто подрался в таверне.

Уильямса задержали и поместили в тюрьму Колдбат филдз, где он провел сочельник, Рождество и День подарков. ^[6] Допросить его предполагалось сразу после каникул. Но когда судьи собрались на заседание, куда проникли и любопытствующие, желавшие посмотреть и послушать, как будут допрашивать предполагаемого убийцу, из тюрьмы поступило сообщение, что стража обнаружила Уильямса мертвым в его камере.

— Мертвым? — удивился Беккер.

— Самоубийство. Под потолком его камеры имелось что-то вроде балки, на которой тюремщики проветривали постельное белье. Уильямсу позволили оставить одежду, так он привязал платок к этой балке, сделал петлю и удавился. Но самое ужасное было еще впереди.

— Трудно это представить, — прошептал Райан.

— Власти сочли, что самоубийство Уильямса равносильно признанию им вины. Обычно, чтобы продемонстрировать, что случается с чудовищами, когда их ловят, устраивают публичную казнь. Однако в данном случае это было невозможно, поэтому 31 декабря тело Уильямса привязали к наклонной платформе, установленной на телеге, и в таком виде вывезли в город для всеобщего обозрения. В углубление слева от головы положили плотницкий молоток. Над головой лежал ломик. С противоположной стороны от молотка в таком же углублении поместили еще один предмет, которому вскоре предстояло сыграть главную роль во всей церемонии.

Лошадь тащила телегу по Рэтклифф-хайвей, и на всем пути следования толпились зрители. Впереди и позади шествовало огромное число политиков — все желали, чтобы их заметили. Процессия достигла лавки Марра, в которой произошло первое убийство, и остановилась. Телегу поставили таким образом, чтобы лицо Уильямса смотрело на место его чудовищного злодеяния. Через десять минут движение возобновилось, и вскоре все оказались у таверны, в которой было совершено второе ужасное преступление. В общей сложности вдоль дороги собралось и наблюдало за процессией двадцать тысяч человек. Они были необычайно молчаливы, как будто учиненная Уильямсом двойная бойня немного повредила их рассудок. Единственным человеком, проявившим эмоции, оказался какой-то кучер. Он прорвался к телеге и несколько раз прошелся кнутом по неподвижному лицу покойника.

Инспектор дернул щекой.

— Последнюю остановку повозка совершила на пересечении Кэннон и Кэйбл-стрит. Из мостовой быстро выковыряли брусчатку, выкопали яму. В нее кинули тело Уильямса. Из углубления, противоположного тому, где лежал молоток, извлекли предмет, о котором я упомянул. Это был кол.

— Что? — переспросил Райан.

— В яму спрыгнул человек, исполнявший роль палача, и забил кол в сердце Уильямса. Тело засыпали негашеной известью. Потом яму забросали землей, положили на место брусчатку. Когда я узнал эти подробности, я спросил отца, зачем был нужен кол. Он рассказал, что таково старинное поверье: только если пронзить сердце колом, можно быть уверенным, что злой дух не сможет вернуться к жизни и вновь творить свои гнусные дела.

— А почему его похоронили на перекрестке? — поинтересовался Беккер.

— Еще одно суеверие, — пожал плечами комиссар. — Если, несмотря на кол, дух чудовища сможет каким-то образом явиться в мир живых, он навечно окажется в ловушке — не будет знать, какую из четырех дорог выбрать. Первое время вынутые из мостовой и установленные назад камни выпирали над остальными, обозначая место захоронения чудовища, и проезжавшие через перекресток старались его миновать, чтобы не осквернить себя соприкосновением с

могилой убийцы. Но постепенно поверхность проезжей части выровнялась. Люди забыли, где был похоронен Уильямс, забыли, что его вообще похоронили.

— Я часто прохожу этот перекресток, — сообщил Райан, — но ничего не подозревал.

— Узнав, что с кошмаром покончено, я смог наконец спать спокойно и не бояться, что Уильямс поджидает снаружи, в темноте, — закончил рассказ Мэйн.

— Все действительно закончилось? Убийств больше не было?

— Нет, не было.

В доме что-то скрипнуло, как будто пошевелилось мертвое тело. Но конечно, все дело было в сильном ночном ветре, от которого раскачивались ставни и дрожали стекла в окнах. Тем не менее Райан, Беккер и комиссар, точно по команде, уставились на закрытую дверь, ведущую к трупам в коридоре, кухне и спальне.

— Это убийство... вы думаете, кто-то нашел старый молоток и нацарапал на нем инициалы Дж. П., чтобы вызвать ассоциации с теми убийствами? — спросил Беккер. Тут тревожная мысль пришла ему в голову, и констебль поежился. — Или же... Но нет, такое вряд ли возможно.

— Говорите, что у вас на уме, — попросил Райан. — Если будем работать вместе, хотелось бы, чтобы вы не держали ничего при себе.

— Может это быть тот же самый молоток, которым пользовался убийца сорок лет назад?

Внезапно открывшаяся входная дверь заставила всех троих вздрогнуть.

Вошел бородатый художник из «Illustrated London News».

— Ваше? — спросил он Райана и протянул кепку. — Ее подобрал один из патрульных. Он решил, что вы вроде потеряли такую.

— Да, это моя. Спасибо. — Райан натянул кепку на голову, получив наконец возможность скрыть рыжие волосы. — Сколько лет в редакциях хранятся старые выпуски газет?

— В «Illustrated» имеются все номера с тысяча восемьсот сорок второго года, когда газета начала издаваться.

— Нас интересует восемьсот одиннадцатый. И любые зарисовки орудия убийства, которые могли сделать в тот год.

— Тогда еще газеты не публиковали никаких рисунков. Мы были первыми. А убийство? О каком убийстве вы говорите?

— На Рэтклифф-хайвей.

— Ах, об этих, — произнес художник как ни в чем не бывало.

— Вы знаете об этих убийствах? — воскликнул изумленный комиссар. — Откуда? Вы слишком молоды и в одиннадцатом году еще не родились.

— Разумеется. Я прочитал о них на прошлой неделе.

— Прочитали? — Беккер был удивлен не меньше комиссара.

— В эссе «Убийство как одно из изящных искусств».

— О чем вы, черт побери, говорите? — спросил Райан.

— О любителе опиума. О Томасе Де Квинси.

— Всем известно, кто такой Де Квинси. Но какое он имеет отношение к...

— В пятницу я делал его портрет для нашей газеты. Сейчас выходит в свет сборник его произведений. Он встречался с журналистами, чтобы о нем напечатали в газетах и тем самым способствовали росту продаж книг. Недостойно это, если хотите знать мое мнение. Но когда этот Любитель Опиума вел себя достойно?

— Я по-прежнему не...

— Эссе «Убийство как одно из изящных искусств». Это другая книга, совсем не то что рассказы о курении опиума. Ну и поскольку я его рисовал, то решил почитать, сам узнать, из-за чего такой ажиотаж.

Словно ставя точку в повествовании, бородатый художник поднес ко рту фляжку, отхлебнул и сказал:

— Де Квинси писал не только о своем пристрастии к опиуму. В этом эссе он описывает убийства, совершенные на Рэтклифф-хайвей.

— Что?

— Он снова и снова возвращается к ним. Это самая кровавая книга, которую я читал в своей жизни. Мне после нее снятся кошмары. Он приводит столько отвратительных подробностей, что можно подумать, Де Квинси сам там был.

Глава 5

ВЕЛИЧИЕ УБИЙСТВА

Патерностер-роу получила название в четырнадцатом веке, из-за того что на этой улице хорошо было слышно, как монахи поют «Патерностер» ^[Z] в расположенном поблизости соборе Святого Павла. В те времена в лавках на Патерностер-роу продавали религиозные тексты и четки. Но к 1854 году здесь сосредоточился центр лондонского издательского мира. В шесть часов утра (как раз прозвонили колокола в соборе, пробуждающие добропорядочных граждан и созывающие их на утреннюю службу) Райан и Беккер вышли из полицейского экипажа.

Было еще темно, но туман рассеялся, и полицейские увидели по обеим сторонам улицы огромное количество книжных лавок. Многие принадлежали книгоиздателям, которые в дневные часы выносили на улицу столы и предлагали прохожим свою продукцию. Однако в шесть часов утра в воскресенье глупо было надеяться обнаружить работающую лавку, поэтому Райан и Беккер просто пошли вдоль по улице, стуча во все двери в надежде, что кто-нибудь из торговцев здесь же и живет.

Наконец в одном из домов открылось окно второго этажа, и наружу высунулся заспанный старик.

— Что за шум?

— Вы здесь работаете? — крикнул Райан.

— Да. Убирайтесь.

Старик собрался закрыть окно, но инспектор поднял руку.

— Полиция. Нам нужно с вами поговорить.

— Полиция?

Хотя это заявление, похоже, произвело на владельца лавки должное впечатление, прошло несколько минут, пока он спустился со второго этажа и открыл входную дверь. Старик был одет в пижаму и ночной колпак. Белая борода курчавилась на запавших щеках.

— Эти колокола и так громко трезвонят, а тут еще вы стучитесь, — проворчал он.

Надевая трясущимися руками очки, старик откровенно недоумевал, что констебль в форме делает в обществе подозрительного типа с рыжими волосами, которых не могла полностью скрыть легкомысленная кепочка.

— Любитель Опиума, — сказал Райан.

— Томас Де Квинси? — Старик проигнорировал инспектора и его поношенное пальто и обратился к Беккеру, щеголявшему в новенькой форме: — А что вас интересует? Здесь вы его не найдете. Встреча с ним проходила в субботу.

— Мы ищем книги, которые он написал.

Старик снова не обратил внимания на Райана и продолжил, глядя на констебля:

— Они хорошо расходятся. У меня осталось всего несколько экземпляров.

— Нам нужно прочитать их, — сообщил Райан.

— По воскресеньям мы не работаем. — Старец упорно игнорировал инспектора и общался исключительно с Беккером. — Но вы приходите после службы. Для констебля я сделаю исключение.

— Нет, мы читаем их сейчас.

Райан оттер владельца лавки плечом и прошел внутрь.

Страницы переплетенного в кожу тома необходимо было разрезать. Беккер с трудом скрыл удивление, когда инспектор задрал штанину, вынул нож из закрепленных на ноге ножен и принялся за книгу.

— Будьте осторожны, — взмолился смирившийся с неизбежным старик. — Покупатели очень требовательны к тому, как разрезаны их книги. И скажите, констебль, с каких пор арестантам дозволяется иметь при себе ножи?

— Это не арестант. Инспектор полиции Райан.

— Ирландец.

Старик кивнул с таким видом, будто его подозрения полностью подтвердились.

— Расскажите нам, что собой представляет книга «Убийство как одно из изящных искусств», — попросил Райан.

— Сдается мне, вы знаете побольше моего.

Инспектор впился в старика взглядом, и тот поднял руки вверх.

— Если вы говорите об этих эссе Де Квинси...

— Об этих? — уточнил Райан. — Де Квинси написал не одно эссе об убийстве?

— Три. И все они содержатся в этой книге, которую вы пытаетесь изуродовать. Де Квинси просто наслаждается своими убийствами.

— Убийствами?

— Написав «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум», он пообещал, что следующая книга будет называться «Исповедь убийцы».

Полицейские разинули рты.

— Но вместо книги об убийствах он написал три эссе на эту тему, — открывая книгу, сообщил старик.

Пораженные Райан и Беккер узнали о мужском клубе, в котором читались доклады о самых громких преступлениях человеческой истории. Клуб носил имя Уильямса, в честь Джона Уильямса, человека, обвиненного в двух групповых убийствах на Рэтклифф-хайвей.

— Господи! Вы только посмотрите, как Де Квинси воспевает убийства, — сказал Райан. — Вот: «Самое грандиозное из когда-либо совершенных. Его гений просто поражает».

— И здесь! — воскликнул изумленный Беккер и процитировал: — «Самое потрясающее в этом столетии. Равных ему не было и не будет. Гений. Все прочие убийства бледнеют в кровавых отблесках этого».

— Этот Де Квинси, похоже, сумасшедший.

Полицейские узнали от старика, что последнее эссе Де Квинси об убийствах было опубликовано буквально в предыдущем месяце. В нем Любитель Опиума на пятидесяти страницах в красочных, кровавых подробностях рассказывает о совершенных Уильямсом групповых убийствах. Несмотря на то что с тех пор прошло уже сорок три года, описание было настолько ярким, что казалось, будто убийства случились предыдущей ночью.

«Он явился сюда отнюдь не для прогулки по многолюдным улицам. Сказать — значит сделать. Тем вечером он втайне дал себе слово исполнить замысел, уже в целом набросанный, коему суждено было поразить наутро словно громом „все могучее сердце Лондона“... Впоследствии вспоминали, что Уильямс покинул свое

жилище ради задуманного мрачного предприятия около одиннадцати часов вечера; приступить к делу столь рано он вовсе не намеревался — необходимо было провести рекогносцировку. Инструменты он скрывал за бортом наглухо застегнутого просторного плаща».

Райан ткнул пальцем в следующую страницу.

— Лавка Марра была открыта до полуночи. Уильямс прятался в темноте на противоположной стороне улицы. Служанку отослал с поручением хозяин. Мимо проходил ночной сторож, и он помог Марру затворить ставни. Потом...

«Уильямсу пришлось дожидаться, когда затихнут за углом шаги сторожа: прошло, наверное, секунд тридцать, не более; одна опасность миновала, но возникла новая — а что, если Марр запрет дверь? Поворот ключа — и убийца лишится доступа в дом. Уильямс стрелой ринулся за порог — и ловким движением левой руки повернул ключ в замке, оставив Марра в неведении относительно этой роковой уловки».

— Левой руки, — повторил Беккер. — Откуда Де Квинси может знать, что Уильямс повернул ключ именно левой рукой?

«Подойдя к прилавку вплотную, вошедший попросил хозяина показать ему пару грубых хлопчатобумажных носков».

— Хлопчатобумажных носков? А об этом как он узнал? Ведь в комнате находились только убийца и его жертва!

«Убийца наверняка хорошо изучил, какие товары где хранились: он уже заранее удостоверился в том, что для извлечения требуемого Марру потребуется развернуться спиной и, обведя глазами одну из верхних полок, снять коробку с высоты приблизительно восемнадцать дюймов».

— Восемнадцать дюймов?! — Теперь уже и Райан не смог сдержать возглас удивления. — Откуда такая точность?

«Эти телодвижения устраивали злоумышленника как нельзя более: едва только Марр, обратив к нему беззащитный затылок, занялся поисками, убийца внезапно извлек из-под широкого плаща увесистый молоток судового плотника и одним-единственным мощным ударом лишил жертву всякой способности к сопротивлению».

— Все в точности как произошло прошлым вечером, даже хлопчатобумажные носки мы обнаружили на полу! — воскликнул Беккер. — Владелец лавки как раз, наверное, потянулся достать их. Вот — прочитайте про младенца.

«...Негодяй столкнулся с двумя затруднениями: сначала его смутило дугообразное покрытие над навесом колыбели, которое он сокрушил ударом молотка, а затем перегородки, которые не позволили ему свободно наносить удары. Уильямс завершил свои манипуляции, как обычно, полоснув бритвой по горлышку невинного малютки, после чего без всякой видимой причины, как если бы смутившись картиной собственного злодеяния, не поленился нагромоздить над бездыханным тельцем целую грудю белья».

— То же самое, что обнаружили мы.

— Два, — вдруг произнес Райан.

— Что?

— Уильямс совершил два убийства.

Инспектор перевернул страницу, и глазам его предстали строки, описывающие новые ужасы: случившееся двенадцать дней спустя зверское убийство хозяина таверны, его жены и служанки.

— Посмотрите на фамилию владельца таверны, — сказал констебль.

— И что с ней?

Беккер ткнул в строчку на странице.

— Джон Уильямсон.

— И? — спросил Райан.

— Убийцу звали Джон Уильямс, а жертву второй резни — Джон Уильямсон.

Инспектор в растерянности уставился на Беккера.

— Джон Уильямс. Джон Уильямсон. Как будто они родственники. Вроде как отец убивает сына.

— Это наверняка совпадение, — заявил Райан. — Комиссар непременно упомянул бы о том, что между убийцей и жертвой существует родственная связь. Кроме того, в нашем случае это невозможно. Уильямс по возрасту вполне мог бы быть сыном хозяина таверны, но никак не отцом. Нет, это не имеет смысла. Лучше взгляните, в каких подробностях этот Де Квинси описывает совершенные убийства.

«Служанку убийца застал стоящей на коленях: она натирала графитом каминную решетку. Покончив с этим поручением, она принялась за другое и стала заполнять очаг углем и растопкой... Миссис Уильямсон, вероятно, не видела вошедшего, поскольку стояла спиной к двери. Ее-то, до того как его заметили, Уильямс и сразил сокрушительным ударом по затылку; этот удар, нанесенный ломиком, раздробил едва ли не половину черепа. Миссис Уильямсон упала; шум ее падения привлек внимание служанки — вот тогда-то у нее и вырвался крик... крикнуть во второй раз она не успела; убийца, взмахнув своим орудием, расколол ей череп с такой силой, что осколки врезались в мозг. Обе женщины были несомненно мертвы — и продолжать душегубство попросту не имело смысла... однако убийца немедля принялся перерезать обеим глотки. ...Служанка, стоявшая на коленях, так и не успела разогнуться — и подставила голову ударам без сопротивления; после чего негодяю оставалось только откинуть ей голову, чтобы обнажить горло».

— Я словно сам там побывал, — негромко поделился своими ощущениями Беккер. — Сорок три года прошло, а этот Любитель Опиума пишет об убийствах так, как будто все случилось вчера.

— Он испытывает радость, описывая кровавую бойню. — Райан схватил книгу и порывисто вскочил на ноги. — Нам нужно с ним

поговорить.

— С кем? С Де Квинси?

На лестнице слышались шаги, а через секунду полицейские увидели владельца книжной лавки — он оделся для воскресной службы, а в руке держал псалтырь.

— Вы сказали, он был здесь в субботу? — уточнил Беккер.

— Да. Сидел вон в том кресле. Не очень-то ему было хорошо. Лоб у него блестел от пота. Сидел вроде спокойно, но безостановочно болтал ногой. Вероятно, ему требовалось принять лауданум. Но его дочь периодически приносила чай, и он смог ответить на все вопросы покупателей. И, должен признаться, продал много книг. Кстати, вы собираетесь купить эту, которую так ужасно изуродовали?

— Со скидкой для служителей закона.

— Разве кто-то говорил про скидку?

Райан положил на стол половину от стоимости книги.

— Вам известно, куда он направился?

— Ну, я знаю, что живет он в Эдинбурге.

— Уехал в Шотландию? Нет!

— Но у меня сложилось впечатление, что ближайшую неделю они с дочерью проведут в Лондоне.

— Где? — продолжал расспросы Райан.

— Не имею представления. В отличие от вас, полицейских, — язвительно заметил старик, окинув пренебрежительным взглядом потертое пальто инспектора, — я не интересуюсь личными делами других людей. Возможно, его издателю что-нибудь известно.

— Где нам искать этого издателя?

— Адрес можно обнаружить в книге, за которую вы требуете скидку. Но если хотите поговорить с Де Квинси в ближайшее время, думаю, этот адрес вам не поможет.

— Почему?

— Издатель тоже проживает в Эдинбурге.

Райан и Беккер бегом покинули книжную лавку и забрались в экипаж.

— Вокзал Ватерлоо, — сказал инспектор кучеру.

Люди, направлявшиеся на службу в собор Святого Павла, неодобрительными взглядами провожали Райана, уверенные, что

полиция арестовала этого рыжего ирландского бандита.

— Де Квинси писал о двух случаях, — подал голос Беккер.

Райан кивнул.

— Да, на Рэтклифф-хайвей было совершено два убийства. Что у вас на уме, Беккер?

— Как вы считаете, будут еще убийства?

Экипаж подъезжал к мосту Ватерлоо, и плотно застроенные домами улицы уступили место широкой речной долине; по реке плыли, оставляя за собой кильватерные струи, пароходы, баржи и простые лодки.

Беккер заметил, что инспектор сидит, уставившись в пол, и совершенно не смотрит по сторонам, на широкую, могучую реку. Он с такой силой ухватился за борта коляски, что костяшки пальцев побелели. Только когда они оказались на противоположном берегу и стали удаляться от Темзы, Райан расслабился и оторвал взгляд от пола.

— С вами все в порядке? — осторожно спросил Беккер.

— А почему вы спрашиваете?

— Мне показалось, вам было не по себе, когда мы переезжали через реку.

— Мне не по себе от этого убийства.

Они вылезли из экипажа, прошли через высокую арку и оказались в огромном здании вокзала.

Райан еще помнил времена, когда не существовало железных дорог. Первая — соединившая Ливерпуль и Манчестер — была построена в 1830 году, когда ему исполнилось шестнадцать. До того большинство перевозок осуществлялось конными экипажами, которые — как отметил комиссар Мэйн — могли двигаться не быстрее десяти миль в час. Впрочем, поддерживать на всем протяжении маршрута такую поразительную скорость способны были лишь почтовые кареты, благодаря сети почтовых станций, на которых меняли лошадей. Сейчас же, когда всю страну избороздили железные дороги, стало возможным путешествовать с ранее невообразимой скоростью шестьдесят миль в час.

Однако для того, чтобы вся система нормально функционировала, требовалось четкое согласование времени прибытия и отправления поездов. В результате население основательно переосмыслило свое отношение к времени и расстоянию. До появления железнодорожного

транспорта часы в деревушке, скажем, в северо-западной Англии могли показывать десять минут восьмого, а в другой деревушке, расположенной в сотне миль от первой, время отставало на двадцать минут. Такое расхождение было незаметно в эпоху путешествий на каретах, запряженных лошадьми, когда расстояние между двумя этими деревнями преодолевалось более чем за десять часов.

Но теперь, когда поезда пролетали те же самые сто миль за какой-то час и сорок минут, разница во времени стала играть важную роль. При наличии несогласованности во времени практически во всех уголках Англии создание единого, скоординированного расписания движения представлялось невозможным. Тогда решено было принять за эталонное время, установленное Королевской Гринвичской обсерваторией в Лондоне, и все часы на железной дороге (а в скором времени и вообще все часы по всей стране) начали показывать одинаковое время, так называемое «железнодорожное».

Удивительно, но оказалось, что информация может преодолевать расстояние даже быстрее пассажира, едущего на поезде, и покрывать сотни миль не за несколько часов, а (поразительно!) лишь за несколько секунд. Возможным это стало благодаря появлению вслед за железными дорогами и быстрому распространению телеграфной связи. Телеграфист отстукивает ключом текст — и сообщение летит к адресату с прежде совершенно немыслимой скоростью.

В отделении телеграфа на вокзале Ватерлоо Райан продиктовал оператору сообщение для издательства Джеймса Хогга, расположенного по адресу: Шотландия, Эдинбург, Николсон-стрит, 4. Этот адрес был указан в книге.

Текст телеграммы гласил:

**ЛЮДИ В ОПАСНОСТИ. НЕМЕДЛЕННО СООБЩИТЕ
ЛОНДОНСКИЙ АДРЕС ТОМАСА ДЕ КВИНСИ.**

— Можно подумать, будто Де Квинси находится в опасности, — заметил Беккер.

— Так мы сможем быстрее получить ответ.

Пока полицейские разговаривали, сообщение должно было уже долететь до эдинбургского телеграфа. Через несколько минут посыльный отправится с запечатанным конвертом по адресу, где

находится контора Хогга. Если издателя на месте не окажется (а скорее всего, так и получится — ведь на дворе воскресное утро), посыльный начнет расспрашивать всех подряд, пока не узнает, где находится квартира Хогга.

Вторую телеграмму Райан отправил в отделение полиции Эдинбурга.

РАССЛЕДУЕМ УБИЙСТВО. СРОЧНО РАЗЫЩИТЕ ПО ЭТОМУ АДРЕСУ ДЖЕЙМСА ХОГГА. НЕОБХОДИМО ЛОНДОНСКОЕ МЕСТОЖИТЕЛЬСТВО ТОМАСА ДЕ КВИНСИ.

— А теперь вы составили текст так, будто Де Квинси подозреваемый.

— А разве нет? — парировал Райан. — Эдинбург по сравнению с Лондоном небольшой город, и после обеда одна из двух телеграмм должна принести какие-то плоды. Двадцать лет назад, когда я служил, как и вы сейчас, констеблем, в Эдинбург даже не ходили поезда. Не говоря уже о наличии телеграфной связи. На это ушли бы недели.

— А если Хогг находится в отъезде? Он может оказаться и в Лондоне.

— Тогда я прикажу патрульным проверить все лондонские гостиницы и отыскать его. Как бы там ни было, я намереваюсь узнать, где находится этот чертов Де Квинси.

На месте преступления по-прежнему толпился народ.

Едва Райан и Беккер выпрыгнули из экипажа, к ним тут же подбежал констебль и отрапортовал:

— Инспектор, соседи, с которыми я поговорил, ничего такого не заметили.

— То же и у меня, — сообщил другой. — Туман и холод загнали всех в дома.

— Я нашел молоденькую шлюху, так она утверждает, что видела незнакомого человека, — доложил третий констебль.

— Должно быть, ей пришлось совсем туго, раз она вышла работать вчера ночью, — хмыкнул Райан.

— Это одна причина, почему она его заметила. Никого больше рядом не было.

— Одна? — прищурился Райан.

— Она говорит, что пошла к нему, но этот парень так на нее взглянул, что бедняжка поняла: если подойдет еще ближе, то нарвется на неприятности. Говорит, ни у кого еще не видела таких жутких глаз.

— Она описала этого незнакомца?

— Высокий. Широкоплечий. В матросском плаще и шапке. С желтой бородой.

— С желтой? Не многие люди имеют бороды такого цвета. Мы просмотрим полицейский каталог и поищем нашего парня. — Райан знал, что, если этого человека арестовывали за последние десять лет, информация о его прозвищах, возрасте, росте, весе, татуировках, родимых пятнах, шрамах и других характерных приметах должна была быть записана во время ареста. — А девушка не обратила внимания, куда он направился?

— Она говорит, у нее хватило ума пойти в противоположную сторону.

— Продолжайте опрашивать соседей. И расширьте зону поиска.

Райан и Беккер двинулись в таверну и прошли в заднюю комнату, где двое патрульных стерегли закованного в наручники подозреваемого.

Тот продолжал утверждать, что накануне сильно выпил и не помнит, где именно был и что делал, а также не может назвать никого, кто бы подтвердил, где он находился во время убийства.

— У него башмаки подбиты гвоздями, — обратил внимание инспектора Беккер. — А следы, которые мы нашли, были другие.

— Конечно подбиты, как же иначе? — проворчал пленник. — Я не могу себе позволить постоянно ставить новые подметки.

— Существует вероятность, что он сменил обувь, — заметил Райан. — Однако размер он бы сменить не смог.

— Проверим.

Беккер стащил башмак с ноги возмущенного арестанта и отправился на улицу, чтобы сравнить со следами в переулке, — к этому времени гипс должен был уже высохнуть.

Через несколько минут констебль вернулся и кратко доложил:

— Слишком маленькие.

Райан поскреб затылок.

— Похоже, он тут ни при чем.

— Инспектор Райан?

Он повернулся. В дверях стоял констебль.

— Тут вас мальчонка разыскивает. Говорит, у него телеграмма.

Райан прочитал текст и улыбнулся.

— А вот и адрес Де Квинси.

Продолжение дневника Эмили Де Квинси

Ко всем приключениям, которые мне довелось пережить с отцом, теперь добавилось еще одно: нас арестовали. Правда, констебль Беккер и подозрительный рыжий тип — он представился как инспектор Райан — утверждают, что это вовсе не арест, но их мрачный вид и поспешность, с которой нас усаживали в полицейскую коляску, опровергают их слова.

— Ехать с вами в Скотленд-Ярд? С какой стати? — возмутился отец.

Туман сгустился на глазах.

— У нас к вам есть вопросы, — заявил рыжий.

— Какие?

— Об убийствах на Рэтклифф-хайвей.

— Все, что я хотел рассказать о них, можно найти в моей последней книге. Почему вас так беспокоит то, что произошло сорок три года назад?

— Не сорок три года назад, — покачал головой рыжий.

Инспектор? Больше смахивает на бандита.

— Разумеется, это было сорок три года назад, — раздраженно бросил отец. — Что, полицейских не учат считать? Отнимите тысячу восемьсот одиннадцать от...

— Вчера поздним вечером, — оборвал его Райан.

— Простите?

— Убийство было совершено вчера вечером.

Вмиг словно похолодало. Несмотря на густой туман, я увидела, как отец выпрямился.

— Убийство? Вчера вечером? — прошептал он.

— Кто-нибудь может подтвердить, что вы делали вчера между десятью вечера и полуночью? — спросил Беккер.

Из уст Райана вопрос, возможно, прозвучал бы как обвинение, но констебль сумел задать его ненавязчиво.

— Нет.

— Пожалуйста, расскажите нам, где вы находились в этот отрезок времени, — дружелюбным тоном попросил констебль.

— Я не знаю.

— Не знаете? — невежливо перебил отца Райан. — У вас от пристрастия к лаудануму память ослабла?

— Моя память в полном порядке.

— Тогда, наверное, вы вчера вечером приняли такую дозу, что уже не соображали, что делаете?

— Я знаю, что делал, но не знаю где.

Райан покачал головой.

— Что опиум делает с людьми!

Констебль Беккер шагнул ко мне и спросил тем же дружелюбным тоном:

— Могу я узнать ваше имя, мисс?

— Эмили Де Квинси. Это мой отец.

— Вы не поможете нам понять, что он имеет в виду?

— Я имел в виду именно то, что сказал, — произнес отец. — Если бы вы спросили меня, что я делал, а не где был, я бы ответил вам: гулял.

— Гуляли? Так поздно? — снова вмешался грубый Райан.

Туман продолжал заключать нас в свои объятия.

Я, кажется, разгадала хитрый замысел полицейских. Рыжий инспектор своим поведением пытался запугать нас, в то время как констебль проявлял участие; таким образом они пытались сбить нас с толку и заставить сделать какое-нибудь необдуманное заявление.

— Отец подолгу ходит, — объяснила я. — Особенно когда пытается сократить дозу лауданума. Тогда он ходит очень много.

— Как-то в Озерном крае я за лето прошагал две тысячи миль, — с гордостью сообщил отец.

— Две тысячи миль? — Райан не скрывал изумления.

— Здесь холодно, — сказал отец. — Может, не будем стоять на улице и привлекать внимание соседей, а пройдем в дом?

— Нам нужно ехать в Скотленд-Ярд, — безапелляционно заявил Райан.

— А в вашем экипаже имеется уборная или вы остановитесь по дороге, чтобы мы могли ее поискать? — спросил отец и повернулся ко мне. — Дорогая, извини за такие подробности.

Теперь уже отец пошел на хитрость. Он никогда не употреблял слова «уборная» — сортир и сортир.

— Ничего страшного, папа.

— А в доме уборная самая что ни на есть примечательная, — сообщил отец полицейским. — Наша экономка говорит, ее оборудовали устройством вроде того, что демонстрировалось на Всемирной выставке в Гайд-парке три года назад. «Нажал — смыл» — такая, кажется, табличка висела возле него. Экономка рассказывает, что изобретатель брал пенни за каждый «смыв». Всемирную выставку посетило почти шесть миллионов человек. И каждый заплатил по пенни, представляете?

— Ну хорошо, — вздохнул Райан. — Пройдемте в дом.

Когда мы вчетвером вошли в гостиную, миссис Уорден последовала за нами и всем своим видом выражала живейший интерес к происходящему; похоже, она не могла дождаться, когда же Любителя Опиума начнут допрашивать полицейские.

— Я разожгу камин, — предложила она, найдя повод остаться и послушать.

— Не утруждайте себя, — сказал Райан. — Мы здесь не задержимся, так что не стоит нагревать комнату.

— Отец ничего не ел с самого завтрака, — обратилась я к экономке. — Принесите, пожалуйста, чай и бисквиты.

Миссис Уорден не двинулась с места.

— Пожалуйста, — с нажимом попросила я.

Экономка с неохотой отправилась выполнять свои обязанности, при этом едва не застряла широченным платьем в дверях. Я предположила, что она станет подслушивать из кухни.

После ухода миссис Уорден все мужчины по очереди — сказывалась холодная погода — воспользовались тем, что отец продолжал именовать уборной. Она находится у нас на первом этаже. Несмотря на то что живем мы в фешенебельном районе

Лондона, где специальная компания подает воду в жилые дома, работает система ненадежно. Если бы уборная располагалась выше, давления воды для ее нормальной работы было бы недостаточно.

Хотя все в доме ходили туда-сюда, я заметила, как отец украдкой поднялся по лестнице, а через пару минут вернулся в гостиную. В помещении было довольно прохладно, но лоб отца покрывала испарина. Утром он тоже вспотел, но тогда лоб блестел от физических упражнений, а сейчас... такого рода испарина была мне, к сожалению, хорошо знакома и могла означать только одно.

— О, отец, — прошептала я с досадой.

Он только пожал плечами. Пальто с левой стороны оттопыривалось — там, конечно же, находилась фляжка с лауданумом. В общем, этого следовало ожидать — ведь я знаю, как тяжело (в физическом смысле) отцу, когда он общается с чужими людьми.

— Что вы хотели сказать этим «о, отец»? Что-то важное? — любопытствовал констебль Беккер.

Взгляд его перебежал с моего лица на лицо отца. При свете горевшей в гостиной лампы я увидела на подбородке у констебля шрам. Впрочем, этот маленький изъян его нисколько не портил.

— Дочь просто обратила мое внимание, что она очень устала.

— Отец, совсем наоборот.

— Вчера вечером вы отправились на прогулку? — спросил Райан.

— В последнее время я беспокойно себя чувствую, — ответил отец. — Не стыжусь признаться, что задолжал большие суммы денег. Мне пришлось одновременно внести арендную плату за шесть квартир.

— Отец, если бы не твои книги, тебе не нужно было бы столько. — Я повернулась к констеблю и пояснила: — Он забивает книгами один дом, потом снимает другой и так далее.

— Эмили, это семейное дело, и давай не будем выносить сор из избы. Некоторые домовладельцы были настолько бессердечны, — сообщил отец, обращаясь к полицейским, — что волокли меня в суды и даже в тюрьму.

— В тюрьму? — встрепенулся Райан.

— Да, в тюрьму. И как я мог, по-вашему, там работать, чтобы расплатиться с долгами и содержать свою дорогую, ныне покойную,

жену и восьмерых (тогда восьмерых) детишек? Спасибо друзьям, которые погасили мои долги, так что я смог выйти на свободу. Но теперь, как вы понимаете, я был должен еще и друзьям, так же как домовладельцам, мяснику и пекарю. Видите, это нарастало как снежный ком. Порой, чтобы не попасть в лапы бейлифа, я вынужден был ночевать в стогу сена. Но все это сущие мелочи по сравнению с тем, что мне довелось пережить, когда я в возрасте семнадцати лет жил на холодных лондонских улицах.

Констебль нахмурился.

— Мисс Де Квинси, ваш отец всегда разговаривает подобным образом?

— Каким? — удивился отец.

— Столько слов и так быстро.

— Не быстро, — возразил отец. — Это все остальные говорят медленно. Я просто вязну в их речах и страстно желаю, чтобы они побыстрее облекали мысли в слова. Ммм, констебль Беккер, не хотелось бы, чтобы вы сочли это за дерзость, но у вас левая штанина ниже колена в крови.

— В крови? — Констебль взглянул на ногу. — Да. Наверное, разошелся один из швов.

— Что с вами случилось?

— Прошлой ночью на меня напали две свиньи.

Теперь уже отец казался сбитым с толку.

Миссис Уорден протиснулась в дверь и поставила на стол поднос с чашками, чайником и тарелочкой с бисквитами. Разлила чай, но не вышла из комнаты, а встала в сторонке.

— Благодарю вас.

Тоном, каким это было сказано, инспектор Райан дал понять, что экономка может удалиться.

Разочарованная миссис Уорден отправилась на кухню, где, несомненно, продолжила подслушивать.

— Итак, вы говорили об убийствах, — произнес отец.

— Да, — кивнул инспектор. — Это произошло вчера вечером недалеко от Рэтклифф-хайвей.

Голубые глаза отца сузились.

— Сколько убитых?

— Пятеро. Трое взрослых и двое детей.

— Господи, — вздохнул отец, с сокрушенным видом полез в левый внутренний карман пальто, вытащил фляжку и налил рубиновую жидкость в чайную чашку.

— Что вы делаете? — спросил Райан.

— Принимаю лекарство.

— Лекарство? А что же разливают во фляжки? Алкоголь?

— Нет. То есть да, в некотором роде. Нет.

— Только не говорите, что это лауданум.

— Я вам уже сказал: я принимаю лекарство. У меня жуткие лицевые боли, и лауданум — единственное средство, которое может их облегчить.

— Лицевые боли?

— А также расстройство желудка, — добавил отец и сделал большой глоток. — Еще с юношеских времен.

— Но вы выпили не меньше унции, — ужаснулся констебль.

Отец отхлебнул еще рубиновой жидкости.

— Остановитесь. — Констебль потянулся к чашке. — Боже мой, вы что, пытаетесь убить себя?

Отец подтащил чашку поближе к себе, чтобы Беккер не смог ее забрать.

— Убить? — Пот на его лбу стал более заметным и помутнел. — Что за странная мысль? — Он повернулся к инспектору Райану. — Смотрю, у вас есть моя последняя книга.

— «Убийство как одно из изящных искусств», — сказал инспектор.

Отец снова отпил из чашки.

— Да, так называется мое эссе.

Беккер посмотрел на меня.

— Мисс Де Квинси, может быть, вам угодно пройти на кухню и присоединиться к экономке или же отправиться в свою комнату?

— А почему это должно быть мне угодно?

— Боюсь, наши разговоры могут вас расстроить.

— Я читала работу отца и знаю, о чем в ней говорится.

— Все равно — те факты, которые нам необходимо обсудить, вас, возможно, шокируют.

— Если увижу, что для меня это чересчур, я уйду, — объявила я констеблю.

В гостиной наступила тишина. Инспектор и констебль несколько секунд молча глядели друг на друга, словно решали, как поступить дальше.

— Ну хорошо, раз вы так настаиваете, что хотите остаться, я начну, — сказал Райан. — В декабре тысяча восемьсот одиннадцатого года в районе Рэтклифф-хайвей Джон Уильямс вошел перед самым закрытием в одежду лавку. При помощи молотка с инициалами Дж. П. он размозжил голову владельцу лавки, его жене и подручному, а также младенцу. Затем он перерезал ребенку горло.

Инспектор зря постарался живописать совершенное злодеяние, чтобы вынудить меня покинуть гостиную; я собралась с силами и не проявила никаких эмоций.

— Все точно, — подтвердил отец.

— То же самое произошло в районе Рэтклифф-хайвей вчера вечером, — добавил инспектор. — Только на этот раз убито двое детей.

— Двое? — Отец медленно поставил чашку. — Ох.

— У нас масса вопросов, — продолжал Райан. — Откуда вам известно столько мельчайших подробностей убийств, которые были совершены сорок три года назад? Почему все годы вы упорно продолжали воспевать эти убийства? Что побудило вас описать их в таких красочных деталях не далее как в прошлом месяце? Наконец, я снова задаю вопрос: где вы были вчера в десять часов вечера?

— И я снова отвечаю: бродил по улицам.

— По каким улицам?

— Понятия не имею. Я был погружен в мысли.

— И вы ждете, что мы поверим, будто вы не обращали внимания, где находитесь?

— В таком-то тумане? Даже если бы я не был занят, то все равно ничего бы не разглядел.

— Чем вы были заняты?

— Это мое личное дело.

— Когда дело касается убийства, мы вольны задавать самые нескромные вопросы.

Я больше не могла молчать.

— Это возмутительно! Вы же не хотите сказать, что мой отец имеет отношение к этому чудовищному преступлению?

— Ваш отец является большим специалистом по убийствам. Он помешан на них.

— Эти убийства совершены сорок три года назад! — Я сама смутилась, оттого что перешла чуть ли не на крик, и заговорила тише, но таким же суровым тоном. — Мой отец — профессиональный писатель, автор статей для журналов. Время от времени он пишет на разные актуальные, сенсационные темы, чтобы помочь издателям продать больше экземпляров. А убийство — это популярная тема.

— Вчера вечером — несомненно.

Инспектор посмотрел на Беккера, словно передавая ему эстафету.

— Мисс Де Квинси, — мягко начал констебль, явно стремясь завоевать мое доверие, — вы хотя бы примерно представляете, в какое время ваш отец вернулся с прогулки?

— Нет.

— А когда он ушел, вам известно?

— Я слышала его шаги на лестнице около девяти.

— И оставался час, чтобы к десяти оказаться у магазина, — пробормотал себе под нос инспектор. — Вполне возможно для человека, привыкшего проходить пешком большие расстояния.

— Вы слышали, когда отец вернулся? — продолжал расспросы констебль.

— Нет.

— В три часа ночи! — крикнула с кухни миссис Уорден.

— Точно, — кивнул отец. — Я вернулся в три.

— Масса времени, чтобы дойти до дома с места преступления, — так же тихонько произнес Райан.

Я снова повысила голос — мне уже было все равно.

— Да вы посмотрите на этого человека! Ему шестьдесят девять лет! Он маленького роста. Субтильный.

— Пожалуйста, Эмили, не называй меня субтильным, — попросил отец. — Я худощавый. В этом месяце — а сегодня только одиннадцатое число — я прошел уже сто пятьдесят миль.

— Вы на самом деле верите, что у моего отца достаточно силы, чтобы убить трех взрослых человек при помощи... как вы говорили?

— Молотка корабельного плотника, — подсказал констебль.

— Должно быть, он тяжелый.

— Да, это серьезный инструмент.

— А теперь посмотрите на его руки.

Полицейские обернулись к отцу. Возможно, эффект был вызван лауданумом, но сидящий на стуле отец казался еще меньше обычного, ботинки едва доставали до пола.

— Он просто не мог бы сделать то, о чем вы говорите, — подчеркнула я.

— Один — нет, — заявил Райан. — Но преступление могли совершить два человека — один, обладающий знаниями, второй, обладающий силой.

— Послушайте, вы испытываете мое терпение. Наверное, дальше вы предположите, что это я помогала отцу убить всех этих людей. Хотите узнать, где я была вчера в десять часов вечера?

— Мисс Де Квинси, честное слово, я не думаю...

— Я была в постели. Но боюсь, у меня нет свидетелей.

Покрытые щетиной щеки обоих полицейских залились краской.

— Значит, молоток корабельного плотника? — подал голос отец.

— Да, — подтвердил инспектор. — Понимаете, что это означает?

— Сходство более чем очевидно.

— На самом деле оно еще больше. На молотке гвоздем были нацарапаны инициалы. Попробуете угадать какие?

— Дж. П.? Это невозможно!

— Но это так. На молотке действительно вырезаны буквы «джей» и «пи» — те же самые буквы обнаружили на молотке, которым были убиты люди сорок три года назад и о которых вы написали в своей книге, посвященной восхвалению убийства как высокого искусства. И я вынужден настаивать, — тут инспектор встал, — чтобы вы отправились с нами в Скотленд-Ярд и ответили там на наши вопросы в более подходящей обстановке.

— Нет, — заявил отец, — я не поеду с вами в Скотленд-Ярд.

Райан шагнул к отцу.

— Вы заблуждаетесь. Поверьте мне, сэр, вы так или иначе поедете с нами в Ярд — а вот по собственной воле или по принуждению, решать вам.

— Нет, — твердо повторил отец. Потом допил остатки лауданума и сказал: — Не в Скотленд-Ярд. Боюсь, обсудить все мы сможем лишь в одном месте.

— Да? И что это за место?

— Где произошло убийство.

Глава 6

КЛИЕНТ МОГИЛЬЩИКОВ

Сгущалась тьма, и сгущался туман. Возле лавки не метались больше лучи полицейских фонарей. Расследование подходило к концу, были опрошены все соседи, обысканы все возможные места.

Тем не менее на улице было беспокойно. Когда Райан и Беккер выбрались из экипажа, они сразу поняли, что им, возможно, придется столкнуться с серьезными проблемами. Большинство зевак, торчавших возле места преступления днем, возвратились в свои дома. Они отступили перед лицом неведомого ужаса, который мог таиться в ночи. Оставшиеся же успели основательно накачаться спиртным и шумели так, словно их было раз в десять больше. В руках люди держали дубинки, сабли и ружья. И с этим ничего нельзя было поделать. Закона о ношении оружия в стране не существовало, поэтому даже дети могли ходить по улице с пистолетом.

— Сколько вы еще останетесь здесь и будете защищать нас? — спросили из толпы констебля, стоящего у входа в лавку.

— До тех пор, пока идет расследование.

— И сколько это? До завтрашнего вечера?

— Возможно, — коротко ответил полицейский.

— Возможно? А на следующей неделе? Вы будете здесь?

— Я не уверен. Пока мы находимся здесь, многие улицы остаются без надзора. Скоро нам придется вернуться на свои участки.

— Господи, да нас тут всех прикончат, если только мы сами не разыщем убийцу!

Даже в этой суматохе Райан заметил, что Любитель Опиума с дочерью вылезли из полицейского экипажа самостоятельно, без посторонней помощи. Невзирая на все попытки инспектора отговорить ее от поездки, дочь Де Квинси категорически отказалась остаться дома, ну а папаша не соглашался ехать без нее.

— Я должна быть уверена, что отец позаботится о себе, — так сказала она и в доказательство настояла на том, чтобы Де Квинси, пока они ехали к месту убийства, съел несколько бисквитов. — У него

большие проблемы с желудком, поэтому отец ест совсем-совсем мало. Он с завтрака ничего не брал в рот.

Райану никогда еще не доводилось встречать подобную парочку. Инспектор со своими пятью футами десятью дюймами был выше большинства англичан середины столетия. Таково было необходимое условие службы в полиции. В то же время рост Де Квинси был меньше средних пяти футов четырех дюймов, а из-за хрупкого телосложения он казался еще ниже — футов пять, не более того. Однако Де Квинси обладал такими манерами и изъяснялся таким образом, что производил впечатление человека сильного и уверенного в себе.

Что же касается дочери, она была самой решительной и энергичной из всех женщин, которых довелось встречать Райану. То, как она одевалась, — в стиле «блומר» — свидетельствовало о независимости характера. С неохотой инспектор вынужден был признаться себе, что Эмили привлекательна: приятные черты лица, голубые глаза, такие же как у отца, и мягкие каштановые волосы, свободно спадающие на плечи. Тем не менее когда он обратился к девушке, то едва сдерживал раздражение.

— Ну, вы видите, как неразумно было с вашей стороны настаивать на том, чтобы поехать с нами? Теперь вам придется стоять здесь на холоде под защитой констебля рядом с этим пьяным сбродом, пока мы пройдем внутрь.

— И с чего это, скажите мне, я пожелаю остаться на улице?

— Вам ни в коем случае нельзя заходить туда.

— Почему? Мне доводилось сталкиваться со смертью. Особенно когда умирала моя мать — долго и мучительно.

Райан бросил на Беккера беспомощный взгляд, который говорил: «Может, у вас получится объяснить ей?»

Но констебль не успел произнести ни слова. Де Квинси открыл дверь лавки и решительно прошел внутрь. Стараясь держать себя в руках, Райан кинулся за ним. Спустя мгновение через порог перешагнула Эмили, а следом — и констебль Беккер.

Тела к этому времени убрали, но в магазинчике еще стоял отвратительный, тяжелый запах. Райан оглянулся на Эмили, опасаясь, что она может упасть в обморок. Однако, к его удивлению, девушка, хотя и сильно побледнела и поднесла ко рту носовой платок, казалась скорее заинтересованной, чем шокированной.

Беккер закрыл дверь, и холодный туманный воздух остался снаружи.

— Если не считать убранных трупов, здесь все так же, как оставил убийца? — поинтересовался Де Квинси.

«Или, возможно, как оставили вы и ваш сообщник», — подумал Райан, а вслух ответил:

— Нет.

— И что же изменилось?

— Когда я согласился приехать сюда вместе с вами, я предполагал, что это вы будете отвечать на мои вопросы, а не наоборот, — сообщил Райан.

— Но все-таки что изменилось? — настаивал Де Квинси. Он указал на открытую дверь слева от прилавка. — Я вижу на полу в коридоре большое количество засохшей крови. Насколько я могу судить, кровь натекла с лежавших там тел. Куда они делись?

— После того как художник все подробно зарисовал, тела перенесли в подвал.

Де Квинси кивнул. В 1854 году в Лондоне еще не существовало похоронных контор, и тела умерших находились в доме до самых похорон. Члены семьи клали омытое и одетое тело дорогого родственника на кровать — так, как будто человек не умер, а просто заснул. Иногда с лица покойника снимали посмертную маску, а с развитием дагеротипии стали делать и фотографии на память. Затем в спальню умершего разрешался доступ друзей. Посещения могли продолжаться до пяти дней, пока не становилось ясно, что тело требуется захоронить.

После соответствующей религиозной церемонии, проводившейся в доме покойного, тело грузили на похоронные дроги и везли на кладбище. К середине девятнадцатого века из-за стремительного роста населения лондонские кладбища перестали справляться с нагрузкой. Рассчитанные на три тысячи погребений, они вынуждены были принимать до восьмидесяти тысяч, и в итоге приходилось опускать в одну могилу по десять, двенадцать, а то и пятнадцать гробов, установленных один на другой. Нижние ряды постепенно разрушались, и кладбищенские работники ускоряли этот процесс: разрывали ямы и прыгали на гробах, чтобы уплотнить содержимое могил и подхоранивать все новые и новые тела.

Новые кладбища возникали на больших расстояниях от центра Лондона, и похоронной процессии «на конной тяге» приходилось тратить бо льшую часть дня на то, чтобы достичь места последнего упокоения умершего. Но буквально за месяц до описываемых событий, в ноябре 1854-го, все изменилось с началом работы железнодорожного вокзала Некрополис. Теперь гроб с телом покойного и все желающие проводить его в последний путь грузились в специальный похоронный поезд, который следовал на недавно открытое кладбище Бруквуд, расположенное в двадцати пяти милях от Лондона. После погребения тот же поезд доставлял родственников и друзей усопшего обратно в город — таким образом, вся церемония укладывалась в один день, о чем раньше нельзя было и помыслить.

Не успел Де Квинси задать следующий вопрос, как из глубины здания раздался шум. И это был не скрип деревянных балок, сжимающихся на морозе. Кто-то поднимался по лестнице.

Беккер быстро встал перед Эмили и положил руку на дубинку.

Из ведущего в подвал люка показалась человеческая фигура.

Беккер услышал, как за его спиной Эмили негромко вскрикнула от страха.

Неизвестный поднялся по ступенькам и, обходя лужи крови, направился к застывшей группе людей.

Беккер узнал этого человека крепкого телосложения. Накануне вечером он ломился в закрытую дверь лавки, чтобы передать одеяло для простудившейся племянницы. И он же возглавлял толпу, преследовавшую чужака, который, по мнению озлобленных и испуганных соседей, совершил это жуткое преступление.

Мужчина остановился и мрачно уставился на констебля и его спутников. Волосы у него были взъерошены. На грязном, небритом лице виднелись дорожки засохших слез.

Разглядев, что один из чужаков одет в полицейскую форму, мужчина расслабился.

— Я брат Джонатана.

— Это инспектор полиции Райан, — сообщил Беккер.

Мужчина кивнул.

— Я вас видел.

— Да, во время потасовки.

— Констебль у входа разрешил мне войти.

— Конечно, — кивнул Райан.

— Я сделал для них все, что мог. Бедняга Джонатан. Не надо было ему уезжать сюда из Манчестера. И всем нам. Я поставил в подвале козлы, набил на них толстые доски. Положил тела на них. Постарался сделать так, чтобы они выглядели нормально, но... Да поможет им Господь! — Голос его дрогнул. — После того, что сотворил с ними этот педик... простите меня, мисс... как они могут выглядеть нормально? Гробовщик просит за похороны шестнадцать фунтов. Говорит, для детишек нужны белые гробы. Младенец... — Из глаз несчастного брызнули слезы. — Даже за младенца надо платить деньги. А где я найду ему шестнадцать фунтов? Я пропал. Этот педик уничтожил семью Джонатана, а теперь и я погиб.

Из носа у него тоже потекло. Он горестно покачал головой.

— Мне очень жаль.

Беккер с удивлением посмотрел на сказавшую это Эмили.

А потом она еще больше удивила констебля, так же как и Райана, — и особенно убитого горем мужчину, — когда быстро прошла через комнату и взяла последнего за руку. Единственным, кто, кажется, воспринял это как должное, был Де Квинси.

— Я всем сердцем сочувствую вашему горю, — сказала Эмили.

Мужчина, явно непривычный к такому искреннему проявлению чувств, моргнул.

— Спасибо, мисс.

— Мистер...

— Хейуорт.

— Мистер Хейуорт, когда вы спали последний раз?

— Спал по паре часов, урывками. Не было на это времени. По правде сказать, я и не могу спать.

— А когда вы последний раз ели? Я чувствую по запаху, что вы пили спиртное.

— Вы уж простите, мисс. Меня сломило то, что произошло, и я...

— Вам нет нужды извиняться. Все-таки когда вы ели последний раз?

— Может быть, утром.

— Вы живете поблизости?

— В пяти минутах отсюда.

— У вас есть семья?

Хейуорт утер слезы.

— Да. Жена и сынишка.

— Инспектор Райан найдет кого-нибудь, кто проводит вас до дому.

Райан от неожиданности открыл рот.

— Мистер Хейуорт, вы просто обязаны известить своих родных, что с вами все в порядке.

— Обязан?

— Да. Ваша жена и сын наверняка ужасно волнуются. А учитывая, что тут произошло, они еще и, должно быть, очень боятся. Они всецело зависят от вас.

— Вы правы, мисс, — смущенно пробормотал мужчина.

— Поэтому я хочу, чтобы вы немедленно пошли домой и чего-нибудь поели. Затем вам просто необходимо дать отдых мозгу. Даже если вы не сможете заснуть, просто полежите — и вам обязательно станет лучше. Человек, который вас проводит, потом расскажет мне, где вы живете. Когда у меня будет возможность, я к вам зайду. И если я узнаю, что вы не выполнили мои указания, — рассержусь. А вы ведь этого не хотите?

— Нет, мисс. Я обещаю, мисс.

Райан незаметно кивнул констеблю.

— Я все устрою, — сказал Беккер. — Кто-нибудь проводит мистера Хейурта домой.

— Спасибо, — кивнула Эмили полицейским.

— Это вам спасибо, мисс.

Хейуорт громко шмыгнул носом и утерся рукавом.

— А мы подумаем, как можно уменьшить ваши расходы на похороны, — прибавила Эмили. — Но сейчас для вас на первом месте семья, пища и отдых.

Хейуорт кивнул. Он по-прежнему выглядел совершенно измотанным, но на лице появилась тень надежды. Он снова шмыгнул носом и вместе с Беккером вышел на улицу.

— Мы подумаем, как уменьшить его расходы на похороны? — спросил Райан у Эмили, после того как Беккер вернулся из холодного туманного вечера и закрыл за собой дверь.

— Да. Я уверена, мы найдем какое-то решение, — ответила девушка.

— Мы? — удивился Райан. — Управление полиции не может взять на себя такие обязательства.

— Манчестер, — вмешался Де Квинси. — Убитый был родом из Манчестера. А фамилия его — Хейуорт.

— Ну да, так он нам сказал. И что? — не понял инспектор. — Вы, кажется, находите эти подробности важными?

— Возможно. Могу я взглянуть на рисунки трупов?

— Вы по-прежнему сами задаете вопросы, вместо того чтобы отвечать на них. Откуда вам столько известно об убийствах на Рэтклифф-хайвей? Сколько вам было лет в восемьсот одиннадцатом?

— Двадцать шесть. Достаточно взрослый, чтобы совершить те убийства. Правда, силой я и тогда не отличался. Дальше вы должны спросить: «Где вы были той декабрьской ночью сорок три года назад?»

— Именно.

— Я находился в Грасмере, в Озерном крае. Обитал в «Голубятне», бывшей усадьбе Уильяма Вордсворта. В те годы, чтобы попасть отсюда в Лондон, необходимо было несколько дней трястись в карете. Впрочем, думаю, я бы мог выдержать такое путешествие, если бы горел желанием убить семейство на Рэтклифф-хайвей. Вот только меня тогда не было в Лондоне. Как раз в это самое время я вел затянувшуюся полемику с Уильямом Вордсвортом и его семьей касательно зарослей кустарника в их бывшем саду — я пожелал их вырубить. Жена Уильяма Мэри и его сестра Дороти были сим обстоятельством очень расстроены. Поверьте, они бы точно заметили мое отсутствие. Уильям и Дороти уже отправились в лучший из миров — Господь благослови их, — но Мэри еще жива и сейчас готовит новое издание стихотворений мужа. Не могу сказать точно, где она проживает, но, вероятно, она не забыла нашу тогдашнюю ссору.

— Поскольку вы тут вдвоем задаете вопросы и отвечаете на них, каким должен быть мой следующий вопрос?

Беккер заметил, что инспектор больше не злится на своевольного Любителя Опиума. Похоже, он нашел способ склонить Де Квинси к сотрудничеству.

— Тот, с которого вы начали. Почему мне известны такие подробности об убийствах на Рэтклифф-хайвей? Потому, инспектор

Райан, что я тщательно их исследовал. Меня настолько поразило то, как эти убийства моментально сковали страхом всю страну, что я поставил себе задачу собрать все газеты, в которых имелось хотя бы малейшее упоминание о преступлениях. Царившей в те дни панике нет и не было аналогов, и ее подробности широко освещены в печати. Вы найдете эти газеты в одном из моих многочисленных домов, за которые я как могу плачу арендную плату; эти дома необходимы, чтобы хранить принадлежащие мне вещи. К несчастью, я не могу вспомнить, где именно они хранятся.

— На Лотиан-стрит в Эдинбурге, — подсказала Эмили.

— Ты уверена?

— Ты же сам попросил забрать их оттуда, когда писал третье эссе об убийствах.

— Спасибо, Эмили. — Де Квинси повернулся к Райану. — А теперь можно мне посмотреть на рисунки тел?

— Они лежат на том краю прилавка.

Де Квинси отхлебнул из фляжки, чем вызвал у Райана гримасу отвращения, подошел к прилавку и один за другим изучил сделанные художником наброски.

Беккер ожидал, что маленький человечек содрогнется от ужаса, но нет — он был полностью сосредоточен на своем занятии.

Закончив просмотр, он заговорил, и голос его переполняла печаль.

— От грома и молнии, от чумы, болезней и голода, от войны и убийства и от внезапной смерти — Великий Боже, избавь нас!

— Прощу прощения, — озадаченно произнес Райан.

— Это одна из главных молитв у англиканцев, — объяснил Де Квинси. — Странно, что для англиканской церкви внезапная смерть считается хуже чумы или голода. Юлий Цезарь смотрел на это под противоположным углом зрения. В ночь накануне гибели он на вопрос, каков, по его мнению, наилучший способ умереть, ответил: лучшая смерть — внезапная. Он имел в виду такую кончину, которая не вызывает ни боли, ни страха. Что интересно: англиканская церковь отдает предпочтение медленной смерти, когда умирающий страдает от боли и у него достаточно времени, чтобы уладить все дела не только с Богом, но и с бакалейщиком.

Беккер никогда не слышал ни от кого таких речей. От странного хода мыслей Любителя Опиума у него голова пошла кругом.

— Ну, владелец лавки не испытал страха. Насколько можно судить, он не успел понять, что произошло.

— Верно. — Де Квинси показал на один из рисунков. — Судя по изображению, его дважды ударили со спины, после чего перерезали горло. — Примечательно, что Де Квинси не стал извиняться перед дочерью, — казалось, обсуждения подробностей убийств не были для нее в диковинку и она не раз слышала их прежде. — Он так и не понял, что случилось. То же касается и младенца. Но на его жену, служанку и старшую дочь убийца напал спереди. Они видели судьбу, которая их ожидала. И им точно было страшно.

— И вы хотите сказать... — подал голос Райан.

— Убийца взял деньги?

— Нет.

— Если убийство было совершено не с целью наживы, то с какой же? — продолжал Де Квинси. — Месть? Но кому? Хозяину лавки? Что же это за месть, когда жертва даже не догадывается, что произошло. Может, убийца отомстил жене хозяина? Предположим, они были знакомы раньше и она отвергла ухаживания влюбленного в нее. Это вероятно. Но зачем тогда было убивать еще и служанку, и обоих детей? Ведь женщина не могла видеть, как убивают ее дочерей. Вот если бы это произошло на ее глазах и она испытала бы страшные муки... Могла ли истинной целью убийцы быть служанка? Если так, то зачем он с такой жестокостью расправился с младенцем?

— Нам уже приходили в голову эти вопросы, — нетерпеливо сказал Райан.

— Иногда бывает, что мы видим вещи совсем иначе, чем они есть на самом деле.

— Я ничего не понимаю. Что вы имели в виду?

— Отец, объясни на примере индийского раджи и кареты, — подсказала Эмили.

— Спасибо, дорогая. Отличный пример.

— Индийский раджа и карета? — Инспектор окончательно перестал что-либо понимать. — Может, мы все-таки будем придерживаться темы убийств?

— Именно это я и делаю. Один британский дипломат подарил радже карету. Карета была четырехместная, с высокой крышей и расположенным впереди сиденьем для возницы. Особое великолепие

ей придавал причудливый орнамент. Но в те времена в Индии еще не существовало карет, и, когда дипломат отбыл на родину, раджа оказался в замешательстве — он просто не знал, как использовать подарок. Единственное, в чем он не сомневался, это в том, что его величественная фигура должна возвышаться над всеми остальными. Посему раджа с помощью советников взобрался на верх кареты и угнездился на неудобном, расшатанном сиденье кучера. В то же время возница, который происходил из самой низшей касты и которого никто даже не должен был видеть, залез внутрь экипажа, проковырял под сиденьем кучера отверстие и просунул сквозь него вожжи. Сидя там, он лишен был возможности что-либо видеть, но все же тронул лошадей с места и погнал вперед. Поначалу раджа получал удовольствие от бешеной скачки, но после того, как пару раз едва не слетел со своего наседа и набил несколько шишек, он приказал вознице остановиться. Радже удалось сохранить лицо, и он с благодушной улыбкой позволил придворным опустить себя на землю. Карету же после того случая убрали куда подальше, и больше ее никто не видел.

— И для чего вы рассказали нам эту историю? — поинтересовался Райан.

— Мы смотрим на вещи так, как считаем само собой разумеющимся; как этот раджа решил, что ему нужно сесть на место кучера, поскольку оно самое высокое. Но что, если наш привычный взгляд на вещи ошибочен? Когда мы смотрим на место этого ужасного преступления, что мы думаем? Что какой-то очевидный факт на самом деле может иметь совершенно иное объяснение. Тела убрали. Но что еще изменилось?

— Все двери были закрыты, — впервые за долгое время вступил в разговор Беккер.

— Кто обнаружил тела?

— Я, — сообщил констебль. — Я увидел, как брат хозяина ломится в дверь с улицы. Дверь оказалась заперта, так что я перебрался через стену и проник в дом через черный ход.

— И вы увидели...

— Женщину и девочку. Их тела лежали на полу в коридоре.

— Потом вы...

— Открыл вон ту дверь. — Беккер указал в сторону прилавка. —
Прошел в лавку и обнаружил за прилавком труп.

— А потом?

— Проверил также кухню и спальню и обнаружил еще два трупа.

— Убийца не довел до конца свой замысел, — возвестил Де
Квинси.

— Не понимаю, — усталым голосом произнес Райан.

— В своем эссе об убийстве как изящном искусстве я называю две
основные цели убийцы: жалость и ужас. Жалость к жертвам мы
испытываем. Но кто ощущает ужас? Явно не хозяин лавки. И не
младенец. Да, жена, служанка и девочка испытали животное чувство
ужаса, но только в короткие мгновения, когда, остолбенев, взирали, как
на них летит тяжелый молоток. Скажите, констебль Беккер, в котором
часу вы оказались у лавки?

— В десять часов пятнадцать минут, как и каждый день.

— Вот она — стабильность маршрута констебля! Я считаю, что
убийца был хорошо знаком с вашим графиком и намеревался
подождать внутри до двадцати минут одиннадцатого, а потом открыть
парадную дверь и скрыться в ночной темноте. Он не мог предугадать
появления брата убитого, который спутал убийце все планы. Если бы
события развивались в соответствии с его замыслом, на следующий
день кто-нибудь обязательно поинтересовался бы, почему не видно
хозяина лавки и его семьи. Этот человек постучал бы в дверь,
обнаружил ее незапертой и вошел внутрь. По запаху и кровавым
пятнам он нашел бы тело за прилавком. Совершив страшную находку,
он бы в ужасе бросился бежать за помощью. В лавку теперь заходили
бы все новые и новые люди, и с каждой открытой дверью их ожидали
бы новые ужасы. Кульминация всего плана должна была настать с
открытием последней двери, ведущей в спальню, где обнаружили бы
останки младенца.

Де Квинси быстро подошел к двери во внутренние помещения
дома.

Удивленные его прытью Беккер и Райан проследовали за
маленьким человечком в коридор. Он старательно обогнул пятно
засохшей крови и заглянул в кухню.

— Зубы на полу, — сообщил Де Квинси. — Грандиозно!

— Вы сумасшедший... — прошептал Райан.

— Помните карету и индийского раджу. Чтобы понять, что здесь произошло, вам нужно поставить себя на место убийцы. Если вам претит сама мысль об этом, вы не сможете докопаться до истины. Вы должны наслаждаться резней как произведением искусства.

— У вас от лауданума мозги набекрень.

— Напротив, — возразил Де Квинси, — благодаря лаудануму я все вижу абсолютно ясно.

Беккер оглянулся, чтобы убедиться, что Эмили не последовала за ними. Девушка осталась в лавке, и в глазах ее застыла глубокая печаль.

Де Квинси зашел на кухню и внимательно осмотрел лежащий на столе молоток.

— Можно его взять?

— Ради бога! Я хочу посмотреть, как вы с ним управитесь, — сказал Райан.

Де Квинси изучил налипшие на ударную поверхность волосы и запекшуюся кровь.

— Обратите внимание, как несуразно он смотрится в моей руке. Этот инструмент подошел бы только человеку крупных габаритов.

Он осмотрел то место, где деревянная рукоятка плотно входила в отверстие в металлической ударной части.

— И здесь тоже присутствуют буквы, нацарапанные гвоздем по металлу. Те же инициалы Дж. П., что и на молотке из восьмисот одиннадцатого года. И у того молотка имелся такой же дефект на ударной поверхности: зигзагообразная линия. Можно, я соскребу небольшое количество волос и засохшей крови?

Райан на несколько секунд потерял дар речи.

— Я сам это сделаю, — заявил он наконец.

Де Квинси спокойно наблюдал, как инспектор достает нож из ножен, спрятанных под правой штаниной, и очень аккуратно — чтобы не поцарапать металл — подцепляет немножко волос и крови.

Он прищурился и повернулся к Де Квинси.

— Вы говорили про этот дефект?

Голубые глаза «эксперта по убийствам» сузились почти в щелочки.

— Да. Очертаниями он напоминает молнию. В точности такой же. Весьма вероятно, что именно этим молотком и были совершены убийства в одиннадцатом году.

В кухне воцарилась тишина.

— А это что?

Де Квинси указал на лежащую на стуле белую ткань.

— Халат. Убийца надел его, чтобы кровь не забрызгала одежду, — объяснил Райан. — Я разузнал, что халат самый обыкновенный. Ни один продавец никогда не припомнит человека, который его купил.

Де Квинси взял халат и внимательно обследовал многочисленные пятна крови.

— Самый обыкновенный? Нет-нет. Возможно, вы и не отыщете продавца, который вспомнит, как продавал его, но сам по себе этот предмет одежды весьма примечателен. Это рабочий халат художника.

В кухне будто повеяло морозным ветром.

— Убийство как изящное искусство, — пробормотал Беккер.

— Это преступление было совершено не столько чтобы получить удовольствие от жестокой резни, сколько ради драматических обстоятельств, которыми оно было обставлено. Сорок три года назад после убийств на Рэтклифф-хайвей по всей стране прокатилась волна ужаса. Но это просто любительский уровень по сравнению с тем, что случилось здесь. Мы имеем не четыре трупа, а пять. Не один умерщвленный ребенок, а двое. А как художественно расположены тела! И орудие убийства то же самое. Какой прогресс!

— Прогресс? — переспросил пораженный Райан.

— Назавтра, когда в газетах появятся сообщения о том, что здесь произошло, а телеграф в мгновение ока разнесет эту весть по всей стране, убийца достигнет цели: получит истинное наслаждение художника. Жалость и ужас. Ужас накроет Англию, еще больший, чем сорок три года назад. А что касается жалости, то и в следующий раз убийца станет действовать так же безжалостно. Нам нужно проявить жалость друг к другу и надеяться, что Господь сжалятся над всеми нами.

— В следующий раз?

И тут у входной двери вскрикнула Эмили.

Когда крик повторился, Беккер, твердо намеренный как можно быстрее прийти на помощь девушке, выскочил из кухни, пронесся по коридору и выбежал в лавку, где застыл, пораженный увиденным.

Через мгновение к констеблю присоединились Райан и Де Квинси. Они также замерли в удивлении от представшей их взорам картины.

Дверь была открыта. Туман вползал в магазин и клубился вокруг стоящего у входа мужчины. Лицо его было словно высечено из красного дерева. Он был невероятно высокого роста, выше даже, чем Беккер. На голове он носил серый головной убор причудливой формы. Через пару секунд констебль припомнил, что видел нечто похожее на рисунке в газете. Если он не ошибался, убор назывался тюрбаном. Несмотря на весьма холодную ночь, из одежды на незнакомце имелась только длинная свободная рубаша навыпуск да такие же свободные штаны. По восточному обыкновению, они также были серого цвета. Прежде Беккер встречал подобную экзотику разве только на страницах «Illustrated London News». Никому из англичан, за исключением дипломатов и дислоцированных в Индии и других частях Индостана военных, не доводилось вживую сталкиваться с людьми такой необычной наружности.

Эмили, стоявшая в сторонке, отняла руки от лица.

— Простите. Дверь вдруг распахнулась. Когда он вошел, я не поняла, что происходит. Я никогда не видела...

— Малайца, — произнес Де Квинси.

— Вы знаете этого человека? — изумился Райан.

Из тумана возникли констебли и встали возле двери плотной стеной с твердым намерением не выпустить экзотического незнакомца.

— Не может быть, — уставившись на малайца, пробормотал Де Квинси. — Столько лет прошло.

— Так вы знаете его?

— Нет.

Не зная, что и думать, Райан повернулся к неизвестному.

— Что вам угодно? Как вы прошли мимо констеблей на улице?

— Мы услышали вдали крики, инспектор, — доложил один из полицейских. — Как будто на кого-то напали.

— Они побежали смотреть, что там такое, а я остался, — сообщил другой. — Я стоял не дальше двадцати футов. Он не мог бы пройти мимо меня.

— Конечно мог, — вставил Де Квинси. — Он же малаец.

— Что вам угодно? — снова спросил Райан незнакомца.

В ответ тот лишь озадаченно прищурил темные глаза.

— Что вы здесь делаете? — продолжал расспросы инспектор.

Мужчина в замешательстве покачал головой.

— Сдается мне, он не понимает по-английски, — сказал Беккер.

— Тот малаец, которого я встретил много лет назад, тоже не понимал по-английски, — сообщил Де Квинси.

— Много лет назад? — переспросил Райан.

— Однажды в мой дом в Озерном крае явился человек, очень похожий на этого. Он внезапно возник будто бы из ниоткуда — словно спустился с Луны. Я пытался заговорить с ним на латыни и на греческом, но все было безрезультатно. Когда стало ясно, что мы не сможем понять друг друга, он улегся на полу в кухне и заснул. Через час он резко вскочил, как ни в чем не бывало вышел на дорогу и вскоре исчез вдаль. Произошедшее было настолько нереальным, что впоследствии он мне часто снился. Но прошло уже столько лет, что этот малаец просто не может быть тем же самым, что очутился в моем доме.

— ...омас, — вдруг произнес незнакомец.

— Что он пытается сказать? — удивился Беккер.

— ...омас... инси.

Похоже, малаец просто пытался вспомнить слова, не догадываясь об их смысле.

— Томас? — переспросил Любитель Опиума. — Де Квинси? Вы это хотите сказать? — Он ткнул себя кулаком в грудь. — Томас Де Квинси?

— ...инси, — кивнул малаец и полез под рубашку.

В одно мгновение рядом оказался Беккер. Он схватил мужчину за руку и вытащил ее, чтобы проверить, нет ли там какого оружия. Но оказалось, малаец достал конверт.

Де Квинси выхватил его, разорвал и быстро прочитал короткое письмо. Лицо маленького человечка побледнело.

— Отец, что там такое?

Трясущейся рукой он протянул Эмили клочок бумаги.

Девушка прочитала текст вслух, и голос ее дрожал так же, как дрожала рука ее отца.

Чтобы узнать, что случилось с Энн, чтобы найти ее, приходите в Воксхолл-Гарденс ^[8]завтра в одиннадцать утра.

— Энн? — спросил Райан. — Вы назвали это имя, когда мы только повстречали вас. Кто она?

— Моя потерянная юность.

— То есть?

— Ум лишен способности забывать, — произнес Де Квинси. Хотя он смотрел на зажатый в руке Эмили листок, казалось, взгляд пронзительных голубых глаз устремлен далеко-далеко. — Когда мне было семнадцать и я жил впроголодь на лондонских улицах, я влюбился в проститутку.

Райан и Беккер были немало озадачены откровенным признанием Де Квинси. Полицейских шокировало не только упоминание о женщине легкого поведения — при собственной-то дочери! — но в равной степени они удивились, услышав, что этот человек способен на такое чувство, как любовь. Подобная прямота, да еще в присутствии посторонних, представлялась чем-то невообразимым.

— Я обещал Энн, что встречу с ней в определенное время в определенном месте. Но непредвиденные обстоятельства помешали мне оказаться там в назначенный час.

Распереживавшийся Де Квинси вытащил фляжку с лауданумом и сделал большой глоток.

— Когда мне в конце концов удалось прибыть на место встречи, Энн там не было. Больше я никогда ее не видел, хотя и провел в поисках долгие годы. И сейчас я бы ни за что не поехал в Лондон, если бы мне не пообещали рассказать о судьбе Энн.

— Кто вам обещал? — спросил Райан.

— Даже не представляю. Но этот человек снял дом, чтобы нам с Эмили было где остановиться в Лондоне. Получается, меня заманили сюда, чтобы втянуть в эту историю с убийствами. И все это затеяно ради меня? Одно можно сказать наверняка: он следит за мной.

— Следит?

— А откуда еще он мог узнать, что сегодня ночью я окажусь здесь? И он подослал ко мне малайца с письмом. Кроме того, он неспроста выбрал жертву, прибывшую в Лондон из Манчестера и по фамилии Хейуорт.

— Вы уже говорили, что это важно, но не объяснили почему, — заметил Беккер.

— Я вырос возле Манчестера. Наше семейное поместье называлось Гринхей.

— Гринхей. Хейуорт. Немного похоже, но не более того, — сказал Райан.

— Нет, — покачал головой Де Квинси.

— Вы всерьез считаете, что убийца выбрал в качестве жертвы хозяина этой лавочки, потому что он, так же как и вы, приехал в Лондон из Манчестера, а его фамилия схожа с названием вашего родового гнезда?

— Это отнюдь не совпадение, что убийство произошло через месяц после публикации моей последней книги. Детали убийства в мельчайших подробностях совпадают с тем, что я написал в постскриптуме к эссе. Чтобы ассоциация была более полной, убийца выбрал в качестве жертвы человека, которого можно некоторым образом отождествить со мной. По его воле я оказался причастен к этому чудовищному преступлению. Господи, что еще он собирается сделать, чтобы втянуть меня в свою кровавую игру?

Глава 7

САД РАЗВЛЕЧЕНИЙ

В 1854 году Британская империя была крупнейшим государственным образованием из всех, какие знала мировая история: ее площадь превышала территории, завоеванные Александром Македонским или римлянами. Британские владения охватывали весь земной шар и включали Канаду, Багамы, Бермуды, Гибралтар, Мальту, Кипр, третью часть Африки и значительные территории на Ближнем Востоке, а также Индию, Бирму, Малайзию, Сингапур, Гонконг, Борнео, Новую Гвинею, Соломоновы острова, Фиджи, Самоа, Австралию, Новую Зеландию и отдельные участки Антарктиды.

И в самом центре этой гигантской империи стоял Генри Джон Темпл, известный широким кругам как лорд Палмерстон, — возможно, самый могущественный человек на планете. На протяжении почти полувека (начиная с 1807 года) Палмерстон медленно, но упорно расширял свое влияние в британском правительстве и сильно в этом преуспел. Поначалу он был скромным членом парламента, затем на протяжении девятнадцати лет занимал должность секретаря по военным делам, в течение пятнадцати лет служил на посту секретаря по иностранным делам, а в период, когда происходили описываемые события, возглавлял министерство внутренних дел. В этой должности он отвечал практически за все, что происходило на территории Великобритании, в частности курировал работу полиции и занимался вопросами национальной безопасности. Многие в стране в то время не сомневались, что скоро Палмерстон станет премьер-министром. Однако премьер-министры приходят и уходят, а человек, прошедший почти всю жизнь в военном министерстве, министерстве иностранных дел и министерстве внутренних дел, и так способен контролировать правительство. Премьер-министры и даже сама королева Виктория частенько требовали от лорда Палмерстона объяснений, почему он предпринимает в своей деятельности шаги, которые не были одобрены ни парламентом, ни главой кабинета.

В девять часов утра в понедельник инспектор Райан сидел перед этим великим человеком в его кабинете в Вестминстерском дворце.

Палмерстон мог похвастать длинными и густыми, окрашенными в каштановый цвет бакенбардами, которые начинались от волевого подбородка и обрамляли властное лицо. Лорду было семьдесят лет, но с годами он не утратил ни энергии, ни амбиций. На стенах кабинета висели большая карта Великобритании и карта мира, на которой принадлежащие империи территории были отмечены красным и возле каждой был воткнут британский флаг.

О богатстве лорда свидетельствовала его одежда — ткань и покрой платья были настолько совершенными, что Райан ощущал себя едва ли не оборванцем, хотя и надел единственную свою хорошую одежду: приличествующие ситуации серые брюки, такого же цвета жилет и опускающийся до колен черный пиджак. В соответствии с тогдашней модой к низу брюк были пришиты штрипки, которые надевались на ботинки и препятствовали появлению на штанах складок. Все это было жутко неудобно, ноги казались деревянными, особенно когда он сидел, и Райан мечтал поскорее снова надеть свободную повседневную одежду.

Рядом с Райаном расположился комиссар полиции сэра Ричард Мэйн. В углу примостился ведущий протокол беседы секретарь министра. Возле закрытой двери кабинета застыл телохранитель Палмерстона — отставной полковник Роберт Бруклин. Когда-то давно на лорда было совершено покушение, и он решил в дальнейшем оградить себя от подобных происшествий. Бруклин, за плечами которого было двадцать лет военных действий в Индии и Китае, являлся более чем подходящим охранником для великого человека.

— Когда произошли убийства на Рэтклифф-хайвей, я был членом кабинета, — начал Палмерстон. — Я хорошо помню, как всю страну охватил ужас и как министерство внутренних дел оказалось бессильно контролировать ситуацию. Сейчас, когда я стою во главе этого ведомства, я не допущу повторения паники. — Он ткнул перстом в солидную стопку газет на столе — пять дюжин изданий, выходящих в Лондоне. — Истеричный тон всех этих репортажей приведет к новым инцидентам вроде беспорядков, что случились в субботу ночью. Инспектор Райан, я так понимаю, что вы дважды оказались в них замешаны.

— Да, ваша светлость. В первый раз толпа посчитала, что я — убийца, и набросилась на меня.

— Да уж, — хмыкнул Палмерстон, глядя на рыжие волосы инспектора.

— Потом гнев толпы обернулся против другого человека. Нам с трудом удалось спасти его от серьезных увечий, а возможно, и от смерти.

— Не помню, чтобы вы о нем говорили, и из этого заключаю, что люди ошиблись.

— Да, ваша светлость. Он не убийца.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Как отрадно слышать, что кто-то в чем-то абсолютно уверен. А что насчет малайца?

— Оказалось, что он не владеет английским, ваша светлость. Министерство иностранных дел прилагает все усилия, но пока не удалось найти никого, кто бы говорил по-малайски.

При упоминании министерства иностранных дел, которое Палмерстон прежде возглавлял (и которое, по слухам, продолжал контролировать и в своей нынешней ипостаси), лорд еще больше оживился.

— Мы заключили малайца под арест, — добавил Райан, — но размер его ноги не совпадает с размером убийцы. Я склонен полагать, что он не замешан в преступлении; скорее всего, ему просто заплатили, чтобы он доставил письмо.

Палмерстон нетерпеливо покачал головой и устремил испепеляющий взгляд на комиссара Мэйна.

— Какие шаги предпринимаются, чтобы убедить население в безопасности лондонских улиц?

— Ваша светлость, все детективы и констебли работают сверхурочно. Выходные дни отменены. Мы удвоили количество патрулей. Со слов свидетельницы у нас есть описание подозреваемого: это был высокий человек с желтой бородой, одет в матросское пальто и шапку.

— Что за свидетельница?

— Проститутка.

— Проститутка, — мрачно повторил Палмерстон.

— Мы просмотрели архивы Скотленд-Ярда, не обнаружится ли в них преступник, носивший бороду такого цвета.

— И?

— Единственный преступник, подходящий под это описание, умер три года назад, — сообщил комиссар.

— Моряк, ходивший в плавание на Восток, вполне мог бы говорить по-малайски, — предположил лорд. — Также он мог знать, на каких прибывающих в лондонский порт судах возможно найти малайского матроса. Но если убийца и в самом деле моряк, что, если он снова отправился в море?

— Да, ваша светлость, — кивнул Мэйн. — Констебли проводят розыски в доках. Если кто-нибудь вспомнит моряка с соответствующими приметам, мы следующим судном отправим сообщение, чтобы предупредить власти порта, в который он направляется.

— Так пройдут недели или даже месяцы, и к тому времени убийца давно может оказаться на другом судне, — раздраженно бросил Палмерстон.

— Да, ваша светлость. Пока телеграф не достиг заморских территорий, наши возможности ограничены.

— В данном случае я бы предпочел, чтобы телеграф вообще не изобрели. Полковник Бруклин, ваше мнение на сей счет?

Стоявший в положении «вольно» Бруклин, человек с решительным взглядом, ответил:

— Он здорово помог в Крыму, ваша светлость. Командиры могли передавать приказы с необычайной скоростью.

— Но это не помешало двум идиотам, Реглану и Кардигану, устроить ту авантюру с атакой легкой кавалерийской бригады. Если бы я до сих пор возглавлял военное ведомство, я бы немедленно освободил обоих от должностей. Сначала Реглан отдает нечеткий приказ, а потом Кардиган очертя голову мчится в атаку со своей кавалерией, не имея точного представления о поставленной задаче, но мечтая выйти в герои. А после того как бригада была практически уничтожена, он устроил себе обед с шампанским на собственной яхте, стоявшей неподалеку в гавани. Благодаря телеграфу о произошедшем за тысячу миль моментально стало известно в стране, и головотяпство этих «вояк» едва не привело к падению кабинета. Сорок три года назад новость об убийстве распространялась по Британии с почтовыми каретами в течение нескольких дней. Вчера же телеграф разнес

сообщение о субботней резне во все города еще до того, как газеты с репортажами об убийстве погрузили на поезда. На улицах собираются люди. Многие вооружены. Информаторы докладывают мне, что единственная тема разговоров сейчас — как бы побыстрее улизнуть с работы, лишь бы успеть добраться домой до того, как на город опустится туман. Более того, паника охватила не один только Лондон. Вся страна находится в ужасе, и именно я должен успокоить людей.

— Ваша светлость, — сказал Райан, — есть еще одна возможность, которую мы рассматриваем.

— Я вас слушаю, инспектор.

— Судя по обнаруженным отпечаткам, обувь убийцы не была подбита гвоздями. Отсюда следует вывод: скорее всего, он не из простолюдинов. Бритва, которую я нашел, почти наверняка та самая, которой он перерезал горло жертвам. Рукоятка у нее сделана из слоновой кости, и весьма искусно. Сталь — высокого качества. Очень дорогая вещь. И это также говорит о том, что убийца не из работяг.

— Перестаньте говорить отрицаниями, инспектор.

У Райана кровь прилила к щекам.

— Ваша светлость, мы должны рассматривать вероятность того, что убийца — человек образованный и с достатком.

— Рассматривать... Господи, вы сами-то понимаете, что это невообразимо? Бритву наверняка украли. Человек образованный и не из бедных просто не мог совершить столь чудовищное злодеяние! Такая бессмысленная жестокость... Нет, вздор. Это, безусловно, дело рук человека из низов. Или наркомана.

— Наркомана, ваша светлость?

— Имя этого Любителя Опиума склоняют во всех газетах. Месяц назад он выпустил книгу, в которой во всех кровавых подробностях описал убийства на Рэтклифф-хайвей сорокатрехлетней давности. Похоже, будто убийца использовал эссе в качестве руководства к действию. А может быть, Де Квинси и сам совершил это убийство?

— Ваша светлость, в нем едва будет пять футов роста. Ему шестьдесят девять лет. Он бы просто физически не смог убить этих людей.

— Мы не можем быть уверены в его невиновности. Человек, чей мозг в течение почти всей жизни подвергался разрушительному

воздействию наркотика, сразу подпадает под подозрение. Арестуйте его. И пусть об этом узнают газетчики.

— Но...

— Если мы упрячем его под замок, люди вздохнут свободнее. Они увидят, что мы не сидим сложа руки. И я не желаю с вами спорить, инспектор. Арестуйте его.

— Ваша светлость, я бы только хотел обратить ваше внимание: если сценарий сохранится, за этим убийством последует еще одно. Если Де Квинси будет находиться в тюрьме, когда это произойдет, станет ясно, что мы арестовали невиновного.

— Двенадцать дней. Именно столько времени прошло между убийствами сорок три года назад. Двенадцати дней вам вполне должно хватить, чтобы отыскать этого безумца. А если вы потерпите неудачу, не быть вам больше инспектором. И это еще не самое худшее, что вас ждет. Ну а арест Де Квинси пока докажет, что мы принимаем меры. Засадив его в тюрьму, мы успокоим толпу.

— Ваша светлость, возможно, у нас не будет двенадцати дней.

— Поясните.

— По мнению Де Квинси, преступник собирается превзойти убийства на Рэтклифф-хайвей. Если он прав, следующее убийство произойдет значительно раньше и окажется более жестоким.

Дабы не привлекать лишнего внимания, Беккер отправился за Де Квинси и Эмили в их дом возле Рассел-сквер не в полицейском экипаже, а в обычном кебе. Он специально выбрал кружной маршрут и постоянно оглядывался, чтобы проверить, не следят ли за ними. Задача была нетрудной, поскольку экипажей на улицах стало значительно меньше, чем обычно.

Перво-наперво они посетили гробовщика, занимающегося похоронами семейства Хейурорта. Верная своему слову, Эмили накануне вечером навестила брата убитого, чтобы убедиться, как и обещала, что он находится вместе с женой и сыном.

Сейчас она сидела за столом в конторе гробовщика и говорила:

— У убитого в кассе хранился один фунт восемь шиллингов и два пенса. Это будет задаток за похороны.

Державшийся чуть поодаль Беккер был поражен прямой речей девушки. Де Квинси, казалось, не находил в этом ничего необычного.

— Один фунт восемь шиллингов!.. — трагически воскликнул гробовщик. — Но стоимость похорон пяти человек составит шестнадцать фунтов! А вчера ночью кто-то еще украл мои похоронные дроги! Если мне не заплатят вперед, даже не знаю, как удастся совершить погребение в положенный срок.

— Очень прискорбно, что так вышло с вашими дрогами. Но, видите ли, брат покойного может выплачивать не больше одного фунта в месяц, — спокойно произнесла Эмили.

— Так он будет расплачиваться...

— Да, в течение шестнадцати месяцев. Медленно, но верно. В противном случае вы упустите шанс заработать завидную репутацию.

— Какой шанс я упущу? О чем вы?

— Это убийство привлекло повышенное внимание газетчиков.

— Разумеется. Все только о нем и говорят. Куда бы я ни пришел...

— Если вы согласитесь на ежемесячную выплату по одному фунту, мои друзья в полицейском управлении сообщат репортерам, что вы тот самый человек, который не отказался помочь брату убитого в час его горя. Ваше имя окажется у всех на слуху. Ваше дело станет процветать.

— Ну, это, конечно, замечательно, но я пока не понимаю...

— Если вы откажетесь, мои друзья в полицейском управлении расскажут всем газетчикам до единого, какое вы проявили бессердечие в то время, когда должны были бы облегчить участь родных. И весь Лондон узнает о вашей черствой душе.

— Но...

— Полагаю, вам не придется долго раздумывать, какой из предложенных вариантов выбрать. — Эмили встала. — А пока примите задаток; один фунт восемь шиллингов и два пенса. Ваша контора имеет отличную репутацию. Я уверена, вы сможете устроить покойному Хейуорту и его семье достойные похороны, которые люди долго будут поминать добрым словом.

Беккеру еще никогда не доводилось слышать, чтобы женщина разговаривала в такой манере, как Эмили. Тщательно скрывая удивление, он сопровождал девушку и ее отца до кеба, осмотрел улицу и удостоверился, что никаких подозрительных людей или экипажей поблизости не наблюдается.

— Похоже, хвоста за нами нет, — заметил констебль, когда они тронулись к месту назначенной встречи.

— Убийце и не нужно ехать за нами, — задумчиво произнес Де Квинси. — Ведь ему прекрасно известно, где я буду в одиннадцать часов.

— Но я должен предусмотреть и другие варианты. Что, если он намеревается преподнести вам сюрприз по дороге?

— О да, — согласился Де Квинси, — сюрпризов у него припасено достаточно.

Беккер заплатил пошлину за проезд через мост Воксхолл и, когда его каменные быки остались позади, велел кебмену пересечь железнодорожные пути и остановиться на Аппер-Кеннингтон-лейн. Там констебль помог выйти из экипажа Эмили и собрался было подать руку Де Квинси, но с удивлением обнаружил, что этот удивительный человек сам с необычайной для его лет ловкостью соскочил на мостовую.

Вдыхая «ароматы» близлежащего спиртового завода, Беккер осмотрел улицу, застроенную преимущественно жилыми домами, на первых этажах которых разместились магазины.

Вести об убийстве заметно повлияли на настроение людей даже здесь, на южном берегу Темзы, достаточно далеко от Рэтклифф-хайвей. Теперь уже нельзя было встретить человека, идущего неспешной походкой. Лица у всех были задумчивые и настороженные. Стоящий на углу со своей тележкой торговец жареной картошкой, казалось, подозревает каждого подходящего к нему покупателя в том, что он-то и есть жестокий убийца.

Беккеру, чтобы не привлекать внимания, было разрешено сменить форму констебля на цивильную одежду. Сам он расценивал это как еще один шаг к тому, чтобы стать детективом в штатском, хотя и желал бы, чтобы произошло это при других обстоятельствах.

Кое-кто с явным неодобрением поглядывал на непривычное, без кринолина, платье Эмили — когда девушка шла, можно было разглядеть ее ноги. В остальном никто не обращал внимания на трех человек, идущих вдоль деревянной стены к высокому и широкому зданию, над входом в которое висела выцветшая табличка с надписью «Воксхолл-Гарденс».

Де Квинси достал из кармана пальто фляжку с лауданумом.

— Вы прикладываетесь к ней уже третий раз с тех пор, как мы выехали из дома, — заметил Беккер.

— Спасибо, что вы считаете.

— Для большинства людей того количества, что вы уже выпили за сегодняшний день, хватило бы, чтобы отправиться на тот свет.

— Это лекарство, предписанное врачом. Вот если я перестану его принимать, тогда у меня будет больше шансов умереть. — Лоб Де Квинси покрылся потом. Он посмотрел на дочь и сменил тему: — Знаешь, Эмили, однажды в этом милом парке разыгралась настоящая битва. Мне тогда шел четвертый десяток, и я приехал сюда поглядеть на реконструкцию битвы при Ватерлоо.

— Реконструкция битвы при Ватерлоо? Как же это было возможно?

Небо к этому часу уже прояснилось, ветер разогнал клочья тумана.

— В действе принимала участие тысяча солдат, — поведал Де Квинси. Похоже, рассказом о событиях прошлого он пытался отвлечься от того, что его ожидало в ближайшем будущем. — Зрителей собралось тысяч, наверное, десять. Создавалась иллюзия настоящего сражения: грохотали выстрелы, все затянуло дымом.

— А места там достаточно?

— Более чем.

— Уже почти одиннадцать, — напомнил Беккер.

Де Квинси тяжело вздохнул и кивнул.

— Помните, — проинструктировал его Беккер, — дюжина констеблей в штатском по одному проникла в сад и смешалась с гуляющими. Если что-то произойдет, они немедленно придут на помощь. Но я по-прежнему считаю, что мне было бы лучше пойти с вами. Так я наверняка смогу защитить вас в случае нападения.

Констебль опустил взгляд на пальто, под которым скрывались наручники и штатная полицейская дубинка.

— Что бы ни замышлял убийца, он не станет ничего предпринимать, если вы будете рядом, — возразил Де Квинси. — Если я ошибаюсь и дело дойдет до насилия, я, по крайней мере, буду знать, что Эмили находится под вашей защитой. Ну а я должен рискнуть — вдруг удастся узнать что-то о судьбе Энн.

— Прошло столько лет, и она до сих пор так много для вас значит? — осторожно спросил Беккер.

— Когда я попрошайничал на улицах Лондона, она однажды спасла мне жизнь.

Де Квинси направился к входу.

Беккер сосчитал до двадцати, и они с Эмили пошли следом.

Ворота отчаянно нуждались в срочном ремонте: дерево местами потрескалось, краска облупилась. Продавец билетов лишь на мгновение оторвался от чтения газеты, на первой полосе которой красовалась большая статья об убийстве.

— Два шиллинга, — сказал он рассеянно.

Беккер заплатил из денег, которые ему выдали в Скотленд-Ярде.

Оказавшись внутри, констебль и Эмили оглядели почти пустой сад и увидели Де Квинси. Он шел по дорожке, усыпанной белым гравием, между сбросившими листву деревьями. Вот он приблизился к летней эстраде и сбавил шаг, словно ожидал, что к нему сейчас подойдут. Ничего не произошло, и Де Квинси устремил взгляд на ряд открытых кабинок, в которых стояли столики, откуда отдыхающие могли наблюдать за действием на сцене. По-прежнему никто не пытался приблизиться к маленькому человечку.

Делая вид, будто они наслаждаются окружающим пейзажем, Беккер и Эмили прошли мимо здания, украшенного многочисленными шпилями, арками и куполами, — оно будто бы перенеслось в Лондон из Восточной Индии. Остановились ненадолго поглазеть на человека в цирковом костюме, который шел по веревке, туго натянутой над лужайкой между двумя деревьями. Чтобы удерживать равновесие, в руках он держал длинный шест. Костюм, некогда ярко-красный, выцвел и обветшал.

Беккеру стало интересно, где расположились остальные полицейские. Вероятно, часть их находилась в небольшой группе людей, без особого интереса наблюдавших за канатоходцем и, судя по виду, мечтавших получить обратно свои деньги. Гораздо больше их занимали разговоры, а предметом обсуждения — в этом Беккер не сомневался — являлось, конечно же, недавнее убийство.

Вдаль, сколько хватало глаз, тянулись деревья с голыми ветками. В окружении таких же голых кустов стояла скульптура, изображающая всадника. Хвост у лошади отсутствовал.

— Возможно, весной, когда на деревьях снова появятся листья, это место будет выглядеть не таким безрадостным, — следя за отцом, предположила Эмили.

Почувствовав запах дыма и услышав треск огня, Беккер и Эмили вышли на открытое пространство и увидели огромный воздушный шар. Всякий желающий за определенную плату мог на нем прокатиться. Материя, из которой был сделан шар, имела столь же жалкий вид, как и костюм канатоходца. К дымовой трубе был приделан парусиновый шланг, защищенный специальным экраном, предотвращающим попадание искр от горящего костра. Нагретый воздух поступал из грубы в шланг, а оттуда — в сам шар и раздувал его. Под шаром находилась плетеная корзина для пассажиров.

Вывеска рядом гласила:

«Посмотрите с высоты на мост Воксхолл!
Вестминстерский мост! Парк Сент-Джеймс!»

— А если шар рухнет, можно будет с близкого расстояния увидеть Темзу, — заметила Эмили.

Ее отец продолжал постепенно углубляться в сад.

— Когда-то здесь выступали акробаты, жонглеры, музыканты, — заговорил Беккер. — Устраивались фейерверки. Я слышал, были времена, когда по вечерам для освещения зажигали пятнадцать тысяч ламп. Их сияние можно было увидеть даже на том берегу реки. Тогдашние вечерние гуляния не уступали по роскоши королевским балам. Но теперь... — Он показал на разбитые плафоны на фонарных столбах. — Хозяева столкнулись с финансовыми проблемами. Сейчас то, что происходит здесь в темное время суток, совсем неподобающе.

— Вы говорите о проституции?

Беккер залился краской.

— Ой, я не хотела вас смутить, — спохватилась Эмили.

— По правде сказать, это я беспокоился, как бы не смутить вас, — признался Беккер.

— Отец всегда говорит со мной откровенно. Даже когда я была маленькой, он никогда не относился ко мне как к ребенку. Так что я быстро повзрослела вместе с шестью оставшимися в живых братьями и сестрами.

— Если вспомнить, как он периодически скрывался от служителей закона, немудрено, что вы быстро poznали жизнь.

— Отец называл меня своим шпионом.

— Вот как? — заинтересовался Беккер.

— В Эдинбурге ему часто приходилось жить вне дома, поскольку он боялся, что его арестуют. Отец скрывался на каких-то тайных квартирах, а я приносила ему еду, а также другие необходимые вещи, такие как перья и чернила. Поскольку люди бейлифа следили за нашим жилищем, я вынуждена была вылезать через окно с задней стороны дома, преодолевать стены и пробираться сквозь дыры в оградах. Когда я приходила в то место, которое отец использовал в качестве убежища, он передавал мне рукопись, чтобы я доставила ее издателю. Но за издателями тоже велась слежка, и мне снова приходилось карабкаться через стены и лазать в окошки. Я доставляла рукопись по назначению, получала плату и возвращалась к отцу. Из тех денег, что я приносила, он забирал самый минимум на собственные нужды, а все остальное велел относить матери.

— Похоже, что у вас было тяжелое детство.

— Вовсе нет! Оно было восхитительное.

Беккер услышал позади быстрые шаги.

— Держитесь рядом, — сказал он девушке.

Готовый к любым сюрпризам констебль обернулся и с удивлением обнаружил, что по тропинке к ним спешит инспектор Райан.

Инспектор был не похож на самого себя. Вместо привычной неряшливой одежды на нем красовалось распахнутое парадное пальто серого цвета, под которым виднелись строгие серые же брюки, такого же цвета жилет и длинный, до колен, пиджак. Если бы не неизменная кепочка, прикрывающая рыжие волосы, он бы мог сойти скорее за чиновника, чем за детектива.

— Все спокойно, — доложил обстановку Беккер.

Но инспектор был мрачнее туч, которые как раз начали закрывать небо.

— Что случилось, инспектор? — спросила Эмили.

— Когда вчера я только встретился с вашим отцом, я бы с удовольствием сделал это, но теперь...

— Сделали что? Я вас не понимаю.

— Мне приказано арестовать его.

— Арестовать? — воскликнула Эмили. — Неужели вы серьезно?
— Серьезнее некуда. Где он?
— Перед нами, — ответил Беккер.
— Но где именно?
— На тропинке. Он... — Констебль повернулся, чтобы показать, где находится Де Квинси. — О господи! Его там нет. Что случилось?

Томас Де Квинси шел по тропинке. Принимая на протяжении десятилетий огромные дозы лауданума, он уже не понимал порой, реальный мир его окружает или наркотическая галлюцинация. Причудливое сочетание всего увиденного в Воксхолл-Гарденс — шпили и купола павильона в восточно-индийском стиле, концертная площадка под открытым небом, жалкий канатоходец, наполняемый теплым воздухом воздушный шар и даже статуя Милтона — настолько было похоже на его вызванные опиумом грезы, что Де Квинси не знал: то ли он видит кошмар наяву, то ли еще спит в постели и видит сон.

Сбитый с толку происходящим, он подумал, что, возможно, вообще не покидал Эдинбург. Не получал загадочного письма, в котором неизвестный обещал — если он приедет в Лондон — поведать, что случилось с Энн. А сильнее всего надеялся, что спит, оттого что это означало бы: никакого жуткого убийства в субботу вечером не произошло и в ближайшем будущем не случится еще более страшного.

Ближняя к входу часть сада была отведена под публичные мероприятия, такие как танцы, театральные постановки, концерты и банкеты. Дальше же начинался настоящий лес — и это в самом центре огромного города! В свое время за лесом тщательно ухаживали, и отдыхающие могли спокойно прогуливаться между деревьями, но с годами отсутствие средств и небрежное отношение привели к тому, что эта часть парка сделалась дикой и непривлекательной. Его друг Вордсворт, безусловно, воспел бы этот лес, но Де Квинси, глядя, как здесь все заросло и сколько повсюду укромных местечек для засады, не на шутку встревожился.

Дополнительное смятение в состоянии Де Квинси вносили расположенные среди деревьев искусственные руины известных памятников Древней Греции и Рима, которые, казалось, рухнули под грузом прошедших веков. Колонны Парфенона лежали рядом с

обломками Колизея, заросшие сорняками и затянутые вьющимися растениями.

И снова у Де Квинси возникло ощущение, будто все, что он сейчас видит, является результатом действия лауданума. Но сколько бы он ни убеждал себя, что никуда не уезжал из Эдинбурга и просто переживает очередную наркотическую галлюцинацию, он не мог позабыть ни запах, который стоял на месте убийства, ни горе, исказившее лицо брата убитого.

Де Квинси добрал до перекрестка, и перед ним встал выбор: пойти направо, налево или прямо. Не задумываясь почему, он выбрал усыпанную белым гравием тропинку, ведущую налево. Растительность здесь была гуще. Голые, искривленные стволы деревьев и кустарники вплотную приблизились к дорожке. Де Квинси переполняли чувства. Дыхание участилось.

Энн.

Он никогда не забывал тот давний вечер, когда признался Энн, что сильно-сильно ее любит. Он тогда поклялся вернуться в Лондон через восемь дней — разделить с ней свое будущее, так же как девушка поделила с ним свои жалкие гроши.

Но Энн чувствовала будущее гораздо лучше Томаса. По ее щекам струились слезы. Она тоже крепко обняла юношу, но не произнесла ни слова. С тех пор он больше никогда ее не видел и не слышал о ней.

Как же он мечтал еще раз пройтись с ней по улице, держа ее руку в своей, остановиться и послушать игру шарманщика. И целовать ее. Бессчетное число ночей Энн являлась к нему во сне. Снова и снова он писал о ней в многочисленных эссе и повестях — и все эти произведения убийца, похоже, внимательно изучил. Нельзя было исключать того, что приглашение приехать в Лондон — не просто чья-то дурная шутка. Вполне вероятно, что умом убийцы так же завладели мысли об Энн и ему удалось раздобыть о ней какую-то важную информацию.

Де Квинси подавил желание вытащить заветную фляжку и сделать глоток лауданума. Им двигал не столько страх, сколько надежда — и еще желание наказать себя за то, что он тогда бросил Энн. Если существует хоть малейшая вероятность узнать что-то о судьбе женщины, которую он искал на протяжении всей жизни, он не может отступить.

Ветви деревьев и кустов по обеим сторонам дорожки скрипели и словно пытались схватить его. Холод проникал под пальто. Под ногами монотонно хрустел гравий. Над головой негромко причитал ветер.

Внезапно Де Квинси осознал, что это вовсе и не ветер, а голос. Женский голос.

— Томас!

Голос доносился откуда-то справа — пронзительный жалобный крик.

— Томас!

— Энн, это ты?

— Томас!

Хотя Де Квинси не был уверен, что ему не показалось, он все же сошел с тропинки и зашагал, хрустя опавшими листьями. Он лавировал между деревьями и кустами и напряженно всматривался в сгустившиеся тени.

— Энн?

— Томас, я здесь.

— Где?

Из-за дерева появилась женщина.

Де Квинси впился в нее взглядом. Через несколько секунд он ахнул и дернулся назад, уверенный, что ему действительно привиделся кошмар.

Женщина была древняя и иссохшая. Почти безволосая. Лицо изможденное, с глубоко запавшими глазами. Щеки усыпаны язвами.

— Я здесь, Томас. Твоя Энн. Возьми меня.

— Нет.

— Ты не вернулся, когда обещал. Ты бросил меня.

— Нет!

— Но теперь мы вместе. — Одета в лохмотья старуха простерла к нему руки. — Люби меня, Томас. Больше мы никогда не разлучимся.

— Ты не можешь быть Энн!

— Это ведь то, чего ты хочешь. — Женщина задрала рваное пальто и юбку, обнажив сморщенное старческое тело. — Люби меня, Томас.

Не успел Де Квинси закричать, как печальный голос, прилетевший с противоположной стороны, заставил его замереть на месте.

Из-за дерева показалась другая старуха, такая же сморщенная и покрытая язвами. Она тоже задрала пальто и платье и продемонстрировала ссохшуюся плоть.

— Я здесь, Томас. Твоя сестра Джейн. Помнишь меня? Помнишь, как играл со мной в детской? Хочешь меня? Ты можешь меня взять.

Он не смог сдержать крик, когда из-за дерева показалась третья старуха и, как и первые две, подняла пальто и платье.

— Здесь, Томас. Я — твоя сестра Элизабет. Помнишь, как проскользнул в комнату, где я лежала мертвая? Ты глядел на мое тело до самого вечера. А потом ты поцеловал меня. Можешь снова поцеловать меня, Томас. Можешь отыметь меня.

— Томас, я — Кэтрин. — Появилась еще одна женщина и обнажила свое тело. — А меня помнишь? Маленькая девочка, которая жила рядом с тобой в «Голубятне»? Дочь Вордсворта. Помнишь, как ты целыми днями лежал на моей могиле, рыдал и думал о Джейн, Элизабет и Энн? Такая ужасная потеря. Но теперь все изменилось. Мы здесь, Томас. Ты можешь иметь нас всех.

Де Квинси залился слезами. А из-за деревьев выходили все новые и новые женщины с лицами, обезображенными гнойными язвами.

— Я — Энн!

— Нет, это я — Энн!

— Я — Джейн!

— Элизабет!

— Кэтрин!

— Люби нас, Томас!

Де Квинси пронзительно закричал. Этот вопль шел из самой глубины его несчастной души, из самой бездны отчаяния. Слезы жгли глаза, точно кислота. Он упал на колени и зарыдал:

— Нет! Нет! Нет!

— Нужно разделиться! — скомандовал Райан. — Вы пойдете по этой дорожке, я...

— Стойте. Я что-то слышу, — сказал Беккер.

— Голоса. Это женские голоса, — воскликнула Эмили. — Они называют имена.

— Сюда! — крикнул инспектор и побежал по левой дорожке.

Беккер заколебался — нужно было остаться с Эмили и защищать ее, но, к удивлению констебля, девушка считала иначе. Она бросилась следом за Райаном. Новомодное платье, а также отчаянное желание как можно быстрее найти отца позволили Эмили бежать с такой скоростью, что Беккер с трудом ее нагнал.

Они завернули за угол.

— Нет! — раздался из-за деревьев пронзительный крик Де Квинси.

— Энн! Джейн! — вопили женщины.

— Сюда! — Райан нырнул в подлесок.

— Элизабет! Кэтрин! — не унимались женщины.

— Эмили! Остановитесь! — крикнул Беккер.

Но девушку было не удержать. Они мчались вперед, ветки цеплялись за одежду, хлестали по лицам.

Де Квинси продолжал причитать.

— Энн! Джейн! Элизабет! Кэтрин! — заунывно голосили женщины.

Беккер на бегу выхватил из-под пальто дубинку.

Эмили мчалась следом.

Оторвавшийся от них Райан резко остановился, когда увидел Де Квинси. Тот опустился на колени и рыдал. Рядом притормозил Беккер и ошарашенно уставился на одетых в лохмотья женщин — проституток, старых и пораженных болезнями, — которые, точно заклинание, выкрикивали имена.

— Эмили, вам не стоит это видеть!

— Да что тут происходит?

Этого Беккер сказать не мог. Он взял себя в руки и огляделся по сторонам в поисках возможной угрозы. Но кроме женщин, вокруг никого не было.

Тело Де Квинси сотрясали конвульсии. Казалось, они исходят из самой глубины его души.

Эмили подбежала к нему.

— Отец! Ты ранен?

Де Квинси так горько рыдал, что не смог ничего ответить.

Тем временем женщины заметили в руках Беккера дубинку и с паническими криками бросились вглубь леса.

— Стойте! — приказал констебль.

Но женщины только прибавили скорости.

Де Квинси кулем повалился на землю.

— Непохоже, чтобы он был ранен! — воскликнула Эмили и попыталась приподнять отца. — Не понимаю!

Беккер вытащил из недр пальто еще один предмет полицейской экипировки — трещотку, которая использовалась для извещения о чрезвычайных ситуациях. Он крепко сжал рукоятку и раскрутил лопасть. Громкий и неприятный звук резал уши и был хорошо слышен по всему парку.

Последние женщины в лохмотьях исчезли за деревьями.

— Инспектор! — крикнул мужчина в штатском, выбежавший из зарослей.

Это был один из переодетых полицейских, которые заранее прибыли в сад и рассредоточились по всей территории.

— Бегите к выходу! — приказал Райан. — Заприте ворота! Не дайте никому уйти!

Полицейский кивнул и бросился исполнять приказ. В это время из подлеска стали появляться и остальные.

— В лесу скрываются женщины! — объяснил всем Беккер. — Проститутки! Схватите их! Но будьте осторожны: может оказаться, что они не одни!

Продолжение дневника Эмили Де Квинси

За всю жизнь я лишь дважды видела плачущего отца: когда умер мой брат Хорас и, конечно, после смерти моей дорогой мамочки, его преданной супруги, Маргарет. Но как жестоко горевал он сейчас — это превосходило все, что я видела раньше. Когда я осознала, что означают для отца имена, которые выкрикивали эти гадкие старухи, я поняла причину.

Констебль Беккер подхватил отца и понес через лес к выходу. Констебль такой высокий и сильный, а бедный отец такой маленький, что он казался ребенком в могучих руках Беккера. Инспектор Райан шел рядом со мной и настороженно оглядывался по сторонам, словно опасался, что в любой момент на нас могут напасть. Привычный мир, казалось, перевернулся вверх тормашками — достаточно было

взглянуть на констебля, который сменил полицейскую форму на неприметную одежду, а уж инспектор тот и вовсе оставил образ головореза и нарядился так, будто собрался в церковь.

Наконец мы оказались в «обитаемой» части парка, прошли мимо наполненного горячим воздухом воздушного шара, миновали канатоходца, который стоял на лужайке и с испугом озирался по сторонам.

Шпильки, башенки и арки индийского павильона так призывно манили к себе, что мы остановились передохнуть. Внутри, на сводчатом потолке, был нарисован распускающийся прекрасный цветок. На стенах изображены сцены из восточной жизни: тигр в джунглях; мужчина в тюрбане верхом на слоне; заклинатель, играющий на флейте перед змеей с раздутым капюшоном; толпа людей, дивящихся чудесам пестрого базара.

Констебль Беккер усадил отца на скамейку возле стены. Как я ни пыталась успокоить отца, привести в чувство, он, казалось, не слышит меня. Горе исходило из самых глубин его души, до которых мне было не достучаться.

Беккер и инспектор Райан были явно смущены таким сильным проявлением эмоций. Могу предположить: им никогда прежде не доводилось видеть плачущего, рыдающего мужчину — столь усердно людям вбивалось в головы, что все чувства нужно держать при себе.

Констебли, один за другим приводившие в павильон жалких старух, которых мы видели в лесу, также испытывали недоумение при виде рыдающего отца. Удивленными выглядели и арестованные — эти-то почти наверняка никогда не видели плачущих людей, а сами, скорее всего, позволяли себе поплакать только в одиночестве или в присутствии самых близких друзей. Всех, кто находился в этом необычном павильоне, с детства учили, что проявление чувств равносильно проявлению слабости; им не по силам было постичь беспомощное состояние отца, убитого глубочайшим горем. Это было так же чуждо им, как и изображенные на стенах сцены восточной жизни.

А полицейские все прибывали и приводили новых и новых женщин. Многие совсем ослабли от болезней, но все они отчаянно сопротивлялись и ругались при этом такими ужасными словами, что уши у меня стали красными, как свекла.

— Наверное, вам лучше выйти, — сказал Райан.

Но я не могла оставить отца и так ему и ответила.

Женщин сковали наручниками: правое запястье каждой было соединено с левым запястьем соседки, потом всю цепочку завернули за колонну и сковали запястья двух крайних, образовав таким образом круг, из которого нельзя было выбраться.

Хотя мне и доводилось встречать проституток в Эдинбурге, таких жалких и уродливых созданий я еще не видела. Болезнь довела их до ужасного состояния. Лица были усеяны язвами. У некоторых почти полностью отсутствовали волосы. Раздвинутые сморщенные губы обнажали немногочисленные гнилые зубы. Эхо ругательств и жалоб гуляло под потолком павильона.

— А ну, тише! — громко крикнул Райан.

— Ты не получишь моих денег! — завопила одна из женщин.

— Нам не нужны твои деньги! — рявкнул в ответ инспектор. — Да я и не верю, чтобы у тебя можно было хоть что-нибудь украсть.

— У меня куча денег!

— Правда?

— Я их заработала, да!

— В этом я не сомневаюсь.

Полицейский привел еще одну проститутку и приковал к остальным.

— Скольких уже поймали? — спросил Райан.

— Двадцать три, — доложил Беккер. — И ведут еще одну.

— Вот что я у нее нашел, — сказал только что вошедший констебль и протянул две золотые монеты.

— Это мое! Отдайте!

— Два соверена. Больше, чем клерк может заработать за неделю. Где ты их украла?

— Я заработала!

— Расскажи кому-нибудь другому, — усмехнулся констебль. Никит не станет платить два соверена за то, чтобы поиграть с тобой в «туда-сюда-обратно».

— Констебль, — осадил его Райан и кивнул в мою сторону. Очевидно, вновь прибывший не заметил меня. — Здесь дама.

— Прошу прощения, инспектор. Мои извинения, мисс. — Полицейский покраснел. — Они, бывает, не понимают, пока не

начнешь говорить с ними на их языке.

— Ни с кем я не играла в «туда-сюда-обратно», — возразила проститутка. — Говорю же тебе: заработала. Честным путем.

Беккер окинул женщин внимательным взглядом.

— Если у одной оказались золотые, может, и у других тоже есть? — Он подошел к ближайшей проститутке. — Как тебя зовут?

— Дорис.

— Покажи мне, Дорис, что у тебя в карманах.

— Нет.

— Тогда мне придется тебя обыскать.

— Ой, напугал. Девочки, он хочет меня обыскать.

Негодницы расхохотались.

— За это я беру с мужчин деньги, — хихикнула Дорис. — Сколько вы готовы заплатить за то, чтобы поискать у меня между ног?

Проститутки засмеялись еще громче.

Я постаралась сделать вид, будто слышу подобные вещи чуть ли не каждый день.

— Гибсон, помогите мне.

Беккер и вновь прибывший констебль с видимым отвращением обыскали карманы Дорис.

— Эти гомики обворовывают меня! — заорала проститутка. — Вы все здесь свидетели!

— Не собираюсь я ничего воровать, — увещевал ее Беккер. — Хватит брыкаться. Посмотрим, что тут у тебя.

На ладони у констебля лежали две золотые монеты.

— Ну, у кого еще есть?

В результате шумных, сопровождавшихся отчаянным сопротивлением поисков выяснилось, что у всех женщин, у всех двадцати четырех, имеется по два соверена.

Беккер нахмурился.

— Дорис, откуда у тебя эти деньги?

— Я их заработала. И не так, как вы думаете.

— А как тогда?

— Мне заплатил один джентльмен.

— За что?

— Надо было сегодня с утра пробраться в парк, еще до открытия.

— И что дальше? — вмешался в допрос Райан.

— Спрятаться в лесу.

— А дальше? — продолжал допытываться инспектор.

— Когда вот этот появится, — показала проститутка на отца, — я должна была позвать его. — И Дорис произнесла тем голосом, который я уже слышала среди деревьев: — Томас. Томас.

Казалось, она взывает о помощи.

Я почувствовала, как при упоминании своего имени отец дернулся.

— Томас! Томас! — подхватили другие женщины.

Яростное эхо заметалось между разрисованных восточными мотивами стен.

Я испугалась, что сейчас оглохну, а отец перестал плакать.

— Ну хорошо! — крикнул Райан и поднял руки. — Прекратите! Если хотите получить назад свои соверены, заткнитесь!

Постепенно вопли утихли.

— Джентльмен велел мне говорить, что я — Энн, — решилась признаться одна из женщин.

— А мне называть себя Джейн, — сообщила другая.

— Элизабет, — сказала третья.

— Кэтрин, — подхватила четвертая.

— Нет, это я — Энн.

— Это я — Джейн.

— Это я — Элизабет.

— Это я — Кэтрин.

Отец, до того лежавший скрючившись на скамейке, начал приподниматься. Я поддержала его и, заглянув в глаза, была поражена, как они покраснели от слез и в то же время как ярко сияют голубизной.

А гадкие женщины продолжали надрываться.

И снова Райан гаркнул, перекрикивая шум:

— Перестаньте, черт бы вас побрал!

Жесткий взгляд инспектора и его суровый рык сделали свое дело, хотя эхо криков еще долго гуляло по павильону.

— Значит, какой-то джентльмен велел вам произносить эти имена, — сказал Райан. — Что за джентльмен?

Женщины надули губы, и никто не ответил.

— Еще раз спрашиваю: что за джентльмен? Опишите его.
Дорис посмотрела на Беккера.

— Мне не нравится, как он со мной разговаривает. Вы намного любезнее.

— Спасибо, Дорис, — улыбнулся констебль. — Расскажи о том джентльмене, и получишь горячий чай.

— Горячий чай?

— Обещаю. — Беккер повернулся к полицейскому у входа. — Уэбстер, вы не сочтете за труд позаботиться о чае?

Констебль посмотрел на Райана, и тот одобрительно кивнул.

— Здесь в парке, неподалеку, есть буфет, — сообщил Уэбстер.

— И нам вернут наши золотые? — капризным тоном поинтересовалась у Беккера Дорис.

— Я обещаю вернуть вам ваши соверены.

Дорис улыбнулась, продемонстрировав беззубый рот.

Я предположила, что, как и тогда, когда мы с отцом впервые встретились с полицейскими, они сейчас, чтобы добиться результата, разыгрывали тот же сценарий, то есть Райан действовал методом угроз, в то время как Беккер проявлял внимание и заботу.

— Дорис, расскажи, как выглядел тот джентльмен, — попросил Беккер.

— Высокий. С виду здоровый.

— Сколько ему лет?

— Не старый и не молодой. — Дорис ткнула пальцем в сторону Райана. — Вот как он.

— У него была борода?

Дорис решительно закивала.

— Да. Такая желтоватая.

Отец сел рядом со мной.

— Как он был одет? — продолжил расспросы Беккер.

— Как моряк. Но меня он не обдурил, — заявила Дорис. — Ни один моряк не платил мне два золотых. Шиллинг — и то если повезет. Но не два золотых.

— Итого — сорок восемь фунтов, — подытожил Райан. — Человек со средствами.

— Дорис, а как он говорил?

— Не похоже ни на одного моряка, кого я встречала. Образованный он был, вот что. Джентльмен.

— А тебе не было страшно? Ведь он выдавал себя за другого?

— Конечно было. С субботней ночи всем страшно, кого я знаю. Но он дал мне два золотых. — По словам Дорис выходило, что эти деньги для нее были дороже всех богатств на свете. — Я прежде и не видывала таких деньжищ. Еще он иногда использовал такие причудливые слова, что я его не понимала.

— Какие, например?

Дорис нахмурила лоб.

— Ну вот, «репетиция». Я и не знала, что это за хрень. Оказывается, это значит, что он должен собрать нас всех в переулке, сказать, что нам нужно говорить, и проверить, что мы все запомнили.

— А вечером мы вернемся и получим еще по соверену, — с гордостью сообщила соседка Дорис.

— Еще по соверену? — повторил удивленный Райан.

— Тише, Мелинда, — прошипела Дорис.

Райан шагнул к проститутке.

— Нет-нет, давай рассказывай.

— Чтобы мы все сделали как надо, он сказал, что, если мы поработаем хорошо, он сегодня вечером даст нам еще по соверену, — сообщила Мелинда.

— Где?

— В том же переулке, где мы... — Проститутка замялась и посмотрела на Дорис.

— ...репетировали, — закончила та, довольная, что запомнила непростое слово.

— Скажите, где это, — напирал Райан.

— Оксфорд-стрит.

Услышав название улицы, отец напрягся всем телом.

— Можно теперь дать нам чаю? — крикнула Дорис. — Я там вся замерзла в лесу!

— Уже несут, — успокоил ее Беккер.

— Мелинда, отведешь меня в тот переулок? — спросил Райан.

— Нет! — запротестовала Дорис. — Тогда тот джентльмен увидит вас и не заплатит нам еще по одному золотому. — Она

бросила сердитый взгляд на Мелинду. — Говорила же тебе молчать.

— Он нас не увидит, это я гарантирую, — заверил ее инспектор. — А в знак нашего сотрудничества мы предложим вам к чаю еще и бисквиты.

— Бисквиты! Бог ты мой! Вы обращаетесь со мной прямо как с леди.

— Именно так, — кивнул Райан.

— Желтоватая, — произнес вдруг отец.

Я вздрогнула от неожиданности. Когда последний раз отец произносил что-то членораздельное?

Взоры всех присутствующих устремились в его сторону.

— Вы что-то сказали? — спросил Райан.

— Она говорит, желтоватая. Борода была желтоватая.

Тут отец удивил меня еще сильнее: он встал. От долгих рыданий лицо его казалось худее обычного, зато голубые глаза сияли ярко-ярко.

— Ну да, желтоватая. Это я и сказала, — согласилась Дорис, обеспокоенная такой неожиданной активностью отца.

— Что означает не желтый цвет, но близкий к нему, — сказал отец. — Может быть, борода была скорее оранжевая? Или что-то среднее?

Дорис наклонила голову в одну сторону, потом в другую и задумчиво произнесла:

— Немного оранжевая, немного желтая. Я таких бород мало видела.

— Это тот цвет, который я описал в последнем своем эссе, — объяснил отец Райану. — Я высказал предположение, что это могла быть маскировка.

— Маскировка?

— Джон Уильямс служил матросом на судах, которые ходили в Индию. В этой стране некоторые криминальные секты перекрашивают украденных лошадей, чтобы их не опознали. Один из натуральных красителей имеет как раз такой цвет, какой описала Дорис и какой я упомянул в эссе. В своей работе я поднимаю вопрос о том, не красил ли Уильямс волосы, когда совершал убийства, с тем чтобы скрыть настоящую внешность.

— Вы предполагаете, что наш убийца покрасил бороду с той же целью? А также чтобы четко следовать описанному в вашем эссе

сценарию? — спросил Райан.

— Я предполагаю больше того. Мне с трудом верится, чтобы убийца специально отращивал бороду — это ведь должно было занять несколько месяцев — и при этом периодически ее красил. Кроме того, он ведь должен был бы в этом случае красить еще и волосы, иначе несоответствие между их цветом привлекло бы даже больше внимания, нежели просто необычная окраска бороды. Слишком сложно.

— То есть борода вообще фальшивая?

— Безусловно. Такая же фальшивка и его матросская одежда. Не исключено, что у него театральное прошлое.

— Актер?

— Человек, который хорошо умеет маскировать внешность. Наведите справки в магазинах, торгующих париками, гримом и прочим реквизитом для артистов.

Райан повернулся к одному из полицейских и сказал:

— Гибсон, вы знаете, что делать.

— Уже выполняю, инспектор.

И Гибсон выскочил из павильона.

— Скажите, что за имена выкрикивали эти женщины? Про Энн мы знаем. Кто такие Джэйн, Элизабет и Кэтрин?

— Я не хочу об этом говорить.

— Но...

— О них написано в моей работе. Убийца прочел эссе и решил использовать полученные знания, чтобы сделать мне больно. Это все, что вам нужно знать.

— Он целовал свою мертвую сестру — вот что он делал, — заявила Дорис.

— Помолчите! — прикрикнул отец.

— А еще он лежал на могиле соседской девочки! Ночи напролет разрывал ногтями землю. Джентльмен все нам рассказал про тебя. Сказал не жалеть тебя, если ты расстроишься или еще чего хуже, как услышишь эти имена. Он сказал, что ты это заслужил.

— Заткнитесь! — заорал отец и замахал руками, словно прогонял прочь дурное видение. Никогда еще я не видела его в таком возбуждении. — Ни слова больше, черт бы вас побрал!

Неожиданно распахнулась дверь, и на пороге появился констебль, посланный за чаем. Вернулся он не один, а в сопровождении четырех официантов с подносами.

— Бисквиты! Я не вижу бисквитов! — громко пожаловалась Дорис.

Я повернулась к отцу, но обнаружила, что он исчез. Вышел из павильона и закрыл за собой дверь.

Я вскрикнула и бросилась за отцом.

Он стоял, уставившись на гравийную дорожку. Шляпу отец снял, и холодный ветер взъерошил короткие каштановые волосы. По небу бродили мрачные тучи.

— Ум лишен способности забывать, — пробормотал отец.

Открылась дверь, и на пороге павильона появились Райан и Беккер.

— Де Квинси, — начал Райан.

Отец ничего не ответил.

Полицейские подошли к нему.

— Простите, но мне необходимо знать, почему те имена так разволновали вас.

— Это не ваше дело.

— Теперь, по вине убийцы, и мое тоже, — заявил инспектор. — Какая бы там ни существовала между вами связь, я должен это понять.

— Оставьте его в покое, — вмешалась я. Там, в лесу, когда я разобрала, что за имена выкрикивают женщины, мне стал понятен их злоеущий смысл, а также стало ясно, почему они таким ужасным образом повлияли на отца. — Вы же видите, как ему тяжело.

— Мисс Де Квинси, вы должны меня понять, — сказал Райан. — Я не могу рассчитывать на помощь вашего отца, если убийца может им так легко манипулировать. Это ставит под угрозу все расследование.

— Один раз, — произнес отец.

Голос был едва слышен, так что я не сразу сообразила, что именно он сказал.

— Простите, не понял, — нахмурился Райан.

— Только в этот раз, — уже громче повторил отец.

Он поднял голову и посмотрел на полицейских. В его взгляде была боль и... решимость.

— Да, убийца нашел мое слабое место, но только в этот раз. Я не допущу, чтобы это повторилось. Он оказался еще большим чудовищем, чем я предполагал. Но теперь я буду готов. Теперь я ему не поддамся.

— А что все-таки с именами?

— Хранить секреты, стараться скрыть их, забыть — означает находиться в их власти, — сказал отец. — Я написал о них, но вот поговорить о них вслух никогда не находил в себе сил. Почему так, как вы думаете? Для меня запись на странице в книге ближе и понятнее, чем разговор с другим человеком. Я позволяю разным незнакомым людям читать о моих самых интимных проблемах, но не могу заставить себя раскрыть их, вытащить наружу в беседе с глазу на глаз.

Отец достал фляжку и отхлебнул лауданума.

— Вы убьете себя этой гадостью, — не в первый уже раз произнес Беккер.

— Есть и иные реальности, — туманно ответил отец.

— Я не понимаю.

— И некоторые из них более насыщенные, более яркие, чем другие. Вы хотите узнать про Джейн, Элизабет и Кэтрин?

— Не хочу. Должен, — уточнил Райан.

— Джейн — моя младшая сестра. Она умерла, когда мне было четыре с половиной года. — Отец тяжело вздохнул. — Она вся лучилась радостью, как солнце, была так чиста и невинна. Как я любил играть с ней! Джейн подхватила какую-то загадочную лихорадку, и ее заперли в отдельной комнате. Больше я ее не видел. Живой. Я и так ужасно горевал, а тут еще по дому разнесся слух, будто бы служанке, которая за ней ухаживала, так надоело подтирать за Джейн рвоту, что она била ее по лицу, чтобы та перестала. Представляете: бить по лицу умирающего ребенка! Не преувеличивая, могу признаться: я был просто шокирован, когда мне внезапно открылось, что мир детства вовсе не такой безоблачный, каким кажется, что в мире существует зло, а жизнь наполнена всяческими ужасами. Назови им свое второе имя, Эмили.

— Джейн, — ответила я с гордостью. — В честь покойной сестры отца.

— Ум лишен способности забывать, — подчеркнул отец. — Заплатив этим убогим старухам за то, чтобы они выкрикивали имя Джейн, убийца хотел, чтобы я вспомнил ту служанку, которая была мою умирающую сестру. Он хотел, чтобы я почувствовал, будто это меня бьют по лицу.

Отец заговорил быстрее, подгоняемый мучительными воспоминаниями:

— Теперь о моей сестре Элизабет. Ей было девять лет, мне — шесть. У нее была слишком большая голова. Врачи считали, что это вызвано гидроцефалией.

Райан и Беккер смущенно переглянулись.

— Это когда вода скапливается в мозге, — пояснил отец и продолжил: — Вероятно, из-за большого размера головы она была удивительно умной и чувствительной. В живых тогда оставались две мои сестры, с которыми я проводил время, но Элизабет... Она была моим вторым «я». Где она — там был рай. Мы без усталости играли в разнообразные игры и радовались жизни. Она читала мне чудесные истории из «Сказок тысячи и одной ночи». Порой эти истории были такими прекрасными, что Элизабет плакала, и ей приходилось читать мне по второму разу. Мы спали вместе, в одной комнате. Я словно бы нашел убежище в сказочном саду, где не находилось места ни горю, ни страху.

Отец замолчал и посмотрел в темнеющее небо.

— Как-то в воскресенье Элизабет отправилась в гости к подружке, что жила неподалеку, в домике служанки. Там ее напоили чаем. Когда наступил вечер, служанка проводила ее домой через заболоченный луг. На следующее утро Элизабет слегла с лихорадкой. Болезнь быстро прогрессировала, и через неделю бедняжка преставилась. Может быть, вода, из которой приготовили чай, была заражена? Или она что-то такое вдохнула, когда шла через луг? Этого я уже никогда не узнаю. Врачи, конечно, сказали, что причиной смерти могла стать ее большая голова.

Отец вздрогнул.

— Тебе не нужно это рассказывать, — попросила я.

— Инспектор Райан сказал, что должен все узнать, — с горечью ответил отец. — Когда няня объявила, что Элизабет умерла, я просто не мог поверить. Мне было всего шесть лет, и я чувствовал себя так, будто из меня вышибли дух. Пока Элизабет болела, мне не разрешали с ней видеться, но теперь, когда я узнал, что ее тело положили в спальне на втором этаже, я не мог удержаться. В час дня, когда слуги обедали, а все остальные в доме отдыхали, я тихонько пробрался наверх по черной лестнице и приблизился к комнате. Дверь была заперта, но ключ по неосторожности оставили в замке, так что я повернул его и открыл дверь. Снизу, из кухни, доносились голоса слуг. Я вошел в комнату и как можно тише прикрыл за собой дверь, чтобы ни один случайный звук не услышали посторонние.

Спинка кровати не позволяла мне рассмотреть сестру. Я медленно подошел поближе и наконец увидел ее. Бедная моя, дорогая Элизабет! Застывшие веки, мраморно-белые губы. Окоченевшие руки сложены на груди — никто бы никогда не ошибся, не подумал, что она живая. Только большой, благородный лоб остался прежним. Окно было открыто. Через него проникал яркий солнечный свет, и все же в комнате было прохладно, — казалось, здесь задувает мрачный ветер. Ветер, который с жалобным воем испокон веков носится над миром и пугает живущих.

Отец собрался с силами и продолжал рассказ:

— За окном распахнулось бездонное ярко-синее небо. Я почувствовал, что лечу. Вокруг царил ужасный холод, и я весь дрожал. И вдруг снова оказался в комнате и понял, что прошло уже очень много времени и что я так и стою возле тела моей милой Элизабет. Внезапно за дверью послышались шаги. Второпях я поцеловал Элизабет в губы, дождался, когда шаги стихнут в дальнем конце коридора, и выскользнул из комнаты, умудрившись остаться незамеченным.

На другой день приехали доктора, они разрезали изумительную головку Элизабет, полагая, что причина смерти кроется в каком-то дефекте мозга. Я знаю это, потому что мне удалось снова пробраться в комнату и я видел повязки, скрывавшие то, что хирург сотворил с черепом сестренки. Много раз я думал о разрезе, который находился под повязками. Это ведь были врата, ведущие в ее разум, в

то, что от него осталось. Позднее я услышал, как врач рассказывал, что мозг Элизабет оказался самым прекрасным из всех, какие он прежде видел.

— Боже мой, — прошептал Райан.

— А теперь расскажу о Кэтрин, — более решительным голосом продолжил отец. — Так звали дочь Уильяма Вордсворта. Уильям был моим идолом. Подростком я написал ему письмо, полное восторженных эпитетов. Сказать, что я преклонялся перед его творениями, значит ничего не сказать. Его вера в свободу проявления чувств, в то, что мы открыты новым мыслям, новым перспективам, стала настоящим кредо моей жизни. Уильям ответил на мое письмо и даже намекнул, что я могу нанести ему визит в Озерный край. Дважды я совершал туда путешествия, но оба раза из-за своей нерешительности так и не осмеливался постучать в его дверь. Только много позже мне удалось собраться с духом, и в компании с Кольриджем (с которым мы тоже стали друзьями) я наконец осмелился навестить Вордсворта. В скором времени я также обосновался в Озерном крае и часто заходил к нему в «Голубятню» — так называлась усадьба, которую снимал Уильям. Но как быстро меняются обстоятельства! Когда он решил, что ему требуется дом побольше, «Голубятню» снял я. Я хотел спать в комнате, где спал он. Хотел есть в комнате, где ел он.

Но к несчастью, оказалось, что идолы бывают далеки от идеала. Уильям любил придираться по мелочам, а когда он попросил меня помочь в одном издательском проекте, выяснилось, что он ужасно нерешительный и мнительный человек. Мы с ним порой спорили, и наши раздоры сказались на моих отношениях с женой Уильяма Мэри и его сестрой Дороти. Единственное, что поддерживало нашу дружбу, — это моя привязанность к трехлетней дочери Уильяма. Ее звали Кэтрин. Я проводил с ней все свободное время. Мы целыми днями играли вместе в «Голубятне» — только Кэтрин и я. Убийца намекает на какие-то гадости, но мое отношение к Кэтрин было сродни той любви, которую я испытывал к своей покойной сестре Джейн и другой покойной сестре — Элизабет. С Кэтрин я снова ощущал себя ребенком. Я снова находился в том волшебном саду, где не было места горестям обычного мира.

Однажды я получил записку от Дороти, сестры Уильяма. Текст я помню до сих пор.

«Мой любезный друг, вот я пишу вам, а сама просто убита горем. Вам нужно взять себя в руки и приготовиться узнать печальные новости. В среду вечером у нашей малышки Кэтрин начались судороги. Приступы продолжались до четверти шестого утра, а потом она испустила дух».

Отец помолчал.

— Испустила дух. Как Джейн и Элизабет. После того как Кэтрин похоронили на кладбище рядом с «Голубятней», я ходил туда каждую ночь, ложился на ее могилу и действительно разрывал руками землю, как и сказала та больная женщина. Я готов был отдать свою жизнь, лишь бы вернуть Кэтрин назад. А также Джейн и Элизабет. В самом деле, я бы с радостью умер за то, чтобы они все вернулись к жизни. И еще Энн. Я горевал по Энн. Я оплакивал все потери, которые случились в моей жизни.

Снова и снова писал я о каждой из них. Я изливал свою боль на бумагу, но никогда до сегодняшнего дня никто не слышал, чтобы я рассказывал об этом вслух. До смерти Кэтрин я принимал опиум только периодически, для того чтобы облегчить мучившие меня желудочные и лицевые боли. Но с тех пор это стало частью моей жизни, как и описано в «Исповеди...».

Райан и Беккер стояли молча и никак не выражали своего отношения к рассказу. Однако по их лицам можно было судить, что полицейские потрясены.

Отец посмотрел на темное небо, потом перевел взгляд на неподвижные голые ветви ближайшего дерева.

— Ветер прекратился, — сказал он. — Не исключено, что надвигается буря. Так или иначе, можно утверждать, — и отец показал в направлении севера, — что над Темзой уже собирается ранний туман.

Он повернулся к полицейским.

— Убийца хочет, чтобы он ассоциировался у меня со служанкой, которая была мою умирающую сестренку за то, что та не могла

сдержанность рвота. Но моя работа — совсем не рвота. Это попытка осознать ту боль, которая и сделала меня таким, какой я есть. Так же, я надеюсь, и мои читатели поймут, кто они. Убийца нагло извратил мой труд ради своих гнусных целей, и, клянусь Господом, он мне за это заплатит. И еще я заставлю его заплатить за то, что он зверским образом лишил жизни тех пятерых несчастных в лавке.

— И возможно, это не последние его жертвы, — нашел в себе силы произнести Райан.

Глава 8

ГОД РЕВОЛЮЦИИ

В первые годы семнадцатого столетия игра с клюшкой и мячом, известная как пэлл-мэлл, ^[9]получила такое распространение в районе Вестминстер, что в честь нее была даже названа улица. К 1854 году улица Пэлл-Мэлл, расположенная к северу от парка Сент-Джеймс, приобрела несколько иную репутацию. Здесь разместился целый ряд роскошных клубов английских джентльменов, где люди одного круга и одинакового мировоззрения могли покушать, выпить бокал-другой, выкурить хорошую сигару, насладиться тишиной и покоем библиотеки и даже найти себе на время свободную комнату. И если некоторые джентльмены приходили сюда, чтобы отдохнуть от семей, большинство все же привлекали азартные игры.

Существовали клубы для сторонников тех или иных политических партий, религиозных групп, актеров, писателей, художников; практически на любой вкус — лишь бы их члены согласны были заплатить двадцать гиней в качестве вступительного взноса, а потом ежегодно уплачивать по десять гиней. То, что членство в клубах оценивалось именно в гинейях, служило свидетельством их исключительности. Если в свое время гиней имели хождение в качестве полноправных монет, то теперь они использовались только при выплате гонораров за оказанные профессиональные услуги да как форма оплаты за предметы роскоши. И если человек просил гинею, ему вручали две монеты: один фунт и один шиллинг — чтобы подчеркнуть, что гинейя (хотя такая монета уже не находилась в обращении) стоит дороже фунта. ^[10]

В общей сложности на улице Пэлл-Мэлл разместилось ни много ни мало четыре сотни клубов на самые разные вкусы. Как следствие, отдельным клубам нетрудно было соблюдать анонимность и избегать внимания к себе со стороны соседей. Кроме того, джентльмены, не желавшие, чтобы кто-то видел, как они приезжают в клуб или покидают его, могли воспользоваться занавешенными проходами, протянувшимися от проезжей части до входа в некоторые клубы.

Подъезжала карета, ее пассажир нырнул в такой проход, карета отъезжала, и ни одна живая душа на улице не могла определить личность прибывшего.

В два часа пополудни в понедельник ничем снаружи не примечательная карета (хотя внутри она выглядела весьма роскошно: там имелись ящички с сигарами и несколько бутылок бренди) отъехала от Королевского аграрного клуба и влилась в непрерывный поток экипажей на Пэлл-Мэлл-стрит. Над входом в клуб висела табличка «Закрывается на ремонт».

В задрапированном проходе стояли трое мужчин: лорд Палмерстон, глава его службы безопасности полковник Бруклин и один из людей Бруклина. Последний остался в проходе наблюдать за улицей, а полковник приблизился к человеку, одетому в форму швейцара, который на самом деле также входил в команду, охраняющую лорда.

— Ничего необычного не замечено, — доложил он Бруклину.

Полковник прошел в помещение клуба, осмотрел холл, отделанный полированным мрамором, и оценил стратегические позиции, которые заняли два других его агента. Оба поочередно кивнули, давая понять, что ситуация находится под контролем. Кроме них, в холле никого больше не было.

— Все готово, ваша светлость, — сказал Бруклин.

Палмерстон вошел в холл и прошествовал мимо пустующей конторки — клерку строго-настрого велено было остаться сегодня дома.

Слева дверь с витражами вела в бар, а прямо по ходу призывно манил к себе ресторан. Однако Палмерстон и Бруклин повернули направо и поднялись по мраморной лестнице. Невзирая на возраст и крупное телосложение, Палмерстон двигался уверенно, как человек, сознающий полноту своей власти.

Лорд решительно зашагал по коридору и остановился возле второй двери по правую руку. Подошел полковник и постучал особым образом: трижды, а потом еще раз.

Дверь открылась, и на пороге возникла симпатичная молодая женщина в соблазнительном платье.

— Благодарю вас, полковник, — произнес лорд. — Возвращайтесь через полтора часа.

— Слушаюсь, ваша светлость.

Палмерстон улыбнулся женщине, прошел в комнату и прикрыл за собой дверь.

Слабость лорда Палмерстона в отношении женского пола была настолько хорошо известна, что слухи о его любовных приключениях ходили не только среди высшего света, но распространились повсеместно, и со временем его страсть сделалась предметом скабрёзных шуток даже среди лондонской черни. «Таймс» наградила его титулом «господин Купидон».

Сам Палмерстон всячески поддерживал эту репутацию, поскольку она служила ширмой для некоторых его занятий. Женщина, впустившая лорда в комнату, — завербованная полковником Бруклином актриса — не таилась и позволила всем желающим проследить, как она входит в задрапированный проход Аграрного клуба. Бруклин не сомневался, что клуб находится под наблюдением. Таким образом, появление в мужском клубе, да еще закрытом на ремонт, смазливой актрисы должно было стать убедительным объяснением для появления здесь же пятью минутами спустя лорда Палмерстона. Даже люди полковника находились в неведении относительно настоящей причины приезда сюда государственного мужа. Если неведомый, но явно недружественный наблюдатель опознает актрису — что ж, тем лучше, ибо это только укрепит репутацию Палмерстона как любителя экзотических красоток.

Лорд запер дверь и отвесил актрисе едва заметный поклон.

— Вы в порядке?

— Спасибо, ваша светлость, все хорошо.

— У вас есть чем занять себя?

— Да, у меня с собой сценарий новой пьесы, который надо выучить.

— В нем много крови?

— Да, ваша светлость. Там есть удар кинжалом в пруду и два взрыва.

— С нетерпением буду ждать премьеры.

Палмерстон оставил актрису в гостиной, а сам прошел в спальню. Он запер дверь и отодвинул в сторону гардероб, за которым оказалась лестница, ведущая на следующий этаж.

Поднявшись по лестнице, лорд вошел в комнату, в которой стоял длинный стол. За ним сидели шестеро мужчин, но трое с каждой стороны. Все были одеты в грязную рабочую одежду. Прибыли они поодиночке около семи утра и проникли в здание незамеченными через вход для слуг. С собой они принесли сумки с инструментами — любой сторонний наблюдатель решил бы, что это рабочие, нанятые проводить в здании ремонт, о котором гласило объявление над входом.

— Андре, со времени нашей последней встречи ты похудел.

Человек, к которому обращался Палмерстон, на самом деле был англичанином, но лорд предпочитал называть его на французский манер.

— Но не от болезни, ваша светлость.

— Конечно нет. У тебя ведь новая подружка.

Андре выглядел озадаченным.

— Ее зовут Анжелика, — сообщил Палмерстон. — Ей двадцать лет. Она из Реймса. Любит танцевать. Отец — краснодеревщик.

— Ваша светлость, я очень внимательно слежу за тем, что ей говорю. Она — часть моего прикрытия и не посвящена в мои секреты.

— Не нужно тревожиться. Я убежден, что она не представляет для нас угрозы. Я упоминаю такие подробности, просто чтобы подчеркнуть: хоть мы и встречаемся только дважды в год, я ежедневно думаю о каждом из вас.

— Ваша светлость, — быстро произнес англичанин, который тем не менее называл себя Джованни, — если вы слышали, будто я пью, то знайте: я притворяюсь и на деле выпиваю не так много. Это нужно, чтобы итальянские власти не воспринимали меня всерьез.

— Мне это известно, — кивнул Палмерстон. — Ни в одном из вас я не разочарован.

Присутствовавшие за столом заметно расслабились.

— Я верю, что вы меня не подведете. И я действительно всегда о вас помню.

Палмерстон по очереди обвел взглядами всю шестерку, подолгу всматриваясь в каждого. Выглядел он донельзя величественно — не приходилось удивляться тому, что этот человек на протяжении многих лет занимал посты секретаря по военным делам, секретаря по иностранным делам и главы министерства внутренних дел.

— Мы собираемся раз в шесть месяцев и убеждаемся, что связь наша крепка. Мы смотрим друг другу в глаза и понимаем, что я могу рассчитывать на вас, а вы всецело можете полагаться на меня. Это так? Я могу рассчитывать на вас?

— Вы же знаете, что можете, ваша светлость, — заверил лорда Нильс.

— Ансельмо, Вольфганг, Михаил?

Палмерстон снова использовал имена, под которыми британские агенты работали каждый в своей стране.

— Ваша светлость, вы можете мне полностью доверять, — подтвердил Михаил. — Наша миссия — единственное, что для меня важно.

Остальные решительно закивали.

— А теперь докладывайте.

Один за другим агенты отчитались в проделанной работе.

— Что ж, я воодушевлен.

— Спасибо, ваша светлость.

— Говорите, какая вам требуется помощь.

— Нужно еще оружие, патроны, взрывчатка и печатные станки, — сказал Вольфганг. — Не говоря уже об алкоголе для толпы, чтобы можно было ею управлять.

— И во сколько все это обойдется?

— Двадцать тысяч фунтов.

Остальные пятеро также определились с необходимыми затратами, соответственно, во Франции, Испании, Италии, Дании и России.

— Указанные суммы вы получите по обычным каналам, — сказал Палмерстон, понимавший неизбежность столь огромных расходов.

— Слышал я, что королева снова беременна, — заявил Андре.

— Нет, — ответил лорд, — хотя я уверен, что она не собирается останавливаться. Восьми детей для нее недостаточно. Ее величество хочет иметь еще больше отпрысков и намеревается связать всех своих детей узами брака с членами королевских семей Европы. Она надеется таким образом обезопасить Британскую империю от угроз со стороны европейских держав. Она мечтает стать бабушкой для всего континента. Но на это уйдут долгие годы. И еще ее величество наивно полагает, что кровные узы могут уберечь от конфликтов. Наш метод

более надежен. Тысяча восемьсот сорок восьмой доказал нашу мудрость. Дестабилизация обстановки в Европе — единственный способ защитить империю.

Тысяча восемьсот сорок восьмой год. Пропасть между богачами и бедняками стала настолько непреодолимой, что почти по всем государствам Европы прокатилась волна революций.

Потрясения начались с Франции, в которой до сих пор ощущались последствия самой первой и чрезвычайно кровавой революции 1789 года. В 1848 году страна была охвачена настоящей гражданской войной, которая привела в итоге к падению недавно реставрированной монархии. Затем революционное безумие прокатилось по итальянским и германским государствам, захватило империю Габсбургов, Бельгию, Швейцарию, Данию и Польшу. В большинстве случаев все быстро возвращалось на круги своя и аристократия снова становилась у власти. Однако целых шесть лет представители правящего класса во всех европейских державах жили в перманентном страхе.

Великобритания являлась одной из немногих стран, которые не испытали ужаса революции, и в результате смогла занять ведущие позиции в мире, став фактически сильнейшей державой на земном шаре. И только узкий круг посвященных был осведомлен о том, что постепенное продвижение лорда Палмерстона по служебной лестнице — с поста секретаря по военным делам в кресло секретаря по иностранным делам, а затем в кабинет министра внутренних дел — позволило ему создать широкомасштабную сеть провокаторов, которые подстрекали рабочих на континенте восставать против богатых хозяев. Удерживая европейские государства в состоянии постоянных волнений, он обеспечивал владычество Британской империи.

Как лорд и говорил своим тайным агентам: «Дестабилизация обстановки в Европе — единственный способ защитить империю».

Но, несмотря на кажущуюся непоколебимую уверенность в себе, лорд Палмерстон понимал, что зашел, возможно, слишком далеко. Разбуженный им революционный дух не мог удержаться на одном только континенте и перекинулся на саму Англию. В том же 1848 году сто пятьдесят тысяч участников рабочего движения, получившего название чартизма, собрались в Лондоне к югу от Темзы на

Кеннингтон-Коммон, недалеко от Воксхолл-Гарденс. Они намеревались двинуться маршем к парламенту и потребовать введения ежегодных выборов, всеобщего избирательного права для всех жителей Англии, а также осуществления возможности быть избранным любому, кто не владеет имуществом.

Опасаясь возможных непредсказуемых последствий, Палмерстон призвал сто пятьдесят тысяч констеблей — по одному на каждого чартиста, — которые должны были обеспечивать порядок. Мосты через Темзу были заблокированы армейскими частями. В конце концов чартисты согласились, что лишь несколько их представителей перейдут через реку и вручат петицию правительству. Государственные мужи обещали ее рассмотреть, но в конечном счете так ничего и не сделали. Чартисты разъехались по домам в разных графствах, и кризис миновал.

Однако Палмерстон понимал, что все могло обернуться куда как хуже — и виной тому демон, которого он сам же и сотворил.

Лорд Палмерстон спустился по потайной лестнице, подвинул на место гардероб, пересек спальню, отпер дверь и улыбнулся сидевшей в гостиной очаровательной молодой актрисе.

Девушка оторвала взгляд от сценария новой мелодрамы, включавшего в себя удар кинжалом в пруду и два взрыва, и с улыбкой спросила:

— Вы со мной закончили, ваша светлость?

Палмерстон поглядел на карманные часы и вздохнул:

— К сожалению.

— Всегда к вашим услугам, ваша светлость.

— Вы так очаровательны.

В дверь постучали — три раза, потом еще один. Палмерстон посмотрел в глазок и открыл дверь. В коридоре стоял Бруклин.

— Полтора часа. Полковник, вы, как всегда, пунктуальны.

Палмерстон в сопровождении телохранителя прошествовал по коридору мимо одного из людей Бруклина, стоявшего наверху мраморной лестницы, и спустился в роскошный холл. В это же время на самом верхнем этаже переодетые рабочими агенты лорда покинули потайную комнату для встреч и принялись делать вид, будто ремонтируют помещения клуба. На закате они должны были

незаметно покинуть здание через вход для слуг. Наутро сюда придут другие рабочие — уже настоящие.

— Полковник, в сорок восьмом вы находились в Индии, — сказал Палмерстон, когда они спускались по лестнице. — Туда дошли известия о том, что в Лондоне едва не случился бунт?

— Вы имеете в виду восстание чартистов, ваша светлость? Да, беспокойное было время. Мы ежечасно ожидали, что туземцы также попытаются устроить заварушку.

Они вышли из клуба, миновали агента, одетого швейцаром, и направились через закрытый проход к ожидавшей их разноцветной карете.

— Вы вызвали другой экипаж? — спросил Палмерстон.

— Да, ваша светлость, я решил принять дополнительные меры предосторожности. Кто бы ни следил за вами, он вполне мог продолжить преследование той кареты, надеясь, что она вернется сюда за вами. Это было бы надежнее, чем дожидаться вашего возвращения здесь с риском быть обнаруженным.

— Вы подозреваете, что за мной следят?

— Я всегда предполагаю худшее, ваша светлость.

Бруклин и агент, охранявший проход, прикрыли с обеих сторон Палмерстона, когда он садился в экипаж, чтобы никто не смог опознать лорда. Напоследок, перед тем как самому забраться в карету, полковник внимательно осмотрелся по сторонам.

Он выискивал наиболее очевидный признак слежки — человека, который не двигается посреди колышущегося людского моря лондонских улиц. Сегодня это не представляло особого труда, так как народу было меньше обычного для этого времени суток. Взволнованные горожане торопились поспеть домой до наступления темноты, до того, как произойдет новое убийство.

Бруклин уселся напротив лорда в богато убранном салоне, и карета тронулась среди прочих экипажей по Пэлл-Мэлл. Лошадьми правил один из людей полковника, второй сидел рядом на облучке.

— Ваша светлость, вы ведь не просто так вспомнили про чартистское восстание?

— Оно случилось всего шесть лет назад, и воспоминания еще свежи. Единственный раз, когда, на моей памяти, люди были охвачены таким же страхом, — это после убийств на Рэтклифф-хайвей

несколько десятилетий назад. После субботнего убийства ужас вернулся на лондонские улицы. Мы должны сделать все возможное, чтобы остановить его.

— Поверни налево, на Мальборо-роуд, — велел Бруклин кучеру.

— Но эта дорога не ведет к моему дому, — возразил Палмерстон. — Я должен успеть на прием, который леди Палмерстон организовала для премьер-министра. Нам нужно было повернуть направо, на Сент-Джеймс-стрит.

— Это предсказуемый путь, ваша светлость. Из соображений безопасности лучше будет поехать той дорогой, на которой нас не ждут.

— Да что за «соображения безопасности»? Вы ждете неприятностей?

— Вы сами говорили, ваша светлость, что «ужас вернулся на улицы». Как глава министерства внутренних дел, вы можете оказаться объектом недовольства со стороны человека, который считает, что вы недостаточно работаете, чтобы на улицах было безопасно. — При этих словах Бруклин не смотрел на Палмерстона, а сосредоточил внимание на окошках и внимательным взглядом изучал улицу с обеих сторон. — Я не могу изменить место вашего жительства или работы, но мне под силу изменить маршрут, которым вы пользуетесь.

Карета оставила слева Букингемский дворец и свернула направо, на Конституишен-хилл.

— Меня мало утешает тот факт, что на этой улице на жизнь ее величества было совершено шесть покушений, — заявил Палмерстон.

— Это потому что она живет здесь, ваша светлость. Но никто не может ожидать, что вы выберете этот путь, чтобы попасть домой.

— Четыре года назад кто-то напал на ее величество и попытался разmozжить ей голову тростью возле моего дома — тогда им владел лорд Кембридж, кузен королевы.

— Я уже говорил вам, ваша светлость, я могу изменить маршрут, но не место вашего проживания.

Они свернули направо к арке Веллингтона и выехали на улицу Пикадилли, где находился особняк Палмерстона. В свое время здесь была сельская местность. Один портной, сколотивший состояние на продаже модных тогда жестких воротничков с зубчатыми краями,

стягивающихся по краям шнурком (они носили название «пикадилы»), возвел себе здесь особняк, Пикадилли-холл, название которого вскоре закрепилось и за всеми окрестностями. Следом были построены и другие дома. Ставший престижным район находился прямо напротив Грин-парка, известного своими великолепными фейерверками по случаю праздников.

Карета уже приближалась к укрепленным воротам, за которыми подъездная дорожка вела полукругом к особняку Палмерстона. Бруклин продолжал наблюдение за улицей и вовремя заметил появившегося из парка мужчину.

Человека этого нельзя было не заметить — так целенаправленно шагал он через проезжую часть. Его взгляд был устремлен прямо на карету лорда, больше ничего вокруг он не видел, и движущиеся по улице экипажи были вынуждены резко тормозить, чтобы не задавить странного человека. Лошади протестующе ржали и вставали на дыбы.

В правой руке мужчина держал револьвер.

— Ваша светлость, ложитесь на пол!

— Что?

— На пол, ваша светлость! Немедленно!

Полковник узнал в револьвере «кольт нэви» модели 1851 года и быстро припомнил основные его характеристики: магазинное оружие, стреляет пулями тридцать восьмого калибра, каждая из которых начинена 280 гранами пороха.

Мужчина приближался.

Одна створка ворот медленно открывалась.

— Форстер! — крикнул полковник кучеру. — Вместе с Уитменом проводите его светлость до дома! Я отвлеку этого парня!

Карета подъехала ближе к неспешно открывающимся воротам.

Бруклин выскочил из экипажа.

— Стойте! — крикнул он мужчине с револьвером и поднял руки, демонстрируя мирные намерения и одновременно делая шаг вперед.

Мужчина неумолимо приближался.

— Вы опоздали! Лорд Палмерстон уже входит в дом, — сообщил Бруклин.

— А вот и нет!

Говорил мужчина с немецким акцентом. Внезапно он подался в сторону и увидел, что карета еще только заезжает в едва открывшиеся

ворота.

Он поднял револьвер.

Рядом вскрикнула женщина.

— Я знаю, что этот гад творит в Германии! — Мужчина прицелился. — Но больше он ничего не сделает!

Бруклин прыгнул.

Мужчина нажал на спусковой крючок.

Револьвер взорвался и выбросил облако сизого дыма.

Полковник с силой опустил кулак, действуя словно дубинкой, и выбил пистолет из руки стрелявшего. В следующее мгновение он уже схватился с убийцей и обрушил на него град ударов.

Но мужчина оказался силен. Он принял на себя несколько ударов, покачнулся, однако не упал.

Бруклин попытался поразить противника кулаком в горло.

Тот блокировал атаку и в свою очередь ударил в горло полковника. Прием этот свидетельствовал о том, что неизвестный — опытный боец.

Бруклин еле успел отскочить и тем самым избежать смертельного удара.

Рядом встала на дыбы лошадь.

В это время из-за закрывающихся ворот крикнули:

— Его светлость внутри!

Убийца бегом обошел лошадь, хлопнул ее по задней ноге, и испуганное животное кинулось к Бруклину.

Бруклин нырнул в проулок — и вовремя: мимо с грохотом пронесся экипаж, влекомый обезумевшей лошадью. Нападавший воспользовался секундной задержкой и опрометью бросился через улицу в парк.

Полковник вскочил, быстро обогнул заднюю часть экипажа и в это мгновение увидел еще одну ошалевшую лошадь, которая мчалась прямо на него. Он успел проскочить прямо перед носом животного и устремился в парк следом за несостоявшимся убийцей.

Брусчатка уступила место траве, фонарные столбы сменились деревьями. Увидев, что на нее сломя голову несется по дорожке какой-то полоумный, гулявшая с маленьким ребенком няня вскрикнула и на всякий случай столкнула коляску с младенцем в кусты.

Ребенок заорал дурным голосом. Бруклин пронесся мимо; за счет своих длинных ног он постепенно нагонял нападавшего, однако тот неожиданно свернул с дорожки, вломился в густые заросли и исчез из виду.

Полковник притормозил и всмотрелся в кусты.

В следующую секунду он уже падал ничком на землю. Разбрызгивая искры, над ним пролетел огненный шар и, врезавшись в дерево, с грохотом взорвался. Несмотря на холодную погоду, Бруклин ощутил, как его обдала волна жара.

Вторая ракета полетела по парку и взорвалась, ударившись о скамейку.

Третья снова попала в дерево.

А фейерверк, как оказалось, только начинался. Склон холма превратился в пылающий калейдоскоп: его озаряли красные, зеленые, желтые, синие вспышки. Во все стороны разлетались искры, казалось, в воздухе вращаются гигантские огненные колеса. Звуки рвущейся пиротехники напоминали артиллерийскую канонаду. Повсюду носились обломки и осколки, в дыму невозможно было что-либо разглядеть.

Бруклин вжался в мерзлую землю, попытался слиться с ней. Уши он крепко-накрепко зажал ладонями, чтобы не оглохнуть от непрекращающихся взрывов. Сердце оглушительно бухало в груди. Полковнику казалось, будто он слышит отчаянные крики сражающихся на поле боя.

Постепенно бомбардировка сошла на нет. Бруклин поднял голову и увидел, что дым рассеивается. Он осторожно встал на четвереньки и оглядел практически полностью уничтоженные кусты и склон холма за ними. Дымились ветки. Трава почернела. Нападавшего и след простыл.

— Значит, в револьвере было слишком много пороха? — спросил еще не оправившийся полностью от шока Палмерстон.

— Да, ваша светлость. Если переборщить с количеством пороха, эта модель может взорваться.

Они сидели на втором этаже особняка Палмерстона, в зале для приемов. Столы сверкали от множества серебряных приборов и хрустальных бокалов, которым вскоре предстояло наполниться

шампанским. Изуродованный взрывом револьвер лежал на полированном подносе.

— И вы не смогли его догнать?

— Мне помешал фейерверк, который подстроил этот негодяй. Когда светопреставление завершилось, его уже нигде не было видно.

— Но почему этот безумец хотел убить меня?

— Я повторю его слова. Вы уж простите меня за язык...

— Говорите же.

— Перед тем как выстрелить в вас, он сказал буквально следующее: «Я знаю, что этот гад творит в Германии! Но больше он ничего не сделает!»

— В Германии?

— Да, ваша светлость. Вы понимаете, о чем он болтал? Для меня все это не имеет смысла. У нас сейчас единственный конфликт — с Россией, в Крыму. С германскими государствами мы не состоим во вражде. Кроме того, вы сейчас занимаете пост министра внутренних дел, а не военного секретаря или министра иностранных дел. Происходящее в Европе больше не имеет к вам отношения, вы занимаетесь только внутренними вопросами.

— Совершенно верно. Какие у меня могут быть дела в Германии? Этот человек был просто помешанный.

В дверях появилась леди Палмерстон, бывшая прежде любовницей лорда. Судя по ее обеспокоенному взгляду, гости должны были вот-вот появиться.

— Как вы думаете, не стоит ли отменить прием? — спросил Бруклин.

— И расстроить премьер-министра? — ужаснулся Палмерстон. — Признать тем самым, что сложившаяся ситуация привела меня в замешательство? Категорически нет! Но, полковник Бруклин...

— Да, ваша светлость?

— Позаботьтесь об усилении моей охраны.

Глава 9

МЕТОД ИЗОЛЯЦИИ

Мимо Воксхолл-Гарденс пропыхтел паровоз. Дальше, за железнодорожными путями, по Темзе плыли многочисленные лодки. Райан понаблюдал, как черный дым из трубы паровоза смешивается с поднимающимся от реки туманом. Инспектору было крайне неудобно в парадной одежде, предназначенной для встречи с лордом Палмерстоном. Во всех местах жало, а особенное неудобство доставляли высокий воротник и штрипки.

Но если бы только проблемы с одеждой беспокоили сейчас Райана. Он обернулся и посмотрел, как констебли выводят проституток (числом двадцать четыре) из парка и усаживают в экипажи. Женщины снова громогласно жаловались на судьбу. И все же это представлялось сущей ерундой в сравнении с проблемой Де Квинси.

— Хотелось бы верить, что он не тронулся рассудком от лауданума, — заметил инспектор Беккеру, глядя, как Де Квинси с дочерью идут к выходу из парка. — Вы поняли хоть что-нибудь из того, что он там рассказывал о двух своих умерших сестрах и этом ребенке Вордсворта? Когда мне было десять, у меня умерла старшая сестра. Она свалилась в реку и утонула. Я, конечно, очень горевал, но потом смирился с потерей. Теперь я о ней практически не думаю.

— Вчера, когда мы ехали через мост Ватерлоо, чтобы отправить телеграмму, я обратил внимание, что вам как-то не по себе, — произнес Беккер.

— И какое это имеет отношение к Де Квинси? Прямо сейчас мне не по себе от многих вещей.

— Вероятно, вы нервничали, оттого что мы пересекали реку.

— Вы же не думаете, что причина в том, что случилось с моей сестрой? Или вы тоже принимаете лауданум? Вчера вечером вы, кажется, согласились с Де Квинси, что мы порой совершаем поступки и не осознаем их причин. Господи, как же его понять-то? Когда он говорит, его слова кажутся сущим сумасшествием, а час спустя в них вообще не находишь смысла. О боже, его дочь идет сюда. Признаюсь,

она мне кажется привлекательной, но тем не менее с ней так же тяжело...

— Инспектор, что будет с этими женщинами? — спросила Эмили.

— Мы отвезем их обратно на Оксфорд-стрит.

— И все?

— Золотых монет, которые им заплатили, может хватить на целый месяц, если, конечно, они потратят их на еду и жилье, а не спустят на джин.

— Но неужели вы никак не можете им помочь?

— Они сами выбрали такую жизнь. Полицейское управление не может за них отвечать.

— Их вынудила пойти на это ужасная нищета. Вы же не можете всерьез полагать, что какая-нибудь женщина по собственной воле выберет такую участь. Разве нельзя направить их к врачам, которые могут вылечить язвы и испорченные зубы? Может быть, отвезти их в сельскую местность, где они могли бы работать в приемлемых условиях на фермах и поправить там здоровье?

— Мисс Де Квинси, полицейское управление — это вам не благотворительная организация. Мы просто не в состоянии сделать то, о чем вы говорите.

— Но если найти альтернативу их уличному существованию, тогда и количество преступлений уменьшится, и у мужчин будет меньше искушений свернуть с пути добродетели. Констебль Беккер, и вы тоже никак не можете помочь? Я уверена, все вместе мы смогли бы что-нибудь придумать.

«Мы?» — подумал Райан, восхищенный умением девушки вовлекать в свои затеи окружающих.

— Возможно, сегодня тот человек, который заплатил женщинам по два золотых, вручит им еще по одному, — подал голос Беккер. — Полицейские в штатском будут следить за переулком, где должен появиться предполагаемый убийца.

Де Квинси услышал последнюю фразу и подошел ближе.

— Тот переулок — единственное место в Лондоне, где убийцы сегодня точно не будет. Он и хочет, чтобы вы стянули туда людей и оставили другие районы без полицейской защиты. Вы опросили всех, кто был в саду? Почти наверняка убийца сегодня находился там и наслаждался спектаклем.

— Мы говорили со всеми и не обнаружили ничего подозрительного.

— Ну, искусного актера вы бы и не смогли заподозрить, — заметил Де Квинси.

— Мы продолжаем прорабатывать версию о том, что убийца мог в прошлом быть актером, — отметил Райан. — И, кроме того, возможно, у нас есть его имя.

— Имя? — Де Квинси вскинул голову.

— Перед тем как отправиться сюда, я получил кое-какую информацию и еще не успел с вами поделиться. Дом, в котором вы остановились, принадлежит одному коммерсанту. Тот часто ездит по Европе, и его агент по недвижимости подыскивает жильцов на время отсутствия хозяина.

— Я тоже это выяснил, — сообщил Де Квинси. — Фамилия владельца Вестфолл. Он продает ткани компаниям по производству одежды на континенте. Но агент не стал говорить мне, кто арендовал для нас дом.

— Потому что ему заплатили за то, чтобы он не называл имени, — объяснил Райан. — Но когда он осознал всю серьезность происходящего, согласился на сотрудничество и рассказал, что человека, подписавшего договор аренды, звали Эдвард Симонс.

Лицо Де Квинси потемнело.

— Нет.

— Вам знаком этот человек?

— Фамилия так и пишется: С-и-м-о-н-с?

— Да. Не совсем обычное написание, — подтвердил инспектор. — Откуда вы узнали?

— Кто бы ни снял для нас дом, его не могут так звать.

— Но...

— Эдвард Симонс мертв.

Райан и Беккер в изумлении переглянулись.

— Тридцать лет назад Симонс совершил жестокое убийство в Ходдесдоне, в Мидлсексе, — поведал Де Квинси. — Его повесили.

— Тридцать лет назад? Но откуда вы...

— Симонс был работником на ферме и полюбил жену своего хозяина. Когда женщине стало известно о его чувствах, она ответила, что Симонсу, у которого не было ни образования, ни средств и который

к тому же был физически непривлекателен, просто смешно на что-либо рассчитывать. Вместе с ней жили две ее сестры, и все три женщины всячески унижали незадачливого ухажера. В итоге Симонса уволили с фермы, он уехал из Мидлсекса, но нанесенного оскорбления не забыл. Днем и ночью мысли об этом не давали ему покоя, и в конце концов он не смог дольше сопротивляться желанию вернуться. Те женщины уже давно позабыли о Симонсе, когда он вдруг объявился в фермерском доме. В припадке безудержной ярости он схватил нож и успокоился только тогда, когда все три женщины лежали мертвые, а кухня была залита кровью.

Райан заметил, что Эмили отвела взгляд в сторону.

— С вами все в порядке, мисс Де Квинси?

— Да. Просто, оказывается, и на меня может произвести впечатление рассказ отца. Пожалуйста, продолжай.

— Перед повешением Симонс рассказал тюремному священнику, что в самом разгаре вспышки ярости он испытал странное чувство. Он клялся, будто в кухне находился кто-то еще; некая темная фигура стояла справа от него и повторяла все его движения.

— Кто-то еще? — удивился Райан.

— По мнению священника, рядом с Симонсом стоял сам Сатана и направлял его действия. Однако Симонс был настолько поглощен мыслями о мести, что не нуждался во вмешательстве дьявольских сил.

— Тогда кто же это был?

— Его Тень.

— Тень? — Райан нахмурился. — Не понимаю. Тень от солнечного света, проникавшего через окно? Или от горящей лампы?

— От самого Симонса. В порыве ярости он вообразил, будто темная половина его сущности как бы отделилась от него и в точности повторяла все его действия.

Райан посмотрел на Беккера.

— То, о чем я и говорил. В его словах нет никакого смысла.

— В одном из своих эссе я писал о Симонсе и его преступлении. Убийца снова издевается надо мной. Он отождествляет себя с Симонсом и угрожает сделать со мной то же, что он сделал с несчастными женщинами.

— Мистер Де Квинси, вы помогли по-новому взглянуть на эти убийства, и я вам за это благодарен. Но, боюсь, сейчас мне придется

исполнить неприятную обязанность.

— Неприятную?

— Отец, я просто не успела тебя предупредить, — быстро сказала Эмили.

Де Квинси выглядел озадаченным.

— Предупредить? О чем?

— Когда инспектор Райан появился здесь, он вдруг заявил, что собирается тебя арестовать.

В то время как инспектор Райан размышлял, должен ли он, исполняя приказ лорда Палмерстона, надеть на Де Квинси наручники (сам он полагал, что не должен), на другом берегу Темзы ничем с виду не примечательная пожилая женщина находилась на пороге ужасного открытия. Звали женщину Маргарет. Она спала в углу пекарни (в которой и трудилась), в нескольких кварталах от печально известных трущоб «Семь циферблатов», названных так из-за того, что в том районе пересекались семь улиц. В пекарне стояло множество печей, куда, после того как был испечен весь хлеб, приносили свой обед бедняки, не имевшие ни очага, ни печки. Мужчины и женщины отдавали Маргарет котелки, наполненные кусками сырого мяса и картофелем. Позже они возвращались, забирали приготовленную еду и уносили в жалкие пристанища, которые именовали своим домом.

Здесь же готовила себе скромную пищу и Маргарет. Хотя летом в пекарне стояла душающая жара, в зимнее время здесь было тепло и уютно, и Маргарет могла погреть старые кости. Потребности у нее были самые мизерные, и она редко выходила из здания — разве только чтобы посетить уборную во дворе. Маргарет так бы ничего и не узнала о кровавых событиях субботнего вечера, если бы они не были предметом живейшего обсуждения у всех, кто приходил в пекарню в понедельник. Бедняки приносили котелки и кастрюльки с едой раньше обычного и особенно подчеркивали, что им необходимо успеть вернуться в свои лачуги до того, как желтый туман снова накроет город, а убийца, возможно, выйдет на улицы, чтобы повторить чудовищное преступление.

— Ты же знаешь, тогда произошли два убийства, — сказала женщина в лохмотьях.

— Какие еще убийства? — спросила Маргарет.

На левой щеке у нее остался шрам от полученного давным-давно ожога, и Маргарет выработала привычку отворачиваться от собеседника во время разговора.

— Ну как же, убийства на Рэтклифф-хайвей! Ты разве не слышала? Об этом только и говорят на улицах.

Упоминание об убийствах на Рэтклифф-хайвей так напугало Маргарет, что она едва не выронила котелок, который передала ей женщина.

— Нет, я не выходила на улицу, — быстро произнесла она. — Но ведь эти убийства произошли много лет назад. Почему люди вдруг заговорили о них?

— Из-за того убийства, что случилось в субботу вечером, — сообщила другая нищенка, протягивая свой котелок.

— Какое убийство?

— Ты и правда не слышала? Это снова произошло в районе Рэтклифф-хайвей. В лавке, торгующей всякими вещами для моряков: носки там, кальсоны, белье и все такое. Все было как и в прошлый раз, только больше народу. Сразу после закрытия пятерых человек убили: разmozжили им головы и перерезали глотки.

— Нет, — прошептала Маргарет.

— Мой дед помнит, как все было, — вступила в разговор третья женщина. — Он рассказывал, что тогда произошло не одно убийство, а два. Через двенадцать дней еще несколько человек обнаружили с проломленными головами и перерезанными глотками, на этот раз в таверне. Дед рассказывает: все были так напуганы, что и носа на улицу не казали.

— Констебль на углу уверяет, что никакой опасности нет, но какое дело полиции до бедноты вроде нас? — посетовала первая нищенка. — Я лично не собираюсь рисковать. Вернусь сюда через час, заберу еду и поспешу домой. Что бы там ни обещал констебль, в темноте всякое может случиться.

— Маргарет, у тебя руки дрожат, — участливо заметила вторая женщина.

— Да это все из-за разговоров об убийствах. У кого угодно руки задрожат.

За этот день у Маргарет побывало небывалое количество народу, но ближе к вечеру пекарня практически опустела, только несколько

взволнованных человек забежали, укутали дымящиеся котелки в одеяла и поспешили прочь. Если не считать дрожащих рук, Маргарет удавалось скрывать, как она напугана известиями об убийстве.

Ее самые худшие страхи обретали реальность. История повторялась. Тогда в лавке, торгующей одеждой, были убиты четыре человека, на сей раз жертв оказалось пять. В том, что за этим-последует еще одно убийство, Маргарет не сомневалась; также она была уверена, что местом, где разыграется следующая трагедия, станет, как и в предыдущем случае, таверна.

И еще кое в чем. Ждать следующего убийства придется не так долго.

И оно окажется более кровавым.

Маргарет тяжело опустилась на пол в своем углу.

— Маргарет, ты не заболела? — спросил один из работников пекарни.

— Мне нужно отлучиться.

— Но ты же никогда не выходишь. Скоро опустится туман. Не боишься идти наружу?

— Это не может ждать.

Маргарет поспешно набросила тоненькое пальто и выбежала из теплой пекарни на холодную и мрачную улицу. Обычно оживленная в этот час, сегодня она казалась всеми покинутой.

— Как мне добраться до Скотленд-Ярда? — спросила Маргарет дежурившего на углу констебля.

По привычке она повернула голову так, чтобы не был виден шрам на левой щеке.

— До Ярда далеко, мэм.

— Мне нужно поговорить с человеком, который ведет расследование субботнего убийства.

— Этим занимается инспектор Райан. А что вам известно об этом убийстве?

— Не об этом. О других.

— О других, мэм?

— О тех, что произошли сорок три года назад.

— Мы сейчас занимаемся недавним преступлением.

— Но я знаю правду о тех убийствах, и — Боже, помоги мне! — боюсь, я знаю, кто убил этих людей в субботу вечером.

— Вы совершаете ошибку, — уверял Райана Де Квинси.

Экипаж, в котором сидели двое полицейских и Де Квинси с дочерью, двигался по Фаррингдон-роуд. Они снова оказались на северном берегу Темзы, всего в миле к востоку от площади Рассел-сквер, рядом с которой убийца снял дом для Любителя Опиума. Тем не менее контраст между двумя соседними районами был разительным. Фаррингдон-роуд представляла собой мрачную улицу, пристанище нищеты и всякого сброда. В нормальной ситуации на ней было бы полно мусорщиков, дворников и уличных торговцев с тележками, которые тщетно старались заработать себе на жизнь, продавая фрукты, овощи и рыбу. Но сегодня, когда туман уже начал сгущаться, люди спешили по домам, чтобы не оказаться застигнутыми ранними сумерками и таящимся в темноте ужасом. Лица у всех прохожих были мрачные и взволнованные.

— Прошу вас, не делайте этого, — умолял Де Квинси.

Колеса экипажа стучали по мостовой. Когда он повернул налево, на Маунт-Плезант-стрит, впереди замаячили высокие каменные стены. Частично скрытые наползающим туманом, они казались еще более мрачными.

— Тюрьма «Колдбат филдз», — прошептал Де Квинси. — О нет.

— У меня нет выбора, — пожал плечами Райан. — Я воспринимаю лорда Палмерстона более серьезно, чем премьер-министра. Если я вас не арестую, меня выгонят из полиции. А как раз сейчас нашему городу нужен каждый детектив, каждый констебль, способный защитить невинных и не позволить убийце совершить новое преступление.

Они подъехали к уродливой арке, перекрытой решеткой, — въезду в тюрьму. По обеим сторонам застыли полицейские с суровыми лицами. В сторонке нетерпеливо переминались с ноги на ногу люди в штатском. Как только экипаж остановился, они бросились к нему, на ходу доставая карандаши и блокноты.

— Это действительно Любитель Опиума?

— Почему вы убили всех этих людей?

— Репортеры? — гневно воскликнула Эмили. — Откуда они узнали о нашем приезде?

Беккер выпрыгнул из коляски и широко расставил руки.

— Назад! — крикнул он.

— Вы совершили убийство под влиянием опиума?

Полицейские, охранявшие ворота, кинулись на помощь Беккеру.

— А ну, разойдись!

— Должно быть, лорд Палмерстон раструбил о вашем аресте, — сказал Де Квинси неприятно удивленный инспектор. — Он считает, что люди, узнав об этом, перестанут бояться, пока мы продолжаем охоту на убийцу.

— Но для людей только лучше, когда они боятся, — возразил Де Квинси. — Если они будут настороже, это может спасти им жизнь.

— Единственное, о чем печется Палмерстон, — его политическая репутация. Но если вы откажетесь проследовать туда сами, то...

— Не нужно прибегать к крайним мерам.

Де Квинси выбрался из коляски и спрятался за могучей спиной Беккера.

— Это вы убили семьи Марра и Уильямсона сорок три года назад?

Райан посмотрел на Эмили, потом перевел взгляд на волнующуюся толпу газетчиков.

— Я надеялся, вы сможете подождать нас снаружи, но теперь...

— Даже если бы здесь и не было репортеров, я бы не согласилась остаться на улице.

Эмили так быстро спустилась на мостовую, что Райан не успел подать ей руку. Уже не в первый раз девушка изумила его своей проворностью. Ни одна женщина в платье с кринолином не смогла бы ехать в полицейской коляске, не говоря уж о том, чтобы так легко соскочить на землю, — столь трудно было уследить, как бы платье не задралось и не обнажило нижнее белье.

— Зачем вы перерезали им глотку, после того как проломили голову?

— Почему вы убили ребенка?

Беккер упорно прокладывал путь сквозь толпу. На помощь ему от ворот прибежали еще несколько полицейских.

— Не вынуждайте нас применять силу! — крикнул констебль газетчикам. — Освободите дорогу!

Сделав все возможное, чтобы защитить Де Квинси и Эмили, Райан провел их мимо охранников в ворота.

Воздух, едва они вошли на территорию тюрьмы, сделался холодным и затхлым.

Тюрьма «Колдбат филдз» получила название от поля, где некогда бил источник, к которому приходили купаться жители здешней лондонской окраины. ^[11]Впоследствии город разросся в северном направлении и поглотил поле. Здание тюрьмы было построено на сырой болотистой почве, и от этого стены постоянно и обильно источали влагу.

Как только Беккер присоединился к инспектору, Де Квинси и Эмили, ворота с лязгом захлопнулись. Они стояли во дворе, выложенном грязными истертыми булыжниками. Из зданий в центральной части тюрьмы доносился странный гул. С правой стороны находилось мрачное строение, увенчанное надписью «Охрана». Слева стояло такое же угрюмое здание с вывеской «Начальник тюрьмы».

Из последнего появился грузный мужчина с багровым лицом и в не по размеру тесном костюме. Он утирал рот заляпанным жирными пятнами носовым платком.

— Инспектор Райан, я получил известие от лорда Палмерстона, что вы прибудете, но понятия не имел когда, — торопливо заговорил толстяк. — Я тут как раз перекусывал. Извините, что заставил вас ждать. Это заключенный? Я его забираю.

— Его зовут Томас Де Квинси.

Начальник тюрьмы гнусно захихикал. Он был не только выше Де Квинси, но и раза в три толще, так что арестованный писатель казался рядом с ним практически лилипутом.

— Ага, Любитель Опиума, — заговорил он, не глядя на Де Квинси, словно того здесь и не было. — Ну что ж, когда он увидит, что у меня для него припасено, он пожалеет, что при нем нет молотка, а в кармане не лежит бритва.

— Вы, вероятно, не совсем правильно поняли, — сказал Райан. — Мистера Де Квинси помещают сюда для охраны его жизни.

— Мистер? Мы не называем заключенных «мистер». Из записки, которую я получил от лорда Палмерстона, следует, что этот человек — главный подозреваемый.

— Да, действительно, так считают репортеры, но на самом деле мистер Де Квинси является нашим консультантом, и мы хотим гарантировать ему безопасность.

— Это совершенно против правил. — Начальник тюрьмы всем телом повернулся к Эмили. — А уж присутствие здесь этой молодой леди и вовсе событие из ряда вон выходящее. Мисс, боюсь, придется проводить вас за пределы тюрьмы. Здесь не место...

— Разрешите представить мисс Эмили Де Квинси, дочь нашего консультанта, — прервал его Беккер.

— Представляйте, но ей все равно необходимо покинуть территорию тюрьмы.

— Этого не будет, пока там толпятся репортеры, — заявил Беккер.

— А вы-то кто такой?

— Констебль Беккер.

— Почему вы не в форме?

Не успел Беккер ответить, как Эмили протянула руку и сказала:

— Начальник, мне так приятно с вами познакомиться.

— Правда, что ли?

Толстяк подозрительно глянул на девушку, но протянутую руку все же пожал. Казалось, его очаровали блестящие каштановые волосы и живые голубые глаза Эмили.

— Буду очень признательна, если вы расскажете о своих обязанностях, — продолжила Эмили. — Должно быть, на вас возложена огромная ответственность. А что вы думаете о тюремной реформе? Было бы очень интересно выслушать ваше мнение.

— Тюремная реформа? Что я о ней думаю?

— Я читала Джереми Бентама. ^[12]«Наибольшее счастье наибольшему числу индивидуумов» и все такое, но я уверена, что ваши собственные теории должны быть не менее поучительными.

— Джереми Бентам?

Группа людей по-прежнему стояла на дорожке, ведущей к нескольким мрачного вида строениям, из которых доносилось низкое гудение. Над головами собирался туман, и на землю падали частички копоти.

— Джереми Бентам? — озадаченно повторил начальник тюрьмы. Потом смахнул грязь с рукава и предложил: — Может, пройдем внутрь?

Они вошли в большое холодное помещение, из которого разбежались в разные стороны, подобно спицам в колесе, коридоры. Всего коридоров насчитывалось пять, каждый был перегороден забранной решеткой металлической дверью, а за ней начинались ряды камер. Таким образом, наблюдатель, стоящий в центральном помещении, мог следить за происходящим в любом из коридоров, просто поворачивая голову. Хотя располагались камеры над землей, у людей возникло ощущение, будто они попали в подвал.

В дополнение к непрекращающемуся низкому гулу из тюремных камер раздавалось приглушенное позвякивание.

Тюремный надзиратель с острым носом вышел из находящейся справа комнаты — в ней на крючках висели дубинки и наручники. Надзиратель носил усы, что было редкостью среди сотрудников тюрьмы и, очевидно, говорило о том, что остроносому стражу дозволяются определенные вольности.

— И кто тут у нас постоялец? Райана я уже встречал. Определенно, не дама. Значит, кто-то из этих двух джентльменов. И я полагаю, это вы.

Он кивнул на Беккера.

— На самом деле я констебль.

— Но не в форме?

— Я учусь на детектива.

— Непыльная работенка. Тогда наш гость — этот маленький человечек.

— Любитель Опиума, — уточнил толстый начальник тюрьмы.

— Обожаю сажать под замок знаменитостей. Опускать их до нашего уровня. Для начала, господин хороший, заберу я у вас помочи и шейный платок. Не хочу, чтобы вы вдруг повесились. Также я не хочу, чтобы вы проносили с собой ножи или другие нежелательные предметы.

— Я пользуюсь только одним ножом — для разрезания книг, — сообщил Де Квинси, пока тюремщик его обыскивал.

— А вот и он, — объявил остроносый и вытащил из кармана пальто складной ножик. — Смешная такая вещица. Ба! Это что такое?

— Мое лекарство. — Де Квинси достал флажку, допил содержимое и протянул ее Эмили.

— Лекарство. — Надзиратель поцокал языком. — Хорошее.

— Эмили, наполни ее, пожалуйста.

— Но не торопитесь приносить ее обратно, леди, — посоветовал тюремщик. — Не хватало еще ему здесь пить.

Из расходящихся веером коридоров продолжал раздаваться лязг.

— Джереми Бентам, — напомнила Эмили начальнику.

— Да, вы говорили о Бентаме. — Толстяк наморщил лоб, пытаясь сообразить, что это значит. — Я, кажется, не...

— «Наибольшее счастье наибольшему числу индивидуумов». Заключенные, которых хорошо кормят, лечат, которым дают возможность заниматься ремеслом, могут после выхода на свободу стать полезными членами общества.

— У нас тут полезных членов особо нету, — опередил начальника невоспитанный надзиратель.

— Согласно этой теории, путь исправления более эффективен, чем путь наказания, — продолжила Эмили.

— На этот счет могу сказать, — опять ответил за своего начальника тюремщик, — что наказание как раз и заставляет их исправляться. Точно вам говорю.

— Здесь на полу тараканы.

— Конечно. Если бы они здесь не обитали, пришлось бы специально их заводить, чтобы заключенным жизнь медом не казалась.

— И крыса вон побежала по коридору.

— Если вы пробудете здесь довольно долго, увидите еще много крыс, — встрял наконец начальник тюрьмы, пытаясь вернуть контроль над беседой. — Но вам это вряд ли предстоит, потому что уже настало время покинуть это...

— Я видела через решетку человека в капюшоне, — продолжала Эмили. — Точнее, нескольких человек в капюшонах. Охранники тащили их на веревке.

— Ваш Джереми Бентам сказал бы, что их не тащат, а направляют, — сообщил начальник тюрьмы, довольный тем, что попытался пошутить. — Мы здесь практикуем метод изоляции.

— Хорошо. Вы обещали рассказать о ваших взглядах. Я с нетерпением жду.

— Задача тюрьмы заключается в том, чтобы изолировать преступника и заставить его задуматься над своими преступлениями.

— Изолировать? — не поняла Эмили.

— Каждая камера имеет такие размеры, что рассчитана лишь на одного заключенного. Пищу они принимают в одиночестве. Когда же их отводят на зарядку или на работу, они надевают капюшоны и могут видеть только собственные ноги.

— А что это за зарядка?

— Каждый день заключенные гуляют по полчаса на тюремном дворе.

— Я такая глупая, что, наверное, кое-чего не понимаю, — сказала Эмили. — Если заключенные, когда они в капюшонах, могут видеть только свои ноги, то как они не сталкиваются друг с другом?

— Они держатся за веревку, на которой через каждые двадцать четыре дюйма завязаны узелки. Они ходят по кругу, а надзиратель следит, чтобы не произошло чего недозволительного.

— И когда они вот так ходят, то не могут видеть других заключенных и, полагаю, не могут с ними разговаривать.

— Вы правы, — важно кивнул начальник тюрьмы. — Так же мы поступаем с ними, когда их выводят из камер или возвращают назад. С этими капюшонами мы можем обходиться меньшим числом надзирателей.

— Но заключенным позволяется говорить хотя бы с тюремщиками?

— Господи, нет, конечно!

— Но если заключенный долгое время не имеет возможности ни с кем поговорить, разве это не приведет к сильнейшему душевному стрессу?

— Да, действительно, некоторые сходят с ума или совершают самоубийство, — признал начальник тюрьмы. — Понимаете, наша позиция заключается в том, чтобы заключенные здесь только и делали, что размышляли о своих преступлениях. А что касается души — каждого узника мы снабжаем Библией.

— Вы говорите, что их выводят из камер на какие-то работы.

Утверждение Эмили прозвучало скорее как вопрос.

— Да, они вращают ступальное колесо, — подтвердил начальник.

— Звучит интригующе.

Эмили словно подбадривала толстяка, чтобы он подробно все объяснил.

— На территории тюрьмы есть прачечная, столярная мастерская, мельница, большая кухня и много чего еще, так что мы практически всем обеспечиваем себя сами. Все механизмы присоединены к большому ступальному колесу пятидесяти футов в диаметре, которое приводит их в движение. В колесе имеются такие желоба, на которые встают заключенные и как будто шагают вверх по ступенькам. Но разумеется, колесо крутится, и потому они на самом деле никуда не поднимаются.

— Это от колеса идет постоянный гул?

— Именно.

— Этот шум действует на нервы.

— Заключенным он не нравится, это так. Надзиратели, которые присматривают за колесом, вставляют в уши ватные шарики. Если узники выходят из повиновения, охранники затягивают потуже винты на колесе, так что заключенным приходится попотеть, чтобы колесо вращалось с прежней скоростью. По этой причине надзирателей иногда называют винтиками. ^[13]

— Я слышала это выражение. Спасибо, что объяснили его смысл. А как много заключенных «работает» на колесе?

— Столько, сколько требуется, чтобы колесо крутилось и вместе с ним крутились присоединенные к нему механизмы в пекарне, прачечной и в других местах.

— И сколько времени заключенный должен провести на этом ступальном колесе?

— Он должен одолеть восемь тысяч ступеней, — снова вклинился в разговор остроносый тюремщик.

До этого момента Эмили быстро задавала вопросы, но сейчас она казалась не в состоянии говорить дальше.

— Восемь тысяч ступеней каждый день? — вымолвила наконец девушка.

— Точно.

— Каждый-каждый день?

— Слово Сизиф, катящий в гору камень, — глядя за решетку, заметил Де Квинси.

Это были его первые слова за долгий промежуток времени, и, судя по голосу, Де Квинси приходилось сдерживать рвущиеся на волю чувства.

— Я ничего не знаю об этом мистере Сизифе, так же как и о мистере Бентаме, — сообщил начальник тюрьмы, — но зато точно знаю, как заставить преступников раскаяться в своих преступлениях.

— Ну что ж, пора показать мистеру Любителю Опиума его пристанище, — сказал надзиратель и вытащил из-за пояса большое кольцо с ключами.

— Позвольте напомнить вам, что мистер Де Квинси находится здесь не в качестве осужденного преступника и даже не как подозреваемый, — подал голос Райан. — Он полицейский консультант, и у нас есть причины беспокоиться о его безопасности. Пожалуйста, обращайтесь с ним соответственно.

— Мне известно только то, что лорд Палмерстон хочет посадить его под замок, а господин министр всегда получает, что хочет. Я бы очень удивился, если бы узнал, что какие-то вещи в стране не находятся под его контролем. — Начальник тюрьмы кивком велел надзирателю отпереть зарешеченную дверь, ведущую в средний коридор. — Мисс, вы оставайтесь здесь.

— Я желаю сама увидеть, где мой отец проведет эту ночь.

— И возможно, еще много-много ночей. Что ж, если так горите желанием увидеть то, что не предназначено для женских глазок, идемте. Но у нас не хватает надзирателей, так что за вами некому будет присмотреть.

Они шли по сырому коридору, и шаги отдавались от стен гулким эхом. В каждой из покрытых ржавчиной дверей камер имелись глазок и щель, через которую узник получал все необходимое. За дверями раздавались клацающие звуки.

— Откуда этот ужасный шум? — спросила Эмили.

Шум действительно был невыносимым.

— Проще будет показать, чем объяснять, — заметил тюремщик.

Он открыл дверь, и в коридор сразу ворвался сырой холодный воздух.

Эмили с отцом осторожно вошли — места здесь едва хватало для них двоих.

Камера имела семь футов в ширину, девять в высоту и тринадцать в длину. Высокий человек — такой, как Беккер — мог бы дотянуться кончиками пальцев до потолка, а расставив руки в стороны, коснуться

противоположных стен. Ходить по камере он бы просто не смог. Но и для миниатюрного Де Квинси камера была тесной.

На полу лежали тени. Свет проникал в камеру через маленькое, забранное решеткой и очень грязное окошко под самым потолком. На улице собирался туман, и здесь день казался похожим на вечер.

Окошко находилось в одной из коротких сторон камеры, в противоположной помещалась дверь. Под окном к железному кольцу в стене была приделана сейчас сложенная подвесная койка. Внутри виднелись одеяло и тонкий матрас.

Де Квинси поглядел на потолок.

— И никаких труб.

— Конечно, здесь нет труб, — бросил из коридора тюремщик. — Откуда здесь должны взяться трубы?

— В восемьсот одиннадцатом году по потолку проходила труба. Возможно, что и в этой самой камере.

— Что вы там говорите? Вы что, были нашим гостем в одиннадцатом году?

— Только в своих кошмарах.

— Ну, здесь у вас будут еще и не такие кошмары.

Обставлена камера была скудно: старый стул, стол, на котором лежала Библия, ведро для отправления естественных потребностей и...

— Что это за деревянная коробка приделана к стене? — спросила Эмили. — Зачем у нее ручка?

Из соседних камер по-прежнему раздавалось лязганье.

— Это еще одна работа, которой занимаются заключенные, — ответил из коридора начальник тюрьмы.

— Работа? — Камера была такой крохотной, что Эмили пришлось сделать буквально полшага, чтобы оказаться возле коробки. — Какая же это работа?

— Работа, за которую они получают еду, — пояснил начальник. По коридору загуляло эхо. — Коробка наполовину заполнена песком. Заключенный вращает ручку, расположенная внутри чашка зачерпывает некоторое количество песка, потом поднимается до верха и высыпает его обратно. Когда чашка опускается на дно, она снова зачерпывает песок.

— То есть пока заключенный вращает ручку, чашка так и будет постоянно набирать песок и высыпать?

— Точно.

— Для этого требуется какое-то усилие?

— Рукоятка довольно тугая, а песок сырой.

— Но...

— Продолжайте, мисс. Буду счастлив ответить на ваши вопросы.

— Признаюсь, я не совсем понимаю. Для чего все это?

— Работа занимает заключенного.

— Вы называете это «работой»? — удивилась Эмили. — Но ведь ничего не производится. Ступальное колесо, по крайней мере, приводит в движение механизмы в прачечной и на кухне.

— Коробка дает заключенному стимул не повторять свои проступки, когда он выйдет на свободу.

— Знаете, если бы заключенных научили шить себе одежду, это было бы куда более продуктивное занятие, и оно точно так же занимало бы их время. Кроме того, они бы овладели навыками, которые пригодятся, когда они покинут ваше заведение.

— Это такие идеи проповедует ваш Джереми Бенгам? Учить заключенных шить себе одежду? Как это странно, однако. — Начальник тюрьмы был не на шутку озадачен. — Сомневаюсь, что этих негодяев вообще можно чему-то научить.

— Так это коробки с песком производят лязганье, которое слышно в коридоре? — спросила Эмили.

— Совершенно верно. В каждой камере.

— Вы сказали, что заключенные делают это, чтобы заработать право на пищу. И сколько раз нужно повернуть рукоятку в течение дня?

— Десять тысяч раз.

У Эмили перехватило дыхание. Она была ошеломлена, услышав такое огромное число.

— У вас есть еще вопросы?

Эмили была не в силах произнести ни звука.

— В таком случае я принесу мистеру Любителю Опиума его тюремную одежду, — сказал надзиратель.

— В этом нет необходимости, — остановил его Райан. — Мистер Де Квинси находится здесь не как заключенный. Он может оставаться

в своей одежде.

— Возможно, лорд Палмерстон смотрит на это по-другому. Я узнаю, — решил начальник тюрьмы.

— Кроме того, мистер Де Квинси не должен крутить рукоятку, чтобы получить пищу.

— И опять-таки лорд Палмерстон может считать иначе. В любом случае, меню Любителя Опиума будет не слишком разнообразным. — Тюремщик по-прежнему говорил о Де Квинси так, будто того здесь не было. — Сегодня вечером он получит вареную картошку с водичкой, в которой она варилась.

— У моего отца проблемы с желудком, поэтому ему нельзя есть грубую пищу, только отварной рис и хлеб, вымоченный в теплом молоке.

— А если я ем говядину, она должна быть нарезана тонкими кусками и желательнее всего не вдоль волокон, а по диагонали, — прибавил Де Квинси.

— Вдоль волокон? По диагонали? О чем он, черт побери, говорит? — раздраженно спросил надзиратель.

— Вы привыкнете к его манере разговаривать, — заверил его Беккер.

— Нет, не привыкнете, — возразил Райан.

— Это не так. — Де Квинси повернулся к инспектору. — Скажите, вам удалось установить, каким образом убийца раздобыл тот самый молоток, которым были совершены убийства в восемьсот одиннадцатом году?

— Он хранился в нашей так называемой комнате вещдоков как предмет, представляющий исторический интерес.

— И тем не менее убийца смог до него добраться. Если у него была такая возможность, кто знает, куда он еще способен проникнуть? Нам известно, что убийца преследует меня. Так что здесь я не буду в безопасности.

— Камера в нашем заведении — самое безопасное место в Лондоне, — торжественно провозгласил начальник тюрьмы.

— Нет, — возразил Де Квинси. — Джон Уильямс, человек, обвиненный в совершении убийств на Рэтклифф-хайвей, умер в этой тюрьме. Возможно, даже в этой самой камере. Предположительно он покончил с собой — повесился на перекладине, проходящей под

потолком. Однако существует мнение, что у Уильямса был сообщник, который убил его и обставил все как самоубийство. Он боялся, как бы Уильямс не пошел на сотрудничество с полицией и не выдал его властям.

— Вы считаете, что убийца может попытаться сегодня сделать с вами то же самое? — спросил тюремщик таким тоном, что было ясно: он считает эту идею полным бредом.

— Ему не дают покоя убийства, совершенные сорок три года назад. И еще ему не даю покоя я. Инспектор Райан, не оставляйте меня здесь.

— Лорд Палмерстон лично отдал приказ, — подчеркнул инспектор. — Другого выбора нет.

— Умоляю вас. Тюремьмы предназначены для того, чтобы удерживать людей внутри, и ни для чего более. Может оказаться намного легче проникнуть в эти стены, чем выбраться отсюда.

— Ну, вы-то уж точно отсюда не выберетесь, — вставил тюремщик.

— Отец, я сделаю все возможное, чтобы тебе здесь было хорошо, — заверила его Эмили.

В два шага девушка подошла к задней стене, вытащила из сложенной койки одеяло и тонкий матрас, потом сняла конец койки с крюка, разложила вдоль стены и закрепила конец на специально предназначенном для этого другом крюке. Положила сверху матрас и одеяло.

— Спокойной ночи, отец. — Эмили крепко обняла его и долго не отпускала. Потом прошептала что-то на ухо, отстранилась и сказала нетвердым голосом: — Постарайся как следует отдохнуть. Утром я к тебе приду.

— Может, и нет, — предостерег ее начальник тюрьмы. — Посмотрим, что думает лорд Палмерстон. Возможно, доступ посетителей будет запрещен.

— Мисс де Квинси, я провожу вас до дома, — предложил Беккер.

— Я придерживаюсь иного мнения.

— Простите. Если я чем-то вас обидел...

— Последнее место на свете, куда я собираюсь направиться, — это дом, в котором мы сейчас живем. Вы разве забыли, что его снял для нас убийца?

Беккер помрачнел.

— Если отцу угрожает опасность, она угрожает и мне. Убийца может решить помучить меня, чтобы тем самым причинить боль отцу. Инспектор Райан, вы готовы организовать охрану нашего дома? Сколько для этого потребуется полицейских? И есть ли гарантия, что это поможет?

Райан не смог ничего ответить.

— Прекрасно, — заключила Эмили. — Поскольку мы знаем, что убийца следит за отцом и за мной, и раз начальник тюрьмы уверяет меня, что здесь — самое безопасное место в Лондоне, я остаюсь.

За стенами тюрьмы «Колдбат филдз» Лондон постепенно исчезал в дыму из полумиллиона печных труб, смешивающемся с желтым туманом, который поднимался от Темзы. Копоть медленно оседала на город. Но даже если бы и не было тумана, «художник смерти» мог не опасаться, что вызовет подозрения. Те несколько человек, которых он повстречал, — какие-то неотложные дела заставили их набраться храбрости и выйти на пустынные улицы — смотрели на него с благодарностью. В ответ он ободряюще кивал.

В рукаве пальто убийца прятал тяжелый железный ломик восемнадцати дюймов длиной. Он имел острый край с одного конца и крюк с другого — также с заточенным краем. Это был самый необходимый инструмент у рабочих, занимающихся разборкой зданий. Они вставляли крюк в щель в стене, нажимали на лом и вырывали большие куски дерева или штукатурки.

Подобный ломик был использован при совершении второго убийства на Рэтклифф-хайвей сорок три года назад. Произошло оно в таверне, расположенной неподалеку от лавки, где преступник двенадцатью днями ранее нанес первый удар. Тогда жертвами стали три человека, в то время как в первом случае убитых было четверо, в том числе младенец. «Художник смерти» уже «улучшил показатели», лишив жизни пятерых, из которых двое были детьми. И хотя он намеревался этим вечером продемонстрировать свои таланты в таверне — так же как сделал убийца в тысяча восемьсот одиннадцатом году, — таверна эта должна была находиться на некотором удалении от магазина, в котором в субботу вечером он создал первый шедевр. Настоящий великий артист должен всегда расширять поле

деятельности, равно как и сокращать время между представлениями своих «работ» публике. Двенадцать дней — слишком большой промежуток. Лишь два дня между шедеврами — это произведет должное впечатление.

Внезапно из тумана выскочил мужчина и едва не врезался в «художника». В первое мгновение он до смерти перепугался, но тут же напряженное выражение сошло с его лица. Он с облегчением кивнул и побежал дальше, а «художник» продолжил путь легкой, уверенной походкой. Газовые фонари казались размытыми пятнами в тумане. Если не считать отдаленного стука копыт, стояла полная тишина.

«Художник смерти» прошел мимо констебля — он уже сбился со счета, скольких полицейских повстречал сегодня на лондонских улицах, — и махнул ему рукой: дескать, все в порядке. Недалеко от своей конечной цели он кивнул еще одному ошалевшему типу, который пронесся мимо, сжимая в руках корзинку. Должно быть, в ней находилось что-то ценное, возможно, ужин на всю семью. Неужели этот глупец думает, будто его могут лишить жизни из-за корзинки с едой?

Очередной констебль подпирал ближайший фонарный столб. «Художник» и ему помахал рукой, а полицейский в ответ кивнул.

Когда «художник смерти» появился в таверне, испуганные посетители разом вскинули головы. Однако, увидев вошедшего, все, за исключением одного мужчины, расслабились и вернулись кто к беседе, а кто к кружкам с пивом и трубкам.

В помещении, полном табачного дыма, находились восемь человек. Справа за стойкой стоял хозяин таверны в белом переднике с завязками вокруг шеи. Двое мужчин восседали на высоких стульях возле стойки. Из глубины зала официантка — в таком же белом переднике — несла блюдо с хлебом и сыром для трех мужчин, сидящих за столом у камина. Восьмой — констебль с настороженным взглядом, занимавший столик недалеко от входа, — вскочил на ноги. Он и был единственным посетителем, который не вернулся к своим занятиям.

— Извините, сержант, — выпалил он. — Я так долго пробыл на улице, а там так холодно, что я не мог...

— Не стоит волноваться, констебль. Я все понимаю. По правде говоря, у меня жутко замерзли ноги, и я зашел сюда по той же

причине, что и вы. Что у вас там? Чай? Пожалуй, я к вам присоединюсь.

Хозяин таверны ухмыльнулся.

— Можно и чего лучше, сержант. Я налью вам пинту. Бесплатно.

— Нет, благодарю вас, — ответил «художник». — Достаточно и того, что я нарушил одно правило. Но пить на дежурстве — это было бы слишком.

— Да уж, вам приходится нелегко. Но вы нас защищаете. Мы вам за это благодарны. Пожалуйста — горячий чай за счет заведения.

— Вы очень любезны.

Каска констебля лежала на столе. У нее имелась металлическая прокладка, благодаря которой констебль вполне мог при необходимости встать на свой головной убор и заглянуть через забор. Также каска могла защитить владельца от сильного удара по голове, если кто-то вдруг неожиданно подкрадется сзади. Вот только сейчас она лежала на столе.

«Художник смерти» встал позади констебля, ловко вытащил из рукава ломик и нанес сильнейший удар тупой частью крюка. Череп полицейского раскололся, как гнилая тыква. Убийца развернулся на месте и тремя точными ударами — направо, налево и снова направо — разбил головы трем мужчинам за столиком у камина, которые только-только собирались приступить к трапезе. Официантка застыла с раскрытым ртом и вытаращенными глазами. Острие крюка распорол ей лицо, и девушка без чувств рухнула на пол.

— А, — только и смог вымолвить хозяин таверны.

К этому моменту двое посетителей, сидевшие за стойкой, уже обильно поливали пол кровью из проломленных голов. Сам же хозяин не успел больше издать ни звука — страшный по силе удар заставил его замолчать навсегда.

Убийца поспешил к первой жертве — констеблю, скинул труп со скамейки, поставил ногу на грудь и, повернув ломик острой частью крюка, распорол мертвому полицейскому горло.

Затем ту же операцию «художник смерти» повторил с тремя мужчинами у камина, с официанткой, мужчинами у стойки. И с хозяином таверны.

Но шедевр еще не был завершен. Убийца оставил страшное оружие на стойке, а потом усадил всех покойников кого за столики, кого за стойку так, что (если не обращать внимания на кровь) со стороны могло показаться, будто люди слишком много выпили и теперь забылись сном.

Сержантская форма была забрызгана кровью, но «художнику» этого оказалось недостаточно. Он зачерпнул две горсти из растекшейся по полу лужи и размазал кровь по шее и лицу, скрывая свое истинное обличье.

Потом открыл дверь черного хода. И наконец поспешил к двери, ведущей на улицу, несколько раз глубоко вдохнул — создать впечатление, будто запыхался после схватки с преступником, — вывалился наружу и прохрипел, обращаясь к констеблю у фонарного столба:

— Убийство!

— Сержант!

Констебль бросился к нему.

— Помогите!

И лжесержант повалился на мостовую.

Ошарашенный констебль выхватил из-за пояса трещотку и стал ее бешено раскручивать. По всей округе разнесся громкий треск — он должен был привлечь внимание каждого находящегося в этом районе патрульного.

— Там, внутри, — простонал «художник смерти». — Все мертвы.

Уже через минуту на узенькой улочке, затянутой туманом, воцарился хаос. Соседи бежали на звук полицейской трещотки к таверне и в страхе переговаривались:

— Что случилось?

— Боже мой, вы посмотрите за дверь!

— Ужас какой!

— Не может быть! Я всего час назад видел Питера!

— И Марта тоже мертва? О нет!

По улице к месту преступления уже мчались полицейские. В тумане они казались бесплотными призраками.

— Что стряслось?

— Убили? Кого?

— Эй, живо отошли от двери! Вам сюда нельзя!

— Делайте, как приказано! отошли отсюда!

Констебль, который поднял тревогу, опустился на колени возле «художника смерти». Тот лежал на промерзшей мостовой и постанывал. Лицо и форма были залиты кровью.

— Сержант, я послал за экипажем. Вас доставят к врачу.

— Слишком поздно.

— Мы сделаем все, что возможно. Но вы видели того, кто это сделал?

— Да. Одет как матрос.

— У него была желтоватая борода?

— Бороды не было. Выглядел как обычный матрос.

— Вы видели, куда он побежал?

— Через черный ход. У меня все плывет перед глазами.

— Ага, вот и коляска. Вас сейчас отвезут к врачу. Вы двое, помогите мне перенести сержанта в коляску. Все остальные, слушайте: убийца сбежал через черный ход. Ищите матроса!

«Художник смерти» закрыл глаза и позволил поднять себя и погрузить в подъехавший экипаж. Через мгновение тот рванул с места.

— Помедленнее! — рявкнул констебль, перекрикивая стоящий на улице гам.

— Можно поспешить и доставить его к лекарю живым, а можно растянуть удовольствие и привезти уже труп, — огрызнулся в ответ возница.

Констебль запрыгнул в коляску.

— Но я и не хочу, чтобы его растрясло по дороге до смерти!

В экипаж забрались еще двое полицейских.

— Ищите матроса! — заорали на улице. — Это дело рук чертова матроса!

«Найти матроса будет несложно, — подумал убийца. — Доки находятся всего в четверти мили отсюда».

Коляска подпрыгнула, налетев на камень.

— Он перестал стонать! — воскликнул констебль. — Боюсь, он умирает. Скорее же!

Стук копыт стал громче, коляску теперь подкидывало ежесекундно. Гневные крики людей, собравшихся возле таверны, постепенно растаяли в тумане.

— До дома лекаря осталось совсем немного, — объявил возница. — Вот только в тумане я не могу... Ага!

«Художник» слышал, как кто-то забарабанил в дверь, потом его взяли на руки и вынесли из коляски. Даже с закрытыми глазами он почувствовал, что в лицо светит яркая лампа.

— Давайте его в дом!

Его пронесли через входную дверь, потом еще через одну и положили на стол.

— Столько крови! — воскликнул врач. — Но я не понимаю, куда он ранен.

Чуть приоткрыв глаза, убийца увидел, что на враче надета пижама.

— Он умер?

— Нет. Он дышит. Так, мне нужно пространство для работы. Вы двое, выйдите отсюда. А вы помогите моей жене принести горячей воды.

Послышались удаляющиеся в разных направлениях шаги.

Врач осторожно расстегнул пальто на пациенте.

— Сержант, вы меня слышите?

«Художник» застонал.

— Я сделаю все, что в моих силах.

Убийца приподнял веки. Над ним склонился мужчина лет пятидесяти пяти, седой и в очках.

Кроме него, в комнате никого не было.

Решительность и мастерство значат все. «Художник» в мгновение ока вытащил кинжал и воткнул его между ребер врача, поразив в самое сердце. Затем выскользнул из-под бьющегося в предсмертной агонии тела и уложил доктора на стол. В коридоре послышались шаги, и убийца быстро встал у стены рядом с дверью.

В комнату, держа в руках тазик с водой, над которой поднимался пар, быстро вошел констебль. Следом вбежала седоволосая женщина средних лет. Поскольку ее руки были свободны и она могла представлять угрозу (хотя и очень маловероятную), она умерла первой. Кинжал пронзил правую почку.

Констебль услышал, как женщина вскрикнула и упала, и обернулся, не выпуская из рук тазика. Убийца быстро полоснул его кинжалом по горлу — теперь констебль не смог бы крикнуть — и,

когда бедняга начал оседать на пол, предусмотрительно подхватил тазик, чтобы тот не упал и лишний шум не привлек внимания вышедших на улицу полицейских.

К несчастью, кровь попала в тазик, и «художник» решил поискать на кухне чистую воду. Он поставил тазик на пол и бросился в заднюю часть дома. На кухне никого не оказалось, а над очагом висел котелок с кипящей водой.

Убийца смыл кровь с лица и рук, потом снял покрытую багровыми пятнами форму сержанта полиции. Под ней оказались потрепанные нищенские лохмотья. Пока он изображал полицейского, избыток одежды на теле не привлекал внимания — холодная погода заставила многих горожан дополнительно утеплиться. Из кармана грязных штанов он вытащил мятую, засаленную шляпу и натянул по самые глаза.

В это время открылась входная дверь, и один из полицейских спросил:

— Ну как он? Будет жить?

«Художник смерти» распахнул дверь черного хода, вышел в переулок и вскоре растворился в тумане. С близлежащих улиц доносились победоносные крики добровольных охотников за убийцей и вопли несчастных, которым не повезло оказаться подозреваемыми. Шедевр «художника» набирал силу и вполне мог в итоге оказаться еще великолепнее, чем надеялся автор.

Немецкий матрос знал английский язык в объеме, достаточном, чтобы работать на английском корабле. В то утро он вернулся после шестимесячного плавания на Восток на судне Британской Ост-Индской компании, груженном чаем, специями и опиумом. Он нашел гостиницу и сразу же заплатил служанке, чтобы она принесла в комнату ванну и несколько ведер горячей воды. Потом он долго сидел, подтянув колени к груди в небольшой ванне (скорее, ванночке), и наслаждался теплом. Приведя себя в порядок, немец обильно позавтракал, причем в его меню не было ничего рыбного. Завтра он отправится в магазин и на заработанные в плавании деньги купит новую одежду, но сегодня нужно удовлетворить иные потребности. Женщина обслужила его в безлюдном переулке. Языковой барьер не

послужил им помехой — достаточно было просто протянуть два шиллинга.

Следующим номером программы значилась таверна. Матрос терпеть не мог английское пиво, но джин ненавидел еще сильнее, поэтому — лучше уж такое пиво, чем ничего. Он уже сбился со счета, сколько выпил кружек и сколько раз сбегал в уборную на заднем дворе, но все никак не мог удовлетворить долго сдерживаемую жажду по алкоголю. Сидевшая неподалеку женщина бросала на него откровенные взгляды, явно давая понять, что ее можно купить за два шиллинга, но тут к ней подошел мужчина и, вероятно, предложил три шиллинга, поскольку проститутка охотно пошла за ним на второй этаж. Наконец матрос почувствовал, что пиво в него больше не лезет и что он не в силах добраться до гостиницы — это при условии, что вспомнит, в какую сторону идти.

Он, спотыкаясь, шел по узким улочкам, и со всех сторон на него напал холодный желтый туман. В таверне со своим ограниченным словарным запасом немец смог понять только обрывки разговоров. Он уловил, что большинство посетителей обсуждали убийство, совершенное два дня назад, но всех подробностей не разобрал. Кроме того, он слишком устал, чтобы задумываться об этом. Впрочем, матросу показалось странным, что общая атмосфера в таверне была не такой веселой и непринужденной, как он ожидал.

Прислонившись к закопченной стене, чтобы немного передохнуть, немец услышал вдалеке ужасающий грохот и только через некоторое время сообразил, что издает его трещотка лондонского полицейского. Через несколько секунд треск раздавался уже со всех сторон, к нему прибавились и крики. Шум стоял невыносимый. Центр суматохи находился в конце улочки.

— Убийство! — донесся до немца отчаянный вопль.

А следом знакомое слово — «матрос»!

Громкие крики смешивались с топотом множества ног. Судя по звукам, несколько человек бежали как раз в сторону перебравшего немца. В тусклом свете фонарей, едва разгоняющих туман, показались неясные силуэты.

Матрос нырнул в переулок и укрылся в темноте. Через мгновение мимо пронеслась разношерстная толпа. Бегущие продолжали выкрикивать что-то о матросах.

Весь дрожа, он снова почувствовал острую необходимость опорожнить мочевой пузырь, но сдерживался, пока толпа не пробежала мимо. Некоторые держали в руках ножи, другие — сабли. Один мужчина был вооружен ружьем.

Боль внизу живота нарастала. Немец углубился в переулок и шел до тех пор, пока не пропали из виду улица и фонарь на ней, затем быстро расстегнул ширинку и направил струю на стену. Несмотря на ночной холод, лицо от напряжения усеяли капельки пота — мочевой пузырь требовал освободить его быстрее.

— Что я слышу? — спросил кто-то невидимый на улице.

Эту простую фразу немецкий матрос понял прекрасно. Он мгновенно остановился.

— Ничего не слышу, — ответили из темноты в начале переулка.

— Да вон там, подальше. Похоже, кто-то мочится.

— А я так ничего не слышу. Все равно без фонаря и один или даже вдвоем с тобой я туда не сунусь. Ну, даже если тебе и не показалось, это может быть кто угодно. Да хоть один из наших.

— Наверное, пригрезилось. Пойдем лучше догоним остальных. Ты прав: небезопасно здесь одним-то.

Шаги удалились в том направлении, куда чуть раньше умчалась толпа.

Стоя в темноте, немец трясся от страха, прислушивался и выжидал. В конце концов давление в мочевом пузыре снова сделалось невыносимым, и ему пришлось вторично увлажнить стену.

Наконец он застегнул штаны. Страх выветрил из головы все алкогольные пары. Немец вспомнил, где находится гостиница, в которой он остановился, но до нее еще предстояло добраться незамеченным. Может, если он снимет матросское пальто, то и не привлечет к себе внимания. Ночной холод пронизывал до костей, но до места назначения идти было всего четверть мили, и, возможно, он не успеет по дороге обморозиться.

Немец быстрыми шагами направился к началу переулка. Когда впереди показалось размытое пятно газового фонаря, он сбросил пальто и вышел на улицу.

— Гляди, я ж говорил тебе: там кто-то был.

Из тумана выдвинулись люди, от которых исходила явная угроза. Матрос охнул.

— Что это он бросил?

— Матросское пальто.

— Если б он был ни при чем, он бы этого не сделал.

Немец сказал им на своем родном языке, что они ошибаются.

— Иностранец!

— Это он! Убийца!

Матрос побежал.

Внезапно спину пронзила вспышка боли. Он недоуменно уставился на кончик сабли, торчащий из живота. Кровь потоком хлынула на штаны и башмаки. Немец попытался шагнуть вперед, но потерял равновесие и рухнул ничком.

— Вот тебе, мерзавец, за Питера и Марту!

Глава 10

В ЦАРСТВЕ ТЕНЕЙ

В 1854 году в Лондоне, по оценке журналиста, который в течение нескольких лет собирал материалы для четырехтомного сочинения «Лондон рабочий и Лондон нищенский», насчитывалось приблизительно пятьдесят тысяч человек (что составляло сороковую часть всего населения английской столицы), которые обитали на улице. Одни выдирали кости из найденных гниющих трупов животных и продавали их производителям удобрений. Другие собирали собачье дерьмо для кожевенных дел мастеров, которые использовали его (под названием «шакша») в химическом процессе для удаления щетины из кожи. Уборщики сметали с перекрестков лошадиный навоз, чтобы состоятельные пешеходы могли спокойно перейти дорогу, не запачкав обувь. Уличные музыканты, старьевщики, мастера по починке зонтов, торговцы спичками, шарманщики, краснобаи, которые повторяли предсмертные речи известных людей, — эти и сотни других разновидностей бродяг и скитальцев («особое племя», как назвал их тот журналист) обретались на двух тысячах миль лондонских улиц.

Иначе всю эту разношерстную компанию можно было назвать просто нищими. В обычных обстоятельствах они привлекали к себе мало внимания. И то верно: если заметишь нищего, можно ведь и не удержаться от искушения дать ему денег, но никому не по силам помочь пятидесяти тысячам бедняков — если только после этого сам не окажешься на улице без средств, — посему благоразумнее было делать вид, что такой категории людей просто не существует. Ну а в эту жуткую ночь, когда толпы обезумевших горожан носились по улицам Лондона в поисках иноземцев и вообще любых чужаков, чтобы отплатить им за ужас, охвативший город, до нищих и вовсе никому не было дела. Как можно увидеть угрозу в изгоях общества, когда их вообще никто не видит?

Один такой никому не нужный оборванец ковылял сквозь мерзость и запустение Ист-Энда. В густом тумане несчастная фигура, бредущая по мрачным улочкам этого уголка Лондона, была еще менее заметной, чем обычно. С удовлетворением прислушиваясь к

отдаленному реву толпы, нищий подошел к покосившемуся зданию с выцветшей вывеской над двойными входными дверьми «Платная конюшня». Подобные заведения для отстоя лошадей и экипажей были обычным делом для Лондона. Пятьдесят тысяч лошадей (число их равнялось числу бездомных) использовались в качестве тягловой силы для переполнявших город карет, кебов, разнообразных колясок, телег и омнибусов. А завтра, когда охваченные паникой люди будут искать любой возможный способ бежать из Лондона, все эти средства передвижения окажутся еще более востребованными, чем обычно, и забьют улицы.

Нищий стукнул в покосившуюся боковую дверь дважды, потом один раз и еще три и встал поближе к покрытому слоем грязи окошку, чтобы его смогли рассмотреть изнутри. Там отдернули занавеску, поднесли к стеклу лампу и осветили лицо нищего. После этого занавеска вернулась на место.

Кто-то невидимый отодвинул засов и открыл дверь, оставив ровно столько места, чтобы пришедший проскользнул внутрь, но никто не смог бы рассмотреть, что там находится. Даже если бы любопытствующий ухитрился заглянуть, он бы заметил лишь часть стойла, но не увидел двух экипажей, стоящих один за другим прямо перед запертыми двойными дверьми со стороны основного входа. Оба были скрыты под темной тканью.

Нищий, который перестал вдруг хромать, запер за собой дверь, зашагал следом за человеком с лампой, и вскоре они присоединились к еще двум мужчинам, восседавшим на перевернутых бочонках.

— Мне нет необходимости спрашивать, увенчалась ли твоя миссия успехом, — обратился к бродяге человек с лампой. — Достаточно послушать, что там творится. Ну а после того, что произойдет сегодня в тюрьме, паника охватит буквально всех.

— Да. Тюрьма. Энтони всегда получает удовольствие от трудновыполнимых задач, — кивнул нищий. — Но хотел бы я оказаться на его месте.

— Ты свое дело сегодня уже сделал. Причем гораздо более важное, — подчеркнул один из сидевших на бочонках.

— Все зависит от того, что считаешь важным. — Нищий подошел к спрятанным под тканью экипажам. — Вы нашли лошадей?

— Да. Они будут готовы, как только понадобится.

Нищий поднял покрывало и посмотрел на один из экипажей.

Это оказался катафалк. Он почти сливался с окружающей темнотой. Через окно в боковой стенке виднелся гроб.

— Очень мило.

— Второй находится даже в лучшем состоянии, — подал голос третий мужчина. — Никто ни о чем не спросил, когда мы пригнали их сюда после кражи.

— Угу, — согласился нищий. — На катафалке можно приехать куда угодно, и это не вызовет ничьих вопросов.

С громким скрежетом надзиратель запер дверь в камеру Де Квинси. Беккер прочитал целую гамму чувств на лице Эмили, когда она в последний раз посмотрела в глазок на отца. Затем девушка в сопровождении констебля и Райана отправилась назад. Впереди, занимая почти всю ширину коридора, шли начальник тюрьмы и надзиратель. Передвигались они так неспешно, что остальным с трудом удавалось подстраиваться под их шаг.

Они вернулись в помещение, откуда расходились пять коридоров. Снова раздался громкий скрежет — это тюремщик запер дверь из коридора. Сквозь прутья решетки Беккер увидел шмыгнувшую в сторону камер крысу.

— Мисс Де Квинси, нужно устроить вас куда-то на ночь, — сказал Райан. — Здесь через дорогу есть гостиница. В ней останавливаются родственники заключенных, когда приезжают навестить их в тюрьме. Конечно, условия там не такие, как в вашем лондонском доме, но все же вполне приемлемые.

— Убийца следит и за отцом, и за мной. Если я правильно понимаю, он наблюдает за входом в тюрьму из того самого дома, о котором вы говорите. Там я не буду чувствовать себя в безопасности. Совсем другое дело — здесь.

— Но здесь еще никогда не останавливались женщины-посетительницы, — возразил начальник. — У нас просто нет подходящих условий, чтобы...

Эмили окинула взглядом комнаты, расположенные между расходящимися лучами коридорами.

— В этом помещении есть койка.

— Ну да, охранники спят там в свободное от дежурства время, — сказал остроносый тюремщик. — Однако...

— Если на ней могут спать охранники, то и для меня она вполне подойдет.

— Но у нас нет необходимых для леди санитарных помещений, — запротестовал начальник.

— Вы имеете в виду туалет?

Беккера позабавило то, как покраснел от смущения толстый начальник. Он вспомнил, как в самом начале знакомства Эмили и его вгоняла в краску своими откровенными выражениями.

— Ну, мисс, я...

— А если я остановлюсь в гостинице напротив, мне, вполне вероятно, перережут глотку. Меня такой вариант не устраивает, так что я выбираю здешний туалет.

— Но придется выделить вам охранника, — сказал надзиратель, — а в тюрьме и так народу не хватает.

— Не нужно никакого охранника, — заявил Беккер. — Я останусь с мисс Де Квинси.

— Это совершенно против правил!

— А вы представьте себе, что напишут газеты и что скажет лорд Палмерстон, если меня зарежут из-за вашей халатности, — спокойно заметила Эмили.

— Слушайте, у меня уже голова разболелась, — вмешался Райан. — Беккер, разбирайтесь тут, а мне нужно продолжать расследование.

Он открыл дверь и по затянутой туманом дорожке направился к воротам тюрьмы.

Пользуясь всеобщей растерянностью, пока начальник и надзиратель соображали, что сказать, Эмили прошла в комнату и уселась на койку с таким видом, будто это была ее собственность.

— Очень хорошо, — произнес наконец начальник. — У меня еще есть важные дела. Интересно будет узнать, как вам понравится провести ночь в тюрьме.

— А я должен проследить за раздачей пищи, — сообщил надзиратель. — Посмотрим, как вам понравится здесь в одиночестве.

— Она будет не одна, — напомнил Беккер.

После того как начальник тюрьмы и остроносый надзиратель вышли в дверь следом за Райаном — демонстративно при этом ею хлопнув, — Беккер присоединился к Эмили.

Помещение было маленькое и холодное и освещалось единственной газовой лампой, висевшей под потолком. Из мебели, помимо койки, в комнате имелись лишь обшарпанный стол да стул. На стене на крючках висели дубинки и наручники.

Эмили поплотнее закуталась в пальто и неподвижно застыла на койке.

— Начальник тюрьмы был прав, — нарушил молчание констебль.

Эмили на него даже не посмотрела.

— Здесь для вас неподходящее место, — продолжил Беккер.

— Мое место рядом с отцом.

— Такая преданность достойна восхищения.

— И?

— И — что?

Эмили наконец повернулась к Беккеру.

— У меня такое впечатление, что вы хотели добавить что-то вроде «но у всякой преданности есть границы».

— Нет. Вовсе нет. Я действительно считаю, что вы достойны восхищения.

Беккер сел за стол.

— Это так?

— Это так.

Эмили смерила его взглядом.

— И вы больше не хотите ничего добавить?

— Ничего.

— Вы меня удивляете, констебль Беккер.

Неожиданно входная дверь открылась, и, принеся с собой дуновение холодного воздуха, на пороге появились давешний надзиратель и с ним еще три тюремщика. Они толкали перед собой тележки, уставленные металлическими мисками.

— Гляжу, вы еще здесь. Привезли для вас ужин. Уверен, вам понравится.

Он с широкой ухмылкой поставил на стол две миски, потом вышел из комнаты и отпер дверь одного из коридоров, чтобы охранники могли раздать пищу заключенным.

Миски от длительного и небрежного использования имели на поверхности вмятины и зазубрины. Когда Беккер увидел содержимое, он понял, почему нахальный надзиратель улыбался.

На ужин заключенным предлагалась маленькая порция картошки с жирным и неаппетитным бульоном, в котором плавали кусочки чего-то, отдаленно напоминающего мясо.

— Я должна узнать, выдержит ли желудок отца эту пищу, — сказала Эмили.

Она встала, подошла к столу и осмотрела скромный тюремный ужин.

— Такую еду заключенные обычно и получают, — извиняющимся тоном произнес Беккер.

— Но это же прекрасно!

— Правда?

— С более грубой пищей желудок отца не смог бы справиться, но мне необходимо ее попробовать и убедиться, что она достаточно пресная. — Эмили удивленно посмотрела на стол. — Надзиратель забыл оставить нам столовые приборы.

— На самом деле он не забыл, — пояснил Беккер. — Из соображений безопасности заключенным не дают ни ложек, ни вилок, не говоря уже о ножах.

— Они кушают руками?

— Они подносят миску ко рту и просто выхлебывают содержимое.

Эмили кивнула и взяла миску.

— Что вы делаете?

— Другого способа нет.

— Погодите. У меня есть одна вещь. Только, пожалуйста, отвернитесь ненадолго.

— Но...

— Прощу вас, — повторил Беккер. — Мне нужно кое-что сделать, а я не хочу оскорбить вас.

Эмили начала было возражать, но уступила и отвела взгляд в сторону.

Констебль задрал правую штанину и вытащил нож из ножен, закрепленных чуть выше лодыжки. Подобной хитрости он научился у инспектора Райана.

— Все готово. Можете поворачиваться, — сказал Беккер и положил нож на стол.

Эмили даже бровью не повела и не удивилась, как будто считала естественным, что каждый мужчина носит под брючиной нож.

Девушка порезала картофелину, нерешительно положила кусочек в рот, пожевала и наконец произнесла:

— Это самая безвкусная картошка, которую я ела в жизни. То, что надо для отцовского желудка.

— В таком случае я попрошу надзирателя передать вашу благодарность повару.

Эмили одарила полицейского улыбкой.

— Вам еще, можно сказать, повезло. Я, по крайней мере, не ношу эти кринолиновые уродства. Они бы создали вам с инспектором Райаном массу неудобств.

— А то, что носите вы, называется «блумерсы», если не ошибаюсь?

— Да. Их называли так по фамилии женщины, которая первая стала продвигать подобный стиль в массы. К сожалению, пока ее сторонников меньшинство. А вы, констебль Беккер, как считаете: для женщины нескромно демонстрировать, как двигаются ее ноги?

— Нескромно? — Лицо констебля залилось краской. Он удивился, так как полагал, что уже привык к выходкам Эмили и она больше не способна его смутить. — Я...

— Если так, — не дала ему договорить девушка, — то разве не нескромно со стороны мужчин выставлять напоказ *своиноги*?

— Я... ммм... я никогда об этом не думал.

— Сколько весит ваша одежда?

— Моя одежда? — Лицо Беккера стало напоминать цветом свеклу. — Ну... в это время года, полагаю, где-то восемь фунтов.

— А сколько, по вашим прикидкам, может весить наряд светской леди, которая носит платье с кринолином?

— Конечно, у нее больше предметов одежды, чем у меня. Предполагаю, что десять фунтов.

— Нет.

— Пятнадцать?

— Нет.

— Двадцать? Уж никак не больше двадцати пяти!

— Тридцать семь фунтов.

Беккер был настолько поражен, что не смог ничего сказать.

— Обручи, на которые натягивается нижняя часть платья, делают из тяжелого китового уса, — объяснила Эмили. — Новые модели будут изготавливать из металла, то есть они станут еще тяжелее. Обручи покрывают несколькими слоями ткани, а снаружи они отделаны оборками из двадцати ярдов сатина. Представляете, каково это — таскать на себе целый день двадцать ярдов сатина? Но поскольку, естественно, платье с кринолином колышется, возникает опасность, что женские ноги окажутся на виду, так что приходится надевать еще и толстое нижнее белье. В то же время необходимо, чтобы и выше талии платье состояло из такого же количества слоев ткани, иначе верхняя и нижняя части будут казаться непропорциональными. Если бы вам пришлось носить на себе лишних тридцать семь фунтов во время дежурства, думаю, вы бы устали.

— Я только подумал об этом — и уже устал.

— Какой у вас размер талии, констебль Беккер?

К этому моменту констебля было уже ничем не пронять.

— Тридцать шесть.

— Какой-то идиот решил, что оптимальный размер талии для женщины составляет восемнадцать дюймов. Чтобы этого добиться, нужно носить жесткий корсет с очень тугой шнуровкой. Я лично отказываюсь подвергаться такой пытке. Прибавьте к этому необходимость таскать на себе тридцать семь фунтов платья, и поймете: нет ничего удивительного, что многие женщины, бывает, теряют сознание. И они еще косо смотрят на меня, хотя я, в отличие от них, могу свободно двигаться и дышать. Почему вы улыбаетесь, констебль Беккер?

— Если вы простите мне мою дерзость...

— Ну, я же веду себя дерзко, так что не вижу причины, почему и вам не вести себя так же.

— Мне очень нравится, как вы говорите.

— Ешьте картофель, констебль Беккер.

Чего не знал констебль, равно как не знали и начальник тюрьмы, и остроносый надзиратель, и Райан, это того, что у Эмили с отцом имелся один секрет.

После того как Эмили приготовила скромную тюремную постель, она пожелала отцу спокойной ночи, крепко прижала к себе и долго не отпускала. В это время девушка прошептала что-то ему на ухо, потом отстранилась и срывающимся голосом произнесла:

— Постарайся как следует отдохнуть. Утром я к тебе приду.

А прошептала Эмили — причем настолько тихо, что Де Квинси едва-едва смог расслышать, — следующее: «Отец, я захватила ее в парке. Это все, что я могла сделать».

И Эмили свободной рукой, которую не мог видеть ни один из четырех находившихся в камере мужчин, опустила какой-то предмет в карман пальто отца.

Он скрыл удивление и спокойно попрощался с дочерью.

Де Квинси слышал, как запирается дверь, как удаляется по коридору гулкое эхо шагов. Он ждал, не осмеливаясь немедленно достать загадочный подарок Эмили. Существовала вероятность, что хитрый надзиратель притаился за дверью и подглядывает за заключенным в глазок.

Как-то Де Квинси довелось провести день в тюрьме для нищих, и он едва перенес это испытание. А ведь там камера была большего размера, плюс ему разрешили взять с собой книги. Здесь же его ожидало только отчаяние.

Находившиеся в камере стол и стул, а также койка и деревянный ящик на стене занимали значительную часть и без того ограниченного пространства. Два шага в любом направлении — и он оказывался у стенки. Маленькое зарешеченное окошко служило единственным источником света. По мере того как за закопченным стеклом сгущался туман и становилось темнее, камера казалась все меньше.

Де Квинси стал вспоминать, что сорок три года назад в камере, очень похожей на эту, обнаружили мертвым Джона Уильямса. Он был уверен: решимость убийцы повторить зверские преступления сорокатрехлетней давности неизбежно приведет его к мысли скопировать и другие события тех дней. В частности, Де Квинси не сомневался: убийца постарается устроить так, чтобы подозреваемый в совершении нынешних убийств умер в своей камере — точно так же, как умер в этой самой тюрьме Уильямс. Подкрепляла эту уверенность безусловная одержимость убийцы сочинениями Де Квинси.

«Он придет за мной. Я сказал начальнику тюрьмы истинную правду: гораздо легче проникнуть в это заведение, нежели выбраться из него. И сегодня вечером или ночью он попытается убить меня тем же способом, каким был умерщвлен Джон Уильямс. Но как мне защитить себя, находясь в этой камерке? В таком крохотном помещении мне еще, пожалуй, не доводилось бывать».

В несколько шагов Де Квинси достиг двери. В коридоре царил тишина, и он долго стоял, прислушиваясь, пытаясь определить, нет ли кого за дверью и не глядит ли кто в глазок. Наконец он подергал дверь и убедился, что она и в самом деле заперта.

Только тогда он решился вытащить таинственный предмет, который ему с соблюдением всех предосторожностей сунула в карман дочь.

Это оказалась железная ложка. Из тех, что дали проституткам, которые издевались над ним в Воксхолл-Гарденс, чтобы они размешали чай. Полицейские тогда принесли чай и для Эмили. Она уже знала, что инспектор Райан намеревается его арестовать. Бедная девочка! Какие же тяжелые думы ей пришлось передумать, как же внимательно нужно было смотреть по сторонам, чтобы никто не заметил, как она крадет чайную ложку.

Для каких конкретных целей принесла она ложку — другой вопрос. Как она сказала? «Это все, что я могла сделать». Что ж, все лучше, чем ничего.

Де Квинси напрягся, когда услышал звук отпираемой двери в конце коридора. Шаги сопровождались звуком лязгающих при соприкосновении друг с другом предметов. Вскоре он понял, что это звенят миски; одну из них просунули в щель в двери его камеры.

Через щель и глазок он видел желтое пламя газовых ламп, установленных в коридоре. При этом крайне скудном освещении Де Квинси с трудом разглядел, что в миске в бульоне плавает неочищенная вареная картошка.

Бедственное положение, в котором он оказался, заставило желудок Де Квинси страдать сильнее обычного, но он понимал, что может не пережить эту ночь, если не попытается укрепить силы. Он взял миску, отнес на еле видимый в темноте стол, сел на стул и прислушался к доносящимся из коридора звукам; надзиратели раздавали ужин остальным заключенным.

Он дождался, когда шум стих и дверь, ведущая наружу, была снова заперта.

Де Квинси не удивился отсутствию столовых приборов, но — спасибо Эмили! — у него была ложка. Правда, он подозревал, что дочь передала ему этот предмет для иных целей. Заботясь о своей слабой пищеварительной системе, он начал с того, что очистил картофелину. Потом в нерешительности поднес кусочек ко рту. Попробовал положить его в рот и пожевать. И у него получилось. Однако желудок яростно запротестовал, он буквально разрывался от боли и отсутствия лауданума. В конце концов он сдался и положил кусок обратно в миску.

Де Квинси посмотрел на койку, которую для него заботливо приготовила Эмили. На тонкий матрас и лежащее сверху одеяло. Что еще ему оставалось, кроме как забраться в это подобие кровати и накрыться одеялом, чтобы хоть как-то уберечься от холода, проникающего через каменные стены камеры?

Ну а если подумать — куда он может спрятаться от убийцы? Под стол? С его маленьким ростом и субтильным телосложением это вполне реально. Даже еще получится придвинуть с одной стороны стул. Конечно, если он просидит так всю ночь, мышцы потом будут нещадно болеть, но это всяко лучше, чем быть задушенным. А если еще спрятать миску с несъеденными картофелем и бульоном в ведре для нечистот, вообще сложится впечатление, будто в камере никого нет.

Да, но сможет ли он таким образом обмануть убийцу? Одной из способностей, которые развивал в человеке лауданум, являлось умение взглянуть на происходящее как бы со стороны. Сейчас Де Квинси отчетливо представил себе убийцу, стоящего на пороге открытой камеры. Тусклый желтый свет от газовых ламп в коридоре проникает внутрь и с трудом разгоняет густые тени, но и этого достаточно, чтобы обнаружить, что койка пуста. Взгляд направо, взгляд налево — и становится понятно, что в темных углах никто не прячется. Значит, остается всего одно место, где обитатель камеры может укрыться. Убийца кидается к столу и...

Беспомощный и перепуганный, Де Квинси призвал на помощь все свои способности, усиленные лауданумом.

«Существует множество реальностей, — в отчаянии подумал он. — Посмотри на камеру глазами убийцы. Здесь должно быть более подходящее место, чтобы спрятаться».

А за стенами тюрьмы «Колдбат филдз» из тумана неслышно возник посыльный и направился вдоль Маунт-Плезант-стрит (какое ироничное название!) ^[14]ко входу в тюрьму. С юго-востока, со стороны доков, доносился шум беспорядков. Если принять во внимание расстояние до доков да еще учесть глушащий звуки туман, выходило, что причина волнений должна была быть нешуточная. Посыльный прекрасно знал, что это действительно так. Толпы разъяренных горожан заполнили улицы и вели настоящую охоту на матросов. Трех уже убили, еще двоих избили до полусмерти, нескольких захватили в плен, и сейчас их допрашивали главари уличных банд. Те, кто снимал комнаты в гостиницах, забаррикадировали изнутри двери и закрыли ставнями окна, в которых обезумевшие лондонцы выбили стекла. Группа из двадцати матросов нашла убежище в складском помещении на территории доков, они вооружились и готовы были противостоять нападению. Полицейские, которым предписывалось патрулировать улицы, теперь вынуждены были хоть как-то сдерживать кровожадный настрой толпы.

Посыльный громко постучался в ворота тюрьмы.

Открылся глазок, и на пришедшего уставился охранник.

— Говорите, зачем пришли.

— У меня письмо от министра внутренних дел. Его должен немедленно прочитать начальник тюрьмы.

И посыльный протянул конверт. В свете висящей над входом газовой лампы было видно, что конверт действительно запечатан министерской печатью.

— Господин начальник спит.

— Письмо касается Любителя Опиума. Я получил наказ доставить его как можно скорее. Лорд Палмерстон ожидает ответа.

Заколебавшийся охранник продолжал смотреть в глазок.

— Я вам настоятельно рекомендую разбудить вашего начальника, — заявил посыльный. — В противном случае завтра вы можете обнаружить, что больше не служите охранником в тюрьме, а подметаете улицы.

Страж ворог еще немного помешкал. Затем сказал:

— Подождите здесь.

Глазок закрылся.

«Ну конечно, я буду ждать здесь. Раз он не пустил меня внутрь, где мне, черт побери, еще ждать?»

Издали продолжали доноситься громкие крики носящихся по улицам озверевших людей. Порой раздавались отчаянные вопли.

Посыльный досчитал до тридцати и уже поднял руку, чтобы снова постучать, но не успел. Заскрежетал тяжелый замок, и створки распахнулись.

— Господин начальник ждет вас.

— Отлично.

— Я вас проведу.

— Я знаю дорогу. Надо идти налево.

Посыльный коротко кивнул еще двум охранникам, дежурившим возле входа, подошел к мрачной конторе начальника тюрьмы и открыл дверь.

Начальник сидел за письменным столом. Поверх пижамы он набросил халат. В кабинете было зябко, поскольку огонь в печке почти угас. Занавеси на окнах практически не спасали от проникающего в помещение холода. Начальник склонился поближе к единственному источнику тепла — настольной лампе. В ее свете было заметно, что лицо хозяина кабинета опухло больше обычного, оттого что его так внезапно подняли с постели.

— Вы от лорда Палмерстона? — раздраженно спросил он.

— Да. Дело касается Любителя Опиума.

Посыльный закрыл дверь, пересек кабинет и передал запечатанный конверт.

Ножом для писем начальник тюрьмы сломал печать и вытащил сложенный лист бумаги.

— Можете сесть, — рассеянно бросил он.

— Благодарю вас, но мне велено незамедлительно вернуться к лорду Палмерстону и доложить, что его приказания исполняются.

— В этом заведении приказы лорда Палмерстона всегда исполняются.

— Он это ценит.

Начальник погрузился в чтение документа, а посыльный незаметно схватил нож для писем и вонзил его в горло толстяка, перерезав гортань, так чтобы тот не мог закричать и позвать на помощь. Пока начальник тюрьмы отчаянно пытался вдохнуть, давясь собственной кровью, посыльный подошел к приставному столику, на котором лежала книга — по-видимому, регистрационный журнал.

В журнале обнаружилась схема тюрьмы с пометками, какой заключенный в какой камере находится.

К тому моменту, когда посыльный обнаружил необходимую информацию, начальник повалился на стол, под его весом нож еще глубже проник в горло, и кончик его вышел с противоположной стороны.

Убийца приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы выйти самому и не позволить охранникам увидеть, что происходит в конторе.

Вокруг клубился желтый туман.

— Начальник отправился спать. Он хочет, чтобы я поговорил с Любителем Опиума, — сообщил посыльный.

— Я проведу вас к надзирателю.

— Спасибо. Извините, если я тогда у ворот вел себя излишне назойливо, просто лорду Палмерстону очень трудно угодить. Но я вам этого не говорил. Знаете, порой, когда ему не нравится ответ, который я приношу, он во всем винит меня, а не отправителя.

— Наш начальник ничуть не лучше.

Они шли по мощеной дорожке, и шаги гулко отдавались в тумане. Вскоре стала видна лампа над входом в мрачное здание.

Охранник отпер дверь.

— Что там за шум у реки?

— Народ волнуется.

— Что такое?

— Убийца прикончил сегодня вечером еще одиннадцать человек, в том числе констебля и врача.

— Врача? Констебля? Тогда никто не может чувствовать себя в безопасности.

— Люди считают, это дело рук матроса.

— Но разве убийца не Любитель Опиума?

— Похоже, что нет. Толпа хватает всех матросов без разбору.

— Господь помилуй нас.

«И тебя пусть тоже помилует, — подумал убийца, — если ты не поймешь сейчас моего намека».

— Куда идти дальше, я знаю. Надзиратель находится прямо за дверью. Вам лучше вернуться к воротам на случай, если толпа вдруг двинется в этом направлении.

— Вы уверены, что найдете дорогу обратно?

— Когда буду возвращаться, просто пойду этим же путем.

Охранник заколебался. Посыльный уже приготовился убить его.

— Поспешите-ка к воротам. Похоже, толпа совсем близко. Могут быть неприятности.

Охранник повернулся и исчез в тумане.

Когда его торопливые шаги стихли вдали, посыльный открыл дверь и проник в здание.

Внутри в желтом сиянии газовых ламп виднелись зарешеченные двери, ведущие в радиально расходящиеся коридоры. Также видны были четыре помещения, расположенные между коридорами.

Двери были открыты. В первой комнате на столе распластался надзиратель. Во второй в подобной же позе застыл охранник. В третьей за столом сидел, опустив голову на руки, крупный мужчина в штатском, а рядом на кровати спала дочь Любителя Опиума.

Четвертое помещение пустовало. Согласно четко продуманному расписанию, на ночном дежурстве более никого не требовалось.

Перед каждым из находящихся без сознания людей стояла миска. Хотя пища для персонала была лучшего качества, чем та, что подавалась заключенным, готовили ее в той же тюремной кухне. В этот вечер ужин, который принесли всем находящимся в тюрьме — как охранникам, так и узникам, — был отравлен кухонным работником, который тем самым оказал большую услугу посыльному.

Он немного удивился, увидев здесь дочь Де Квинси и ее сопровождающего, но планов убийцы это не меняло.

Он снял с пояса одурманенного надзирателя кольцо с ключами, отпер дверь в средний коридор и пошел мимо погруженных в тишину камер. Вскоре он нашел дверь, номер над которой означал, в соответствии с записью в журнале начальника тюрьмы, что здесь содержится Любитель Опиума.

Посыльный отпер дверь и потянул на себя. Тень его легла на пол тесной камеры.

В свете газовой лампы камера казалась необитаемой.

Посыльный нахмурился. Неужели он ошибся, когда изучал регистрационный журнал? Возможно, неправильно запомнил номер, указанный рядом с фамилией Любителя Опиума? Но нет — он никогда не допускал ошибок. Больше похоже на то, что ошибся начальник тюрьмы, когда вносил в журнал очередную запись.

По-прежнему не заходя в камеру, посыльный взгляделся в дальний правый угол помещения. Никого. Вгляделся в дальний левый угол. Там тоже никто не скрывался.

Он медленно зашел в темную камеру. У противоположной стены находилась сложенная подвесная койка. Тонкий матрас и одеяло стояли вертикально внутри и поджидали очередного постояльца. Посыльный переключил внимание на стол. Стул стоял чуть наискосок, словно кто-то его отодвинул, чтобы укрыться под столом. Приготовившись завершить свою миссию, посыльный резко сдвинул стул в сторону и нырнул под стол.

Его руки ухватили воздух.

На столе не было миски — одна только Библия.

«Чертов толстяк записал не тот номер, — выругался про себя посыльный. — Теперь придется осматривать все эти проклятые камеры!»

Он вышел обратно в коридор и закрыл дверь, чтобы она не загоразивала обзор. Наугад решил проверить камеру по правую руку. Отпер замок и шагнул в вонючую каморку — здесь пахло фекалиями, которые плавали в ведре, служащем в качестве ночного горшка. Пустая миска на столе указывала на то, что заключенный целиком съел отравленный ужин. На койке лежал и похрапывал грузный мужчина — слишком грузный, чтобы быть Любителем Опиума.

«Дьявольщина!» — снова не сдержал эмоций посыльный.

Он осмотрел следующую камеру и следующую за ней. Любителя Опиума в них не оказалось.

«Сколько у меня еще осталось времени? Когда охранник, что провел меня сюда, решит отправиться на поиски? Я не могу проверить все камеры во всех пяти коридорах! На это уйдет несколько часов!»

Де Квинси дождался, когда неизвестный выйдет и закроет дверь, и облегченно вздохнул. Спрятался он в единственно возможном месте.

За некоторое время до того он в безысходном отчаянии спрятал миску с несъеденным картофелем и бульоном в ведро, служившее здесь туалетом, и отодвинул стул из-за стола, создавая впечатление, что именно под столом он и укрылся.

Услышав звук шагов в дальнем конце коридора, Де Квинси убрал с койки одеяло и матрас и, подгоняемый страхом, снял с крюка один конец койки, потянул на себя и закрепил его вместе с противоположным концом. Таким образом, спальное место оказалось сложено у стены точно так же, как было сложено, когда он появился в камере. В пожарном порядке он поставил матрас вертикально внутри сложенной койки, а скатанное одеяло поместил сверху — опять же в точности как все находилось, когда камера еще пустовала.

Шаги в коридоре приближались. Охваченный страхом Де Квинси отчаянным усилием просочился за вертикально стоящий матрас и скрючился между ним и стенкой. Щуплое тело практически сливалось с тенями, так что заметить от входа его было невозможно.

Камера приобрела такой вид, будто она пуста.

По крайней мере, Де Квинси молился, чтобы у того, кто войдет, создалось именно такое впечатление.

Он старался дышать как можно тише, пока неизвестный осматривал камеру и залезал под стол. Заметив отсутствие миски с едой, незнакомец пришел к выводу, что в камере действительно никого нет. Судя по дальнейшим звукам, он закрыл дверь и вскоре открыл соседнюю, потом пошел дальше по коридору, проверяя одну камеру за другой и даже не пытаясь скрыть свое присутствие.

Де Квинси ничего не понимал. Почему непрошенный посетитель не боится разбудить заключенных, вторгаясь в камеры? Неужели они тут настолько приучены ни с кем не разговаривать, что не осмеливаются кричать, даже если кто-то врывается к ним посреди ночи? Неужели возможно, чтобы содержащихся здесь людей запугали до такой степени?

Или есть другое объяснение? Может быть, заключенных...

Мрачное подозрение усилилось.

Если их отравили?

Де Квинси подумал о миске с картофелем, которую он спрятал в ведре для нечистот.

Тем временем неизвестный в ярости переходил от одной двери к другой и ничуть не заботился о том, что его могут услышать.

Затаившись в углу позади сложенной койки, Де Квинси, по мере того как удалялись шаги, позволил себе дышать более глубоко.

Внезапно в коридоре воцарилась полная тишина.

Де Квинси напряженно прислушался. Было абсолютно тихо.

Дверь резко распахнулась.

В камере появился разъяренный незнакомец.

— А я и не сразу сообразил, что здесь не так. Почему замок был заперт? Ведь никто не станет этого делать, если в камере не содержится заключенный.

Убийца прикрыл дверь, отрезав единственный путь к отступлению.

— Он предупреждал меня, что ты маленький хитрожопый мерзавец.

«Он?»

Де Квинси испуганно вздрогнул, когда неизвестный кинулся к сложенной койке, рывком отбросил в сторону матрас и нырнул в угол. Он схватил маленького человечка за шиворот (тот только ойкнул), оторвал от пола и ударил о стену.

У Де Квинси перехватило дыхание.

Но людям несвойственно умирать без сопротивления. Они пытаются убежать, лягаются, кусаются. И Де Квинси не собирался сдаваться. Его подняли в воздух, словно котенка, его прижали к стене, но ноги-то оставались свободны.

Он принялся молотить ботинками по коленкам своего верзилы-мучителя. По правой, по левой. Правая, левая. Несмотря на возраст, Де Квинси мог похвастать сильными ногами — не зря же он проходил в год по несколько тысяч миль. Он яростно лягался и наконец изловчился попасть противнику в пах.

Зарывав от боли, посыльный-убийца с силой впечатал жертву в стену. От удара головой о камень из глаз Де Квинси полетели искры. Сознание на миг помутилось, и он испугался, что сейчас вовсе лишится чувств.

Все же он ухитрился изогнуть шею и впиться зубами в правую руку убийцы, которая удерживала его в подвешенном состоянии и сжимала горло. Он кусал и кусал, и вот уже кровь противника хлынула в рот. Он замотал головой из стороны в сторону и вонзил зубы еще глубже, вырывая из руки посыльного куски плоти. Алая кровь текла с губ Де Квинси.

Убийца швырнул его на пол. Де Квинси на мгновение оглушило, ему показалось, будто камера завертелась вокруг. Но яростное желание жить оказалось сильнее физической боли. Когда убийца потянулся к нему, Де Квинси проворно откатился в сторону. Камера была тесноватой даже для него, а уж такому крупному мужчине, как посыльный, здесь и вовсе негде было развернуться. Как ни пытался он ухватить свою, казалось бы, обреченную жертву, ему это не удавалось. Де Квинси извивался на полу, точно уж, и не давался в руки убийце. Он наткнулся спиной на ведро для нечистот, ухватился за ручку и с силой ударил нападавшего по лицу.

Потом замахнулся еще раз, но противник перехватил руку и отшвырнул ведро в сторону. По-прежнему лежа на спине, маленький писатель продолжал отбиваться от здоровяка-убийцы. Вот он оказался рядом со стулом, попытался воспользоваться им в качестве щита, но нет — убийца вырвал стул из его руки и отбросил в угол.

Де Квинси отчаянно пинал противника по коленям, икрам, но тот только пришел в еще большую ярость, схватил писателя за ноги и потащил к дальней стене.

— Я не могу повесить тебя, чтобы ты умер так же, как Джон Уильямс. Здесь нет грубы под потолком. Но могу сделать вот что.

Одной огромной ручищей он прижал жертву к полу, а другой вытащил из сложенной койки одеяло.

Де Квинси отчаянно извивался и лягался, но добился только того, что убийца надавил ему коленом на грудь, так что стало почти невозможно дышать. Он открыл рот, надеясь глотнуть побольше воздуха.

И поперхнулся, когда убийца засунул ему в рот угол одеяла.

Он в ужасе замахал руками, пытаясь освободиться, оттолкнуть убийцу и выплюнуть проклятое одеяло. Но посыльный только сильнее надавил коленом. Стремясь вдохнуть, Де Квинси инстинктивно открыл

шире рот и едва не задохнулся, когда одеяло еще глубже проникло в глотку.

Убийца пропихивал его все дальше и дальше.

Во рту пересохло. Вся слюна впиталась в пыльное, сухое одеяло. Легкие сводило судорогой. Ко рту подступала горькая желчь, но вставленный глубоко в горло кляп не давал ей подняться, и желчь текла в легкие.

Сердце так бешено колотилось в груди, что Де Квинси всерьез опасался, как бы оно не разорвалось. Он изо всех сил сражался за свою жизнь, но силы эти быстро иссякали. Руки стали слабеть. Перед глазами плясали огненные круги, он уже плохо видел, что происходит вокруг. А убийца пропихнул еще больший кусок одеяла в рот и дальше в горло.

Де Квинси вдруг как бы отключился от происходящего, сознание помутилось. Ощущения очень напоминали те, что приходили после употребления опиума. Когда он был ребенком, его постоянно преследовал один и тот же кошмар: за ним гнался огромный лев. Он был настолько напуган видом хищного зверя, что не мог пошевелиться. Его одолевало искушение просто лечь перед хищником и надеяться, что тот при виде такой покорности пощадит его.

И сейчас, когда сознание уже начинало покидать его, а каждый вдох давался все с большими усилиями, Де Квинси подумал, как было бы легко взять и просто покориться хищнику.

Спокойно сдаться.

«Нет!»

Переполненный яростью, он сунул руку в карман пальто и крепко схватился за ложку — бесценный подарок Эмили.

Зажав ее в кулаке, Де Квинси собрал последние силы и нанес удар. В него он вложил всю свою ненависть.

Что-то звучно лопнуло. Теплая, густая жидкость устремилась по руке, и внезапно Де Квинси осознал, что острый конец ложки вонзился точно в левый глаз противника.

Убийца задрожал и дико заорал.

Де Квинси призвал на помощь все мужество и вдавил черенок ложки еще глубже в изуродованную глазницу.

Посыльный взвыл и поднял руки к лицу.

Де Квинси оттолкнул его и услышал, как голова убийцы с грохотом врезалась в деревянный ящик с песком.

Затем он начал вытаскивать изо рта кляп. Он тянул и тянул, тянул и тянул. Господи, как же можно было засунуть такую большую часть одеяла в горло? Он дернул последний раз, и все — удушье ему больше не угрожало. Де Квинси жадно глотнул воздуха, но желудок продолжало сводить судорогой, а желчь поднялась в глотку и жгла горечью.

Он покрутил головой, и его вырвало.

Убийца уже немного очухался и полз к нему. Де Квинси ударил его ногой и еще глубже вогнал ложку в глазницу.

Обезумевший от ужаса, он перекатился на бок, ударился о стену камеры и, опираясь на нее, неуверенно встал на ноги. Убийца ухватил его за лодыжку. Де Квинси вырвался и шатающейся походкой направился к выходу. Позади убийца пытался подняться с пола.

Де Квинси рывком раскрыл дверь и на мгновение ослеп — таким ярким после темноты камеры показался приглушенный свет газовых ламп. Сзади доносились проклятия и приближающиеся шаги. Борясь с тошнотой, он вывалился в коридор и захлопнул дверь, ударив преследователя по лицу. Взялся одной рукой за стену и поковылял по коридору.

Дверь с треском распахнулась.

Де Квинси заставил себя двигаться быстрее в направлении спасительного выхода.

Такой же неуверенной походкой за ним тащился одноглазый посыльный.

Еще немного прибавить! Еще...

Стальные пальцы ухватили его за плечо.

Констебль Беккер сидел сгорбившись за столом в комнате для отдыха охраны. Последнее, что он помнил, это как Эмили пожаловалась на сонливость и отложила нож, который он предложил девушке, чтобы справиться с картофелем.

— У вас был долгий напряженный день, — сказал ей констебль. — Я перейду в соседнюю комнату, а вы здесь поспите.

Но когда Эмили устроилась на лежанке, на Беккера тоже навалилась дремота. Он отложил недоеденную картофелину и

попытался встать из-за стола, но ноги категорически не хотели слушаться, а глаза норовили закрыться сами собой.

Понемногу Беккер начал осознавать, что голова его покоится на столе. У него возникло смутное ощущение, что прошло довольно много времени. Он собрался с силами, открыл глаза и увидел — пока еще неотчетливо — прямо перед собой свою правую руку. В ней он сжимал картофелину, которую так и не успел доесть.

Послышался металлический лязг — как будто бросили на пол ведро. Деревянный предмет ударился о стену. Возможно, стул. Но все это происходило далеко и казалось сном.

Громкий вопль практически привел Беккера в чувство, и он открыл глаза. Кричали тоже далеко, но это явно было наяву.

Борясь с тошнотой, констебль приподнял голову. Рядом на койке лежала Эмили.

Снаружи гулким эхом доносились звуки яростной схватки. Вот хлопнула дверь. Кто-то шел по коридору неуверенными шагами. Снова — еще громче — хлопнула дверь. Второй человек, спотыкаясь, побрел следом за первым.

Беккер оперся руками на стол и с трудом поднялся. Он не понимал, почему на шум не отзывается надзиратель. И где, интересно, находится охранник, который наблюдает в ночное время за тюремными коридорами?

Недалеко раздался крик боли, и констебль схватил со стола нож. Кружилась голова, но он выбрался из комнаты и повернул в направлении среднего коридора.

Представшая его глазам картина заставила Беккера замереть в растерянности. Он увидел Де Квинси, каким-то образом покинувшего камеру. Огромного роста мужчина с залитым кровью лицом, притиснув тщедушного Любителя Опиума к стене, сжимал его горло.

— Эй! — с трудом крикнул Беккер.

Гигант продолжал душить Де Квинси. Разница в росте и телосложении между ними была такая, что казалось, будто взрослый держит ребенка.

— Прекратите! — уже громче приказал Беккер.

Дверь в коридор была открыта настежь. Констебль, чувствуя, как силы возвращаются к нему, вышел из комнаты. Шок от увиденного

быстро очистил сознание, голова сделалась ясной. Он побежал по коридору и с силой ударил неизвестного по голове рукояткой ножа.

Такой удар должен был бы гарантированно вырубить душителя, но тот только повернул к Беккеру искаженное яростью лицо, и констебль с ужасом увидел, что из левой глазницы торчит какой-то предмет. «Господи всемогущий, — подумал Беккер, — да это, похоже, чайная ложка!» Лицо гиганта было залито кровью.

Он выпустил Де Квинси из железных объятий, и маленький человечек кулем повалился на пол. Сверкая единственным оставшимся глазом, гигант сунул руку под пальто. В следующее мгновение он сделал выпад в направлении Беккера. В руке что-то блеснуло, и констебль быстро отскочил — очень вовремя, потому что противник тоже вытащил нож. Острое лезвие вспороло пальто констебля и оцарапало грудь. Он отступил еще на шаг, не сводя глаз с руки гиганта. Тот бешено вращал ножом, так что казалось, будто раскручивается стальное колесо. Движения его были слишком быстрыми, чтобы Беккер мог что-то противопоставить. Все, что оставалось констеблю, это пятиться по коридору от смертоносного лезвия, которое продолжало кромсать на куски пальто, но, к счастью, чуть-чуть не доставало до плоти.

Вдруг, совершая очередной выпад, гигант запнулся, дернулся в попытке сохранить равновесие, но все же упал. Беккер увидел, что Де Квинси удалось ухватить нападавшего за ногу и уронить его.

Гигант рухнул лицом на пол, вскрикнул, затрясся всем телом и неожиданно затих.

Беккер помотал головой, пытаясь сообразить, что произошло. Де Квинси сидел и ловил ртом воздух. На горле краснели следы, оставленные пальцами душителя.

Соблюдая осторожность, констебль перевернул тело гиганта на спину и увидел, что ложка почти целиком исчезла в глазнице. Очевидно, она пронзила мозг. Одного взгляда на лицо мужчины было достаточно, чтобы понять: он мертв.

— Не могу... дышать, — прохрипел Де Квинси.

Беккер поспешил к нему. Лицо и одежда маленького писателя были забрызганы кровью, но, насколько мог судить констебль, чужой.

— Дышите неглубоко, — подсказал Беккер. — Горло распухло, но ничего не сломано. Иначе вы бы не смогли говорить.

Де Квинси кивнул.

— Дышите неглубоко, — повторил констебль, — пусть горло расслабится. Скоро вы сможете дышать нормально.

— Это было...

— Не надо разговаривать.

— ...на самом деле?

Беккер не понял.

— Это было на самом деле? — Похоже, что Де Квинси больше опасался за свой рассудок, чем за жизнь. — Все происходило в действительности? Это не из-за лауданума?

— Все происходило на самом деле, — заверил его Беккер.

— Отец!

Беккер обернулся и увидел Эмили. Девушка стояла, вцепившись в решетку в начале коридора.

Констебль бросился к ней.

В это же время из своей комнаты, потирая затылок, выбрался надзиратель.

— Я думаю, нас всех отравили, — сказал им Беккер.

Снаружи послышался топот. Распахнулась дверь, и в помещение ворвался в сопровождении двух охранников инспектор Райан.

На нем снова было привычное мешковатое пальто, рыжие волосы прикрывала любимая кепка. Райан ошарашенно уставился на изрезанное в клочья пальто Беккера и только потом заметил лежащее в коридоре тело.

— Это убийца, — объявил констебль.

— Действительно, всех отравили, — подтвердил надзиратель. — И заключенных, и сотрудников — всех, кто находился в здании.

— Пицца? — предположил Райан.

— Да. Но пицца, которую ели охранники снаружи, была нормальной. Отрава оказалась только здесь, — объяснил надзиратель. — Готовят у нас штатские. Кого-то из них, должно быть, подкупили.

— По словам охранника, этот человек заявил, будто у него при себе послание от лорда Палмерстона, — сказал инспектор. — Отличный предлог, чтобы проникнуть в тюрьму. Мы нашли в кабинете начальника записку. В ней была всего одна строчка: «Обращайтесь с

Любителем Опиума как можно жестче». Вряд ли начальник успел прочесть ее перед тем, как его зарезали.

— А потом убийца проник в здание, убедился, что все мы находимся в отключке, нашел ключи и направился к камере мистера Де Квинси, — подхватил Беккер. Он пил кофе, чтобы очистить мозг от последствий отравления. — Я обыскал тело, но не обнаружил ничего, что могло бы указать на его личность.

— Послание от лорда Палмерстона, — задумчиво проговорил Райан. — Я знаком с несколькими людьми из окружения лорда Палмерстона, но этого человека никогда не встречал. Возможно, художнику из газеты удастся нарисовать похожий портрет и кто-нибудь сможет его опознать.

Все собрались в той комнате, где Беккера и Эмили сморил наркотический сон. Девушка теперь сидела на койке рядом с отцом. На лице Де Квинси остались следы крови убийцы.

— Да, что касается ложки... — На удивление, в этот раз надзиратель обратился непосредственно к Де Квинси. — Откуда у вас взялась ложка?

Маленький человечек, похоже, не услышал вопроса. Он сидел и весь дрожал — сказывались последствия яростной схватки за жизнь.

И еще он страдал от длительного воздержания.

— Эмили, ты наполнила мою фляжку?

— Отец, у меня не было возможности. Я не уходила из тюрьмы.

Де Квинси задрожал еще сильнее.

— Расскажите, откуда у вас ложка, — настаивал надзиратель.

— Это я дала отцу, — сообщила Эмили.

Тюремщик разинул от изумления рот.

— Инспектор Райан, — хриплым голосом спросил Де Квинси, — кто знал, что меня помещают в эту тюрьму?

— Для начала все газетчики, которые видели, как мы привезли вас сюда. Лорд Палмерстон постарался, чтобы вести об этом распространились повсюду. К сегодняшнему вечеру все вокруг знали, что Любитель Опиума находится в «Колдбате». Лорд Палмерстон хотел, чтобы вас считали главным подозреваемым и чтобы народ знал: вы сидите под замком.

— Чтобы люди почувствовали себя в безопасности.

После всего произошедшего Де Квинси казался еще меньше ростом. Его буквально трясло.

— Верно.

— Но произошло новое убийство, — предположил Де Квинси.

— Потому я и примчался сюда, — кивнул Райан. — Произошло целых два убийства. Восемь человек убито в таверне и еще трое — в доме врача.

— Плюс начальник тюрьмы. И я не мог совершить ни одно из этих убийств, так как находился в камере под замком. Поэтому нет никаких причин и дальше содержать меня здесь.

— Но лорд Палмерстон не давал на это указаний, — возразил надзиратель.

— Ну, я думаю, у него сейчас множество других забот, — заметил Де Квинси. — Например, те уличные волнения, о которых рассказал инспектор Райан. Тем не менее нет ни одной причины, чтобы удерживать меня в тюрьме, зато есть все резоны отпустить на свободу.

— Какие еще?

— Я должен изучить места преступлений.

Эмили удивленно вскинула голову.

— Отец, о чем ты?

— Инспектор Райан, отвезите меня в таверну. Необходимо выяснить, что еще убийца, сам того не желая, сообщил нам о себе. Пока не случилось худшего.

— Но сейчас-то уже не о чем беспокоиться, — заявил Беккер. — Убийца лежит мертвый в коридоре. Все кончено.

— В коридоре лежит убийца. Это так. Но он был не один.

— Но почему, черт побери, вы так думаете? — воскликнул Райан.

— Когда он ворвался в камеру, он сказал несколько слов. Довольно грубых, и я не хотел бы их повторять.

— Ну, если ты так говоришь, значит слова были действительно грубые, — заметила Эмили. — Однако уходить я не собираюсь.

— Хорошо. Он назвал меня маленьким хитрожопым мерзавцем.

— Кое-кто мог бы с этим согласиться, — подал голос надзиратель.

— Точнее, его слова звучали так: «Он предупреждал меня, что ты маленький хитрожопый мерзавец».

— Он? — переспросил Райан.

— Кто-то дал этому человеку определенные инструкции. Теперь, когда тот, другой, кем бы он ни был, повторил убийства восьмьсот одиннадцатого года, он запросто может создать свой собственный шедевр.

Глава 11

МРАЧНЫЕ НАМЕКИ

Туман был еще более густым, чем накануне. Частички копоти в огромном количестве кружились в воздухе и прилипали к одежде и коже. Инспектору с трудом удалось найти крытый экипаж, и сейчас констебль вез Райана, Беккера, Де Квинси и Эмили к таверне, где произошло убийство. Ехать в экипаже с парусиновыми стенками и крышей было, конечно, комфортно, но Райан предпочел бы видеть клубящийся вокруг туман и иметь возможность следить за двигающимися в нем тенями, чтобы успеть вовремя среагировать на возможную угрозу.

В свете неяркой лампы под крышей инспектор видел, что Де Квинси по-прежнему бьет дрожь. Маленький писатель смыл наконец кровь человека, который его чуть не убил, и лицо его было совершенно белым.

— Как вы себя чувствуете? — спросил инспектор.

— Спасибо, все в порядке. Мне уже доводилось испытывать подобное.

— На вас когда-то нападали? Вам уже приходилось сражаться за свою жизнь?

— Скажите, это произошло на самом деле? — снова спросил Беккера Де Квинси.

— Это было на самом деле.

— Я все смогу перенести, если у меня будет лекарство, — сказал Де Квинси и обхватил себя за плечи.

— Почему вы так упорно называете эту гадость лекарством? — поинтересовался Беккер.

— Без лауданума я бы не смог переносить лицевые боли и проблемы с желудком.

— Будет хуже, чем сейчас?

— Иногда мне удается уменьшить дозу, и в конце концов я даже полностью от него отказываюсь. — Голос Де Квинси дрогнул. — Но боли усиливаются. Ощущения такие, будто стая крыс терзает мой

желудок. И в итоге я не могу сопротивляться необходимости принять дозу.

— А не могут боли быть вызваны привычкой организма к наркотику? — спросил Райан. — Возможно, если бы вы приучились обходиться без него, и боли отступили бы.

— Как бы я хотел, чтобы все было так просто.

На Беккера кто-то навалился, и он увидел, что Эмили, все еще не пришедшая в себя после отравления, заснула, положив голову ему на плечо. Ни ее отец, ни инспектор, казалось, не находили в этом ничего из ряда вон выходящего, так что констебль старался сидеть неподвижно, чтобы девушке было удобно.

— В лаудануме нуждается скорее разум, чем тело, — продолжил Де Квинси. Разговор, казалось, отвлекал его от навязчивых мыслей о наркотике. — В нашем сознании есть двери.

— Двери? — озадаченно спросил Райан.

— Я открываю их и обнаруживаю мысли и чувства, которые меня контролируют, но о существовании которых я не знаю. К несчастью, процесс самопознания может обернуться кошмаром. Много ночей подряд мне снится кучер, превращающийся в крокодила.

— Мысли, которые контролируют вас, но о которых вы не знаете? Крокодил? — Райан помотал головой. — А мне уже показалось, что я могу уследить за ходом ваших рассуждений.

— Мой друг Кольридж тоже был известным любителем опиума.

— Я об этом слышал, но, признаюсь, не читал его произведений, — сказал Райан.

Де Квинси начал нараспев декламировать стихотворение. Беккер забеспокоился, а не потерял ли маленький человечек рассудок. Строки, которые он произносил, отчетливо пахивали безумием.

И тень чертогов наслажденья
Плыла по глади влажных сфер,
И стройный гул вставал от пенья,
И странно слитен был размер
В напеве влаги и пещер.
Какое странное виденье —
Дворец любви и наслажденья

Меж вечных льдов и влажных сфер. [\[15\]](#)

— Это Кольридж. Из поэмы «Кубла Хан», — пояснил Де Квинси.

— Очень яркие рифмы.

— Безусловно, — согласился Де Квинси и, дрожа, еще крепче обхватил себя за плечи.

— Но размер какой-то детский.

— И это верно. Кольридж использует детские рифмы и размер, чтобы создать впечатление, будто вы находитесь под воздействием опиума. На самом деле это он был под воздействием опиума, когда писал свои произведения. Хотя наркотик и помогал ему творить великолепную поэзию, он же разрушал его здоровье. Он изо всех сил пытался избавиться от этой привычки, но не так-то легко отказаться от райского наслаждения.

Снаружи послышались крики, и коляска резко остановилась. Пассажиры повалились друг на друга, и Эмили проснулась.

— Что за шум? — пробормотала она.

— Инспектор, вам лучше выйти! — крикнул кучер.

Беккер и Райан выпрыгнули на мостовую, и их немедленно обступили люди, точно призраки, выступившие из тумана.

В тусклом свете газового фонаря было видно, что люди вооружены саблями, ножами, ружьями и дубинками.

— Чего вам здесь надо? — спросил один из толпы.

— Я мог бы спросить вас о том же, — ответил Райан.

— Мы-то знаем, кто мы такие, а вот вы чужаки.

— Мы полицейские.

— Как по мне, вы больше похожи на бродяг. — От говорившего сильно разило джином. — У этого типа рядом с тобой вместо пальто вообще лохмотья.

Замечание относилось к Беккеру, чья верхняя одежда действительно серьезно пострадала в схватке с неизвестным убийцей.

— И в крови! — завопил другой.

Гигант в тюрьме один раз слегка задел ножом грудь, и на ткани остались засохшие следы.

— Эй, да на нем до сих пор кровь тех несчастных!

— Кровь — моя собственная, — заверил толпу Беккер. — Я констебль, но сейчас не при исполнении. Это инспектор Райан. Если вас смущает отсутствие полицейской формы, посмотрите на нашего кучера.

— Да, на кучере надета форма, но и убивец был в форме полицейского, когда погубил пятнадцать невинных душ в таверне. Люди сначала думали, что он матрос, но оказалось, он — полицейский. Одет был сержантом.

— В таверне было убито не пятнадцать человек, а восемь, — поправил Райан.

— И шестеро в доме лекаря!

— Трое, — уточнил Беккер.

— Эй, откуда вы можете быть так уверены, если сами там не были, а? Подумаешь, блин, форма! Убийца ведь переоделся полицейским, так как мы можем доверять чужакам в полицейской форме?

— Гляньте, ребята! У этого типа из-под кепки торчат рыжие волосы!

— Ирландец!

— Стойте! Я покажу вам свой значок!

Райан полез в карман пальто.

— Щас он достанет нож!

— Хватай его!

Толпа набросилась на полицейских и прижала к экипажу. Беккер чувствительно приложился головой, так что даже зубы щелкнули, да вдобавок получил дубинкой по плечу.

Райан зарычал.

Вдруг неподалеку раздался женский крик.

Мужчина, налетевший на Райана, обернулся и взгляделся в туман.

— Кто это?

— Спасите! — раздался еще более громкий вопль.

— Где это кричат?

— Вон там!

— Помогите! Он на меня напал!

Беккер изумленно уставился на появившуюся из тумана женщину. Она шла спотыкаясь. Шляпка болталась на шее, пальто нараспашку, платье у воротника порвано.

Это была Эмили Де Квинси.

— Он схватил меня! Попытался...

— Где?

— Вон в том переулке! Полицейский! Порвал на мне платье и пытался...

— Вперед, ребята! Не дадим мерзавцу уйти!

Толпа позабыла о Райане и Беккере и спустя мгновение растаяла в тумане в том направлении, куда указала Эмили.

— Быстрее, — сказал девушке Беккер и помог забраться в коляску.

Оказавшись внутри, констебль услышал, как Райан вскочил на козлы и скомандовал кучеру:

— Гони отсюда!

Коляска загромычала по булыжной мостовой. Эмили заколола булавкой разорванное платье и запахнула пальто.

— Хорошая работа, — похвалил ее Беккер.

— Это все, что я могла придумать, — ответила запыхавшаяся девушка и надела шляпку.

— А если бы этот план не сработал, у нас был и другой, — сообщил Де Квинси.

С этими словами он снял с крюка лампу и сделал вид, будто собирается выбросить ее из коляски.

— Думаю, грохота и пламени было бы достаточно, чтобы отвлечь внимание толпы и дать вам возможность скрыться в тумане.

— Но как же вы сами? Ведь эти безумцы набросились бы на вас.

— Маленький пожилой человек и девушка? — Де Квинси пожал плечами. — Мы бы заявили, что вы нас арестовали. Даже эти пьяные невежи никогда бы не подумали, что мы можем представлять опасность.

— И это было бы ошибкой, — покачал головой Беккер и с восхищением посмотрел на отца и дочь. — Вы двое — одни из самых опасных людей, каких я встречал.

Возле таверны собралась и бурлила толпа горожан. Райан велел кучеру остановиться чуть поодаль. Когда Беккер, Де Квинси и Эмили выбрались из экипажа, он попросил двух полицейских проводить их через толпу.

Однако озлобленные люди проявили мало уважения даже к людям в форме и взирали на направляющуюся в таверну компанию с плохо скрываемой враждебностью.

— Прелестно, — пробормотал Де Квинси.

— О чем это вы? — спросил Райан.

— Сначала убийца заморочил людям головы и заставил бросаться на всех подряд матросов, а теперь они поверили, что в убийствах повинен полицейский. Любой полицейский. Толпа никому не верит и подозревает каждого. Великолепно!

— Простите, но я не разделяю вашего энтузиазма.

Наконец они добрались до входа в таверну, около которого дежурили двое взволнованных полицейских.

— Как хорошо, что вы приехали, инспектор.

— Да, похоже, помощь вам будет не лишней.

— Нас действительно слишком мало, — сказал второй констебль.

Райан повернулся к Эмили.

— Внутри лежат восемь трупов. Оставить вас здесь с этим сбродом я не могу. Так что мне с вами делать?

— Я не буду смотреть. Констебль Беккер может посадить меня где-нибудь в углу, откуда тела не будут видны.

— Но там запах.

— Если вы его стерпите, то и я стерплю.

— Беседа у нас тоже будет малоприятная.

— Менее приятная, чем все то, что я уже слышала? Такое трудно представить.

— Беккер...

— Я позабочусь о ней.

И они вошли в таверну.

Там действительно пахло. Кровью и начавшей разлагаться плотью.

Беккер проводил Эмили к столику в правой части зала, а Райан тем временем жестом предложил Де Квинси высказать свои суждения.

Но Де Квинси, казалось, не замечал следов ужасной резни. Обходя лужи крови, он направился вглубь зала и остановился возле прохода за стойку. Его не заинтересовало даже тело хозяина, который будто уснул прямо на рабочем месте. Все внимание Де Квинси было сосредоточено на полках, висящих на стене позади стойки.

— Должно быть где-то здесь. Я знаю.

Он внимательно осмотрел ряды бутылок с джином и вином. Заглянул за поднос с чистыми стаканами. Наклонился и обследовал бочонки с пивом.

— Должно быть. Должно быть...

Отчаяние заставляло Де Квинси двигаться все быстрее и быстрее. Его невысокая фигура так и сновала позади стойки — над ней виднелись только плечи и голова. Лишь изредка он посматривал вниз, чтобы не наступить на разлитую по полу кровь.

— Во имя всего святого, где же... Вот!

Подобно хищному зверю, атакующему жертву, Де Квинси метнулся к полке у дальнего конца стойки, нагнулся и на мгновение исчез из поля зрения Райана. Потом выпрямился, держа в руках графин, наполненный жидкостью рубинового цвета. Схватил бокал для вина и налил до краев. Дрожащими руками поднес бокал ко рту, страшась, что может пролить хотя бы каплю, и сделал большой глоток.

Потом еще один.

И еще.

Райан был шокирован увиденным. Посторонний наблюдатель мог бы подумать, что Де Квинси пьет вино, но инспектор не сомневался: в графине находился лауданум. Один его глоток привел бы большинство людей в бессознательное состояние. Два глотка убили бы. Но Де Квинси сделал три больших глотка, а сейчас четвертым прикончил бокал!

И застыл, будто парализованный, за стойкой. Бесмысленный взгляд был направлен в сторону от трупов, скорчившихся за столиками, на камин у дальней стенки, в котором едва тлели куски угля.

Но Де Квинси, похоже, не видел камина. Его ярко-синие глаза, казалось, уставились на что-то находящееся значительно дальше. Они были совершенно пусты.

Несколько секунд ничего не происходило.

— Отец? — позвала Эмили. Она сидела в углу в передней части зала спиной к нему и не могла видеть, что происходит. — Ты давно уже молчишь. С тобой все в порядке?

— Я отлично себя чувствую, Эмили.

— Отец...

— Это правда. Я в полном порядке.

Но, несмотря на уверенный тон, Де Квинси продолжал пристально смотреть куда-то вдаль, за пределы таверны.

Внезапно взгляд его сфокусировался. С глаз спала пелена. Лицо потеряло мертвенно-бледный оттенок. На лбу заблестели капельки пота.

Он перестал дрожать.

И нормально задышал.

— Инспектор Райан, не думаю, чтобы вы читали Иммануила Канта.

Утверждение прозвучало настолько неожиданно, настолько не к месту, что Райан не сразу нашелся что ответить.

— Вы правы.

Гордость не позволила инспектору добавить, что он никогда и не слышал о таком.

Де Квинси сделал глубокий вдох и медленно отвел взгляд от камина.

Потом поставил на стойку пустой бокал и оглядел помещение, как будто только сейчас понял, где очутился.

— Да, это понятно. Кант работал в Германии, и в Лондоне найти его труды непросто. Мне довелось перевести несколько его сочинений, и я вам их пришлю. Можно, я дотронусь до трупов?

И как это часто случалось с сентенциями Де Квинси, последняя его просьба прозвучала совершенно естественно.

— Если считаете это необходимым.

— Считаю.

Де Квинси шагнул к навалившемуся на стойку хозяину таверны.

— Если бы не кровь, можно было бы подумать, что он слишком долго работал без отдыха или же чрезмерно употребил джина и заснул.

— Да, такое впечатление и создается, — согласился Райан.

— До тех пор, пока я не попытаюсь приподнять его.

Де Квинси взял обеими руками голову мертвеца и приподнял. Шея была так глубоко перерезана чудовищным орудием преступления, лежавшим здесь же, на стойке, что виднелась гортань. Заскрипела кость.

— О...

— Да уж, — кивнул Райан. — Именно что «о...».

Де Квинси еще откинул голову назад и внимательно исследовал передник, прикрывавший грудь до самой шеи. Некогда белый, сейчас он был весь заляпан кровью.

— Узор очень впечатляет. Если бы существовал такой способ создавать картины, нанося случайным образом на холст краску (или, в нашем случае, кровь), это был бы великолепный экземпляр.

— Вы сошли с ума, — с отвращением произнес Райан.

Но Де Квинси его, похоже, не услышал.

— Крюк ломика, который лежит на стойке, выпачкан в крови. Подобный предмет был использован во втором убийстве на Рэтклифф-хайвей. Сорок три года назад преступник оставил орудие убийства так же, как сделал это сейчас.

— Да, вы упоминаете об этом в своем эссе. Получается, снова убийца использует вашу книгу как руководство к действию.

— Эмили, наш разговор тебя не огорчает?

— Я бы предпочла сейчас находиться в нашем доме в Эдинбурге, — ответила девушка, по-прежнему сидя спиной к отцу, и гулкое эхо прокатилось по таверне.

— И я тоже, дорогая. Я не могу дождаться, когда вернусь домой и снова буду скрываться от сборщиков налогов. Они теперь уже не кажутся вселенским злом. Может быть, если смочить платок в вине и дышать через него, запах станет не таким сильным?

— Да что угодно, лишь бы помогло.

Де Квинси достал из кармана носовой платок, нашел открытую бутылку вина, смочил вином ткань и протянул Райану.

— Я отнесу, — вмешался Беккер.

Он взял платок и передал Эмили.

Продолжая глядеть в угол, девушка поднесла платок к лицу и сказала приглушенным голосом:

— Благодарю вас.

— Вернемся к Канту, — предложил Де Квинси.

— Ей-богу, — вздохнул Райан, — неужели у нас нет более важных тем для обсуждения?

— Этот философ поднял вопрос о том, существует ли объективная реальность, или же все это просто проекция нашего сознания.

— Я совершенно не понимаю, о чем вы говорите.

— Поймете.

Де Квинси вышел из-за стойки и внимательно осмотрел тела двух посетителей, которые будто бы заснули перед своими стаканами.

Потом он повернулся к столику возле камина, за которым в сходных позах застыли еще трое мужчин, а также официантка. Рядом с ними на столе стояло блюдо с хлебом и сыром, запятнанными кровью. Де Квинси точно так же приподнял голову официантки и изучил ее прежде сиявший белизной передник. И наконец подошел к последней жертве, констеблю, который лежал на столике у окна, сжимая в руке чайную чашку.

— Великолепно. Уставшие за день люди зашли вечером в таверну. От вина и тепла они так разомлели, что уснули прямо за столами. Кровь, конечно, вносит определенный диссонанс, но искусство все построено на контрастах. А еще один диссонирующий элемент обнаружился, когда я поднял их головы. Забудьте об аккуратных разрезах, сделанных бритвой. Теперь это уже больше похоже на расчлененку. За мирным фасадом скрывается удивительная жестокость. Изящное искусство!

Райан пробурчал себе под нос что-то неприличное и прибавил уже громче:

— Вы так и не сказали ничего, что помогло бы мне поймать ненормального, учинившего эту бойню.

— Вы думаете, инспектор Райан, это дело рук ненормального?

— Определенно! Денег он не взял. Жестокость просто неопишуемая.

— Мой брат Уильям был таким неуправляемым, что родители отправили его жить и учиться в частную школу.

— Не вижу, как это относится к нашему делу. Кажется, лауданум помутил вам разум.

— После скоропостижной смерти отца моя матушка вернула Уильяма домой в Манчестер в надежде, что он исправился. Но надежды ее не оправдались. Уильям был неугомонным хулиганом, он постоянно выдумывал всяческие дурацкие забавы, в которых всем остальным приходилось принимать участие. Он читал нам совершенно бессмысленные лекции, которым мы должны были с почтением внимать. Он заставлял нас играть в такие игры, где тем или иным способом проявлял жестокость в отношении нас. Он выдумывал сказочные страны, которыми мы с ним правили, эти страны

враждовали между собой, и в конце концов он всегда завоевывал мою страну и уничтожал ее. Он издевался над кошками: привязывал к ним простыни и скидывал с крыши; хотел проверить, может ли сделать парашют. В то время я жил в непрерывном страхе.

— Но какое это имеет отношение...

— В конце концов своим жестоким поведением он довел нашу матушку, и она снова отправила его из дома. Редко в своей жизни я испытывал большее чувство свободы, чем тогда, когда брата посадили в карету и увезли прочь. Я часто задумывался, какие жуткие преступления он мог бы совершить, если бы не умер в шестнадцатилетнем возрасте.

Де Квинси отвернулся от трупов и посмотрел в лицо Райану.

— Буквально сразу же после того, как Уильяма отправили в Лондон, произошел один странный случай. У закрытых ворот нашего имения появилась собака. Потом она побежала вдоль границы имения. Меня заинтересовал необычный облик животного, и я последовал за ней. По границе протекал ручей, и это было большой удачей: собака не смогла бы на меня наброситься. Я внимательно посмотрел в ее глаза и обнаружил, что они затянуты поволокой, словно собака спит, но в то же время в них блестела влага. Вокруг рта скопилось большое количество белой пены.

— Собака была бешеная, — заключил Райан.

— Точно. Только присущая взбесившимся животным водобоязнь удерживала ее от того, чтобы броситься на меня. По дороге пробежали несколько мужчин; они гнались за собакой. Животное оторвалось от них, но вскоре мужчины вернулись и рассказали, что догнали собаку и убили. Позднее я узнал, что она покусала в деревне двух лошадей, одна из которых заразилась бешенством. Скажите, инспектор, вы верите, что эти убийства совершил сумасшедший, взбесившийся гомо сапиенс, не могущий устоять перед неконтролируемыми и непреодолимыми побуждениями?

— А как иначе можно объяснить эту невероятную жестокость?

— Если убийца не контролировал свои порывы, как вы объясняете то, что он так тщательно расположил тела жертв? Субботним вечером он умышленно спрятал трупы за прилавком и за дверью, чтобы оказавшегося на месте преступления ожидали одно за другим шокирующие открытия. В данном случае он придерживался другой

методы: разместил трупы таким образом, что они казались спящими людьми и в таких позах на расстоянии невозможно было разглядеть чудовищные раны на горле, нанесенные крюком ломика. Зато каждого, кто подошел бы ближе, ожидал большой и неприятный сюрприз. И даже несмотря на то, что возле таверны у уличного фонаря дежурил полицейский, убийца, рискуя быть схваченным, все же потратил время, чтобы создать произведение искусства. Люди, не контролирующие свои поступки, так себя не ведут.

— Как ни странно, я понимаю вашу логику.

— Иммануил Кант задался вопросом: существует ли объективная реальность, или же все вокруг является просто проекцией нашего сознания?

— Теперь опять не понимаю.

— Инспектор Райан, когда вы смотрите на звезды, где они находятся по отношению к вам?

— Простите?

— Скажем, они над вами?

— Конечно.

— Но Земля имеет форму шара, так ведь? Лондон находится не на Северном полюсе, а примерно на одной третьей расстояния по меридиану от полюса. Мы стоим, некоторым образом, наклонившись. Только сила притяжения удерживает нас и не позволяет сорваться и улететь в космос.

У Райана, похоже, начался очередной приступ головной боли.

— Да, Земля имеет форму шара, так что вполне логично, что мы стоим внаклонку. Но нам всегда кажется, будто мы находимся на самой верхней части.

— Инспектор, полагаю, сам Кант не смог бы выразиться красноречивее. В самом деле, нам кажется, что мы находимся на вершине, хотя в действительности — на одной из сторон. Мы ведем себя и совершаем поступки, исходя из предположения, что контролируем наше видение реальности, но реальность ведь может быть самой разной. Скажите-ка, а что будет, если вы вдруг окажетесь на противоположной стороне земного шара и взглянете на звезды?

— В этом случае... — Райан явно чувствовал себя неудобно, — если верить вашим рассуждениям, я буду висеть, удерживаемый за ноги вниз головой, и смотреть... — инспектор поперхнулся, — вниз.

— И под вами будет простираться это громадное пространство, уходящее в бесконечность.

— У меня от одних этих мыслей голова закружилась.

— Вот так же бывает, когда сталкиваешься с подлинной реальностью. Мы видим в убийствах чудовищную жестокость и немедленно поддаемся искушению среагировать привычным образом: подобное мог сотворить только сумасшедший. Человек, который не в силах контролировать себя и сдерживать убийственные побуждения. Но то, что мы видим собственными глазами, не вяжется с этим предположением. В таверне находится восемь человек, и убийца отправляет их всех на тот свет, не давая возможности ни одному, включая полицейского, оказать сопротивление.

Де Квинси кивнул в сторону бойни.

— Констебль сидел ближе всех к двери, поэтому убийце первым делом необходимо было расправиться с ним. Потом на очереди были трое за столом у камина, затем официантка, два клиента за барной стойкой и, наконец, последним — хозяин таверны.

Писатель прошел по заведению и сделал вид, будто наносит удар поочередно каждой жертве.

— Сколько времени у меня на это ушло, инспектор?

— Секунд десять.

— Но на самом деле убийца должен был проделать все намного быстрее. В противном случае хоть одна из жертв да позвала бы на помощь. Этим людей убили стремительно и без малейших колебаний. С большим мастерством и аккуратностью. А достигнуть этого возможно лишь одним способом — практикой. Это отнюдь не первый случай, когда наш убийца совершал кровавое преступление.

— То есть вы хотите сказать, что он убивал и до субботнего вечера?

— Чтобы так четко все исполнить, он действительно должен был убивать прежде много раз.

— Невозможно. Я бы об этом слышал. Даже если убийства и происходили вдали от Лондона, новости о подобных злодеяниях распространились бы всюду.

— А новости и распространялись. Вы каждый день читаете в газетах об этих смертях, вот только о них не упоминают как о преступлениях.

— Беккер, а вы-то понимаете хоть что-нибудь? — спросил констебля Райан. — Что это за многочисленные убийства, которые не называются преступлениями?

— Убийства даже не называют убийствами, — туманно пояснил Де Квинси.

— Ну же, Беккер? — взмолился Райан.

— Я подозреваю, к чему он клонит.

— Ну?

— Я не хочу развивать его мысль. Это просто невысказано.

— Вот это я и стремлюсь доказать, — сказал Де Квинси. — То, что невысказано, не может относиться к нашей действительности. Поэтому, инспектор, ваши представления о том, что возможно и что нет, не позволяют вам увидеть истинное положение вещей.

— Помните следы от обуви во дворике за лавкой? — прервал его Беккер и повернулся к Райану. — Ботинки не были подбиты гвоздями, и это навело нас на мысль, что убийца — человек образованный и со средствами. Не из простого люда. О том же говорит и дорогая бритва.

— Я высказал это предположение лорду Палмерстону, и он категорически его отверг, — подчеркнул инспектор. — Он сказал, что человек образованный и богатый просто не способен на такие зверства.

— Лорд Палмерстон, конечно же, неправ, — заявил Де Квинси. — Подобное происходит ежедневно.

— Мне об этом неизвестно, — возразил Райан. — Банкиры, владельцы компаний и члены парламента не ходят по улицам и не проламывают людям головы, не перерезают им глотки.

— Но в метафорическом смысле они, возможно, это и делают.

— Что?

— Не обращайтесь внимания. Я согласен с вами в том, что эти убийства совершил не банкир, не владелец какой-нибудь компании и не член парламента. Но представьте себе ситуацию, в которой убийства не называют убийствами.

— Вероятно, если бы я тоже глотнул лауданума, я бы вас понял.

— Наш убийца в совершенстве владеет своим ремеслом. Он убивал множество раз. Он с успехом меняет обличья. Он без помех смог общаться с малайцем, который доставил мне загадочное

послание. Перечисленные факты значительно сужают круг подозреваемых.

— Малаец? Вы намекаете на то, что убийца бывал на Востоке и говорит на тамошних языках? — спросил Райан.

— Именно.

— Опыт в использовании маскировки наводит на мысль о человеке с богатым криминальным прошлым.

— Или о человеке, который хочет слиться с представителями преступного мира, а потом их уничтожить. Вот вы, например, тоже маскируетесь, — Де Квинси кивнул на простецкую, невыразительную одежду инспектора, — чтобы смешаться с низшими слоями населения.

— Мне нужно искать полицейского детектива, который работал на Востоке? — спросил окончательно сбитый с толку Райан.

— Не детектива. Кто еще на Востоке олицетворяет собой правопорядок? Скажем, в Индии, где служители многих культов являются мастерами переодевания.

Райан ничего не соображал. Но вдруг все кусочки мозаики встали на места, и глаза его озарились пониманием.

— Военный.

— Да. Военный. Человек, обученный убивать без колебаний. Человек, у которого за плечами большой опыт в своем ремесле на Востоке, где он научился местным языкам. Но когда он убивал там, его деяния не называли убийством. Они носили название «геройских поступков». И он был не простым военным. Человек, которого мы ищем, должен был использовать для выполнения своих обязанностей маскировку.

— Военный, — еле дыша, проговорил Райан. — У меня действительно такое ощущение, будто я вишу вниз головой на противоположной стороне земного шара.

Глава 12

ОБУЧЕНИЕ «ХУДОЖНИКА»

«Художник смерти» закрыл дверь спальни и положил на пол скомканные газеты. Если вдруг кому-то удастся проникнуть в комнату, незваный гость обязательно заденет газеты, они зашуршат и «художник» проснется. Он скатится с койки и одновременно выхватит кинжал из закрепленных на кисти ножен.

Койка была точь-в-точь такая же, на какой он спал в Индии. Подвергнув себя ежевечернему наказанию, он сейчас лежал и надеялся, что уж этой ночью привычные кошмары не станут его преследовать. Хотя в комнате имелся очаг, он никогда его не растапливал — проникающий в помещение ночной холод он рассматривал как еще одно наказание. Точно так же он никогда не открывал окна душными летними ночами, не позволяя ветерку принести хоть немного прохлады.

В горах в Индии было чертовски холодно, мороз пронизывал до костей. В то же время на равнинах стояла невероятная удушающая жара.

Двадцать лет холода и жары.

И смерти.

И Британской Ост-Индской компании.

— Вот уже двести лет, как она здесь, — говорил сержант прибывшему в 1830 году в Калькутту подразделению, в котором оказался и юный тогда «художник смерти». — Люди из компании утверждают, что зарабатывают на поставке в Англию чая, шелка и специй. И еще — азотнокислого калия, который является основным компонентом селитры. Без селитры нет империи! Ты! — крикнул сержант одному из новобранцев. — Для чего она используется?

— Моя мама применяла ее при консервировании, господин сержант.

— Идиот! Консервы не сделают империю великой! Селитра плюс сера плюс древесный уголь дают — что?

— Черный порох, господин сержант, — гаркнул «художник», стоя навтытяжку под палящим солнцем.

Ему было восемнадцать. В армии он находился с того дня, когда двенадцатилетним долговязым подростком заявился в лондонский вербовочный центр и солгал, что ему четырнадцать. В этом возрасте юношей уже принимали на службу — не в регулярные войска, конечно же, — и он был сначала курьером, а потом стал помогать в госпитале. Ему больше нравилась служба в госпитале. Поднося бинты санитарам или вынося горшки, он имел возможность наблюдать за страданиями раненых солдат. В семнадцать лет он официально был принят на службу в регулярные части, но каждодневная рутина, все эти маршировки и работы по обеспечению содержания армии казались скучными после того наслаждения, которое он испытывал, наблюдая за агонией и смертью в госпитале. Поскольку минимальный срок службы составлял двадцать один год, покинуть армию возможно было, только дезертировав. Но, учитывая, что полиция и так разыскивала его, «художник» справедливо полагал лишним, если его начнут искать еще и военные. Когда появились известия о том, что регулярные войска направляют в Индию, он сделал вид, что наравне с другими разделяет опасения по поводу ожидающей их там тропической лихорадки и кровожадного местного населения, хотя на самом деле открывающиеся перспективы безмерно его радовали.

— Черный порох. Да. Очень хорошо, парень.

Сержант одобрительно посмотрел на «художника». Его худое, загорелое до черноты лицо наводило на мысль, что сержант провел в Индии всю жизнь. Цинизм, которым было пропитано его короткое выступление перед новобранцами, свидетельствовал о том, что он произносил эту речь столько раз, что уже сбился со счета.

— Черный порох, — с выражением повторил сержант. — Империя не сможет успешно вести военные действия, не имея селитры для приготовления пороха, верно? А в Индии имеются самые большие запасы селитры на планете.

Солнце палило настолько яростно, что «художник», стоявший навтыжку вместе с другими новобранцами, даже перестал потеть. Окружающий мир потускнел. Перед глазами замелькали черные точки.

— Но селитра, чай, шелк и специи — все это мелочи. Не за этим, парни, мы находимся здесь и помогаем Британской Ост-Индской компании делать дела. Настоящая причина — вот эта маленькая красота.

Сержант продемонстрировал бледную луковицу какого-то растения.

— Это коробочка опийного мака.

Он взял нож и надрезал коробочку.

— А эта сочащаяся из него белая жидкость называется «опиум». Высыхая, он приобретает коричневый цвет. Когда он затвердевает, его можно курить, есть, пить или вдыхать. Вы это делаете и представляете, будто находитесь на небесах. Не сомневаюсь, что наступит день и какой-нибудь умник придумает, как вводить эту гадость прямиком в вену. Но если вам дорога ваша жизнь, никогда — я повторяю: никогда! — не пробуйте этой дряни. Не потому, что она может вас убить, если принять слишком большую дозу, а большая доза — это совсем немного. Нет, просто если я засеку, что вы употребляете эту хрень, то я вас убью, а не она. Я не могу рассчитывать на солдат, чей разум витает в облаках. Местные нас ненавидят. Если им представится такая возможность, они выступят против нас. Когда начнется стрельба, я хочу быть уверен, что люди, вместе с которыми я сражаюсь, сосредоточены на своих непосредственных обязанностях, а не мечтают черт-те о чем. Я достаточно ясно выразился? Ты! Повтори, что я сейчас сказал!

Сержант с вызовом обратился к «художнику», который изо всех сил боролся с мелькающими перед глазами точками.

— Господин сержант, вы сказали не употреблять опиум! Никогда!

— Ты далеко пойдешь, парень. Запомните все: никогда! Да, конечно, вас будет преследовать искушение самим проверить, правду ли об этом говорят! Вы захотите полетать в облаках! Сопровитесь искушению, потому что — клянусь! — перед тем как прикончить вас за употребление опиума, я переломаю вам все кости! Итак, я ясно выразился? Все мне сейчас ответили! Не позволяйте этому дьяволу искушать себя!

— Так точно, господин сержант.

— Громче!

— Так точно, господин сержант!

— Я ВАС НЕ СЛЫШУ!

— ТАК ТОЧНО, ГОСПОДИН СЕРЖАНТ!

— Хорошо. Чтобы вы получили представление, в какие отвратительные глубины может завести употребление опиума, я хочу,

чтобы каждый прочитал вот эту мерзопакость. Я сейчас держу в руках поганую книжонку «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум». Ее написал один урод по имени Томас Де Квинси. Те из вас, кто не обучен грамоте, будут слушать своего товарища, читающего громко вслух. Ты! — Сержант снова обратился к «художнику». — Умеешь читать?

— Так точно, господин сержант!

— Тогда проследи, чтобы все остальные узнали, что содержится в этом смердящем куске дерьма.

— Так точно, господин сержант!

Сержант бросил маковую коробочку и тщательно раздавил ее ботинком, смешивая белую жидкость с грязью.

— А теперь расскажу всем вам, как именно работает Британская Ост-Индская компания и почему вы рискуете за них своими жизнями. У компании есть море опиума, выращенного здесь, в Индии, но большую прибыль она имеет от продаж китайского чая. Так в каком из вариантов для компании больше смысла? Продавать дешевый опиум на родине и потом на вырученные деньги закупать в Китае чай по высоким ценам? Или разумнее избавиться от лишних трудностей и большинство опиума не возить далеко, а обменивать китайцам на чай? Отвечай!

Сержант вновь задал вопрос «художнику», который продолжал бороться с дурнотой.

— Обменивать опиум на китайский чай, господин сержант! — ответил тот.

— Ты и в самом деле подаешь большие надежды, парень. Все верно. Британская Ост-Индская компания поставляет в Китай опиум в обмен на чай. Есть только одна небольшая проблема. Так получилось, что опиум в Китае находится под запретом. Китайскому императору вовсе не хочется, чтобы миллионы его подданных превратились в зависящих от опиума уродов. Представляете, какой смельчак этот император, что отваживается противостоять Британской Ост-Индской компании и, в конечном счете, Британской империи. Кстати говоря, объяснял я вам, что очень трудно провести грань между нашим правительством и Британской Ост-Индской компанией?

— Никак нет, господин сержант! — с готовностью отозвался «художник». — Но мы желали бы узнать!

— Парень, ты через пару недель станешь капралом. А теперь — общее внимание! Все войны, которые ведет империя, стоят денег, и мы должны поблагодарить Британскую Ост-Индскую компанию за то, что она дает нам такую возможность. На одну только Семилетнюю войну она выделила британскому правительству несколько миллионов фунтов. Щедрый дар, как вы считаете? Ну а взамен наше правительство предоставило Британской Ост-Индской компании исключительное право на торговлю с Индией и Китаем. И вовсе не случайно председателем правления компании является министр иностранных дел правительства ее величества. В результате таких тесных связей выходит, что, когда вы защищаете интересы Британской Ост-Индской компании, вы стоите на страже интересов британского правительства. Пусть это соображение будет у вас на первом месте, и вы никогда не усомнитесь, зачем мы здесь находимся.

Один из новобранцев от духоты потерял сознание и упал. Двое других наклонились, чтобы помочь ему.

— Я разве разрешал вам двигаться? — рявкнул сержант. — Оставьте его! Оба простоите по стойке «смирно» еще час, после того как все остальные разойдутся.

Сержант прошелся вдоль шеренги новобранцев, пристально вглядываясь в каждого. Позади него два слона переносили при помощи хоботов бревна на строительную площадку. «Художник» испугался. Ему казалось, что он сходит с ума.

Сержант снова остановился перед ним.

— Если опиум в Китае запрещен, но Британская Ост-Индская компания хочет поставлять его в обмен на китайский чай, как можно осуществить такую операцию?

Сражаясь с дурнотой, «художник» как следует обдумал ответ и сказал:

— Если ввозить опиум в Китай контрабандой, господин сержант!

— Я сию же минуту произвожу тебя в капралы. Проследи, чтобы те двое, что нарушили строй, отбыли свое наказание. Да, опиум тайком провозят на территорию Китая. Для этого есть два пути: на кораблях в Гонконг или караванами через горы в Северной Индии. Когда вы, парни, не будете уверены в лояльности туземцев, вам придется охранять погрузку опиума на суда или в фургоны. Здесь вас ждет

непростая жизнь, поэтому не давайте слабины, как случилось с тем тьюфяком.

Сержант ткнул пальцем в сторону неподвижно лежащего на земле новобранца.

— Помер?

— Думаю, да, господин сержант, — ответили из строя.

— Что ж, то, что нас не убивает, делает нас сильнее.

Бесчисленные брикеты опиума цвета кофе ожидали погрузки на корабли, которые доставят их в Китай или родную Англию. Там опиум смешают со спиртом, и получится настойка, известная как лауданум. На всех складах стоял несильный, но резкий запах гашеной извести. Последняя входила в состав водного раствора, в котором первоначально варили опиумную пасту.

«Художник» быстро сделался привычным к этому запаху, поскольку первой его обязанностью на службе в Индии стала охрана складов. Каждую ночь он и другие караульные патрулировали дорожки между зданиями. Местные насекомые доставляли много хлопот, но художник не обращал внимания на их укусы и был полностью сосредоточен на окружающем мраке. Он хорошо понимал: насекомые — даже если и занесут какую-нибудь инфекцию — ничто в сравнении с гневом сержанта в случае, если кто-то проберется в склады и украдет хоть немного опиума.

Внезапно он услышал тихий скрежет и остановился.

Из здания склада выбежал человек. «Художник» вскинул ружье.

— Стоять!

Неизвестный нырнул за ящики.

«Художник» подошел ближе и прицелился.

— Назови себя!

— Знакомый голос. Это вы, капрал? — прошептали из-за ящиков.

— Выходи оттуда!

— Слава богу! Мы уж думали, это сержант. Говорите потише.

Из-за ящиков показались трое. Все они были рядовыми из числа тех, с кем художник приплыл в Индию.

— Мы как раз сперли брикетик, — ухмыляясь, сказал один из них. — Прикинули, что неплохо бы курнуть перед сном. Чертова жара. Да еще эти проклятые насекомые. Не хотите?

— Верните опиум на склад.

— Хотите все забрать себе, да? Ну ладно. Вот он, держите. Мы уходим. Представьте, что никогда нас и не видели.

— Я сказал: «Верните опиум на склад».

— И чего потом?

«Художник» не ответил.

— Вы же не собираетесь нас сдать, а?

Он продолжал держать троицу на прицеле.

— Мать его! Эта сволочь хочет заложить нас!

Когда они набросились, «художник» уложил первого выстрелом в грудь. Повернул ружье и проткнул второго штыком.

Третий солдат налетел на него, толкнул на ящики и замахнулся ножом. «Художнику» удалось увернуться от удара, он схватил нападавшего за руку, согнул ее и удерживал, пока тот не выронил оружие. Потом сильно ударил локтем в горло и услышал, как там что-то хрустнуло.

Держась за горло и хватая ртом воздух, солдат стал оседать на землю.

Вокруг раздались голоса и топот ног. «Художника» окружила целая толпа.

— О боже! — воскликнул один из солдат, осветив фонарем распростертые тела.

— Кто стрелял? — громко спросил сержант и протиснулся к месту происшествия. — Что тут произошло?

— Я застал их за кражей опиума со склада, — объяснил «художник». — Вот он, этот брикет.

— И поэтому ты убил их? — Сержант не смог скрыть удивление.

— Так вы приказывали.

— Да, я так приказывал.

— Кроме того, они пытались меня убить.

— Трое, — произнес кто-то из задних рядов. — Он убил троих.

— И не просто троих, но своих. — Сержант внимательно посмотрел на художника. — Туземца прикончить легко, но чтобы своих? Трех человек! Ты уже убивал раньше?

— Нет, — солгал он.

— Другой на твоём месте мог бы и заколебаться.

— Господин сержант, у меня не было времени на раздумья.

— Иногда лучше не думать. Хорошо. Я хочу, чтобы ты кое с кем поговорил.

— Забудь о моем звании, и не надо обращаться ко мне «сэр», — сказал майор. — Расскажи о своем отце.

— Я его не знал. Моя мать не была замужем. Когда мне было четыре года, она встретила отставного солдата и стала жить с ним.

— Где он служил?

— С Веллингтоном при Ватерлоо.

— Ты жил с человеком, который помогал творить историю.

— Он никогда об этом не рассказывал. На ноге у него был большой шрам, но о нем он тоже ничего не говорил. Иногда по ночам он просыпался от кошмаров.

— Мой отец тоже сражался в битве при Ватерлоо, — сообщил майор. — И его мучили кошмары. Я спрашиваю, потому что порой это передается по наследству.

— Передается? Что?

— Способность глядеть опасности в лицо и не уклоняться от нее. Но поскольку ты не знал отца, мы не имеем возможности сказать, что именно ты мог от него унаследовать. Боязнь быть убитым или же убить самому способна парализовать людей. Только двадцать процентов наших солдат могут побороть эти страхи. Остальные восемьдесят служат прикрытием для настоящих воинов. Похоже на то, что тыходишь в число двадцати процентов.

— Я всего лишь оборонялся.

— Против тебя было трое обученных солдат, но ты не уклонился перед лицом опасности.

Позади палатки майора инструктор показывал десятерым солдатам, как правильно завязывать узел на веревке, чтобы получилась годная для дела гаррота. Инструктор объяснял, что это оружие (любимое, кстати, у тугов, служителей богини Кали) не просто душил жертву, но еще и ломает ей трахею.

«Художник» с интересом прислушивался.

— Я сейчас набираю людей в отряд для выполнения специальных поручений. Ты кажешься грамотнее своих товарищей. Где ты учился?

— В Лондоне я каждое воскресенье ходил в церковь, и учитель давал мне булочку, если я прилежно учился читать библейские тексты.

— В Библии сказано: «Не убий».

— В Ветхом Завете этого нет.

Майор хмыкнул.

— Почему ты стал солдатом?

— Младенцем мать носила меня на спине, пока подбирала на берегу Темзы куски угля. До девяти лет я работал подручным мусорщика, собирал золу. После этого ходил по улицам, находил лошадиный навоз, складывал его в ведра и продавал людям, которые производили удобрения. В одиннадцать лет я помогал чистить туалеты.

— Да, занятия довольно однообразные.

— Почистив год сортиры, я решил, что армия вряд ли будет намного хуже, так что когда мне исполнилось двенадцать, я соврал, будто мне уже четырнадцать, и записался добровольцем.

Майор довольно улыбнулся.

— Предприимчивый молодой человек. А твоя мать и ее сожитель одобрили твоё решение?

— Они погибли при пожаре задолго до того, как я начал собирать навоз.

— Мне жаль, что у тебя была такая трудная жизнь. Но ты никогда не задумывался, что, возможно, был предназначен для армии?

Тяготы выживания на улицах Лондона в своё время казались «художнику» наихудшим, что может выпасть на долю человека, однако они не шли ни в какое сравнение с тем, что ему довелось перенести в ходе боевой подготовки. Пришлось мобилизовать все силы, чтобы противостоять усталости, жаре, голоду, жажде и вечному недосыпу. Самое странное, что он ощущал удовлетворение. Он с гордостью открывал в себе скрытые резервы силы и решительности, о которых раньше даже не помышлял. Научился не обращать внимания на боль и игнорировать страх смерти. Он вообще позабыл, что такое страх, даже когда клялся, что враги будут умирать от страха при встрече с ним.

Он превратился в одного из тех настоящих воинов, о которых говорил майор.

Он теперь лучше питался.

Обитал в более или менее приличном жилье.

Его стали уважать.

И он полюбил новую жизнь.

— Ваша задача заключается в том, чтобы охранять караваны с опиумом, — говорил майор бойцам элитного подразделения. — Расстояние по суше от Индии до Китая меньше, чем по морю. Теоретически короткий путь должен быть более быстрым, но в данном случае приходится преодолевать горы. — Майор ткнул указкой в висящую на стене карту. — А в этих горах бандиты атакуют наши караваны и похищают наш опиум. Мы посылаем вместе с грузами тяжеловооруженную кавалерию, но и это не помогает. Караваны продолжают пропадать. Украдены уже тонны опиума.

Майор уставился в глаза «художнику».

— Мы считаем, что эти налетчики — туги. Повтори, что ты узнал на занятиях о тугах.

— Господин майор, это секта преступников, поклоняющихся Кали, индийской богине смерти, — без колебаний ответил «художник». — Иногда ее называют Разрушительницей, поэтому и изображают с большим количеством рук. Туги занимаются тем, что грабят путников. Обычно своих жертв они душат.

«Художник» сохранил невозмутимость, хотя и порадовался про себя тому, что его похвалили.

— Британская Ост-Индская компания ставит перед вами задачу остановить их. Нет, не просто остановить. Они должны понять неотвратимость наказания за то, что осмелились бросить вызов нашей империи.

Караван сопровождали сорок местных. Они управляли волами, которые тащили за собой двадцать фургонов. Они занимались козами, которые давали молоко и мясо. Все это были проверенные наемные работники Британской Ост-Индской компании.

День за днем «художник» и двое членов его отряда шагали за фургонами и наблюдали за поведением туземцев. Когда же вечерело, они скрывались в темноте и следили за лагерем, выискивая признаки возможной угрозы.

Караван также сопровождала конница в количестве сорока всадников, часть которых регулярно отправлялась вперед по дороге в поисках засады. Расстояние между деревнями увеличивалось. По мере того как они поднимались выше, деревья уступали место разнотравью

и голой земле, усеянной камнями. Дышать и животным, и людям становилось тяжелее. С далеких гор вниз устремлялись многочисленные потоки, вода в которых была такой ледяной, что у «художника» ныли зубы.

— До перевала осталось три дня пути, — сообщил проводник-туземец.

— Там может быть снег?

— В это время года — нет. Но все возможно.

Действительно, возможно было все. Два отправленных вперед разведчика примчались галопом, сильно взволнованные. Караван как раз поднялся на плато. В воздух взметнулись многочисленные вороны и стервятники, и все увидели останки каравана, вышедшего в путь двумя неделями ранее. Тот караван тоже сопровождали люди из отряда «художника».

Повсюду валялись кости, разбросанные голодными хищниками. Кости принадлежали только людям. От волов, лошадей и коз не осталось и следа; так же как пропали и фургоны с драгоценным грузом. Тела были разорваны в клочья, ни на одном из скелетов не оказалось даже фрагментов одежды.

Кое-где остались небольшие участки смердящей плоти, но ее было явно недостаточно, чтобы определить характер повреждений, приведших к гибели людей. На костях «художник» и его люди не обнаружили следов от огнестрельного или холодного оружия. А ведь если нападавшие использовали подобное оружие, хоть на одной из косточек, да сыскались бы характерные повреждения. Отсюда «художник» сделал вывод: все вышедшие с караваном восемьдесят три человека — кавалеристы, туземцы и трое его собственных великолепно подготовленных людей — были задушены.

— Не понимаю, как такое возможно, — поделился он с командиром кавалерийского отряда. — Пусть туземцы не в силах были защитить себя, но наша конница вполне боеспособна, к тому же у них имелись ружья и сабли. А мои люди вообще были готовы к любым ситуациям. И тем не менее всех их здесь положили.

Зловоние разлагающихся тел было достаточно сильным, поэтому люди работали споро. Завязав нижнюю часть лица носовыми платками, они собрали все кости в одну большую кучу и засыпали ее камнями. Обычно англичан не хоронили вместе с туземцами, но в

данном случае, когда не было возможности отличить кости индусов от костей доблестных королевских кавалеристов, решено было сложить все останки вместе, чтобы не сомневаться: подданные ее величества погребены достойно, по-христиански. Над огромной братской могилой прочли подобающие случаю молитвы. Так как волы, лошади и козы беспокойно реагировали на запах смерти и разложения, их вместе с фургонами отвели на милю вперед и там, возле горного потока, разбили лагерь в форме круга.

Ночное небо усыпали яркие звезды. При таком естественном освещении фургоны были хорошо видны издалека, поэтому не имело смысла скрываться и в лагере разожгли костры для приготовления пищи.

Командир кавалерийского отряда назначил караульных. Когда туземцы вместе с солдатами приготовили ужин, «художник» и его люди решили, что в царящей кругом суматохе за ними вряд ли кто уследит. Они отползли подальше от лагеря и заняли собственные наблюдательные посты по разным сторонам света: на северо-востоке, северо-западе и юге. Они набрали полные карманы бисквитов и взяли по фляжке с водой из горного ручья.

Вдалеке от костров ночной холод пронизывал насквозь. «Художник» лежал среди камней и усилием воли заставлял себя не дрожать.

«Я все смогу вынести, — повторял он про себя, вспоминая слова сержанта. — То, что меня не убивает, делает сильнее».

Костры горели недолго. Все их топливо состояло из травы, экскрементов животных, небольшого количества кустарника и веток единственного в округе, давно засохшего дерева.

«Художник» внимательно осматривал окрестности.

Вот тень проскользнула между фургонов, — должно быть, караульный возвращался с поста, а сменщик уже занял его место. Еще одна тень, — вероятно, туземец зашел за фургон облегчить мочевого пузыря.

Лагерь погрузился в сон.

Вдруг от группы фургонов отделилась темная фигура. Пригибаясь к земле, человек двигался в направлении убежища «художника».

Он вытащил кинжал, и в ту же секунду луна отбросила тень. Кто-то стоял прямо за ним.

«Художник» откатился в сторону за мгновение до того, как неизвестный набросился на него. Лунного света было достаточно, чтобы разглядеть, что нападавший держит в руках веревку с узлом и пытается набросить петлю на горло «художника». «Художник» заколол убийцу и зажал рот, чтобы приглушить предсмертные стоны. Потом вскочил и вовремя встретил второго противника. Воспользовавшись тем, что тот не ожидал нападения, «художник» вонзил кинжал ему под ребра, а второй рукой прикрыл рот, не давая вскрикнуть.

Он не позволил себе предаться эйфории даже на секунду. Сейчас он представлял собой клубок натянутых нервов и напряженных мышц — хищный зверь, готовый схватиться с врагом. В лагере происходило что-то ужасное, и «художник» испытывал еще более ужасное чувство, что он не в силах ничего сделать.

Он медленно пополз в сторону лагеря, но внезапно остановился, сообразив: как он разглядел приближающегося к нему человека, так и враги могут его заметить. Тот, первый, лишь отвлекал внимание, в то время как настоящий убийца подкрадывался со спины.

«Может, позади есть и другие?»

Он вжался в землю и попытался определить, с какой стороны может исходить наибольшая угроза. Озадаченный, он услышал, как три раза звякнул колокольчик на шее вола. А вскоре увиделдвигающиеся между фургонами неясные силуэты. Люди нагибались и что-то собирали. Желудок «художника» сжался, когда до него дошло, чем они занимаются, — срывают одежду с трупов. Добычу грабители складывали в фургоны, туда же отправлялись предметы кухонной утвари и любая другая мелочь, которой можно было поживиться. Они запрягали волов. Сгоняли вместе коз. Привязывали лошадей к задкам фургонов.

Сомнений не оставалось — все в лагере были мертвы.

И еще в одном «художник» не сомневался. Захватившие караван неизвестные, кем бы они ни были, очень скоро захотят выяснить, почему двое из их числа, посланные прикончить его скромную персону, не вернулись.

Он пополз прочь от лагеря, озираясь по сторонам в поисках возможной угрозы. А те двое, из его команды, которые тоже занимали наблюдательные посты по периметру лагеря, — остались ли они

живы? Наконец «художник» решил, что удалился на достаточное расстояние, и двинулся по кругу, намереваясь отыскать своих людей.

Вскоре он снова увидел неясные тени — двое стаскивали одежду с неподвижного тела, которое могло принадлежать только одному из его товарищей.

Чувство верности боролось в нем со здравым смыслом. Пока что он насчитал по меньшей мере двадцать врагов. Художник знал наверняка, что один член его маленькой команды погиб. Каковы шансы на то, что другой выжил? И если выжил, то что станет делать в сложившейся ситуации? Караван уже не спасти. Теперь их задача заключалась в том, чтобы понять, каким образом противнику удалось захватить такой большой отряд врасплох, и доставить эти сведения своим, постараться избежать подобной беды со следующим караваном, который пройдет здесь через две недели.

«Художник» знал, что его товарищ не станет безрассудно кидаться в бой. Если ему удалось остаться в живых, он отступит и затаится — как сейчас планировал поступить и сам «художник».

Их учили полагаться только на самих себя. Они переживут эту ночь и возьмут верх над врагом в следующий раз.

Затаиться? Но где? Вокруг простирались пустоши, единственное разнообразие вносили камни да стремительный горный поток. На захваченных лошадях налетчики легко смогут прочесать окружающую местность на многие мили во всех направлениях.

«Художник» сделал большой крюк и, пригибаясь как можно ниже, двинулся назад тем же маршрутом, каким караван прибыл на свою последнюю стоянку. Он не знал, способны ли враги читать следы, но, чтобы избежать лишнего риска, решил пройти по тому пути, на котором животные и фургоны помяли траву и перепахали землю.

Восточные холмы осветились розовым сиянием — скоро должно взойти солнце. Как бы ни старался он спрятаться, на голой равнине его скоро обнаружат, а всадники нагонят в два счета. Нужно срочно искать укрытие.

Внезапно «художник» понял, что находится возле кургана, в котором захоронены останки людей из предыдущего каравана. Небо становилось все светлее. Он бросился к куче камней, вынул несколько, прорыл туннель среди костей, заполз в него, вернул камни на место и

сложил кости так, что они полностью закрывали его от постороннего взгляда.

Невыносимая вонь разлагающейся плоти заставила его выблевать бисквиты, съеденные во время вечернего бдения. Силы воли оказалось недостаточно, чтобы совладать с желудком. Запах был настолько отвратительным, что тело взяло верх над духом. Схоронившись по соседству с самой смертью, «художник» старался не дрожать от холода, исходившего от множества окружавших его грудных клеток и черепов. В тревожном ожидании он прислушивался к звукам приближающихся людей и лошадей.

Вскоре они оказались рядом. «Художник» не понимал языка, но налетчики были явно возбуждены и разгневаны. Очевидно, они обнаружили тела своих товарищей, которые отправились убить «художника». Теперь они знали, что по крайней мере один человек из каравана остался жив, и были полны решимости отыскать его.

Лошади галопом проскакали мимо. Вот только не все. «Художник» слышал, как животные фыркают и шарахаются от зловонного кургана — хозяева не могли с ними справиться. Кто-то вроде бы предложил разобрать кучу камней и поискать среди костей, но остальные с отвращением отвергли эту мысль. Лошади встревожились еще сильнее.

В конце концов несколько всадников поскакали по следам каравана вниз по склону. «Художник» предположил, что остальные разъехались в других направлениях.

Сдавленный со всех сторон костями, он сделал несколько быстрых вдохов, стараясь сдержать рвотные позывы. Мышцы ныли от напряжения, их сводили судороги от долгого бездействия.

«Художник» задумался о веревке с петлей, с помощью которой неизвестный пытался его задушить. Это была гаррота, любимое оружие тугов. Но все же оставалось непонятным, как туги смогли застать врасплох четыре десятка кавалеристов, столько же туземцев и одного (если не двух) бойцов из его собственного элитного подразделения. Ведь мог же хоть один вояка выстрелить перед тем, как его придушили. И туземцы — почему ни один из них не издал ни звука, не крикнул? Все они, все — умерли молча.

Как такое было возможно?

«Художник» лежал среди гниющих останков, дрожал от холода и напряженно размышлял. Он пытался понять, как было осуществлено нападение. Очевидно, туги следили за караваном издалека, а после наступления темноты нанесли удар.

Но как — как, черт возьми! — им удалось за считанные секунды уничтожить весь караван, да еще так, что ни один человек не издал ни звука? Возможно, здесь замешан кто-то из местных? Но эти туземцы много лет работали на Британскую Ост-Индскую компанию. С чего бы им вдруг предавать своих нанимателей?

«Художник» прокручивал в памяти маршрут, проделанный караваном. В одном месте к ним присоединился одноногий старик, которому нужно было попасть к семье сына, проживающей в горной деревушке. Позже они подобрали сморщенную бабулю с маленькой девочкой. Девчушке требовалась помощь врача, а теперь они возвращались домой.

Он пробовал возражать, но местные объяснили, что это обычная практика: позволить нуждающимся присоединиться на время к каравану. Да и какая может быть угроза от одноногого старика, худенькой старушки и маленькой девочки?

Обдумывая сейчас решение позволить им проехать немного в фургоне, «художник» не мог не согласиться с этой железной логикой. Совершенно невозможно было представить, чтобы эти слабые и немощные люди представляли угрозу для такого количества солдат и туземцев.

И снова он вернулся к первоначальной гипотезе о том, что среди сопровождавших караван туземцев оказались предатели.

Услышав стук копыт, он снова весь обратился в слух. Шум приближался, и, судя по всему, налетчики были еще более сердитыми и озлобленными. Как же «художник» сейчас жалел, что не понимает ни слова из того, о чем они говорят. Может, они решили прекратить его поиски? И что они собираются делать дальше? Он поклялся себе, что, если останется в живых, выучит столько местных наречий, сколько сможет.

Бандиты проскакали мимо в направлении фургонов. Вскоре «художник» услышал удаляющийся стук копыт и скрип колес — караван тронулся с места. Оставаясь настороже, он не шевелился и сохранял неподвижность даже после того, как все звуки стихли.

Налетчики вполне могли оставить одного или двух человек понаблюдать за местностью и проследить, не выползет ли он из своего убежища.

На равнине воцарилась тишина. Руки и ноги «художника» совершенно затекли без движения, но он терпел и оставался в прежнем положении, укрытый холодными смердящими костями и тяжелыми камнями. Проникающий в убежище солнечный лучик заметно переместился в сторону — это утро сменилось днем.

Но он не шевелился и усиленно размышлял все над тем же вопросом: как тугам удалось столь легко захватить караван?

Солнце перестало попадать в убежище, когда день наконец превратился в вечер.

А затем на равнину опустилась ночь.

«Художник» уже давно мочился под себя. Во рту настолько пересохло, что язык приклеился к нёбу.

Но он не двигался с места.

Внезапно «художник» понял, что, несмотря на всю профессиональную выучку и решимость бодрствовать, уснул. Пришлось сильно прикусить нижнюю губу — так, чтобы потекла кровь, а боль прояснила сознание. Он решил рискнуть и выбраться из своей берлоги. В противном случае легко можно было потерять сознание да так здесь и остаться.

Медленно и беззвучно он отодвигал камни в сторону. Руки затекли и не желали слушаться. Очень осторожно он выбрался наконец из гигантского могильника на свежий воздух. Но как глубоко он ни дышал, запах гниения, казалось, навечно въелся в легкие.

Ночное небо снова усеяли звезды. Медленно-медленно — в надежде, что никто не заметит его передвижения, — «художник» пополз к горному ручью. Там он окунул голову в бурный поток, и ледяная вода мгновенно прогнала остатки сонливости. Подобно преследуемому животному, художник внимательно огляделся по сторонам: не обнаружили ли его враги? Он сделал большой глоток из ручья. Еще один. И еще. От холода свело язык и заледенело горло, но зато он окончательно пришел в состояние боевой готовности.

Продолжая высматривать возможных преследователей, «художник» пошарил по карманам и вытащил то, что сохранилось от бисквитов, прихваченных накануне вечером. Желудок запротестовал,

но нужно было восстановить силы, и он заставил себя проглотить пищу.

Фургоны скрылись в западном направлении. Его же путь лежал на юго-восток, навстречу следующему каравану, который появится на плато через две недели. Пригибаясь к земле, он двинулся вниз по течению горного потока.

И остановился.

Тела солдат и туземцев, вместе с которыми он отправился в путь, манили к себе. Как ни хотелось побыстрее убраться отсюда, он не мог уйти просто так. Он не сумел защитить караван, поэтому просто обязан разобраться и понять, как врагам удалось застать врасплох такой большой отряд.

С выражением мрачной решимости на лице «художник» развернулся и подошел к месту, где прошлой ночью стояли фургоны. Он держал наготове нож, ожидая, что в любой момент его могут атаковать враги. В лунном свете он увидел лежащие на земле продолговатые объекты, некоторые бледнее остальных.

Это были тела, с которых грабители сняли одежду. Большинство оказалось попорчено стервятниками. Волк оторвался от пожирания трупа, нутром почуял опасность, исходящую от «художника», и предпочел по-тихому скрыться.

Совсем скоро он все узнает. Готовый в любой момент отразить нападение, «художник» исследовал все восемьдесят тел кавалеристов и туземцев. Плюс тела двух своих товарищей — он обнаружил их на наблюдательных постах.

Восемьдесят два трупа.

Он предположил, что бандиты забрали с собой тела тех двоих, что пытались его убить, но даже в этом случае трупов должно было оказаться восемьдесят пять: включая одного старика, сморщенную старушку и маленькую девочку. Но тел этих троих «художник» нигде не видел.

Туги.

Но эта версия не имела смысла. Каким образом увечный старик, сторбленная старуха и совсем еще ребенок могли бесшумно одолеть восемьдесят человек, половина которых — закаленные в боях солдаты?

Стараясь не замечать поднимающегося над залитой лунным светом равниной все более отчетливого запаха смерти, «художник» осматривал трупы и силился определить, что же убило всех этих людей. Но лишь в двух случаях причина смерти была очевидна: у обоих его товарищей на горле имелись характерные следы, свидетельствующие об удушении. Что же касается остальных, то — не считая того, что натворили волки и стервятники, — на их телах не было никаких повреждений.

Как такое возможно? Такое впечатление, что все восемьдесят человек просто уснули и больше не проснулись.

Уснули? Внезапно «художника» осенило. Он понял, что произошло в лагере. Чертов одноногий, засушенная старуха и девчонка отравили пищу, готовившуюся на ужин, — возможно, подсыпали отраву в котелки, в которых кипятили воду для чая. Они должны были быть мастерами в этом деле, потому что никто ничего не заметил. После того как яд сработал, был подан условный сигнал: тройной звон колокольчика. Остальные члены банды проникли на территорию лагеря и принялись собирать добычу. «Художнику» и двум его товарищам удалось избежать отравления по одной-единственной причине: они не стали дожидаться ужина, а запаслись бисквитами и, пользуясь царящей вокруг суетой, незаметно покинули место стоянки, чтобы занять удобные наблюдательные позиции.

Значит, яд.

Точно!

«Художник» отполз прочь от поля смерти. Потом согнулся в три погибели и пробежал таким манером несколько миль. Только тогда он почувствовал себя в относительной безопасности и выпрямился. К тому времени взшло солнце, и «художник» весь взмок от жары. Наконец он был вынужден сбавить скорость; съел на ходу несколько бисквитов и вскоре снова побежал. Иногда он останавливался, чтобы поспать, но недолго. Любой ценой необходимо было добраться до следующего опиумного каравана. Он не мог всецело полагаться на то, что туги и в следующий раз дождутся, когда караван достигнет плато. Бандиты вполне способны сменить тактику и совершить нападение раньше.

Силы его находились на пределе. На второй день «художник» завернул на ферму, где заплатил за еду и кое-какую одежду. За все

время пребывания там он не спускал настороженного взгляда с фермера и членов его семьи — подозревал, что они могут оказаться тугами.

Он торопился к своим и постоянно оглядывался, не преследует ли его кто-нибудь с фермы. Впереди показалась деревня, но художник не стал в нее заходить, а дождался ночи и обошел стороной, опасаясь, что там могут обитать туги. Он упорно спускался с гор.

На седьмой день пути, когда «художник» переходил через поле, он наткнулся на следующий караван. К этому времени он уже настолько исхудал, пообтрепался и загорел, что конные патрульные приняли его за туземца и, взяв на прицел, приказали остановиться.

— Англичанин, — выговорил «художник», еле-еле ворочая распухшим языком.

— Верно. Мы — англичане. А теперь подними руки.

— Нет, я — англичанин.

Говорить он мог с трудом, так что разобрать слова было тяжело.

— Этот нищий еле говорит. Общайте-ка его на предмет оружия.

— Погоди. Кажется, я его узнал. Роберт? Это ты, Роберт?

«Художник» постарался, чтобы речь его звучала отчетливо.

— Ты Джек Гордон.

— Да, это Роберт! Я занимался вместе с ним. Мы входили в один отряд.

— На вас... нападут.

— Роберт, я не понимаю, что ты говоришь. На, выпей воды.

— На вас нападут!

«Художник» напился из фляжки и пошел вдоль выстроившихся цепью фургонов. Внезапно он остановился и показал на одного старика, сморщенную бабулю и маленькую девочку. Они передвигались с этим караваном так же, как и с предыдущим. Солдаты немедленно схватили подозрительную троицу, и в ходе короткого расследования выяснилось, что «старик» на самом деле вовсе не так стар и ног у него две. Старше своего возраста он выглядел благодаря искусно наложенному гриму, а якобы отсутствующая нога была согнута в колене и подвязана к бедру ремнями.

Согбенная, высохшая «старушка» оказалась женщиной средних лет, обладающей исключительной силой. Как и в случае с «одноногим», она использовала грим, делавший ее старше. Маленькая

девочка и в самом деле была маленькой девочкой, но настолько хорошо обученной, что вполне могла считаться взрослой. Мешочек с ядом она хранила под своим широким одеянием.

«Художник» позволил себе лишь краткий отдых, а потом начал пытаться пленников и очень сожалел, что вынужден полагаться на переводчика из числа туземцев. Он снова дал себе зарок выучить местные языки; однако ему все же удалось получить подтверждение сигналу, с помощью которого туги-отравители сообщали остальным членам банды, что в лагере все умерли от яда: тройной звон воловьего колокольчика.

Но все попытки выяснить, где произойдет следующее нападение, оказались тщетными. Туги молчали.

«Художник» ужесточил истязания, и в конце концов девочка не выдержала боли и рассказала обо всем.

Пленников он застрелил.

Караван достиг места предполагаемого нападения. Был разбит лагерь, по окружности которого выставили фургоны. Люди накормили животных, приготовили ужин для себя и притворились, будто легли спать, чтобы больше никогда не проснуться. «Художник» трижды позвонил в колокольчик.

Когда в лагерь под покровом темноты проникли два десятка тугов, «художник» самолично прикончил пятерых, а об остальных позаботились его товарищи. Одного бандита он попросил оставить в живых и теперь пообещал отпустить на все четыре стороны, если тот раскроет приемы маскировки, используемые сектой. Пленник вытерпел чудовищные пытки, но в конце концов сдался и стал выдавать один секрет за другим: как применять грим; как чернить зубы, чтобы создать впечатление, будто некоторых не хватает; как пользоваться париками, накладными бородами и делать брови более густыми; как можно положить в ботинок камень, чтобы хромота выглядела натуральной. Кроме того, туг раскрыл местоположение нескольких временных лагерей банды.

Когда тугу было больше нечего сообщить, «художник» застрелил и его.

Под личным руководством «художника» британская кавалерия совершила налеты на лагерь тугов и уничтожила всех их обитателей — мужчин, женщин, детей.

Его произвели в младшие лейтенанты. Большинство офицеров, служивших в Индии, были небедными джентльменами, которые заплатили за то, чтобы получить звание, и порой их полная несостоятельность приводила к катастрофическим результатам. Наш же герой получил чин исключительно благодаря собственным боевым заслугам.

А скоро он стал лейтенантом.

Разразившаяся несколько лет спустя опиумная война с Китаем только способствовала его возвышению. Британское правительство твердо намеревалось заработать миллионы фунтов, продавая все больше и больше наркотика в Китай. В то же время китайский император был настроен не допустить превращения миллионов своих подданных в безмозглых идиотов. Это столкновение интересов неизбежно привело к жестокой войне, которая тянулась четыре года, с 1839-го по 1842-й и в ходе которой «художнику» пришлось убивать, убивать и убивать.

Опиум. От характерного для складов, забитых брикетами наркотика, запаха извести «художника» тошнило. Даже один только вид кофейного цвета брусков заставлял желудок судорожно сжиматься. Из-за этого он больше не в состоянии был пить кофе. То же самое произошло и с чаем — ведь именно на чай обменивали в Китае опиум. Утешение «художник» находил во все увеличивающихся дозах алкоголя.

По ночам он регулярно просыпался от кошмаров. Его преследовали видения костей и трупов, они кружились в безумном танце, точно в наркотическом видении. Лица убитых им людей напоминали маковые коробочки, которые взрывались, и вместо крови из них вытекала густая белая жидкость.

Громкий стук выдернул «художника» из очередного кошмара. Он рывком вытащил из ножен кинжал, скатился с койки и приготовился отразить возможное нападение.

Стук повторился.

Кто-то стоял на улице и колотил в дверь.

Еще не пришедший полностью в себя после воспоминаний об индийской преисподней, «художник» ползком обогнул койку, перебрался через скомканные газеты и оказался возле маленького

окошка спальни — такого крошечного, что сквозь него не смог бы пробраться даже ребенок. Тем не менее на окошке имелась решетка.

«Художник» приоткрыл занавеску и уставился в непроглядную тьму за стеклом. Стук не прекращался. Он отодвинул щеколду, распахнул окно и выглянул наружу. Под газовым фонарем он разглядел частично скрытого туманом человека.

— Что вам нужно? — крикнул «художник».

— Вас призвали!

Глава 13

ИНКВИЗИЦИЯ

На улице Грейт-Скотленд-Ярд клубился туман. Торопясь оказаться в тепле, констебль открыл дверь с надписью «Управление полиции Лондона» и прошел в коридор, который освещали газовые лампы на стенах. Здесь он снял перчатки и потер озябшие руки.

Слева на скамье в неудобной позе сидела пожилая женщина, голова ее была откинута и упиралась затылком в стену. Глаза были закрыты, а рот, напротив, открыт. Констебль подошел ближе, предположив, что женщина, возможно, мертва. Но в следующую секунду заметил, что грудь слегка поднимается и опускается.

На левой щеке у нее виднелся старый шрам от ожога.

Вошедший повернулся к сидящему за конторкой полицейскому и спросил:

— Что она здесь делает?

— Явилась четыре часа назад. Сказала, что хочет говорить с инспектором Райаном. Дескать, у нее есть сведения об убийствах.

— О которых? Субботних или сегодняшних?

— Не угадал. Об убийствах, которые были совершены сорок три года назад.

— Сорок три года назад? Ха-ха. Вроде поздновато сообщать сведения о них.

— Она утверждает, будто знает про те убийства что-то такое, что поможет нам раскрыть нынешние.

— Бедняжка. Ты погляди на нее. Она уже слишком старая, чтобы ясно мыслить, и путает прошлое с настоящим.

— Я спрашивал, что же она хочет сообщить нам, а она все одно талдычила: что ей очень стыдно, что она не в силах повторять это несколько раз и вообще не уверена, что может все рассказать мужчине, а не женщине.

— Ну, поскольку женщин-полицейских у нас нет, ждать ей придется долго. Как думаешь, чего может стыдиться женщина в таком возрасте?

Продолжение дневника Эмили Де Квинси

Поскольку на улице по-прежнему толпились возбужденные горожане и податься больше было некуда, инспектор Райан и констебль Беккер разместили меня и отца в комнате на втором этаже. Одежда на кровати были смяты, отсюда следовало, что комната прежде была обитаема. Вероятно, здесь жил хозяин таверны. Впрочем, меня это мало беспокоило: я еще плоховато соображала из-за действия наркотика, к тому же накопившаяся усталость пересиливала отвращение от мысли, что придется спать в постели убитого человека. Из подушек мы соорудили на полу спальное место для отца. Райан и Беккер легли спать в другом месте. Не придавая значения тому, что внизу находятся несколько трупов, я провалилась в сон.

Внезапно я пробудилась от какого-то шума.

Стучали кулаками.

Стучали во входную дверь.

Одно из эссе отца называется «О стуке в ворота у Шекспира („Макбет“)». В нем уделяется подробное внимание эпизоду, когда Макбет и его жена вдруг осознают чудовищность совершенного ими преступления. Леди Макбет говорит, что «перестала быть женщиной», а «сам Макбет забыл, что рожден женщиной». Время, кажется, остановилось, так же как остановилось биение их сердец. Но внезапный стук в ворота выводит обоих из оцепенения. Пульс Вселенной вновь начинает биться, а Макбет и его жена неотвратимо двигаются навстречу своей судьбе.

Так вот, когда я проснулась от стука в дверь таверны, я испытывала подобные же ощущения. На короткий промежуток времени, пока я спала, мне удалось забыть обо всех ужасах трех последних дней, о тюрьме, об уснувших вечным сном людях внизу. Но неожиданный стук снова швырнул меня в безжалостную действительность. У меня появилось ужасное предчувствие, что последствия этого кошмара наяву совсем скоро достигнут нас.

— Кто там? — громко спросил инспектор Райан, сбегая вниз по лестнице.

Стук не прекращался, пока инспектор не открыл входную дверь.

Снизу послышались неразборчивые голоса.

Инспектор закрыл дверь и стал подниматься по лестнице — уже не так быстро, как спускался. Похоже было, что он вовсе не горит желанием сообщать нам новости.

Я распахнула дверь комнаты еще до того, как он постучался. Оба полицейских, небритые, с осунувшимися лицами, внимательно смотрели на меня.

— Что случилось? — спросил из-за спины отец.

— Лорд Палмерстон желает немедленно видеть нас всех.

Мы двигались сквозь сгущающийся туман к месту назначения. Все вокруг казалось нереальным, точно сон. На каждом перекрестке я видела неясные силуэты полицейских. Двое служителей закона остановили карету, которую прислал за нами лично лорд Палмерстон, но, заглянув внутрь и узнав инспектора Райана, они махнули кучеру, чтобы продолжал путь.

Впереди в темноте разгоралось все более яркое сияние. Оно меня тревожило. Каждое второе здание на улице было погружено в темноту, однако стена вокруг особняка лорда Палмерстона освещалась множеством ламп, также горел свет во всех окнах огромного трехэтажного строения.

Отец забрал у меня фляжку, наполнил обнаруженным в таверне лауданумом и теперь сидел и прихлебывал из нее.

Карета въехала в открытые ворота и продолжила путь по извилистой дорожке, которую охраняли несколько десятков полицейских. Затем мы прошли мимо стражников в гигантский вестибюль, в мраморном полу которого отражался свет множества свечей люстры. Поднявшись по широкой лестнице, мы оказались в бальном зале. Судя по большому числу бокалов на столах и отчетливому запаху шампанского, накануне здесь состоялся большой прием.

Вечеринка, похоже, была не особенно веселой, об этом свидетельствовал мрачный взгляд, которым приветствовал нас крупного сложения мужчина лет семидесяти с длинными и густыми бакенбардами, окрашенными в каштановый цвет. Взгляд выдавал в нем человека, привыкшего командовать. Одет он был в вечерний костюм и, казалось, со вчерашнего вечера так и не ложился спать.

Рядом с ним стоял высокий мужчина с очень прямой спиной. Суровые черты лица вкупе с явно армейской выправкой однозначно говорили о его военном прошлом.

Когда инспектор Райан почтительно снял кепку и обнажил рыжие волосы, оба мужчины посмотрели на него с неодобрением.

— Я должен очень быстро разобраться с этим делом. — Лорд Палмерстон указал на большую стопку газет. — Скоро об этом заговорят все и каждый. Не знаю, откуда газетчики раздобыли информацию о вчерашнем покушении на меня, но...

— Кто-то пытался вас убить, ваша светлость? — поразился инспектор.

Суровый взгляд лорда был красноречивее любых слов: «Не прерывайте меня!»

— В городе уже царит паника. Сообщение о том, что я чуть не погиб от руки наемного убийцы, погрузит Лондон в хаос. Восемь человек убито в таверне. Врач с женой лишены жизни в их собственном доме. Там же убит и констебль. Обезумевшие толпы бросаются на всех без разбору матросов и полицейских. Начальника тюрьмы «Колдбат филдз» убивают во время освобождения Любителя Опиума.

— Освобождения? Нет, — возразил Беккер, — его пытались убить.

— Как вас зовут? — грозно спросил лорд Палмерстон.

— Констебль Беккер, ваша светлость.

— Уже не констебль. Я отстраняю вас от службы. Что у вас с пальто? Оно все изрезано. И откуда на нем кровь?

— Ваша светлость, в «Колдбат филдз» я пытался остановить неизвестного, который хотел убить мистера Де Квинси.

— Хотел освободить — вы это имели в виду? — Лорд Палмерстон повернул голову. — Райан, вас я тоже отстраняю. Меньше двадцати четырех часов назад я предупредил, что случится, если вы не справитесь со своей задачей. Но вы не прислушались и, более того, подпали под влияние Любителя Опиума.

Каждый раз, когда он упоминал это пренебрежительное прозвище, отец напрягался.

— Когда я отдал приказ арестовать Любителя Опиума, я рассчитывал, что это убедит людей: мы контролируем ситуацию, —

продолжал лорд Палмерстон так, будто отца не было в комнате. — Мы сажаем под замок подозрительного типа, успокаиваем горожан, а сами получаем возможность отыскать настоящего преступника. Но теперь я считаю, что Любитель Опиума и в самом деле замешан в эту историю.

— Это не так! — воскликнула я.

— Полковник Бруклин, расскажите, что вам удалось обнаружить.

Высокий мужчина с военной выправкой подошел к столу, на котором лежало несколько документов.

— Любитель Опиума не может сообщить, что делал субботним вечером, когда произошли убийства. Он утверждает, что в силу возраста и старческой немощи не смог бы одолеть стольких человек. Версия о том, что ему помогала его дочь, не заслуживает доверия.

Я была так возмущена подобным пренебрежительным отношением к себе, что даже не смогла ответить.

— Но это еще не означает, что ему вообще не помогали. Наличие сообщника, который пытался освободить его из тюрьмы, подтверждает гипотезу, что он действует не один.

— Нет же, — решительно произнес Беккер. — Этот человек пытался убить, а не спасти мистера Де Квинси.

— Если вы будете и дальше спорить со мной, я прикажу вывести вас отсюда и, может, даже арестовать, — предупредил лорд. — Полковник Бруклин, продолжайте.

— После ареста Любителя Опиума я провел тщательное расследование. Собранные мною доказательства свидетельствуют о его намерении спровоцировать бунт вроде тех, что имели место в «год революции», шесть лет назад. С самых ранних лет он демонстрирует неуважительное отношение к представителям власти. Он сбежал из школы в Манчестере и поселился в Лондоне среди самого последнего отребья, жил на улице с проститутками. Потом он поступил в Оксфорд, но совершенно не уделял времени учебе. Собственно говоря, он бросил университет во время последней сессии, очевидно поняв, что необходимость продемонстрировать свои познания в греческом требует слишком больших усилий, хотя того не стоит.

— *Вовсе нет!* — запротестовал отец. — *Экзамен был нетрудным. И это был не греческий, а английский. А покинул я университет из-за того, что мне нанесли там оскорбление.*

Полковник Бруклин и бровью не повел и продолжал говорить, не обращая внимания на присутствие отца.

— *В то время как Любитель Опиума делал вид, будто учится в Оксфорде, большую часть времени он на самом деле проводил в Лондоне в компании радикально настроенной молодежи. Он тогда преклонялся перед атеизмом.*

— *Атеизм?! — возмущенно вскричала отец.*

Полковник Бруклин наконец повернулся к нему, как будто только сейчас заметил.

— *Вы будете отрицать свое знакомство с Рэйчел Ли, известной атеисткой?*

— *Она бывала гостьей в доме матери.*

— *А это говорит нам, что вы росли в довольно сомнительном домашнем окружении, — сделал вывод Бруклин.*

— *Оставьте в покое мою мать!*

— *Когда вы якобы учились в Оксфорде, вы и установили контакт с Рэйчел Ли. Было это во время громкого судебного процесса, в котором она обвиняла двух студентов университета в том, что они ее похитили и пытались обесчестить. Согласно же их собственным показаниям, эта Ли по доброй воле пошла с ними: она хотела оставить мужа и желала попробовать «любовь втроем». Суд пришел в полное замешательство от ее реакции на просьбу поклясться на Библии перед дачей показаний. Она отказалась это делать на том основании, что не верит в Бога. Процесс был немедленно остановлен, студентов освободили из-под стражи. Вот таковы эти опасные люди, знакомством с которыми вы так гордитесь.*

Ну а ваша дружба с поэтами Вордсвортом и Кольриджем даже еще более подозрительна. Вы последовали за ними в Озерный край — известное прибежище радикально настроенных элементов. Там Кольридж начал издавать газету, в которой публиковались материалы, подрывающие общественные устои. Вы помогли ему как деньгами, так и провокационными статьями. Вы вместе с Вордсвортом опубликовали памфлет с клеветническими нападками на парламент. Вы были настолько впечатлены тем, как Вордсворт

восхваляет — совершенно недопустимым образом — «простых людей», что попрала все законы общества и совершила мезальянс: взяли в жены доярку.

— Моя дорогая покойная жена не была дояркой, — с окаменевшим лицом заявил отец.

— Зовите ее как хотите, но ее отец был самым отъявленным радикалом во всем Озерном крае. Он постоянно призывал народ к свержению дворянского сословия, — продолжал Бруклин свою яростную обличительную речь. — Вас регулярно разыскивали представители закона. Вы часто скрывались под вымышленными фамилиями, легко меняли места жительства; порой у вас одновременно бывало по шесть домов в разных местах.

— Я часто залезал в долги, поэтому менял фамилии и переезжал с места на место, чтобы не попасть в лапы взыскателей.

— А может быть, вы укрывались от сотрудников министерства внутренних дел, которые разыскивали вас за вашу противозаконную деятельность? — не унимался Бруклин. — Вы сочиняли вредоносные эссе как для консервативных, так и для либеральных журналов, чем до крайности злили обе стороны.

— Чтобы платить по счетам, я готов был работать на всех, кто только нуждался в моих услугах. Редакторы заставляли меня писать реакционные материалы.

— Однажды из-за ваших гнусных измышлений не на шутку поссорились редакторы двух журналов. Дело дошло до дуэли, и один из них был смертельно ранен. Несомненно, вы рассчитывали, что на дуэли погибнут оба, вспыхнет волна недовольства и это в конечном итоге приведет к еще большим бесчинствам.

— Вы все извращаете.

— Это сознание ваше извращенное. Вы пропагандируете неумеренное употребление лауданума.

— Я записал свой собственный опыт в качестве предостережения для других.

— Кроме того, вы злоупотребляли таким наркотиком, как «бэнг».

— «Бэнг»? — На лице лорда Палмерстона отобразилось недоумение.

— Он также известен под названием «гашиш», ваша светлость. Отсюда происходит слово «ассасин».

— Боже праведный!

— Во время Крестовых походов, ваша светлость, фанатики-мусульмане курили его перед тем, как нападать на английских солдат и убивать их.

— Вовсе нет! Гашиш пробуждает аппетит, а вовсе не тягу к насилию, — возразил отец.

— Насилие. В ряде своих эссе вы восхваляете самые крайние формы насилия. Вы признаетесь в одержимости убийствами на Рэтклифф-хайвей и личностью Джона Уильямса. Последнего вы называете гением.

— Просто проявление чувства юмора.

— Убийства ни в чем не повинных горожан, произошедшие в последние дни, не повод для шуток. Выступая с радикальными идеями, пропагандируя наркотики и насилие, вы настойчиво призывали к свержению аристократии. А теперь ваша тяга к насилию принудила вас найти сообщника и поручить ему воссоздать рэтклиффские убийства и тем самым дестабилизировать обстановку в Лондоне. И у меня есть доказательство, ваша светлость.

Бруклин достал из лежащего на столе конверта лист бумаги.

— Бывший инспектор Райан совершил и ряд полезных дел. В частности, он обратился к художнику из газеты, чтобы тот зарисовал лицо человека, убитого в тюрьме. Тот проник в «Колдбат», заявив, будто направлен туда с посланием от вас, ваша светлость.

— От меня? Но я не посылал никого в тюрьму.

Палмерстон находился в смятении.

— У него при себе имелся конверт, запечатанный вашей печатью.

— Это невозможно.

— Подделка, несомненно. Находившееся внутри «послание» не представляло никакой ценности, это была просто уловка, чтобы получить доступ в тюрьму. Вот этот набросок, ваша светлость. Изображение не абсолютно идентичное. Художник убрал некоторые черты, чтобы не было понятно, будто мы видим портрет мертвеца. Вы узнаете этого человека?

Палмерстон поднес рисунок поближе к канделябру на столе.

— Он на меня не работал. Я в жизни не видел этого человека.

— Ваша светлость, хоть он и не работал на вас, на самом деле вы его видели.

— Я не...

— Конечно, вы видели его лишь мельком, когда я толкнул вас на пол кареты. Это тот же человек, который покушался на вашу жизнь вчера вечером.

— Что-о-о?

— Этот человек вчера пытался вас убить, и он же попытался освободить Любителя Опиума из «Колдбата». Я подозреваю, что он не единственный сообщник, ваша светлость, и с вашего позволения хотел бы снова посадить Любителя Опиума за решетку и применить там к нему меры интенсивного допроса.

Я уже не могла и дальше терпеть эту наглость и подняла голос в защиту отца:

— Интенсивный допрос? Вы же не серьезно? Как можно пытаться пожилого человека?

— А никто здесь и не говорит про пытки, — заявил Бруклин. — Британское правительство не пытается заключенных.

— Тогда, полковник, возможно, эту роль берет на себя британская армия?

Своим взглядом Бруклин меня едва не испепелил.

— Я вообще не понимаю, как этой женщине разрешили здесь присутствовать. Она нам совершенно бесполезна, а своим вызывающим нарядом только подтверждает то презрение к общественному укладу, которое испытывают она сама и ее отец. Эти ее «блумеры» просто неприлично выставляют напоказ ноги. Кроме того, они вызывают ассоциации с фамилией известной активистки, которая, ратуя за предоставление женщинам права голосовать, ведет кампанию по подрыву самих основ общества.

— Кто бы говорил про «неприлично»! — рассердился отец. — Во-первых, вы оскорбили мою мать.

— Я просто перечисляю факты.

— Затем вы оскорбили мою покойную жену.

— Дочь подстрекателя.

— А теперь нанесли оскорбление еще и дочери!

— Не пытайтесь заговаривать нам зубы.

— Чтобы вы быстрее смогли начать пытаться старого человека?! — яростно воскликнула я.

— Старого? — усмехнулся Бруклин. — Ваша светлость, Любитель Опиума пользуется своим возрастом, чтобы обмануть людей, которые в противном случае могли бы его заподозрить. В последние несколько дней он проявил такую ловкость, которая не по силам многим мужчинам, даже значительно младшего возраста.

— Я хочу пить, — объявил отец.

— Что?

Отец молча прошествовал к столику в углу, взял наполненный наполовину фужер с шампанским и выпил содержимое одним большим глотком.

Инспектор Райан и констебль Беккер уже привыкли к эксцентричным выходкам отца, но лорд Палмерстон и половник Бруклин застыли с открытыми ртами.

Отец тем временем выбрал еще один недопитый фужер и с такой же скоростью расправился с его содержимым, а сам уже выискивал третий.

— Посмотрим, как вы будете себя вести в «Колдбате», когда мы выведем у вас все сведения о ваших сообщниках, — сказал Бруклин.

Отец повернулся к лорду Палмерстону.

— Ваша светлость, вы должны искать английского военного, который довольно долго пробыл на Востоке. Он выучил имеющие хождение в той местности языки в достаточной степени, чтобы дать инструкции малайцу. Там же он овладел всеми приемами маскировки. И у него огромный опыт совершения убийств.

— Ваша светлость, фантазия, вызванная злоупотреблением лауданума, — вот что это такое. Английские солдаты не убивают английских мирных жителей.

— По вашим словам выходит, что они убивают только туземных мирных жителей, — уточнил отец.

— Не дерзите.

— Недавние убийства были совершены исключительно умелой рукой, человеком, который имеет богатый опыт в подобных делах, — пояснил отец. — Его специально этому учили, и он убивал множество раз.

— Это уже не вписывается ни в какие рамки! Английские солдаты — не сумасшедшие! — гневно воскликнул лорд Палмерстон. — Если мы будем подозревать наших солдат, это

заведет нас неизвестно куда. Ваше описание подходит даже к полковнику Бруклину.

— Действительно, подходит. — Отец уставился на сурового вояку. — Вы служили в Индии, полковник?

— Ваша светлость, мы являемся свидетелями очередной попытки Любителя Опиума подорвать общественные устои. С помощью своих сообщников он сначала заставил толпу поверить в то, что убийца матрос, и в результате люди напали на всех моряков подряд, а работа в доках была парализована. Дальше он хитростью дает понять, будто убийства совершил полицейский, чем подтачивает веру в представителей закона, — и обезумевшие люди бросаются на констеблей. Теперь же он пытается перевести подозрение на военных. Так он договорится до того, что уже все и каждый окажутся виновными — по его мнению. Он запросто может заявить, что убийца — вы, ваша светлость. — Бруклин повернулся к нашей небольшой группе. — Бывший констебль Беккер.

Полковник особенно подчеркнул слово «бывший».

— Да? — нахмурился Беккер.

— Хоть вы и предпочитаете носить что попало, надеюсь, у вас достает профессионализма, чтобы иметь при себе наручники.

— Они лежат в кармане пальто.

— Наденьте их на Любителя Опиума.

— Извините?

— Когда обращаетесь ко мне, добавляйте «господин полковник». А теперь наденьте, черт бы вас побрал, наручники на этого человека! Беккер заколебался.

— Думаю, вы тоже получите удовольствие от ночи, проведенной в «Колдбате», — усмехнулся Бруклин. — Там вы сможете скоротать время с людьми, которых в свое время арестовали.

— Делайте, как он велит, — сказал отец. — Сейчас выбора нет.

— Как ни странно, но Любитель Опиума рассуждает трезво, — хмыкнул полковник.

У меня перехватило дыхание, когда отец выставил обе руки сложенными перед собой, а Беккер защелкнул на них наручники.

— Ключ, — потребовал Бруклин и протянул руку.

— У каждого полицейского есть ключ, который откроет любые наручники, — сказал Беккер, — но если вы так хотите взять мой, то

нате — держите.

И он отдал полковнику ключ.

Бруклин так резко шагнул к отцу, что оттолкнул с дороги инспектора Райана, и тот врезался в меня.

— Примите мои глубочайшие извинения, мисс Де Квинси, — горячо сказал он и быстро вложил что-то в мою ладонь.

Я сообразила, что это ключ от наручников, который всегда носил при себе инспектор. И он подходит ко всем наручникам, включая и те, что были сейчас на бедном отце.

Бруклин схватил отца за плечи и подтолкнул к двери.

Я заставила себя заплакать. С криком «нет!» я промчалась мимо полковника, крепко обняла отца и постаралась изобразить форменную истерику.

— Все разрешится, Эмили, не переживай.

— Мы теряем время, — заявил Бруклин и потащил его к выходу.

— Я буду молиться за тебя, — сказала я отцу.

Потом последний раз прильнула к нему и опустила ключ в карман пальто.

Полковник задержался в дверях и обернулся к Палмерстону.

— Ваша светлость, вам опасно завтра отправляться в министерство. Я рекомендую вам некоторое время управлять делами отсюда.

В следующие несколько секунд охрана лорда Палмерстона чуть ли не пинками выгнала меня, Райана и Беккера на мраморную лестницу. Мы прошли через вестибюль следом за отцом и Бруклином и оказались на улице, в залитом светом ламп ночном тумане. Полковник и отец уже садились в карету — ту самую, которая доставила нас сюда из таверны.

Отец высунулся в дверь и крикнул:

— Эмили, ты знаешь, где я буду!

— Конечно знает. В тюрьме, — рассмеялся Бруклин.

— Там, где я слушал музыку.

— Бред какой-то.

— Не забудь, Эмили! Где я слушал музыку!

Бруклин втолкнул отца в экипаж, следом туда же забрался охранник и захлопнул за собой дверцу. Еще один охранник сел рядом с кучером.

Открылись ворота. Карета выехала на улицу и почти сразу же скрылась в густом тумане.

— Распорядитесь, пожалуйста, чтобы подали экипаж, — обратился Райан к лакею.

— Не для вас.

— Не понял.

— Полковник Бруклин дал четкие инструкции. Он сказал, что вы трое можете пойти и пешком.

Едва отъехав от освещенного множеством ламп особняка лорда Палмерстона, карета оказалась в почти полном мраке и загрохотала колесами по брусчатке невидимой в темноте Пикадилли. Внутрь кареты через отверстие в ее передней части проникал лишь слабый свет от фонаря, висевшего рядом с кучером, так что пассажиры могли еле-еле разглядеть лица друг друга.

Полковник Бруклин занял место напротив Де Квинси, а охранник расположился рядом с писателем.

Де Квинси сидел и морщился — наручники натирали запястья.

— Я встречал в Индии вашего сына, Пола, — сказал Бруклин.

— Правда?

— В феврале сорок шестого, после сражения у Собраона, во время первой англо-сикхской войны.

— Индия — огромная страна. Как удивительно, что вам удалось его встретить.

— Да уж, знаменательное совпадение. Он рассказал мне, что в восемнадцатилетнем возрасте завербовался в армию.

— Это правда.

— У меня создалось впечатление, что он хотел убраться подальше от дома. Подальше от вас.

Де Квинси не показал виду, что слова полковника его задели.

— Мои дети — те, кто дожил до взрослых лет, — все оказались скитальцами.

— Теперь я припоминаю, что еще один ваш сын также вступил в ряды вооруженных сил и добрался до самого Китая.

— И это тоже верно.

— Он умер там от лихорадки.

— Я не хочу, чтобы мне об этом напоминали.

— Возможно, если бы он так не рвался прочь от вас, то был бы еще жив.

— Вы опять оскорбляете мою семью.

Коляска подпрыгнула на выбоине, и пассажиры едва не столкнулись лбами.

Наручники еще сильнее впились в запястья Де Квинси.

— Когда я втаскивал вас в карету, — снова заговорил Бруклин, — я почувствовал, что в кармане у вас что-то лежит.

— У меня ничего нет.

Конечно, Де Квинси прекрасно знал, что именно незаметно положила ему в карман умничка Эмили. Внутри у него все сжалось.

— Есть, как же не быть? Я почувствовал. — Бруклин начал ощупывать пальто арестанта. — Вы же не думаете всерьез, что сможете протащить что-то в тюрьму?

Де Квинси едва дышал, стараясь не показать тревогу.

— Вот, взгляните, — торжествующе заявил полковник.

Он извлек из кармана фляжку, потряс и прислушался к звуку плещущейся жидкости.

— Может, это лекарство от горла, а может быть, и бренди, чтобы согреть себя в такой мороз? Что ж, проверим.

Бруклин открутил крышечку, понюхал содержимое и скривился.

— И почему я не удивлен, что это лауданум?

Он открыл защелку на окне и вышвырнул фляжку на улицу.

— Даже в смеси со спиртом воняет он отвратительно.

Фляжка со звоном покатила по мостовой.

— Там этой дряни самое место — в сточной канаве.

— Полковник, вам знаком запах опиума?

— При его получении используют известь. Этот запах ассоциируется у меня с запахом негашеной извести, которой засыпают массовые захоронения. Почти каждый день на протяжении многих лет, что я прослужил в Индии, я сталкивался с этим мерзким запахом — и на складах, где хранился опиум, и на полях сражений. Я прибыл туда восемнадцатилетним — в таком же возрасте, что и ваш сын, бежавший в Индию от вас.

— Может, и вы тоже бежали от своего отца?

— Если хотите поддеть меня, у вас ничего не получится, — заявил Бруклин. — Мой отец не имеет к этому никакого отношения. Я и не

знал его. Мать жила с отставным солдатом. Он никогда и слова плохого не сказал об армии, поэтому, когда он погиб в результате несчастного случая, я решил пойти по его стопам. В Индии я попал к сержанту, который объяснил все про Британскую Ост-Индскую компанию и торговлю опиумом. Сержант сказал: если он обнаружит, что кто-то из нас употребляет опиум, он, прежде чем убить этого человека, переломает ему все кости. Он называл этот наркотик дьяволом.

— Он был прав.

— В своей «Исповеди англичанина, употреблявшего опиум» вы пишете совсем по-другому. Вы превозносите наркотик за то, что он расширяет ваше сознание. Например, вы утверждаете, что музыка становится более насыщенной и яркой. Можно подумать, вы видите эту музыку.

— Да. Но как я четко даю понять в книге, с каждым последующим приемом эффект ослабевает. Чтобы и дальше достигать того же эффекта, надо все увеличивать дозу. В скором времени уже просто для того, чтобы нормально себя чувствовать, необходимо огромное количество опиума. Попытки уменьшить дозу вызывают непереносимые боли — ощущение такое, будто крысы рвут желудок на части.

— Вот и нужно было заострить внимание на этих фактах в вашей «Исповеди...», — менторским тоном заявил Бруклин.

— Полагаю, мне это удалось.

— У того сержанта, который предупреждал нас насчет опиума, была эта ваша книжка. Он заставил всех солдат прочесть ее, чтобы мы сами поняли природу этого дьявола. Собственно, он поручил мне прочитать вашу отвратительную исповедь вслух тем солдатам, которые не владели грамотой. Я так часто пролистывал эти страницы, что запомнил наизусть все ваше мерзкое произведение. Но сержант ошибся, когда приказал нам прочитать его. Ваша книга, скорее, толкает человека попробовать опиум, а не отвращает от него.

— Это не входило в мои намерения.

— И как вы полагаете, сколько людей из-за вас превратилось в рабов этого дьявола? Скольких вы обрекли на вечные мучения?

— Я с легкостью могу зайти от обратного. А сколько человек, напротив, осознали ложную привлекательность опиума и вняли моему

совету держаться от него подальше? Мы не можем с уверенностью утверждать, кто прав.

— В Индии и Китае все войны, в которых я сражался, происходили из-за опиума; каждого, кого я убивал, я убивал из-за него же. За века в конфликтах из-за этой дряни погибли сотни тысяч человек. Жизни миллионов жителей Китая были погублены опиумом. А в самой Англии? Сколько в нашей стране людей, которые стали рабами опиума?

— Опять-таки невозможно установить точное число.

— А когда лауданум доступен на каждом углу, когда его можно найти во всех домах, когда практически каждому ребенку дают его от кашля или даже просто, чтобы не плакал, в стране должны быть сотни тысяч или даже миллионы людей, которые спокойно его принимают и не соображают, какое влияние он на них оказывает. Вы согласны?

— Логика подсказывает согласиться.

— Все эти малодушные женщины, которые редко покидают свои дома, вечно держат окна зашторенными и окружают себя в темных гостиных кучами всяких безделушек, — не кажется ли вам, что они находятся под влиянием наркотика? А рабочие, торговцы, банкиры, члены парламента, представители всех слоев общества — разве они тоже не подвержены его влиянию?

— Можно было бы и поспорить насчет вашей правоты.

— И толчком к этому стало ваше «творчество».

— Нет.

— Отвращение, которое я испытывал при прочтении наркоманской «Исповеди...», заставило меня ознакомиться и с другими вашими мерзкими сочинениями.

— Я впечатлен. Некоторые редакторы жаловались, что мне бы самому стоило прочесть свои произведения перед тем, как предлагать им.

— Вам лишь бы шуточки шутить! И ведь вы не удовлетворились пропагандой пристрастия к опиуму. Вы принялись восхвалять Джона Уильямса, виновного в убийствах на Рэтклифф-хайвей. «Все прочие убийства бледнеют перед его кроваво-красным шедевром». Так вы писали. Вы назвали Уильямса художником.

— Верно.

— Убийства на Рэтклифф-хайвей были «самыми безукоризненными из всех когда-либо совершенных». Это тоже ваши слова.

— Абсолютно точно.

— Еще вы назвали их «самым грандиозным событием столетия».

— Вы великолепно изучили мое произведение.

— Более чем.

— Это уже похоже на навязчивую идею.

— Пристрастие к опиуму, убийства, смерть — все это не те предметы, над которыми можно насмехаться. В тюрьме «Колдбат филдз» я вам это продемонстрирую.

Карету снова тряхнуло, и Бруклина швырнуло на спинку сиденья.

Де Квинси уже давно молился и ждал этого момента. Он мобилизовал все внутренние ресурсы, понимая, что, скорее всего, другого шанса не представится. Тщательно прокрутил все в голове и сейчас в точности представлял, что нужно делать.

Полковник и охранник не успели прийти в себя от внезапного толчка, а Де Квинси молниеносно бросился к дверце.

Бруклин попытался остановить Любителя Опиума, но карету снова качнуло, и он ухватил руками только воздух. Де Квинси успел выскочить наружу, в темноту.

Хотя скорость была и не очень высокой, коснувшись ногами мостовой, он не удержал равновесия, качнулся вперед и едва не ударился лицом о брусчатку. Однако сумел устоять на ногах, выпрямился и в панике припустил в клубящийся густой туман, держа направление вправо.

Позади орал разъяренный Бруклин.

По мостовой загремели башмаки. В погоню бросились трое: сам полковник, сидевший рядом с Де Квинси охранник и его коллега, ехавший возле кучера. Пока преследователи топотали, будто стадо слонов, можно было не опасаться, что они услышат его собственные шаги.

Похоже, Бруклину пришла в голову та же мысль, потому что он крикнул:

— Тише!

Преследователи остановились, и в ночи раздавался эхом лишь топот ног де Квинси.

— Туда!

Он прибавил скорости. Полковник и его люди, все трое значительно выше маленького писателя, должны были быстро сократить расстояние. Кроме того, они были моложе. Но страх придал Де Квинси сил, помогала и привычка проходить в год по несколько тысяч миль. Единственная его надежда заключалась в том, чтобы бежать по Пикадилли назад, в сторону особняка лорда Палмерстона.

Напротив владения лорда находился Грин-парк, и, если удастся добежать до него, трава приглушит топот ног.

Впереди внезапно показался фонарный столб. Сердце выскакивало у Де Квинси из груди; он вильнул в сторону, но все же задел столб плечом и, застонав, содрогнулся всем телом от боли. Его снова окружала темнота.

— Я его слышу! Он не так далеко! — проревел позади Бруклин.

Де Квинси побежал еще быстрее. Легкие жгло огнем. Плечо пульсировало болью. Ноги сводило от напряжения.

Еще один фонарь впереди — но на этот раз столкновения избежать удалось. И тут же Де Квинси запнулся о торчащий над остальными дорожный камень и упал. Он застонал, но страх оказался сильнее боли. Он быстро вскочил и рванулся в темноту.

— Он уже близко! — снова закричал Бруклин.

Внезапно вокруг что-то переменялось. До сего момента эхо раздавалось как справа, так и слева, и это означало, что дома находятся по обеим сторонам улицы. Теперь же эхо слышно было только справа.

А по левую руку, вероятно, начался парк.

Но возможно, в охватившей его панике Де Квинси ослышался, и в этом случае сейчас он врежется в здание.

— Вижу кого-то впереди! — прокричал полковник.

Редко когда ему приходилось так рисковать. Де Квинси кинулся влево, вытянул руки и коснулся утыканной поверху шипами ограды, которая шла по границе парка. Он побежал вдоль нее и услышал, как позади один из преследователей с шумом врезался в ограждение и выругался.

Превозмогая боль от наручников, Де Квинси бежал и вел рукой по забору в поисках ворот. Где же они? Неужели он их уже проскочил?

Топот ног приближался.

Вот они — ворота! Де Квинси лихорадочно нащупал защелку, поднял ее, толкнул створку и проник в темный парк. В ту же секунду он почувствовал, как кто-то попытался схватить его за пальто, но чуть-чуть промахнулся.

Беглец свернул направо. Каменная дорожка уступила место мягкой траве, и он побежал практически бесшумно.

Преследователи во главе с полковником теперь тоже бежали, не поднимая шума. Впрочем, кое-какие звуки они, как и Де Квинси, все же издавали. Трава не полностью приглушала топот башмаков, а время от времени под подошвой хрустели опавшие листья.

— Туда! — крикнул Бруклин.

Де Квинси пришлось сбавить темп, чтобы преследователи не вычислили его по звуку. Несмотря на холодную ночь, легкие горели огнем, однако Де Квинси не мог шумно и полной грудью вдохнуть морозный воздух — тем самым он бы выдал свое местонахождение.

Он услышал позади треск.

— Осторожнее! Здесь полно деревьев! — предостерег Бруклин.

Де Квинси теперь бежал еще медленнее. После ярко освещенного дворца лорда Палмерстона улица казалась погруженной в полнейший мрак, хотя на самом деле редкие фонари все же давали скудный свет. А вот в парке темнота действительно была такая, что хоть глаз выколи. Приходилось на ощупь пробираться через плотную вуаль тумана, к тому же очень сковывали движения (и больно натирали кожу) наручники.

Вдобавок усилилась боль в плече, подбородок распух и слегка кровоточил — следствие неудачного падения.

Внезапно пальцы нащупали кору дерева. Он обошел вокруг ствола и наткнулся на скамейку.

— Туда! — заорал Бруклин.

Еще недавно Де Квинси бежал на пределе возможностей, а теперь перешел на быстрый шаг. Позади кто-то с треском вломился в засохшие кусты.

Позади и слева.

Де Квинси повернул направо и стал углубляться все дальше в парк.

— Смотрите под скамьями! Он невысокого роста и может там укрыться! — командовал полковник. — И кусты тоже проверяйте!

Скованные руки снова уткнулись в дерево. Де Квинси обогнул его, стукнулся головой о ветку и осторожно продолжил путь.

Но тут же переменял решение и остановился. Ни в коем случае нельзя уходить далеко от улицы — так можно легко заблудиться и начать бродить кругами. Крайне важно было добраться до Пикадилли. От этого зависел успех всего плана.

Де Квинси вернулся к дереву, нащупал низко растущую ветку, о которую недавно ударился, и, встав на цыпочки, попытался дотянуться до более высоких ветвей.

Это удалось.

— Рассредоточились! — приказал Бруклин.

Во второй раз за последние несколько минут Де Квинси решился на отчаянный поступок: забрался на нижнюю ветку. Наручники позволили ему вытянуть руки и ухватиться за следующую ветку. Вены набухли от напряжения, но он все же вскарабкался выше и прижался к стволу.

— Сюда! — закричали внизу.

Раздался топот ботинок, сминающих сухую листву. Под прикрытием этого шума Де Квинси подтянулся еще выше.

— Я его слышал! — хрипло прокричал Бруклин прямо под ним. — Он где-то здесь!

Де Квинси обхватил одной рукой ветку, второй — ствол и задержал дыхание.

Одна нога соскользнула и задела другую.

— Остановитесь и слушайте! — скомандовал Бруклин.

Стало совсем тихо.

Прошло несколько секунд, и один из преследователей подал голос:

— Пока мы тут ищем под скамейками и в кустах, он мог уже убежать.

— Ты прав. Теперь он может быть где угодно в этом парке, — согласился полковник.

Они снова замолчали и прислушались к окружающей тишине.

У Де Квинси сдавило грудь, но он по-прежнему не дышал.

— Не может же он бегать вечно, — сказали внизу. — Рано или поздно мы его схватим.

— Я хочу взять его сейчас!

Они стояли и ждали. У Де Квинси от нехватки кислорода кружилась голова.

— Полковник! — раздался с невидимой отсюда Пикадилли голос кучера. — Мне вызвать подмогу?

Бруклин немного подумал, выругался сквозь зубы и крикнул в ответ:

— Не надо! Возвращаемся!

Все трое направились к дороге.

Де Квинси разжал губы и, стараясь производить как можно меньше шума, выпустил воздух из легких, а затем осторожно вдохнул.

Шевелиться он пока не осмеливался. Кто знает, может быть, Бруклин только сделал вид, будто уходит, в надежде, что Де Квинси уверится в безопасности и невольно выдаст свое местонахождение.

Звуки шагов полковника и его людей постепенно стихали вдаль.

Наконец в парке воцарилась тишина, нарушаемая лишь лаем бродящего где-то пса.

Ноги Де Квинси, зажатые между веткой и стволом, сводило судорогой, но он не осмеливался пошевелиться или поменять позу. Легкие требовали свежего воздуха, однако он принуждал себя дышать редко и тихо.

Ночь подходила к концу.

Ныло плечо. В подбородке пульсировала боль.

По мере того как приближался рассвет, туман редел. Де Квинси по-прежнему не чувствовал себя в безопасности, но дольше оставаться в своем убежище не мог. Крайне важно было выбраться на улицу, пока никто не может его увидеть.

Он стиснул зубы и начал осторожно спускаться, а когда добрался до земли, ноги показались ватными и не слушались. Нужно было срочно растереть их, восстановить чувствительность.

Тяжелые наручники до крови натерли запястья, так что те распухли. Очень хотелось поскорее избавиться от оков, и — спасибо Эмили! — такая возможность была: ключ лежал в кармане пальто. Но... замки располагались снаружи каждого браслета, и он никак не мог изогнуть руку так, чтобы вставить в них ключ.

Небо потихоньку серело, и Де Квинси осторожно, ежесекундно замирая и прислушиваясь к окружающим звукам, стал пробираться к

выходу из парка. Возле ограды он спрятался за кустами и прикинул, насколько рискованно будет двигаться дальше.

Поблизости никого не было видно. Ползком, укрываясь за скамьями, Де Квинси достиг ворот. Не поджидают ли враги в засаде? Все же он очень рассчитывал, что они в самую последнюю очередь станут ждать беглеца здесь; скорее, Бруклин решит, что Любитель Опиума забился в какую-нибудь нору подальше отсюда. Впрочем, выбора у него не было. Де Квинси двигало чувство ответственности, перед ним стояла трудная, опасная задача, но она должна быть выполнена. И он шагнул к воротам.

Никто его не схватил. Не обращая внимания на плохо слушающиеся ноги, он свернул направо, прочь от особняка лорда Палмерстона. Цель его находилась дальше по улице, там, где еще не начинался парк и дома стояли по обе стороны мостовой.

Де Квинси склонился в три погребели и в предрассветных сумерках осматривал дорогу. Наконец сердце едва не выпрыгнуло из груди от радости — вот он, предмет его поисков.

Фляжка валялась в сточной канаве — куда ее и зашвырнул Бруклин. Полковник сказал, что там ей самое место, и Де Квинси соглашался с ним. Ее место действительно было в канаве.

И тем не менее ему нужна была фляжка. Он схватил ее и побежал обратно в парк.

Но на этот раз лауданум предназначался не для него. Хотя Де Квинси так и жаждал сделать глоток, он наметил для жидкости более важное применение.

С ее помощью он сможет предотвратить смерть многих — он боялся, что очень многих, — людей.

Глава 14

ИСПОВЕДЬ НЕСЧАСТНОЙ ЖЕНЩИНЫ

Если бы Де Квинси в Воксхолл-Гарденс решил заплатить за удовольствие прокатиться на воздушном шаре, перед его глазами открылась бы великолепная панорама раскинувшегося на многие мили Лондона — ничего подобного на карте не увидишь. Поднимаясь все выше, он полюбовался бы величественной Темзой с ее бесчисленными мостами. Смог бы насладиться видами Вестминстерского аббатства и здания парламента.

Но более всего прочего его внимание привлекла бы целая череда королевских парков, протянувшихся через город. Как гласило объявление рядом с местом «парковки» надутого горячим воздухом шара, поднявшись вверх, можно было, в частности, обозреть Сент-Джеймсский парк, расположенный сразу к западу от правительственных учреждений на Уайтхолл. Этот парк плавно переходил в следующий — Грин-парк, а тот, в свою очередь, — в огромный Гайд-парк. Таким образом, можно было пройти несколько миль в самом сердце мегаполиса с полным ощущением, будто находишься за пределами города.

Однако Де Квинси не шел. Вокруг только занимался день, утренние сумерки еще не рассеялись, так же как не развеялся до конца туман, а Любитель Опиума бежал с максимальной скоростью, на какую был способен. Он надеялся, что деревья и кусты укроют его от посторонних глаз. Все тело ныло от боли, и ему пришлось отхлебнуть немного из фляжки. Лауданум сразу же облегчил страдания и даже прибавил сил измученному организму. Но выпить больше он себе позволить не мог. Нет, этой драгоценной жидкости найдется куда более важное применение.

Страшнее всего было, когда пришлось пересекать улицу, отделяющую Грин-парк от Гайд-парка. Справившись с этим препятствием, Де Квинси продолжил бег — к этому моменту, скорее, перешедший в быстрый неровный шаг, — используя для прикрытия

последние клочки тумана, и наконец достиг Мраморной арки у северо-восточной оконечности Гайд-парка.

Всего лишь два дня назад, воскресным утром, он приходил сюда вместе с Эмили, и тогда единственной проблемой — не считая, разумеется, бедности и пристрастия к опиуму — ему казалась необходимость как-то объяснить дочери, что в семнадцатилетнем возрасте, когда он страдал от голода на Оксфорд-стрит, он влюбился в проститутку по имени Энн.

Оксфорд-стрит.

Улица простиралась перед ним, сразу за Мраморной аркой. Туман быстро рассеивался, и Оксфорд-стрит казалась такой же мрачной, какой была пятьдесят два года назад, когда он едва не погиб здесь от голода и непогоды.

Де Квинси проходил вдоль темных в этот час окон магазинов по левой стороне улицы. Он шел прихрамывая и нервно оглядывался, не преследуют ли его. По брусчатке зацокали копыта, и Де Квинси испуганно вздрогнул. Экипаж приближался. Может ли это оказаться полиция? Догадается ли Бруклин — ведь он с таким пристрастием изучил всю его жизнь, — что Любитель Опиума направится в то единственное во всем Лондоне место, которое ему известно лучше остальных? Но даже хитрец Бруклин не может точно знать, где именно он будет укрываться на Оксфорд-стрит.

А стук копыт все приближался.

Де Квинси нырнул в переулок, шаркающей походкой прошагал до конца, спустился по закопченным ступенькам, пролез через дыру в заборе и снова спустился по лестнице. На этот раз он оказался в туннеле, который вывел его в другой туннель. Там, в полумраке, на граните лежали люди. Их легко можно было принять за мертвецов, но на самом деле они просто спали, измученные после тяжелого дня и здорово набравшиеся спиртного.

Де Квинси спрятал драгоценную фляжку под разломанным ящиком, из последних сил пробрался в центр лежбища и улегся среди тел.

Несмотря на то что камни были довольно холодными, тесное пространство туннеля хранило часть тепла, исходящего от спящих людей.

Здесь, укрывшись среди нищих с Оксфорд-стрит, Де Квинси попытался немного подремать, хотя часть его мозга продолжала бодрствовать и размышлять над сложившейся ситуацией.

Не придумав ничего лучшего, Райан, Беккер и Эмили в этот ранний час направились в Скотленд-Ярд. На их счастье, до штаб-квартиры лондонской полиции еще не дошли вести об отстранении инспектора Райана и констебля Беккера от их должностей. Им нужно было немного передохнуть и разработать планы на будущее.

Путь, который в нормальной обстановке они преодолели бы за двадцать минут, в тумане занял целый час. Но Эмили не беспокоило ни это обстоятельство, ни озябшие ноги. Все ее мысли сейчас были об отце.

Когда они наконец добрались до здания с вывеской «Управление полиции Лондона», уже вставало солнце.

Внутри царили тепло и уют. По обеим сторонам длинного коридора располагались бесчисленные двери. На второй этаж вела лестница. Все было тихо и спокойно.

Райан мельком взглянул на пожилую женщину, спавшую на скамье, и зашел в кабинет напротив. Дежурный констебль за столом посмотрел на инспектора.

Знает ли констебль о том, что случилось у лорда Палмерстона?

— Приветствую вас, инспектор Райан. Что-то уже пару дней вас не видел.

Значит, про их с Беккером увольнение еще неизвестно.

— Дел было много.

— Похоже, самое трудное еще впереди.

— Боюсь, вы нравы. Это констебль Беккер.

— Да, мы встречались. А что с вашим пальто, Беккер?

— Подрался тут...

— Н-да, в последнее время такое частенько случается.

— А это свидетельница, которой нам нужно задать несколько вопросов, — сообщил Райан и показал на Эмили. — Можно воспользоваться одной из комнат?

— И хотелось бы выпить горячего чая, — прибавил Беккер и поглядел на красные от мороза щеки девушки.

— Чай возле печки.

Они миновали спящую женщину и зашли в комнату, где у печки стояли три свободных письменных стола. Эмили стянула перчатки и протянула руки к пышущей жаром поверхности.

Райан взял с подноса чайник и разлил дымящуюся жидкость по чашкам.

— Пейте, пока есть такая возможность. Кто знает, когда нас вышвырнут отсюда.

От двери послышался голос.

— Райан.

Все трое обернулись.

У входа стоял констебль.

«Наверное, ему сообщили, что мы больше не служим в полиции».

— Вас тут женщина ждет.

— Та, что спит на скамье?

— Уже не спит. Она проснулась, когда услышала, что вы пришли. Я ей сказал, что вы тот самый человек, которого она хочет видеть. Можете с ней поговорить? Она здесь со вчерашнего вечера.

Упомянутая женщина стояла позади полицейского. Сейчас, проснувшись, она выглядела старше, чем когда они увидели ее в первый раз. Лицо она немного отворачивала в сторону, будто что-то скрывала. Часть лица, обращенная к Эмили и ее товарищам, была изрезана глубокими морщинами. Женщина куталась в потрепанное пальто и, казалось, никак не могла согреться.

— Это касается старых убийств на Рэтклифф-хайвей, — пояснил констебль. — Говорил ведь я ей: никого не интересует древняя история. Нам сейчас нужно раскрыть убийства, совершенные субботним вечером и накануне. Но она настаивает, что те убийства каким-то образом связаны с нынешними. Еще она говорит, что ей чего-то стыдно. Думаю, не будет никакого вреда, если вы ее послушаете. Даже если все это окажется чепухой, она, по крайней мере, отправится домой.

— Хорошо, — кивнул Райан. — Пусть проходит.

Констебль махнул женщине.

Она казалась такой уставшей и несчастной, что добрая Эмили помогла ей присесть на стул.

— Может, хотите чаю?

— У меня нет денег.

— Это не будет вам ничего стоить, — заверила старуху Эмили.

— Благодарю вас. Я действительно хочу пить.

— У вас есть сведения об убийствах? — перешел к делу Беккер.

Женщина кивнула:

— Да, о тех. Сорокатрехлетней давности.

— А что насчет недавних?

Старуха печально смотрела на поднимающийся от чашки парок. Эмили подала ей кружку, но — хотя она и говорила, что хочет пить, — женщина не сделала ни глотка. Эмили рассмотрела на ее левой щеке шрам от ожога.

— Как вас зовут? — спросил Райан.

— Маргарет.

— А фамилия?

— Джуэлл.

— Маргарет Джуэлл?

Эмили с таким удивлением повторила имя и фамилию женщины, что Беккер и Райан заинтересованно уставились на девушку.

— Что такое? — спросил Райан.

— Вы служили у Тимоти Марра? — обратилась к женщине Эмили.

— Да.

Голос старухи был исполнен печали.

— Да в чем дело-то? — не выдержал Беккер.

— Отец писал о ней. Эта женщина была служанкой у Тимоти Марра. Буквально перед самым убийством он послал ее в лавку купить устриц.

Райан подошел ближе.

— Маргарет?

Женщина подняла голову.

— Расскажите, почему вы пришли сюда.

— Из-за субботнего убийства. Совершенного сорок три года назад.

— Да. Сорок три года назад.

Райан присел, так что его лицо оказалось вровень с лицом бывшей служанки.

— Мистер Марр по субботам всегда держал лавку открытой до одиннадцати часов вечера. — Маргарет посмотрела на чашку, которую

держала в руке, но так и не отпила из нее. — В тот вечер... когда мистер Марр собирался закрываться, он сказал Джеймсу...

— Джеймсу? — перебил ее Беккер.

— Своему подручному. Он попросил Джеймса помочь закрыть жалюзи. А мне поручил сходить оплатить счет пекарю и на обратном пути купить устриц к ужину.

Маргарет болезненно поморщилась.

— Я всегда очень нервничала, когда нужно было выходить из дому в такой поздний час, но мистер Марр приходил в ярость по малейшему поводу, и я не осмеливалась ему перечить — иначе он бы меня просто рассчитал. Так что я поспешила в темноте к лавке, где продают устриц, но она была закрыта. Я побежала к лавке пекаря, но и там тоже было закрыто. И я все думала, как же разгневается мистер Марр. Когда я наконец вернулась в дом, входная дверь оказалась заперта. Я поняла, что мистер Марр очень рассердился на меня за долгое отсутствие. Но как я ни боялась мистера Марра, еще больше я боялась, что меня на темной улице ограбят, а то и чего похуже. И я постучала в дверь. Когда никто не отозвался, я забарабанила сильнее. Потом стала колотить по двери ногой и кричать: «Мистер Марр, впустите меня!»

Я приложила ухо к замочной скважине и услышала звуки шагов. Они стихли. Кто-то там дышал.

Я звала его, кричала: «Мистер Марр! Мне здесь страшно!» Но дверь не открывалась. Шаги тем временем удалились от двери, и вдруг мне показалось, будто передо мной пробежала черная кошка. И тут я поняла, что больше боюсь того, что может оказаться в доме, чем ограбления. Я дрожала от страха и испытала такое облегчение, когда увидела фонарь ночного сторожа. Он спросил меня, что происходит, я объяснила, и теперь уже он заколотил в дверь и стал звать мистера Марра. От шума проснулся сосед. Он перебрался через забор на заднем дворе, увидел открытую дверь черного хода, вошел внутрь и...

Пауза затянулась.

— Пейте чай, — предложила Эмили.

— Сосед отпер входную дверь. Знаете, я никогда не видела, чтобы человек был так бледен. К тому времени на улице у меня за спиной уже собралась толпа. Все ринулись в лавку и увлекли меня с собой. Там на полу я увидела тело миссис Марр. Чуть подальше лежало

неподвижное тело подручного мистера Марра, Джеймса. На меня что-то капнуло. Я задрала голову и увидела на потолке кровь. — Маргарет передернуло. — Толпа потащила меня за собой, я оказалась у дальнего конца прилавка и увидела там труп мистера Марра. Повсюду на полках была кровь. А я не переставала думать о младенце. У Марров был сын трех месяцев от роду. Я так молилась, чтобы ребенок оказался жив, но потом кто-то нашел его тельце. Колыбельку разнесли на кусочки, а горло малыша было...

У Маргарет задрожали руки, и она пролила чай.

Эмили забрала чашку.

— Вот этого никто и не в силах понять, — подал голос Беккер. — Зачем нужно было убивать младенца? Трое взрослых могли представлять опасность для грабителя, решившего обчистить лавку. Но младенец... Насколько я слышал, убийца ничего и не украл.

— Он убивал не поэтому.

— Простите?

— Он не собирался совершать ограбление.

— Такое впечатление, что вам что-то известно.

Маргарет кивнула.

— Чего он хотел? Почему он убил всех? Вы сказали констеблю, что это имеет какое-то отношение к недавним убийствам? — спросил Райан.

Женщина снова кивнула, и лицо ее исказилось страданием.

— Скажите нам, пожалуйста.

— Мужчине — не скажу. — Маргарет повернулась к Эмили, так что стал виден шрам на левой щеке. — Быть может, женщине.

— Думаю, я смогу вас понять, — заверила ее Эмили.

— Так стыдно.

— Если вы наконец все расскажете, возможно, вы почувствуете себя...

— Лучше? — Маргарет тяжело вздохнула и поморщилась. — Мне уже никогда не станет лучше.

— Мы оставим вас вдвоем, — сказал Беккер.

Констебль с инспектором вышли из комнаты и закрыли дверь.

Эмили придвинула свой стул вплотную к стулу Маргарет, осторожно взяла женщину обеими руками за обезображенное шрамом измученное лицо и поцеловала в лоб.

— Мой отец говорит: ум лишен способности забывать, — произнесла Эмили.

Маргарет вытерла слезы.

— Ваш отец прав.

— Тем не менее он упорно записывает свои воспоминания. Он будто надеется, что, если облечь их в слова, они будут уже не такими болезненными, как бы сильно ни ранили. Пожалуйста, Маргарет, облегчите душу.

Маргарет начала говорить, и даже слезы не смогли ей помешать.

Спустя полчаса Эмили снова поцеловала пожилую женщину в лоб. Потрясенная услышанным, она подошла к двери и открыла ее.

Райан и Беккер дожидались на скамье в коридоре. В здании полицейского управления в этот час уже всю кипела жизнь. Прибывали все новые констебли, и на лицах у них отражались ужасы прошедшей ночи.

Эмили припомнила строчку из отцовского произведения.

«Ужасы, сводящие с ума. Горе, терзающее сердце».

При появлении девушки инспектор и констебль встали.

— Эмили, ваш отец бежал, — сообщил Райан.

— Бежал?

— Пока вы общались с Маргарет, в Ярд поступили сведения о том, что он выпрыгнул из кареты Бруклина. Всем полицейским отдан приказ разыскать его.

Эмили и так была до глубины души потрясена рассказом Маргарет, а услышав еще и эту новость, вынуждена была прислониться к стене, чтобы не упасть.

— Нам нужно его найти, — сказал Беккер. — У вас есть какие-нибудь мысли, куда он мог направиться?

Эмили по-прежнему стояла и держалась за стену.

— Ночью, когда вашего отца увозили в тюрьму, он крикнул вам: «Ты знаешь, где я буду! Там, где я слушал музыку». Вы знаете, что он имел в виду? — спросил Райан.

— Нет.

— Возможно, в концертном зале?

— Отец никогда не упоминал ничего такого. — Эмили сделала несколько глубоких вдохов, проясняя мысли. — Слава небесам, он

спасся.

«Где же он слушал музыку?»

Что-то такое промелькнуло в глубинах памяти, но как девушка ни пыталась вспомнить, у нее ничего не получалось.

— Маргарет вам что-нибудь рассказала?

— Много чего. Здесь поблизости есть церковь?

— Ей нужно посетить церковь?

— Крайне необходимо.

— В десяти минутах отсюда, — ответил Райан. — Но это намного больше простой церкви.

Ранняя служба находилась в самом разгаре. В других обстоятельствах Эмили обязательно восхитилась бы головокружительной громадой Вестминстерского аббатства, его колоннами и витражными стеклами, но сейчас она могла думать только о том, что отцу удалось бежать, и о том, что удалось узнать от Маргарет.

Она помогла пожилой женщине сесть на скамью. Слезы продолжали струиться по лицу Маргарет и увлажнять шрам на левой щеке. Потом она опустилась на колени и стала молиться.

На службе присутствовало на удивление много прихожан. Это страх привел их сюда помолиться за спасение в захлестнувшей город волне насилия. Малейшее движение отдавалось гулким эхом под высоким куполом.

Священник начал читать проповедь, во многом сходную по смыслу — как предположила Эмили — с теми проповедями, что произносились сорок три года назад.

— Господь — наш пастырь, — провозглашал священник, и голос его отражался от стен собора. — Дьявол, который, подобно волку, нападает на нас, есть Божий враг. Если мы будем верить, Господь защитит нас.

— Вы правильно поступили, что рассказали мне все, — прошептала Эмили Маргарет. — Послушайте, что говорит священник. Господь не оставит вас.

Слова проповеди продолжали звучать в стенах собора, а Эмили вместе с Райаном и Беккером вышла на улицу. Оказавшись за

массивными дверьми, она едва обратила внимание на грандиозный передний двор аббатства.

— До сих пор я еще никогда не рассказывала такие вещи посторонним мужчинам, не членам семьи, — начала Эмили.

— Можно ведь взглянуть на это и с другой стороны, — заметил Райан. — Может быть, это нам не приходилось еще слышать от женщины то, что вы, похоже, собираетесь нам поведать.

— Согласна, — кивнула Эмили, но некоторое время еще колебалась, так же как чуть раньше колебалась Маргарет. — Наверное, чем быстрее я все расскажу, тем будет легче. Так вот, Маргарет была беременна, но мужа у нее не было.

Мужчины на некоторое время лишились дара речи.

— Теперь понятно, почему она не хотела говорить, — нарушил молчание Беккер.

— Вы не понимаете. Это еще не все. Отцом ребенка был Джон Уильямс.

— Джон Уильямс?

— Родители Маргарет умерли, когда девочке было двенадцать лет. Она работала на разных фабриках, но в конце концов решила поискать место служанки. У Марра уже был подручный в лавке, но теперь ему требовалась женщина, чтобы помогать по хозяйству жене, пока она находится в положении и позже, после родов. Платил он десять фунтов в год, еда и угол предоставлялись бесплатно. Маргарет позволялось покидать лавку один вечер в неделю, брать полдня каждое воскресенье, кроме того, раз в месяц у нее был целый выходной день. Ей тогда было семнадцать.

Марр был злобным, жестоким человеком, вечно ко всему придирался и кричал по любому поводу. Хуже того, он вечно выражал недовольство, когда Маргарет хотела отлучиться в свой законный свободный вечер или взять полдня в воскресенье. Что же касалось полноценного выходного, Марр угрожал выставить девушку на улицу, если она будет отсутствовать целый день.

Маргарет познакомилась с Джоном Уильямсом на уличном празднике в один из тех редких случаев, когда ей удалось вырваться на свободу. Уильямс, служивший матросом на торговом судне, был старше ее на десять лет, хорош собою, с желтоватыми вьющимися волосами и веселым нравом. Он привязался к Маргарет.

Эмили замолчала. Громада Вестминстерского аббатства нависала над головой.

— А потом он ее обманул, — предположил Беккер, дабы облегчить долю девушки и самому произнести вслух неприятные слова.

Эмили кивнула.

— Похоже, что Уильямс питал к ней какие-то чувства, а не просто пользовался тем, что девушка так его полюбила. Но сути дела это не меняет. Они проводили друг с другом каждую свободную минутку, когда Маргарет удавалось ускользнуть из дома. Иногда Уильямс уходил в плавание на несколько месяцев. В начале октября тысяча восемьсот одиннадцатого года он как раз вернулся из Индии. Они страстно желали увидеться.

Бедняжка Эмили покраснела от смущения и поспешно продолжила:

— Вот тогда-то все и произошло. Два с половиной месяца спустя Маргарет вынуждена была наконец признать, что беременна. По утрам она чувствовала дурноту, и Марр распознал те же признаки, которые наблюдал на ранней стадии беременности жены. Он высказал девушке в лицо свои подозрения. Когда Маргарет признала их справедливость, Марр пришел в ярость. Он заявил, что Маргарет подписала с ним соглашение и он рассчитывал на нее, предполагал, что она будет помогать его жене с маленьким ребенком, но в сложившихся обстоятельствах она не сможет выполнять свои обязанности.

Маргарет пыталась убедить его, что способна проработать еще несколько месяцев, но Марр только кричал, что не потерпит у себя дома грешницу. Он вознамерился немедленно искать новую служанку и, сразу же как найдет, выставить Маргарет на улицу вместе с ее еще не родившимся ребенком.

Эмили помолчала, пытаясь подобрать слова, чтобы продолжить.

— Джон Уильямс был хорошо известен своим вспыльчивым характером. Когда Маргарет все ему рассказала, он пришел в еще большую ярость, чем Марр. Они с Маргарет собирались жить вместе, и Уильямс планировал отправиться в еще одно плавание и заработать там достаточно денег, чтобы позволить себе и девушке жилье. Чем дольше Маргарет оставалась на службе у Марра, тем больше у них

было времени, чтобы подготовиться к будущей совместной жизни. Теперь же все планы рушились.

— Уильямс отправился к Марру? — предположил Райан.

— Да. Он намеревался убедить Марра, чтобы тот оставил Маргарет на работе до его, Уильямса, возвращения из плавания. Но можете себе представить, как протекал разговор двух вспыльчивых и разгневанных друг на друга людей? Дело едва не дошло до драки, и в итоге Марр поклялся, что на следующий день, в воскресенье, Маргарет без проблем сможет взять свои полдня. Даже целый день. Собственно, и все последующие дни тоже, поскольку он не желает, чтобы эта грешница возвращалась к нему.

Случилось это в субботу после полудня. Сидя в своей комнатухе, Маргарет слышала каждое слово спора, но была слишком напугана, чтобы вмешаться. Она слышала, как взбешенный Уильямс шумно покинул лавку. Потом явился Марр и загрузил ее тяжелой работой до самого вечера. И отправил он девушку почти что в полночь якобы по срочному делу — расплатиться с пекарем и купить устриц — только для того, чтобы наказать. Он хорошо знал, как она боится темноты. Во время следствия она солгала.

— Что?

— Она не смогла расплатиться с пекарем и купить в лавке устриц по той простой причине, что не ходила ни в одно ни в другое место. У Маргарет было дурное предчувствие, и она пыталась разыскать Джона Уильямса.

В собор за время рассказа Эмили прошло множество людей. Лица у всех были напряжены — они явно шли помолиться о своей безопасности. Улица перед аббатством казалась пустынной. В обычный день в восемь часов утра ее бы заполняли правительственные чиновники в черных пальто, спешащие на службу. Но сегодня, похоже, многие из-за известных событий предпочли остаться дома.

— А проклятое правительство почти ничего не делает, — пробурчал спутнику сурового вида мужчина, входящий в аббатство.

Другой мужчина говорил женщине, шедшей с ним под руку:

— Знать-то бежала из города, отправилась в свои загородные дома. У них столько денег, что они могут нанять себе охрану. Но они

не рассчитывают на полицию. Ведь именно полицейский совершил убийства этим вечером.

— А еще говорят, что убийца — из моряков, — вторила ему женщина. — Никому нельзя доверять. Сегодня ночью кто-то ворвался в тюрьму «Колдбат филдз», убил ее начальника и выпустил на свободу тысячу заключенных. Господь помоги нам! А то ведь нас зарежут прямо во сне!

— И правительство нам не поможет, это уж точно.

— У лорда Палмерстона есть повод для беспокойства, — заметил Беккер, когда парочка скрылась в аббатстве.

— А он ведь еще не знает всего, — сказала Эмили.

— Что вы имеете в виду?

— Вы сейчас все поймете. Маргарет не могла найти Уильямса, потому что тот следил за лавкой. Когда Маргарет отправилась выполнять поручения, он зашел в лавку, чтобы еще раз поговорить с Марром. До этого он много выпил. С собой он принес молоток корабельного плотника, который один матрос оставил у него в комнате. Маргарет считает, что он собирался только поугадать Марра.

— Но не смог сдержать эмоции, — предположил Райан. — После убийства Марра Уильямсу необходимо было убрать всех, кто слышал, как они ссорились, и мог бы опознать его. Но ребенок? Он ведь не представлял для него никакой угрозы. Зачем он убил ребенка?

— Опьяненный джином и гневом Уильямс рассудил так: если Марр собирался наказать Маргарет, выгнать ее на улицу из-за ребенка, которого она должна родить, он тогда оплатит ребенку Марра, — пояснила Эмили.

Зазвенели, сотрясая воздух, колокола аббатства.

— Три дня назад я бы не поверил, что такое возможно, — сказал Райан.

— Маргарет заподозрила Уильямса в убийстве. На следующее утро, после того как ее допросили полицейские, девушка отправилась к возлюбленному и застала его дома. Она прямо спросила о том, что произошло, но он все отрицал. Она спросила еще раз, с б о льшим пристрастием, однако с тем же результатом. Но Маргарет прочитала все в его глазах. И что ей оставалось делать? Она не могла рассказать, что ждет ребенка, не имея законного мужа, а отец ее ребенка — тот самый человек, который зверски расправился с семьей Марра. Если

она скажет правду, ей останется только одна участь: выйти на улицу, чтобы заработать себе на жизнь.

— И она не озвучила свои подозрения, — пробормотал Райан.

— Она говорит: если бы только она никогда не встречала Уильямса, если бы между ними не вспыхнули чувства, если бы только она не проявила слабость...

— Все эти люди остались бы живы.

— Много лет ее мучило чувство вины, — сказала Эмили.

— А что с убийством Уильямсона через двенадцать дней? — спросил Беккер. — Я говорил инспектору Райану: как странно, что человек, которого звали Джон Уильямс, убил человека, чье имя — Джон Уильямсон.

— По словам Маргарет, Уильямс пребывал в прострации, был угрюм. Он так много пил, что девушка не могла находиться рядом. Он отыскивал ее, клялся в любви, но Маргарет его прогнала. Одним из значных мест, которые он посещал, была таверна, принадлежавшая Джону Уильямсону. Люди шутили, что эти двое, возможно, связаны родственными узами. Говорили, что Джон Уильямс по возрасту вполне годится в сыновья Джону Уильямсону, но вот Уильям-сын никак не может быть сыном Уильямса. ^[16]

— У меня голова кругом идет, — посетовал Райан. — Я уже начинаю думать как ваш отец. Уильям-сын?

— Вы понимаете? — спросила Эмили.

— Уильямсон. Сын Уильямса. Это сходство фамилий не давало ему покоя, — продолжил развивать мысль Райан. — Он убил сына Марра. Маргарет его бросила. Он мог никогда не увидеть собственного ребенка, возможно что и сына. Чувство вины терзало его, и наконец он окончательно лишился рассудка. Думаю, ваш отец сказал бы что-то вроде: когда Уильямс убил Уильямсона, он словно бы убил самого себя. И несколько дней спустя он действительно так и поступил: повесился в тюрьме «Колдбат филдз».

Двери аббатства внезапно распахнулись, и на улице загремел орган. Потянулись вереницей взволнованные прихожане — судя по лицам, не обретшие успокоения.

Органная музыка... Эмили вдруг поняла, где ей искать отца. Но времени на объяснения сейчас не было.

— Ребенок Маргарет, — произнесла она.

— Что с ним?

— Она родила сына. Зарабатывая на пропитание, она чистила водостоки, собирала на берегу реки куски угля. Ей удалось сохранить и выкормить ребенка. Когда мальчику было четыре года, она встретила отставного солдата и стала с ним жить.

— И?

— Мальчик получил фамилию этого солдата. Бруклин.

— ЧТО?!

— Сын Маргарет Джуэлл... сын Джона Уильямса... полковник Бруклин.

Де Квинси проснулся от прикосновения.

— Эй!

От испуга и неожиданности он, не глядя, лягнул ногой.

Кто-то вскрикнул и отскочил в сторону.

Де Квинси открыл глаза и увидел в бледном утреннем свете дюжину призрачных фигур. Люди встали полукругом и смотрели на него. Одежда на них была грязная и рваная, лица изможденные, кожа усеяна язвами.

— Я просто искал бритву, — сообщил нищий, чье прикосновение и разбудило Де Квинси.

— Думаете, я убийца? — Де Квинси, не обращая внимания на боль в поврежденном плече, оперся обеими скованными руками о перепачканную сажей стену и поднялся. — Разве я, такой старый и слабый, смог бы что-то противопоставить вам, молодым и сильным? Что мне могло быть от вас нужно?

— Может, вы хотели забрать наши ценности, — саркастически произнес другой нищий.

— А может, это вы пытались меня ограбить, — возразил Де Квинси.

— Подбородок у вас ободран, на пальто кровь — непохоже, чтобы у вас было что-то ценное. А почему вы в наручниках?

— Мы повздорили с лордом Палмерстоном.

— С господином Купидоном? Ха-ха.

— В самом деле. Лорд Палмерстон невзлюбил меня и приказал арестовать.

— Ну, не желаете говорить правду — дело ваше. — Нищий с угрожающим видом шагнул вперед. — Но что вы тут делаете?

— То же, что и вы. Мне нужно было передохнуть.

— Я имел в виду «здесь». Как вы нашли это место?

— Если господин Купидон и правда его ищет, он притащит сюда полицию, — посетовал один из нищих. — Они будут искать, пока не обнаружат наше пристанище. Давайте-ка вышвырнем этого малого на улицу.

— В конце туннеля еще можно ощутить запахи хлеба из пекарни?

— Пекарни?

— От аромата свежеспеченного хлеба у меня бурчало в животе. Но через некоторое время мой желудок стал таким маленьким, что я знал: даже если у меня вдруг и окажется хлеб, я не смогу его съесть. Тогда я ходил на то место и просто вдыхал запахи пекарни и представлял, будто на самом деле ем свежий хлеб.

— Откуда вы про это узнали?

— Еще в туннеле был поворот, и ступеньки вели оттуда наверх, во двор. Во дворе стояла водяная помпа. Я не особо доверял ей, но другой воды мне было не найти, так что я все равно пил.

— А об этом откуда вам известно?

— Больше пятидесяти лет назад здесь был мой дом. Я провел тут несколько недель, а потом нашел прибежище в пустующем доме на Греческой улице, недалеко отсюда.

Де Квинси осмотрелся по сторонам, ощущая груз прошедших пяти десятков лет.

— Иногда я думаю, что мучения, перенесенные мною здесь, ничто по сравнению с теми, которые выпали на мою долю позднее. Но, добрые джентльмены, я хочу просить вас об одной услуге.

— Хе! Джентльмены.

— Мы посторонним не помогаем за так, — пробурчал один из нищих. — Ты же знаешь, нам нужно есть.

— Знаю, уж поверьте. К несчастью, я сейчас испытываю денежные затруднения, но все же смогу с вами расплатиться.

— Как же?

— Вот этими наручниками. В правом кармане пальто вы найдете ключ от них.

Один оборванец быстро сунул руку в карман, вытащил ключ и отскочил подальше.

— Теперь ты никуда не денешься. Без нас ты не снимешь наручники.

— Я бы и так не смог этого сделать. Отверстие для ключа находится с внешней части, а туда мне не дотянуться. Пожалуйста, снимите их.

— А этот малыш забавный.

— А давайте оставим его вроде как пленника, — предложил какой-то умник. — Он будет развлекать нас своими разговорами.

— Точно. Как игрушка, которую вынимают из коробки.

— Лучше снимите наручники. Они вам пригодятся, — посоветовал Де Квинси. — Они будут ваши. Вы сможете их продать. Полицейские наручники вместе с ключом можно легко сбыть за пару фунтов людям, которые находятся не в ладах с полицией.

— Ну, я никогда об этом не думал.

— Так подумайте быстрее. Мне нужно торопиться.

Нищие заколебались.

— Пара фунтов, — пробормотал наконец один из них. — Давайте, ребята.

Вскоре руки Де Квинси были свободны. Он растер опухшую, воспаленную кожу, заставляя кровь быстрее течь по жилам.

— У меня есть и кое-что еще в качестве платы.

— О чем это он?

— Моя одежда.

— Э?

— Нужен кто-то примерно моей комплекции, с кем я смогу поменяться одеждой.

— Вы хотите поменять свою одежду на то, что носим мы?

— Кто-то моей комплекции, — подчеркнул Де Квинси. — Одежда должна сидеть на мне, будто моя собственная.

— Пожалуй, вроде вас будет только Джоуи. Вон он стоит. Сколько тебе годов, Джоуи? Пятнадцать?

Из группы выступил тощий паренек с лицом, обезображенным оспой. Одет он был в такое же рванье, как и все остальные.

— Думаю, так.

— Хочешь взять мою одежду? — спросил Де Квинси.

— Слишком она хорошая. Как я буду в ней попрошайничать? У меня в ней будет такой вид, что никто и пенни не даст.

— Но тебе будет теплее. И я не сомневаюсь, что она совсем скоро станет такой же затрапезной, как и твоя старая.

По правде говоря, отвороты брюк Де Квинси пообтрепались, пальто на локтях протерлось почти до дыр, но с учетом вечных долгов это было лучшее, что он мог себе позволить.

— Джоуи, и дай, пожалуйста, шляпу. У тебя густые волосы, они тебя согреют.

Пять минут спустя Джоуи, разглядывая «новые» штаны, натягивал «новое» пальто и выглядел невероятно гордым.

— Могу хоть сейчас отправляться на королевский бал.

— Скорее, на нищенский, — фыркнули в толпе.

Тем временем Де Квинси натянул лохмотья, полученные от Джоуи, и надвинул до самых глаз мятую шляпу.

— И куда вы намереваетесь идти в таком виде? — спросил изумленный нищий. — Мы стараемся избавиться от своих обносков, а вы, наоборот, захотели их надеть.

— Да, добрые джентльмены, я именно собираюсь кое-куда направиться, и мне понадобится от вас еще одна услуга.

— Что? Какая еще услуга?

— Кто из вас изображает безногого?

Нищие застенчиво переглянулись.

— Откуда вы знаете о...

— Я знаю все ваши хитрости. Один показывает фокусы. Кто-то исполняет акробатические трюки. Скорее всего, это Джоуи — он моложе всех и самый ловкий.

Джоуи не удержался и продемонстрировал свои умения: сделал несколько сальто и кувырок назад, а потом прошелся на руках.

Остальные зааплодировали.

— Bravo, — похвалил паренька Де Квинси. — Ну а что касается остальных, то один из вас поет. Другой прикидывается слепым. Третий убирает грязь с проезжей части, когда джентльмен с дамой переходят дорогу. Кто-то умоляет дать ему немного денег, чтобы купить билет на поезд и съездить навестить умирающую мать. И должен быть тот, кто притворяется безногим. И для этого человека у меня есть великолепное предложение.

— Что вы предлагаете?

Из толпы выступил, хромая, нищий. Годы, в течение которых он, изображая инвалида, подгибал под себя ноги, не прошли даром: колени были серьезно повреждены.

— Можно, я посмотрю на вашу платформу?

Мужчина на мгновение смутился.

— Ну, если вы так это называете...

— Принесите, пожалуйста.

Нищий скрылся за спинами товарищей и через несколько секунд вернулся, хромая, с прямоугольной доской на колесиках. Сверху к доске был прикреплен кусок старого толстого ковра. В середине имелось углубление, в котором нищий мог спрятать ноги, поджав их под себя, и создать таким образом впечатление, будто он лишился нижних конечностей от колен.

— Это лучшее из того, что я видел, — восхитился Де Квинси. — Дорогой друг, будьте так любезны прогуляться со мной дальше по туннелю. Мне нужно поговорить с вами наедине.

Остальные нищие подозрительно на них уставились, но Де Квинси невозмутимо взял «безногого» под руку и повел за собой. С каждым шагом мужчина вздрагивал.

— Друг мой, я должен позаимствовать у вас платформу.

— А как я буду просить милостыню без нее?

— Я не ошибусь, если предположу, что при случае вы с удовольствием пропускаете стаканчик-другой?

— Это одно из немногих удовольствий в моей жизни, — признался нищий.

— Я выскажу еще одно предположение. Наверняка вы также любите добавить в спиртное немного опиума?

— Вы говорите о лаудануме?

— Совершенно верно, друг мой. Чтобы унять боль в ноющих костях зимними вечерами. Вам это знакомо?

— Без него у меня ужасно болят колени. Без него я не могу заснуть от боли.

— И как бы вы отнеслись к предложению обменять вашу восхитительную платформу на некоторое количество лауданума?

— Но как это может быть?

— Прежде я хочу убедиться, что вам известны последствия приема лауданума. Я просто хочу, чтобы вы ощущали тепло в это холодное время года и могли спать крепко, не просыпаясь от боли.

— Вы говорите, что можно, типа, умереть от него?

— Такие случаи известны среди неопытных людей.

— Я потребляю лауданум с тех пор, как в первый раз оказался на улице. То же и они.

Нищий показал на своих товарищей.

— Вероятно, вы захотите разделить его с коллегами. В этом случае никто не выпьет слишком много.

— Разделить? Да как же это получится?

— Мы пришли к соглашению?

— Да! Да! Да! Где лауданум?

Де Квинси отвел хромого назад к разломанному ящичку, нагнулся и вытащил из-под него фляжку.

— Что это? — воскликнул один из нищих.

— Еще одна плата за ваши услуги. — Хотя Де Квинси отчаянно хотелось самому сделать глоточек, он протянул фляжку хромому. Отдать лауданум, — может быть, всего несколько раз в жизни ему приходилось идти на подобные жертвы. — Когда фляжка опустеет, вы сможете ее продать.

Нищий отхлебнул рубиновой жидкости и передал фляжку по кругу.

— Я вот думаю, будет ли такой уж большой наглостью с моей стороны просить вас еще об одном одолжении? — задумчиво протянул Де Квинси.

— Да уж, смелости у тебя явно не по росту.

— Пятьдесят лет назад, когда я обитал на этих улицах, существовало негласное правило: мы с моими товарищами «работали» на определенной территории. Я мог просить милостыню на участке от примыкающей к Гайд-парку оконечности Оксфорд-стрит до угла Бонд-стрит. До Гросвенора на юге и Вигмора на севере. Но если я выходил за эти границы, то попадал на территорию, контролируемую другой группой, и последствия для меня могли быть самыми неприятными.

— То же и сейчас, — кивнул один из нищих. — У нас есть свои места. Мы не мешаем друг другу. Живи и давай жить другим.

— Вы можете оказать мне неоценимую услугу. Точнее говоря, вы окажете неоценимую услугу Лондону и всей Англии, если свяжетесь с вашими ближайшими соседями и попросите их в свою очередь связаться с группами, «работающими» по соседству с ними.

— Для чего?

— Я ищу одного человека. Отставного армейского офицера. Он двадцать лет прослужил в Индии, получал награды как отличившийся в военных действиях. Ему немного за сорок, он необычайно высокого роста, с привлекательными чертами лица, которые, однако, вызывают у вас беспокойство, так как по ним невозможно судить ни о его мыслях, ни о чувствах. Всегда чисто выбрит. Волосы светло-каштановые, вьющиеся. Имеет строгую военную выправку. Одевается с изысканностью, подобающей человеку, который отвечает за охрану министра внутренних дел.

— Вы про лорда Палмерстона? Вы и правда знаете господина Купидона?

— Я только раз встречал лорда Палмерстона, сегодняшней ночью. И удовольствия мне эта встреча не доставила. А человека, о котором я желаю получить информацию, зовут полковник Бруклин.

— Что вы хотите узнать?

— Где он живет, где бывает, каковы его привычки. Одним словом, все сведения, какие только возможно раздобыть.

— Помочь Англии, так вы сказали? Но Англия нам ни шиша почти не помогает. Что мы поймеем за наши труды?

— Облегчение от осознания того, что он не убьет вас, пока вы спите.

— Это, конечно, хорошо, но я даже больше боюсь умереть от голода.

— Я гарантирую, что каждый, кто поможет мне найти полковника Бруклина, получит более чем достаточное количество еды.

— У тебя ж в карманах нет ни пенса. Как же ты можешь обещать нам такую хренотень?

— Об этом позаботится лорд Палмерстон.

— Человек, который хочет засадить тебя в тюрьму? И ты ожидаешь, что мы на это поведемся?

— Обещаю, что лорд Палмерстон проявит неслыханную щедрость, когда узнает, какое зло таилось рядом с ним. Джоуи, ты

теперь носишь приличную одежду и потому лучше всего подойдешь на роль наблюдателя. Тебе нужно будет сидеть на скамье в Грин-парке и наблюдать за особняком лорда Палмерстона на Пикадилли. Полковник Бруклин появится там сегодня. Возможно, что и не один раз. Ты не ошибешься — я подробно описал его внешность, да и суровый взгляд полковника скажет сам за себя. Запомни: он очень высокий, и выправка у него как у военного с многолетним стажем. Лицо чисто выбрито в отличие от всех этих политиков и прочих бюрократов с бачками, которые во множестве приезжают к лорду Палмерстону.

— И что мне делать, если я его увижу?

— Иди за ним следом. И попроси кого-нибудь из своих «коллег» отправиться сюда и доложить обо всем вот этому джентльмену, который любезно предоставил мне платформу.

— Клянусь, вы из нас детективов делаете! — воскликнул нищий с беззубой улыбкой.

— Героев, — поправил его Де Квинси.

В обычный вторник уже в ранний час Оксфорд-стрит была бы заполнена пешеходами и экипажами, а также многочисленными продавцами с их тележками, нагруженными кофе, выпечкой и устрицами. Но в этот день народу на улице было вдвое меньше обычного — ужас, вернувшийся в Лондон много лет спустя, заставил людей остаться дома.

Пять дюжин городских газет спешно напечатали дополнительные экземпляры специальных выпусков, но удовлетворить бешеный спрос не могли. Быстро распространились слухи, что убийств было больше, чем сообщают газеты; говорили, что убийства произошли едва ли не в каждом квартале. Очень многие полагали, что после убийства начальника тюрьмы «Колдбат филдз» оттуда бежали все заключенные и теперь город захлестнет невиданная волна насилия. Ведущие из Лондона дороги были забиты колясками — это состоятельные горожане направлялись в свои загородные имения. На железнодорожных станциях было не протолкнуться: там скопились все, кто мог позволить себе купить билет.

Посему возможные наблюдатели, следящие за Оксфорд-стрит в надежде обнаружить худенького, маленького роста мужчину

шестидесяти девяти лет, имели все причины полагать, что в отсутствие привычной суеты заметить этого человека не составит труда.

В том, что наблюдатели будут, Де Квинси не сомневался. Ночью, перед тем как его увезла карета, он сказал дочери (в присутствии Бруклина), что она найдет его там, где он слушал музыку. Бруклин не смог бы понять смысла этих слов. Но беда в том, что и Эмили тоже могла не догадаться. Де Квинси оставалось только молиться, чтобы девочка вспомнила, как в воскресенье они приходили на Оксфорд-стрит и он показывал ей тот самый угол, на котором пять десятков лет назад вместе с Энн слушал игру органиста. Но между тем полковник наверняка отправит своих людей во все уголки Лондона, где, по его мнению, Де Квинси может встретиться с дочерью. И Оксфорд-стрит, которая являлась столь важной вехой в прошлой жизни Любителя Опиума, окажется в начале списка.

Однако Бруклин не мог знать — и никто не мог, если только он не погибал здесь от голода, — изнанку Оксфорд-стрит, тот потайной мир, в котором существовали местные нищие.

Тот, кто наблюдал бы сейчас за улицей, увидел бы, как постепенно оборванцы всех мастей выползают на свет божий из многочисленных дыр. Они взирали на окружающую унылую действительность и, более мрачные, чем обычно, ползли на свои места. Среди них находился и безногий. Несчастный с низко опущенной на грудь головой передвигался на маленькой деревянной платформе, установленной на колесики. Чтобы не обдирать руки о выложенный камнями тротуар, нищий использовал небольшие дощечки. Он отталкивался ими и таким образом продвигался вперед.

Каждый раз, когда колесико платформы попадало в щель между камнями, колени Де Квинси пронзала боль. Подогнутые ноги сводило судорогой, и Де Квинси сокрушался по поводу того, что не отхлебнул из фляжки перед тем, как отдать ее своим новым товарищам. Совсем скоро жажда лауданума еще больше усилит страдания. В голове пульсировала тупая боль, а лоб был мокрым от пота. Вспотел он не оттого, что приходилось толкать неудобную тележку, а от затаившегося воздержания.

Логика подсказывала, что любой возможный наблюдатель вынужден будет оставаться неподвижным: притворяться, будто читает

газету, или поджидает кого-то, или глядит в витрину. Де Квинси заметил несколько человек, подходящих на роль шпионов, но когда проехал мимо одного из таковых, то удостоился лишь мимолетного безразличного взгляда. Воистину, те, кто принадлежит к самым низшим слоям общества, не вызывают ни у кого ни малейшего интереса.

Де Квинси добрался до ближайшего проулка и вкатился на тележке в густую тень. Только убедившись, что никто его не видит, он слез на землю, подхватил тележку и сошел вниз по ступенькам. После нескольких минут, проведенных почти в полной темноте, он вышел к очередной системе туннелей. Пролез через дыру в проржавевшем ограждении и долго двигался по настоящему лабиринту, пока наконец не оказался у подножия лестницы. Поднялся и выбрался в грязный, унылый дворик, в котором ютилось с пару дюжин жалких лачуг.

На него уставилась женщина с изможденным лицом.

— В такую рань — уже клиент. Непохоже только, что у него в кармане найдется хоть пара пенсов.

Вторая, такая же осунувшаяся, тоже поглядела на Де Квинси.

— Скажи ему, мы не общество благотворительности для нищих.

— Доброе утро, милые дамы. — Де Квинси улыбнулся и приподнял мятую шляпу. Шрам на подбородке отозвался на улыбку болью. — Как вы поживаете в это прекрасное утро?

— Вовсе и неостроумно. Давай шиллинг, а иначе даже и не мечтай поиграть в «туда-сюда-обратно».

— Вы ошибаетесь в отношении моих намерений, милые дамы, — сказал Де Квинси и водрузил шляпу на место. — Я пришел сюда с дружеским визитом. Дорис и Мелинда ведь здесь обитают?

— Дорис и Мелинда? Откуда ты...

— Добрые люди на улице подсказали, что я смогу найти их здесь.

— Слушай, а мне знаком твой голос. Где-то я его уже слышала.

— Конечно слышали, милая дама. В Воксхолл-Гарденс, вчерашним утром. Вы все выдавали себя за Энн. — Де Квинси с трудом подавил горькие воспоминания. — Впрочем, я тогда был одет немного приличнее.

— Чтоб тебе провалиться! Это же тот малыш! Что с тобой приключилось?

— Фортуна повернулась ко мне спиной, после того как я встретился с тем самым человеком, который заплатил вам за представление в Воксхолл-Гарденс. Дорис, ведь это вы.

— Этот гомик пообещал заплатить каждой из нас еще по соверену. Божился, что придет вчера вечером, но просто кинул нас. Мы упустили клиентов, пока ждали его.

— Я могу устроить так, что вы получите деньги, которые он вам пообещал, но не дал.

— И как такое возможно?

— Мелинда, это вы? Я узнал ваш прелестный голос.

Мелинда захлопала ресницами.

Вторая женщина засмеялась.

— Вам заплатит лично лорд Палмерстон, — сообщил Де Квинси.

— А вы с господином Купидоном приятели, что ли?

— Мы с ним, безусловно, знакомы. Если вы, добрые дамы, уделите мне несколько минут, надеюсь, я смогу убедить вас стать моими шпионками.

Глава 15

ВОСКОВАЯ СТАТУЯ

Мадам Тюссо предпочитала мертвецов. Живые люди, в особенности такие знаменитости, как Вольтер, Руссо и Бенджамин Франклин, с восторгом воспринимали идею о том, чтобы их двойники обрели бессмертие. Однако, когда дело доходило до ее практического воплощения, они громко жаловались на неудобства, связанные с необходимостью долго находиться без движения, пока Тюссо снимала слепки, на основе которых затем и создавала жутковатые восковые фигуры.

Мертвецы же не выказывали признаков нетерпения. Во время Великой французской революции Тюссо постоянно наведывалась в морги и искала отсеченные головы известных жертв террора, с которых делала посмертные маски. Работы ее были столь искусными, что революционеры сами заставляли ее продолжать отливать восковые копии выдающихся жертв гильотины. В поисках более спокойной обстановки Тюссо объездила со своей жуткой коллекцией всю Европу и в конце концов осела в Лондоне, где и организовала Музей восковых фигур.

Хотя посетители музея утверждали, что приходят к мадам Тюссо затем, чтобы увидеть величественные изображения известных людей, таких как, например, сэр Вальтер Скотт, вполне вероятно, что на самом деле большинство интересовалось Кабинетом ужасов. За дополнительную плату в шесть пенсов они могли полюбоваться на окровавленные головы Робеспьера, короля Людовика Шестнадцатого и королевы Марии-Антуанетты. Посетители могли сами решить, обладала ли она такой красотой, какую ей приписывала молва. Также здесь были выставлены восковые фигуры знаменитых преступников. Все они были запечатлены за совершением своих гнусных преступлений.

Музей восковых фигур находился всего в полумиле к северу от Оксфорд-стрит, в западной части Бейкер-стрит. Сейчас перед зданием музея остановился двухколесный экипаж, из которого вышел чисто выбритый мужчина с вьющимися волосами, суровым взглядом и

приобретенной за долгие годы службы военной выправкой. Незадолго до этого он отправил сюда агента, и тот заплатил, чтобы музей на время закрыли. Прибывший в экипаже показал специальный билет, приобретенный для него тем же агентом, и служащий впустил его внутрь.

Полковник Бруклин (а это был конечно же он) не задержался, чтобы полюбоваться до жути живыми восковыми фигурами различных достойных личностей вроде лорда Нельсона. Он убедился, что других посетителей в музее нет, и направился в заднюю часть здания, где помещался Кабинет ужасов. До Бруклина дошли слухи о том, что в Кабинете после субботнего убийства появилась новая экспозиция. Точнее было бы сказать: она появилась там *снова*. Эта экспозиция была одной из самых популярных среди коллекции мадам Тюссо, когда она много лет назад ездила с ней по Англии.

Бруклин уже видел ее, когда был еще совсем юным, до того как записался добровольцем в армию. Собственно, он приходил смотреть на нее много раз, но так и не смог привыкнуть, потому и вынужден был возвращаться к восковому изображению снова и снова.

Табличка на стене сообщала:

ДЖОН УИЛЬЯМС СОВЕРШАЕТ СВОЕ ПЕРВОЕ
УБИЙСТВО НА РЭТКЛИФФ-ХАЙВЕЙ
(Суббота, 7 декабря 1811 года)

И чуть ниже:

«САМЫЕ БЕЗУКОРИЗНЕННЫЕ УБИЙСТВА ИЗ ВСЕХ
КОГДА-ЛИБО СОВЕРШЕННЫХ»
ТОМАС ДЕ КВИНСИ
«УБИЙСТВО КАК ОДНО ИЗ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ»

Бруклин уставился на сцену убийства, настолько искусно воссозданную, что действующие лица казались живыми. Только веревочное ограждение удерживало полковника от того, чтобы не вступить внутрь лавки. Зажженные лампы отбрасывали тени и создавали зловещую атмосферу. На полу с разможенной головой лежала женщина. Чуть дальше распростерся молодой человек, голова его также была проломлена. Повсюду виднелась кровь. Убийца,

свирепного облика мужчина, как раз занес молоток корабельного плотника и готовился обрушить удар на человека, опустившего голову на прилавок. Позади него на полках лежали забрызганные кровью товары: белье и носки.

Бруклин знал, что сцена убийства отображена неверно. Сорок три года назад Тимоти Марр, владелец лавки, в ужасе скрючился за прилавком. Кроме того, позади мертвого помощника Марра виднелись обломки разбитой колыбельки, а из-под одеяла торчал предмет, который должен был изображать окровавленную детскую головку. На самом же деле ни разломанную колыбельку, ни младенца нельзя было увидеть из лавки, так как это убийство совершилось в спальне.

Впрочем, эти неточности не имели большого значения. Что действительно было важно — это лицо убийцы. Изображенное в профиль, оно было повернуто в направлении распостертых на полу жертв, словно убийца хотел насладиться зрелищем, перед тем как нанести смертельный удар Тимоти Марру.

Мадам Тюссо не имела возможности лично увидеть тело Джона Уильямса, когда он повесился в тюрьме «Колдбат филдз». Ей пришлось основываться на наброске, сделанном художником (а он изобразил убийцу как раз в профиль) вскоре после того, как повешенного вынули из петли.

Набросок тот не являлся частью экспозиции, но Бруклин и так знал, что восковая фигура Джона Уильямса в точности соответствует изображению, созданному художником.

А знал это Бруклин потому, что еще в юном возрасте нашел копию наброска. Он постоянно таскал его с собой в кармане, пока тот совсем не обтрепался и не понадобилось доставать новую копию. Юный Бруклин без устали изучал его, полный решимости проникнуть в тайны изображенного на нем человека. Кем же ты был, Джон Уильямс?

Кем же ты был, отец?

Мать, зарабатывавшая на хлеб тем, что собирала по берегу Темзы куски угля, во время промысла носила сына на спине. Обитали они вдвоем в жалкой лачуге возле доков вместе с тремя такими же несчастными женщинами. Когда он немного подрос, то стал замечать, что по ночам мать часто плачет, что ее терзает какая-то душевная мука.

Но как он ни расспрашивал ее о причинах горя, мать категорически отказывалась что-либо объяснять.

Он не знал в точности, как пересеклись пути матери и отставного армейского сержанта Сэмюэля Бруклина или как вышло, что они трое поселились в несколько более приличном домишке здесь же, в районе доков. Бывший сержант, ветеран Ватерлоо, работал помощником мусорщика. Он собирал в тачку угольную золу из печей и отвозил в один из портовых складов. Там золу просеивали на случай, если в ней обнаружатся случайно оброненные или выброшенные ценные предметы, а после продавали на фабрики, выпускающие удобрения и кирпичи.

В конце концов отставной сержант пристроил приемного сына работать у того же мусорщика, и вскоре все считали его настоящим отпрыском Бруклина. Точно так же и мать говорила о себе как о миссис Бруклин, хотя женаты они не были. Но несмотря ни на что, ее по-прежнему терзала печаль, и она плакала по ночам.

И однажды он узнал почему.

Они с матерью проходили недалеко от доков, как вдруг шедшая навстречу женщина спросила:

— Маргарет! Боже мой, это ты?

Мать продолжала идти и тащила мальчика за собой.

— Маргарет? Маргарет Джуэлл, это ведь ты.

Звали мать действительно Маргарет, но прежде она всегда говорила, что ее фамилия Броуди. Так было, пока она не познакомилась с отставным сержантом и не взяла его фамилию.

Женщина догнала их и спросила:

— В чем дело, Маргарет? Ты меня не узнаешь? Я — Нэнси. Работала в лавке через три дома от Марра.

— Может, я просто на кого-то похожа, — довольно грубо ответила мать. — Не знаю я никакого Марра. Уверена, что никогда вас раньше не видела.

— Как же? Убийства на Рэтклифф-хайвей. Готова поклясться... Вы действительно не Маргарет? Извините. Должно быть, обозналась. Но я так была уверена...

Женщина отстала, а мальчик с мамой продолжили путь.

— Убийства на Рэтклифф-хайвей? — спросил он.

— Это тебя совсем не касается, — отрезала мать.

Но было что-то такое в ее глазах — затравленный взгляд, и мальчик решил разузнать все об этих убийствах и выяснить, какую роль в них играла Маргарет Джуэлл.

Однажды, возвращаясь после работы со склада, он сделал небольшой крюк и отправился на Рэтклифф-хайвей. Там он задавал вопросы об убийствах и пришел в ужас, услышав подробности. Хотя минуло уже одиннадцать лет, люди, жившие по соседству, по-прежнему с содроганием вспоминали те дни.

Как-то вечером он обнаружил, что мать сидит в одиночестве в их хибарке и плачет.

— Скажи, женщина, которую мы встретили несколько дней назад, действительно узнала тебя? Ты — Маргарет Джуэлл?

Взгляд матери напугал мальчика — он будто бы обвинил ее в чем-то, а не задал вопрос.

— Ты работала в семье Марра, которую убили?

Лицо матери исказилось от ужаса.

— Ты знала Джона Уильямса? Он вроде был известен в тех краях и иногда заходил в лавку Марра.

Мать зарыдала в голос.

В хибару ворвался Бруклин, но ему не удалось успокоить Маргарет.

— Что произошло?

— Я просто спросил ее об убийствах на Рэтклифф-хайвей, — ответил мальчик.

— А почему ты об этом спрашиваешь?

— Просто услышал. Мне стало любопытно.

— Я тогда работал в доках. Тебе не представить, какой ужас все испытывали. А через двенадцать дней произошли новые убийства.

Мать укрыла лицо в ладонях.

— Маргарет, что тебя беспокоит? — спросил Бруклин. — Ты знала кого-то из убитых?

Спустя несколько дней мальчик после работы снова отправился в район Рэтклифф-хайвей. Расспросы привели его в таверну «Кингз армз», в которой произошло второе убийство.

В одном из окон таверны была выставлена копия портрета, чтобы все прохожие могли ее увидеть. На рисунке был изображен в профиль

мужчина с вьющимися волосами, высоким лбом, острым носом и сильным подбородком. Внизу стояло имя, но мальчик не умел читать.

Рядом с рисунком имелась табличка с текстом, но его он тоже прочесть не мог.

— Сэр, — обратился он к проходящему мимо мужчине, — не будете ли вы так любезны сказать мне, что там написано?

Мужчина одет был просто и явно не относился к числу тех, кого часто называли сэром, но мальчик из походов по домам, где он собирал золу, вынес заключение, что притворяться вежливым выгодно — таким путем можно заработать себе, скажем, кусок хлеба. Вдобавок к этому он польстил мужчине, предположив, что тот умеет читать.

— Конечно, мальчик. Под этим рисунком написано имя — Джон Уильямс. Ужасный был тип. Об этом как раз говорится на втором листке.

Мужчина, ведя пальцем по строчкам, прочитал текст:

— Здесь девятнадцатого декабря тысяча восемьсот одиннадцатого года гнусный убийца Джон Уильямс зверски убил хозяина таверны Джона Уильямсона, его жену и служанку. — Помолчал и добавил: — Не очень-то хорошо использовать убийства, чтобы привлечь посетителей в таверну.

Мальчик уставился на изображение Джона Уильямса. Фонарный столб находился позади, проходящие по улице люди заставляли тени двигаться, и мальчик видел отражения в стекле. Увидел он и собственное отражение, свое лицо совсем рядом с профилем Уильямса: тот же высокий лоб, острый нос и сильный подбородок.

— Лучше тебе не глядеть на него слишком долго, — посоветовал прочитавший надпись мужчина. — У тебя такие же вьющиеся волосы, и ты немного на него похож. Ты же не хочешь, чтоб тебя мучили кошмары?

— Нет, сэр.

— Что, не умеешь читать, да? А не желаешь научиться?

Мальчик на мгновение задумался, а потом понял: если он не овладеет грамотой, то не сможет узнать больше о Джоне Уильямсе и убийствах на Рэтклифф-хайвей.

— Да, сэр, я не умею читать. И — да, сэр, я бы хотел научиться.

— Хороший мальчик. Знаешь, где находится церковь Святого Николая? Вон там, у доков. Святой Николай — покровитель моряков и

торговцев.

— Эта церковь стоит возле склада, где я работаю на мусорщика Кендрика.

— Так ты мусорщик? А хочешь для себя лучшей участи?

— Да, сэр.

— Утром в воскресенье приходи к девятичасовой службе. Я помогаю пастору, а после окончания службы учу людей читать Библию. Я знаю, в этот день у тебя выходной, но всем детям, которые приходят, чтобы выучиться, как читать Слово Божье, я даю булочку.

Желудок мальчика при упоминании о булочке сжался.

— Спасибо, сэр.

— С такими хорошими манерами, мой мальчик, ты далеко пойдешь. А теперь делай, как я тебе сказал: перестань смотреть на этого убийцу, а не то тебя будут преследовать кошмары по ночам.

К изумлению матери и приемного отца, он каждое воскресенье стал ходить в церковь. Мальчик отсиживал всю службу, а после нее посещал уроки чтения, за что получал законную булочку. Он быстро превратился в лучшего ученика из всех, которых когда-либо знала эта церковь. Уже через год он мог прочесть любой отрывок из Библии, предложенный учителем.

Он заходил в редакции газет и узнал, что там в архивах хранятся все сообщения, касающиеся Джона Уильямса и убийств на Рэтклифф-хайвей. Он читал любые материалы, какие находил, и через некоторое время выучил их наизусть.

Мальчику удалось отыскать копию портрета Уильямса, и он постоянно носил ее с собой и рассматривал, когда никто за ним не наблюдал.

— Мама, кто был моим отцом? — спросил он однажды.

— Он умер много лет назад.

— Но кем он был? Расскажи о нем.

— Мне больно о нем вспоминать.

— Как он умер? Ты из-за этого рыдаешь по ночам?

— Я не хочу об этом говорить.

— Как его звали?

Мать отвернулась и промолчала.

Мальчик продолжал после работы наведываться на Рэтклифф-хайвей. Частенько он заходил в здание, в котором убили Марра и его

домочадцев. Там по-прежнему помещался магазинчик, торгующий одеждой, и выглядел он в точности так, как был описан в газетных отчетах. Мальчик стоял и представлял, где лежали тела, где кровь запятнала пол и стены.

Он вернулся к таверне «Кингз армз», зашел на этот раз внутрь и также пытался вообразить, где находились трупы, где была кровь.

Он представлял себе, как идет следом за телегой, на которой тело отца на глазах у двадцати тысяч любопытствующих зрителей везли к пересечению Кэннон и Кэйбл-стрит. Здесь он и был захоронен, и сердце его пронзили колом. Мальчик выходил на середину перекрестка, мимо проносились экипажи, рассерженные возницы орали, чтобы он убрался с дороги, а мальчик стоял и гадал, не покоятся ли прямо под его ногами останки отца.

Он сидел под элинггом, когда его отыскал приемный отец.

— Прекрати!

Мальчик резко обернулся. Одной рукой он зажимал коту морду, чтобы тот не мог мяукать. Лапы животного были связаны.

— Зачем ты это делаешь? — спросил Бруклин.

Он выхватил из другой руки мальчика нож, заставил отпустить кота и распутал веревки на лапах. Хотя животное и было изранено, оно мигом бросилось прочь.

Как-то вечером мальчик показал матери портрет Джона Уильямса.

— Это мой отец? — спросил он.

Женщина отпрянула от листа бумаги.

— Джон Уильямс мой отец. Правда?

Мать с ужасом смотрела на сына.

— Почему отец убил всех этих людей?

Она молчала.

В комнату ворвался Бруклин и рявкнул:

— Какого черта ты опять натворил?

— Я спросил, правда ли, что Джон Уильямс был моим отцом.

Мать зарыдала и упала на колени.

Бруклин толкнул мальчика к выходу.

— Оставь ее! Убирайся! Я не хочу больше видеть тебя здесь!

— Ты мне не отец! Ты не можешь мне приказывать!

Отставной сержант выпучил глаза и пошатнулся. Часто дыша, он с недоумением воззрился на нож, который мальчишка воткнул ему в

живот.

— Скажи мне, мать. Я сын Джона Уильямса?

— Ты — чудовище. Такое же, как твой отец.

Мальчик и ее ударил ножом, сбросил на пол лампу и вышел из хибарки.

За его спиной сквозь треск пламени пробивались крики.

Бруклин был поглощен созерцанием восковой фигуры своего отца, замахающего молотком, когда звук приближающихся шагов вернул его в настоящее.

Он обернулся и увидел, как на пороге показались трое мужчин. Двое прошли в комнату, а третий остался караулить у входа, чтобы никто не подслушал из коридора.

Бруклин шагнул навстречу и остановился напротив восковой композиции, изображавшей «похитителей тел», Бурка и Хэя. Похитители были запечатлены в самом разгаре работы: они доставали труп из только что выкопанного гроба. Согласно надписи на табличке, Бурк и Хэй продавали трупы врачам, у которых практически не было легальных способов получить человеческие тела для медицинских исследований. Чтобы доставлять нанимателям как можно более свежие экземпляры, Бурк и Хэй начали сами совершать убийства.

Бруклин с умыслом решил переговорить с сообщниками здесь, а не возле фигуры Джона Уильямса. Он не хотел, чтобы подельники обратили внимание на его сходство с известным убийцей.

— Ночью в тюрьме убили Энтони, — сообщил Бруклин.

Вновь прибывшие некоторое время переваривали информацию, и наконец тот, что стоял у дверей, сказал:

— В газетах говорилось, что в тюрьме убили начальника и еще одного человека. Но не Любителя Опиума. Кого-то другого. И я надеялся, что не Энтони.

— Он очень убедительно изобразил наемного убийцу возле особняка лорда Палмерстона, — заметил Бруклин. — А фейерверк, который он устроил в Грин-парке во время отступления, запомнится надолго.

— Вечная ему память, — произнесли стоявшие в комнате мужчины.

— Вечная память, — с серьезным лицом повторил полковник. — Он был достойным человеком и храбрым воином. Сегодня вечером мы воздадим должное его памяти.

— Здесь, — сказала Маргарет.

— Приехали, — сообщил Райан кучеру.

Экипаж остановился возле пекарни на унылой улочке в районе трущоб «Семь циферблатов». Хотя на окрестных улицах было непривычно пусто, в самой пекарне толпился народ.

— Что тут происходит? — нахмурился Беккер.

Констебль и Эмили помогли Маргарет выйти из экипажа и проводили ее в здание. Вокруг толпились возбужденные люди, все суетились, куда-то спешили. Некоторые держали в руках хлеб.

— Я уж думал, ты уволилась, — буркнул из-за прилавка владелец пекарни.

— Я отлучилась по личным делам, — объяснила Маргарет.

— Тогда надевай поскорее передник и иди сюда. Мне одному не справиться с таким потоком покупателей. Всем нужно запастись достаточно еды, чтобы потом не выходить из дому, когда стемнеет.

— Маргарет, — прошептала Эмили, — никто не догадывается, что ты работаешь в этой пекарне. Здесь ты в безопасности. И ты нам нужна, так что не оставляй нас.

— Значит, там, где ваш отец слушал музыку, — произнес Райан.

Экипаж двигался по Оксфорд-стрит.

— Мне приходит на ум только одно место, — сказала Эмили. — Я представляла себе концерт, игру скрипок и труб, но отец никогда не упоминал место, куда он ходил бы слушать концерт. А потом я услышала орган в Вестминстерском аббатстве и поняла, что музыка бывает и другого рода. Бывает уличная музыка. Отец рассказывал мне, как в юные годы, когда он вел полуголодный образ жизни на Оксфорд-стрит, они с Энн любили приходить на один перекресток и там слушали, как играет шарманщик.

— Вы помните, какой именно перекресток показывал вам отец? — спросил Беккер.

— Вперед и направо.

— Народу на улице мало. Если ваш отец здесь, мы без труда его увидим.

— То же можно сказать и о людях Бруклина, — заметил Райан. — Видите вон того человека и этого? Один делает вид, будто читает газету, второй — что глазеет в витрину, но на самом деле они внимательно наблюдают за улицей. Великолепно! Они работают на лорда Палмерстона, но Бруклин может приказать им делать все, что нужно ему.

— Вот этот угол, — сказала Эмили. — Но я нигде не вижу отца.

— Возможно, он где-то поблизости. Остановите, — скомандовал Райан кучеру.

Инспектор вылез из экипажа, пересек улицу и с озабоченным лицом зашел в лавку.

— Чем могу вам помочь, сэр? — подскочил к нему услужливый продавец.

— Извините, я ошибся.

Райан покинул лавку, огляделся и, не увидев Де Квинси, зашагал обратно к экипажу.

Безногий нищий на углу в низко надвинутой на глаза шляпе постучал кружкой по камням и жалостливо произнес:

— Добрый сэр, не найдется у вас лишнего пенса?

Райан целеустремленно шел в сторону экипажа.

— Инспектор Райан, — негромко произнес нищий, — только не удивляйтесь.

Услышав свою фамилию, инспектор едва не споткнулся.

«Де Квинси?»

Впрочем, Райану неоднократно доводилось встречаться с информаторами в самом разном обличье, поэтому он сохранил невозмутимый вид и бросил в кружку монету в шесть пенсов.

— Встретимся на соседней улице, — сказал Де Квинси и ловко выудил из кружки серебряную монетку. — У Кавендиш-сквер.

Райан забрался в коляску и скомандовал кучеру:

— Проедете два квартала, потом повернете в сторону следующей параллельной улицы.

— Но как же отец? — забеспокоилась Эмили.

— Обещайте смотреть только вперед.

— Почему?

- Просто смотрите вперед и не оборачивайтесь.
- Инспектор, объяснитесь, пожалуйста.
- Там, на углу, был ваш отец.
- Как? Тот нищий без ног?

Де Квинси остался на месте и продолжал призывно стучать кружкой по брусчатке. Проходившие мимо пешеходы игнорировали «нищего». Когда экипаж завернул за угол, Де Квинси двинулся на платформе в противоположном направлении. Он проехал мимо одного из людей Бруклина, наблюдавших за улицей, через пару десятков метров свернул в узкий переулок, прыгнул с платформы и спустился в систему туннелей.

Через несколько минут он оказался в том самом месте, где рано утром заключил сделку с местными нищими.

Владелец доски на колесиках бродил прихрамывая то в одну сторону, то в другую — разминал ноги.

— Я же на этой... как вы там ее называете?.. да, на этой платформе провел двадцать лет. Ходить как-то непривычно. Ноги болят даже сильнее, чем когда я подгибал их под себя.

— Мне она больше не потребуется, — сказал Де Квинси. — Вот шестипенсовик, который мне подали. Большое вам спасибо, добрый человек. И скажите: есть какие-нибудь новости?

— Кое-кто вроде бы видел, как этот Бруклин зашел в Музей восковых фигур Тюссо на Бейкер-стрит и через некоторое время вышел оттуда. А еще есть у нас предположение, где может жить этот парень.

— И какой у него адрес?

Когда Де Квинси услышал название улицы, он открыл от удивления рот.

— Я его не вижу, — сказала обеспокоенная Эмили. — Мы уже дважды объехали Кавендиш-сквер, я рассматривала всех нищих, но отца не заметила... — Она замолчала и вдруг воскликнула: — О!

Из кустов вынырнул худой человек в рваной одежде, проскочил в открытую металлическую калитку и бросился к коляске. Беккер быстро отворил дверцу, и нищий заскочил внутрь.

— Эй, ты! — воскликнул кучер.

— Все в порядке, — успокоил его Райан.

Пока констебль закрывал дверцу, Де Квинси лежал на полу, чтобы его нельзя было разглядеть в окно.

— Никто меня не увидел?

— Я, по крайней мере, ничего не заметил, — ответил Беккер.

— Отец, ты дрожишь.

— Мне нужно мое лекарство.

— Но мы не можем купить вам лауданум, — предупредил Райан.

— Я вас об этом и не просил. — Де Квинси утер с лица пот и продолжил: — Мне известно имя человека, которого мы ищем.

— Да, отец, мы знаем. Это полковник Бруклин.

— Как? Вы пришли к тому же заключению?

Де Квинси так удивился, что на некоторое время даже позабыл о боли.

— Отец, мы разговаривали с Маргарет Джуэлл.

В первый раз за всю жизнь Де Квинси не нашелся что сказать.

Эмили в двух словах объяснила, что им удалось узнать.

— В то время Маргарет стыдилась рассказать всю правду. Она стала жить с отставным сержантом и взяла его фамилию — Бруклин.

— Так Бруклин — сын Джона Уильямса? — поразился Де Квинси.

— Мальчик просто помешался на всем, что было связано с отцом. Он постоянно приходил на места его преступлений. Однажды во время спора об Уильямсе он ударил ножом сначала приемного отца, а затем и Маргарет и поджег лачугу, в которой они жили. Сержант погиб в огне, но Маргарет удалось выбраться. Больше она мальчика не видела.

— Но мы располагаем пока только догадками, — покачал головой Де Квинси. — Когда я заметил лорду Палмерстону, что полковник вполне подходит под мое описание убийцы, господин министр пришел в ярость. Палмерстон не в силах вообразить, что герой войны, заслуженный офицер и, кроме того, наиболее доверенное лицо в его окружении, человек, которому он доверяет свою жизнь, является хладнокровным, жестоким убийцей.

— Я знаю, кто может нам поверить, — сказал Райан.

— Кто же?

— Комиссар Мэйн. Это он поведал нам с Беккером о первых убийствах на Рэтклифф-хайвей.

— Его необходимо будет убедить.

— Господи! Я больше не могу спокойно смотреть, как вас трясет, — воскликнул Райан. — Кучер, остановите!

Райан выскочил из коляски, зашел в аптеку и вскоре вернулся с бутылочкой рубиновой жидкости.

— Я потратил практически последний свой шиллинг. Расходуйте экономно.

Де Квинси схватил пузырек и, казалось, собрался выпить его целиком, но удержал трясущуюся руку и сделал лишь один глоток.

Потом закрыл глаза и задержал дыхание. Выдохнул. Посмотрел на Райана, и лицо его уже не выглядело таким измученным.

— Благодарю вас, инспектор.

— Только, ради всего святого, никому не рассказывайте.

— Правда, я этого не забуду. А теперь отправляйтесь к комиссару Мэйну. Мы же с констеблем и Эмили попробуем найти Бруклина.

— Мы с Беккером больше не служим в полиции. Если комиссар откажется меня выслушать, нам придется рассчитывать только на самих себя. И что мы будем делать? Бродить по Лондону в надежде разыскать Бруклина?

— Мы вовсе не одиноки, инспектор. И бродить по Лондону нам тоже не придется. Мои информаторы раздобыли крайне важные сведения. Я могу с уверенностью утверждать, где живет полковник.

И Эмили, и Беккер удивились, узнав, что цель их поездки находится столь близко. Де Квинси попросил кучера вернуться на Оксфорд-стрит и ехать по ней на восток, а затем свернуть на юг в направлении Сохо-сквер.

— Когда в юности я нищенствовал на лондонских улицах, я часто приходил на площадь Сохо-сквер, — рассказывал по дороге Де Квинси. — Тогда еще не существовало этой ярмарки, да и фабрики Кросса и Блэкуэлла тоже не было. Но вот крыльцо там, впереди, выглядит точь-в-точь таким же, как пятьдесят два года назад, когда я совсем без сил сидел на нем рядом с Энн. Все это происходило как будто вчера. Если бы Энн тогда чуть промедлила, я бы... — Де Квинси прогнал неприятные воспоминания. — А здесь, прямо за площадью...

— Греческая улица, — прочитала Эмили название на одном из домов. — Отец, ты ведь писал об этих местах.

— Да, в «Исповеди...». Я уехал далеко отсюда, но вот я снова здесь. Пожалуйста, остановите, добрый человек, — попросил Де Квинси.

— Ни один седок еще не обращался ко мне так вежливо, — проговорил возница и натянул поводья.

— Дом номер тридцать восемь. Я пережил холодную зиму отчасти благодаря загадочному человеку, который пожалел меня и разрешил ночевать в доме, в котором сам он появлялся время от времени. Мебели в доме не было. Я спал на голом полу, подложив под голову в качестве подушки скомканные судебные документы. Одеялом мне служило вонючее пальто конюха.

— Номер тридцать восемь будет дальше по улице, — показал Беккер.

— Никто не следит за входом? — поинтересовался Де Квинси.

— Кажется, все спокойно.

Они вышли из экипажа на тротуар. Пронизывающий ветер заставил Эмили плотнее запахнуть пальто.

— Мой информатор видел, как из этого дома выходил человек, по описанию похожий на Бруклина, — сообщил Де Квинси. — Констебль Беккер, надеюсь, нож и дубинка по-прежнему при вас?

— Всегда под рукой.

— Эмили, держись за нашими спинами. Если возникнут трудности, беги.

— Отец, я тебя не оставлю.

— Вы оба, держитесь позади меня, — приказал Беккер.

Все дома на этой улице имели по три этажа и примыкали один к другому. Номер тридцать восьмой обращал на себя внимание мрачным обликом.

— Пятьдесят два года назад вид он имел такой же тоскливый, — рассказал Де Квинси. — Единственное отличие — окна.

— На всех на них решетки, — заметила Эмили.

— В те времена решеток не было. И окно на втором этаже не было таким маленьким. Его частично заложили.

— Кто-то опасается непрошенных гостей, — заключил Беккер.

Как и во всех других домах, плотные шторы не позволяли заглянуть в окна.

— Эмили, я пройдусь по улице, сделаю вид, будто прошу милостыню. Вы с констеблем Беккером могли бы постучать в двери домов, соседних с резиденцией полковника. Тому, кто откроет, скажешь, что твоя фамилия Бруклин, что ты пытаешься найти своего брата, в прошлом армейского офицера. Он живет на этой улице, но номер дома тебе давать не захотел. Можешь рассказать, будто вы когда-то давно поссорились, но сейчас ты желаешь помириться. Разузнай о нем побольше. Констебль Беккер, а вам лучше было бы сложить руки на груди — так не будут видны разрезы на вашем пальто.

Де Квинси прошел немного по улице, уселся на крыльцо и стал смотреть, как Эмили и Беккер беседуют с женщинами, вышедшими из домов, примыкающих к номеру тридцать восьмому. На обеих были передники и грязноватые капоры. Служанки.

Несмотря на то что Де Квинси сидел, жажда лауданума вынуждала его продолжать двигать ногами, словно он шагал на месте. Приложив усилия, чтобы руки не тряслись, он отхлебнул немного из бутылочки. Ветер щипал щеки и заставлял дрожать еще и от холода.

Вот его порыв взметнул в воздух мусор с мостовой. Поражало почти полное отсутствие на улице людей — большинство предпочитало оставаться в своих домах, а некоторые вообще покинули город.

Через пять минут Эмили и Беккер присоединились к Де Квинси.

— Они очень неохотно открывали, — сообщил Беккер. — Если бы рядом не было Эмили, вероятно, во мне бы заподозрили убийцу.

— Но мы узнали главное: Бруклин живет в этом доме, — подхватила Эмили.

У Де Квинси сильнее застучало сердце.

— Фамилию свою он никому не говорил, но точно подходит под описание и, кроме того, просит, чтобы его называли полковником, — прибавил Беккер.

— Ну конечно, — кивнул Де Квинси. — Мать Бруклина ходила по берегу Темзы и собирала куски угля. Сам же он добился грандиозных успехов. Как тут не удержаться и не требовать, чтобы к тебе обращались по званию, с таким трудом заслуженному.

— Одна из служанок назвала его холодным и высокомерным, — сообщила Эмили. — И похоже, он планирует съехать отсюда.

— Да?

— Вчера и сегодня в экипажах увозили завернутые в одеяла вещи.

— Так-так.

— Но с чего он решил поселиться в том самом доме, в котором вы нашли себе убежище больше полувека назад? — задумался Беккер.

— Я надеюсь это выяснить.

Де Квинси уставился на бутылочку с лауданумом. Как бы ему хотелось прикончить ее, а потом еще одну и еще, пока он наконец не сможет уснуть и сделать вид, что весь этот кошмар происходит не наяву.

— Отец, мне кажется, этот юноша одет в твою одежду, — произнесла в замешательстве Эмили.

Де Квинси обернулся в ту сторону, куда показывала девушка, и радостно улыбнулся:

— Джоуи, хороший мальчик, как же я рад тебя видеть.

Джоуи направился к ним, а Эмили и Беккер старались не глядеть на покрывавшие его лицо оспины.

— Но это же твоя одежда, отец!

— Мне передали, что вы хотели со мной встретиться, — обратился мальчик к Де Квинси. — Я примчался так быстро, как смог.

— Ты видел, как полковник Бруклин входит в особняк лорда Палмерстона и выходит из него?

— Час назад, когда звонили колокола в церкви. За ним следит уличный мальчишка с тележкой.

— И в твое отсутствие кто-то другой остался следить за особняком?

— Да. Но не думаю, что стражники позволят ему долго оставаться в парке в его-то лохмотьях. — Джоуи взялся за отворот пальто и добавил: — Мне как-то неловко в этой одежде.

— Тогда ты не расстроишься, если придется снова поменяться нарядами?

— Расстроюсь? Да мне в этом пальто не вздохнуть!

— Ну, в таком случае давай облегчим тебе жизнь.

Они скрылись в ближайшем переулке и через пять минут вернулись: Де Квинси в своей обычной одежде, а довольный Джоуи в лохмотьях.

— Констебль Беккер, — сказал Де Квинси, — не думаю, чтобы вам когда-либо...

— Констебль? — встревожился мальчик.

— Не сейчас, — успокоил его Беккер.

— Это друг, — прибавил Де Квинси. — Он не собирается делать тебе ничего плохого.

— Ну, что-то новенькое: пилер, который не собирается делать мне ничего плохого.

— Скажите, Беккер, вас в полиции обучали обходиться с замками?

— Вы хотите сказать, вскрывать замки?

— В общем, да.

— Я обучен охранять запертые двери, но не вскрывать их.

— Я этого боялся. Джоуи, а тебе в твоей жизни не доводилось работать с замками?

— И вы хотите, чтобы я прямо перед пилером признался, что...

— Мистер Беккер, отвернитесь, пожалуйста, и закройте руками уши.

Эмили намеренно опустила в обращении слово «констебль».

— Что мне сделать?

— Надо, чтобы Джоуи чувствовал себя свободно.

Беккер помедлил, но все же отошел в сторонку и прижал, как и просила Эмили, ладони к ушам.

— Джоуи, ты когда-нибудь вскрывал замки?

— Было пару раз, — признал мальчик. — При помощи ногтя.

— Тогда пойдя вон к той двери и постучись. Ты знаешь цифры?

— Учил когда-то.

— На доме висит табличка с номером тридцать восемь. Постучи громко. Если там кто-нибудь есть, я хочу, чтобы они услышали стук и открыли дверь. Судя по отсутствию дыма из печной трубы в такой холодный день, дом, скорее всего, пуст. Но нам нужно удостовериться.

— А если откроют?

— Попроси поесть. Или монетку. Все, что могут подать. А пока будешь стоять возле двери, изучи замок. А мы пока что ретируемся в этот переулочек. Если тебе откроют, я не хочу, чтобы нас увидели.

Скрывшиеся в переулочке Де Квинси, Беккер и Эмили слышали, как Джоуи колотит и колотит в дверь молоточком.

Спустя две минуты мальчик присоединился к ним.

— Никто не открывает.

— А замок?

— Никогда не видал такой хитрой замочной скважины, — покачал он головой. — Ногтем его точно не открыть. Там даже дверной ручки нет.

И Джоуи с подозрением глянул на Беккера.

— Что ж, придется мне просить тебя продемонстрировать свое искусство, — сказал Де Квинси.

— Но я ведь уже пробовал попрошайничать, и никто не ответил.

— Обычно ты зарабатываешь на хлеб несколько необычным способом.

До мальчика начало доходить, что хотел сказать Де Квинси.

— Все правильно, Джоуи. Ты ведь акробат.

Де Квинси, Беккер и Эмили остались дожидаться в переулке, а Джоуи ухватился руками за водосточную трубу и полез вверх. Труба была сделана из чугуна, и пятнадцатилетнему пареньку не составляло особого труда по ней подниматься. Порой ему попадались небольшие углубления в стене в местах, откуда вывалилась штукатурка, и мальчик мог поставить туда носок рваного башмака. Желая покрасоваться перед хорошенькой юной леди, он взбирался с максимальной скоростью, на какую был способен. Впрочем, существовала и иная причина поспешить: руки от соприкосновения с металлом на морозе сильно болели. К тому времени как Джоуи перевалил через водосточный желоб и угнезвился на крытой просмоленной черепицей крыше, пальцы совсем потеряли чувствительность, и ему пришлось пару минут дуть на них. Если бы кто-нибудь увидел его на крыше, это не вызвало бы никаких подозрений — маленькие оборванцы частенько зарабатывали на хлеб тем, что чистили печные трубы.

Из-за копоти, хоть и присыпанной угольной пылью, ноги скользили по черепице. Дважды Джоуи приходилось останавливаться и успокаивать дыхание. Наконец он добрался до конька, откуда спускался второй скат; первый, по которому взбирался Джоуи, выходил на улицу, второй — во двор, к соседнему зданию. Мальчик широко расставил ноги, укрепился на коньке и несколько секунд созерцал открывшуюся перед его глазами величественную панораму Лондона. Потом он сконцентрировал все внимание на поставленной цели и, проскользнув мимо десяти печных труб, оказался на том участке крыши, о котором рассказывал Де Квинси.

— Я жил в этом доме много-много лет назад. Как-то в поисках одеяла, чтобы уберечься от ночного холода, я забрался по лестнице на верхний этаж и обнаружил пустую комнату для слуг. В чулане оказалась узкая лесенка, ведущая в небольшое пространство под крышей, а там находился металлический люк, из которого можно было попасть в трубу. Таким образом трубочист, когда закончит работу, мог выбраться из трубы, не вылезая на крышу, с которой несколько трубочистов свалилось. Я запомнил люк, потому что уж больно это было необычно: архитектор здания позаботился о благополучии каких-то трубочистов. Ты, Джоуи, довольно миниатюрный и сможешь пролезть в трубу. Несомненно, люк окажется заперт с противоположной стороны, но констебль — я имею в виду мистера Беккера — одолжит тебе свой нож. Думаю, ты сможешь просунуть лезвие между кирпичами, из которых сложена труба, и крышкой люка и вывернуть удерживающий ее болт.

— Вы хотите, чтобы я залез в эту чертову трубу?

— Я так думаю, высоты там будет не более восьми футов. Если не получится открыть люк, тогда ты легко поднимешься по трубе обратно и дальше сделаешь путь назад по крыше.

— Легко? Разве не вы только что рассказывали, как трубочисты падали с этой крыши?

— Ну, они же не обладали твоими акробатическими навыками.

— И что я получу взамен?

— Как я и обещал, еду. Много еды. Лорд Палмерстон будет тебе бесконечно благодарен.

— Что-то вам господин Купидон совсем не был благодарен. Когда я увидел вас в первый раз, на вас были наручники.

— Отец, этот мальчик заслуживает большего, чем просто еды, — горячо произнесла красивая молодая женщина.

Джоуи нравилось на нее смотреть.

— Поверьте, мисс, я вовсе не откажусь от еды.

— А как насчет того, чтобы пойти в школу?

— В школу?

— И получать еду там.

— А такое возможно?

— Я сделаю для этого все, что в моих силах.

— Если эта молодая леди что-то обещает, — заверил Джоуи высокий мужчина, который утверждал, что он не констебль, — то она обязательно добьется своего.

Женщина посмотрела на высокого мужчину так, будто не была уверена, комплимент он сказал или нет.

Сейчас Джоуи тихонько гордился про себя тем, что сумел отсчитать десять труб. Он посмотрел вниз и увидел, как «неконстебль» кивает, подтверждая, что Джоуи находится у нужной трубы. Затем мужчина снова скрылся в переулке.

Джоуи заглянул в трубу и удостоверился, что из нее не поднимается дым. Кроме того, он убедился, что внутри его не поджидают никакие препятствия и что труба имеет нормальную ширину, позволяющую в нее пролезть. Ножны высокого мужчины были закреплены на левом запястье, откуда он легко сможет достать нож, когда спустится. Джоуи сделал глубокий вдох, зная по собственному опыту — а он четыре года назад работал трубочистом, — что, когда залезет в трубу, поднимет целую тучу сажи.

В бытность Джоуи трубочистом его наниматель заставлял мальчика спускаться в трубу, а потом разжигал в печи огонь. Бедолаге приходилось взбираться вверх со всей прытью, на какую он был способен, и, таким образом, он успевал почистить за день максимальное число труб. С собой Джоуи таскал мешок для сбора золы и каждый раз, закончив работу, появлялся из трубы с абсолютно черными лицом и одеждой, кашляя, придавленный весом тяжелого мешка.

По сравнению с прежними эта работенка представлялась нетрудной, однако Джоуи все же очень волновался и попытался заранее выяснить, что сможет получить за свои труды. Правда, до сих пор ничего существенного ему не перепало. Все, что ему пока досталось, — это шутки, которые откалывал маленький человечек, а также приятная улыбка и доброе обращение его дочери.

Вся хитрость заключалась в том, чтобы упереться спиной в одну стенку трубы, а коленями отталкиваться от другой — и таким способом спускаться. Уже через несколько секунд и без того в рваной одежде Джоуи появилось еще больше дырок. Стараясь не дышать, он медленно продвигался вниз, в кромешную тьму. Вокруг летали облака копоти, которая быстро покрыла руки и лицо. В носу свербело от

резкого, неприятного запаха. Джоуи остановился, дал саже осесть, затем сделал неглубокий вдох и продолжил спуск с большей скоростью. Сюда солнечные лучи уже не проникали.

Поскольку разглядеть что-либо было невозможно, ему приходилось ощупывать кирпичи, чтобы отыскать металлическую крышку люка. Он, извиваясь, продвигался все дальше, все сильнее вжимался спиной в шершавые кирпичи, но по-прежнему не встретил никакой крышки. Могло стать, что ее вообще убрали отсюда, ведь прошло много лет с тех пор, как маленький человечек обитал в этом доме.

Кашляя и давясь сажей, Джоуи спускался еще быстрее. Из стенки вывалились несколько кирпичей, они полетели вниз и там с грохотом разлетелись на куски. Джоуи скривил лицо и, чтобы не рухнуть самому, сильнее уперся в противоположную стенку ногами. Скривился он и еще по одной причине: если в доме все же кто-то находился, он должен был услышать шум и понять, что происходит неладное.

В горле першило, легким не хватало воздуха, но Джоуи продвигался вниз. И вот сердце забило учащенно — руки нащупали металлическую крышку. Он подергал ее, но та даже не шелохнулась. Осторожно, чтобы не уронить, мальчик вытащил из чехла нож. Потом провел рукой по краю люка, определил, с какой стороны находятся петли, и просунул лезвие с противоположной стороны между самой крышкой и кирпичами.

Но лезвие оказалось слишком большим и не пролезало в узкую щель.

Тут Джоуи осенило, и он начал скрести ножом по кирпичам, расширяя щель. Волей-неволей пришлось снова задышать, и у него моментально заболело горло. Все мальчишки-трубочисты, с которыми работал Джоуи, умерли, оттого что их легкие оказались переполнены сажей. Не видя ничего вокруг, весь покрытый копотью, мальчик с трудом подавил рвотные позывы и с удвоенной энергией продолжил расширять щель.

Постепенно отверстие увеличивалось. Джоуи приподнял лезвие, почувствовал, как оно во что-то уперлось, налег на ручку и услышал, как болт вылетел из пазов. Мальчик практически задышался, и ему было уже все равно, дожидается ли кто-нибудь по ту сторону. Все, чего

ему сейчас хотелось, — это подышать чистым воздухом. Он толкнул металлическую крышку, просочился через узкое отверстие и без сил повалился на пол крошечного темного помещения — в нем едва хватило места для него одного.

Лежа в кромешной тьме, Джоуи сделал глубокий вдох, потом еще один и попытался унять бешеное биение сердца.

Под ботинками зияла дыра. Мальчик заглянул в нее и обнаружил уходящую вниз узкую лестницу. Не смея долго здесь прохлаждаться, он на ощупь спустился по ступеням и оказался у запертой двери. В отчаянии он поискал руками замочную скважину, но, кроме ручки, ничего не обнаружил. Джоуи осторожно навалился на дверь и услышал треск — такое впечатление, что с противоположной стороны к двери была прибита при помощи крюков доска.

Несмотря на то что в этой части дома, под самой крышей, стоял жуткий холод, по перепачканному копотью лицу Джоуи струились ручейки пота. Он снова ощупал дверь и обнаружил места, где древесина расщепилась, — здесь она была пробита гвоздями, на которых держались с той стороны крюки. Мальчик выбрал одно такое место, возле дверной ручки, и вонзил нож в расщепленное дерево. Он резал, долбил, выламывал щепки, постепенно добираясь до гвоздей. Скоро он уже проделал большую дыру.

Когда Джоуи снова приналег на дверь, она немного сдвинулась. Он еще углубился в дерево, расширяя дырки возле гвоздей, и, когда в следующий раз надавил на дверь, она приоткрылась на несколько дюймов, так что мальчик увидел клинышек тусклого света. Он с яростной решимостью продолжал вгрызаться в древесину, и вот наконец доска отлетела и с грохотом упала на пол.

Теперь, если кто-нибудь находился в доме, он уж точно не мог не услышать шума. С одной только мыслью — поскорее выбраться из дома — Джоуи распахнул дверь настежь и выскочил в небольшую пустую комнатку. Свет в нее проникал сквозь крохотное зарешеченное окошко, покрытое слоем копоты. С ножом в руке (готовый в случае необходимости пустить его в ход) мальчик открыл еще одну дверь, увидел внизу полутемный холл и кинулся бегом по лестнице.

Сам не свой от страха, Джоуи промчался два лестничных марша, оказался на втором этаже и, не останавливаясь, бросился к входной

двери. Одна ступенька вдруг зашаталась под ногой. Джоуи нахмурился и тут услышал за спиной подозрительный шум. В ту же секунду он ощутил сильный, выбивающий дух удар в спину. Его захлестнула волна боли. Джоуи взлетел в воздух, а потом с грохотом покатился по лестнице.

Де Квинси прикинул, что Джоуи потребуется минут пятнадцать, чтобы забраться на крышу, спуститься по дымовой трубе, открыть крышку люка и сбежать вниз, к входной двери. Дабы не привлекать к себе внимания, слоняясь по улице перед домом Бруклина, Де Квинси ждал в переулке вместе с Эмили и Беккером. Поскольку никто из троих не носил часов (они не могли себе позволить такую роскошь), он измерял время, шагая на месте и считая шаги. Это упражнение, кроме того, помогало совладать с охватившей его нервозностью и тягой к лаудануму.

Беккер, в свою очередь, пытался убить время, занимая беседой Эмили.

— Недалеко отсюда есть улица Бруд-стрит. Там находился центр эпидемии холеры, вспыхнувшей три месяца назад. Инспектор Райан помогал тогда местному врачу, доктору Сноу, составить карту, на которую они наносили места проживания больных. По карте выходило, что в самом центре эпидемии находится общественная водокачка, и оказалось, что рядом с источником воды была выгребная яма.

Поглощенная своими мыслями Эмили только кивала и делала вид, будто ей очень интересно слушать рассказ констебля о выгребных ямах. Де Квинси продолжал вышагивать на месте.

Досчитав пятнадцать раз до шестидесяти, он вышел из переулка и направился к дому Бруклина. Возле входной двери все трое оказались примерно через минуту, так что получалось, что Джоуи выполнял свою миссию уже шестнадцать минут.

Однако дверь оставалась закрытой, хотя мальчик по распоряжению Де Квинси должен был приоткрыть ее на несколько дюймов — знак того, что они могут заходить.

— Может быть, спуск по трубе оказался более сложным делом, чем он предполагал, — сказал Беккер. — Или его задержал люк. Или замок.

Большинство замков в 1854 году не врезалось в дверь. Они прикручивались к дверному полотну винтами. Язык замка входил в специальный паз в металлической пластине, закрепленной на косяке изнутри. Никакой щеколды или иного приспособления для закрывания-открывания замка не имелось. Для этого требовался ключ. Единственная возможность открыть замок изнутри заключалась в том, чтобы отвинтить ту самую металлическую пластину от дверного косяка. Джоуи, используя нож, должен был потратить на эту операцию несколько минут.

— Да, вероятно, он возится с замком, — подтвердил Де Квинси, хотя в душе его зародилось очень нехорошее предчувствие.

Эмили высказала мысли отца вслух:

— Или же Бруклин находится в доме.

Де Квинси заставил себя чуть успокоиться.

— Джоуи просто нужно еще немного времени, — попытался он убедить спутников.

Прошла минута. И еще одна.

— Если мы будем так стоять здесь и глазеть на дверь, на нас обязательно обратят внимание, — заметил Беккер.

Внезапно дверь чуть приоткрылась, буквально на полдюйма, так что Де Квинси даже пришлось спросить:

— Вы это видели? Она действительно открылась?

— Да, отец, открылась.

Они подошли к крыльцу.

Дверь подвинулась еще на дюйм.

— Джоуи? — позвал Беккер.

В образовавшейся щели показалась рука. Она была покрыта сажей.

— Джоуи! — крикнул Де Квинси и бросился вверх по ступенькам.

Дверь открылась еще шире, и на пороге, шатаясь, появился юный нищий. Лицо, руки и изодранная одежда были черными от копоти, только сверкали белки глаз, в которых отражались боль и страдание. Левое плечо мальчика было ярко-красным от крови.

— Джоуи! — охнула Эмили и тоже взлетела на крыльцо.

Они вломились в прихожую. Эмили подхватила Джоуи, Де Квинси закрыл дверь, а Беккер настороженно озирался по сторонам в поисках возможной угрозы.

— Что это у него торчит в плече? — крикнула девушка.

Мальчика пришлось уложить на полу на бок, поскольку из плеча там, где оно примыкает к шее, высывалась стрела длиной в фут. На наконечнике имелись зазубрины, а противоположный конец был оперен.

— Выпущена из арбалета, — прокомментировал Беккер. — Будь он выше, она попала бы в спину, в ту ее часть, где находится сердце.

Констебль продолжал озиаться по сторонам, пока не обратил внимания на лестницу. Центральная ее часть терялась в густой тени.

Джоуи застонал.

— Нужно остановить кровотечение! — воскликнула Эмили.

Беккер стал осторожно подниматься по лестнице, держась поближе к перилам. Лестница трещала под его весом. Под ногами что-то клацнуло. Констебль медленно нагнулся и обнаружил отверстие в дереве между двумя ступеньками. Габариты отверстия были достаточными, чтобы через него вылетела арбалетная стрела.

— Вот оно, — сказал Беккер. — Это ловушка. Возможно, есть и другие. Будьте осторожны, старайтесь ничего не трогать.

— Если не остановить кровь, он умрет, — прошептала Эмили.

— Помните, я упоминал о докторе Сноу? — Беккер спрыгнул с лестницы. — Он живет на соседней улице, Фрит-стрит. Меня направил к нему в субботу ночью инспектор Райан.

Констебль подхватил мальчика на руки, словно пушинку.

— Давайте поторопимся, пока Бруклин не вернулся.

Эмили кинулась открывать входную дверь.

— Нет, — покачал головой Де Квинси, — я не могу уйти.

— Что?

— Я вначале должен здесь все осмотреть.

— Но Джоуи надо срочно доставить к доктору Сноу! — крикнула Эмили.

— У нас нет на это времени! — поддержал ее Беккер. — Мальчик умрет!

— Эмили, отправляйся с констеблем. Сейчас твое место рядом с Джоуи, не со мной.

Де Квинси подобрал с пола нож — тот самый, который констебль одолжил Джоуи.

— Даже с этим ножом у вас нет никаких шансов против Бруклина, — попытался убедить его Беккер.

— А если мы все втроем отправимся к доктору, у нас не будет ни единого шанса остановить мерзавца. Дом нужно обыскать. А вы — идите! Я скоро к вам присоединюсь. Обещаю.

Джоуи застонал.

— Мы не можем ждать.

Эмили посмотрела на мальчика, потом на отца.

— Эмили, если ты так хочешь остаться, я буду вынужден уйти, дабы не подвергать тебя опасности. Тогда все усилия Джоуи пропадут даром.

— У нас нет времени! — повторил Беккер и выбежал на крыльцо, неся на руках тяжело дышащего мальчика.

Эмили не отрывала взгляда от отца. Потом девушка повернулась и увидела, что Беккер уже припустил по улице.

— Я люблю тебя, папа.

И Эмили кинулась следом за констеблем.

В доме воцарилась тишина. Единственным звуком, который слышал Де Квинси, было бешеное биение его сердца. Когда он закрыл дверь, стало совсем темно — в занавешенные плотными шторами окна солнечный свет почти не проникал. Он почувствовал себя совершенно незащитным, и нож в руке не придавал уверенности. Чтобы успокоить нервы, Де Квинси достал бутылочку с лауданумом и сделал большой глоток.

Опиум разлился теплом по телу и сразу же обострил все чувства. Тени, казалось, сгустились. Колеса проезжающего по улице экипажа застучали совсем рядом, как будто дверь была открыта. Де Квинси поднял с пола замеченные еще раньше свечу и коробок спичек. Во времена его молодости зажечь свечу возможно было только при помощи огнива: кремнем били о кресало, и вылетающие искры поджигали сухой трут, например солому. Недавно изобретенные так называемые шведские спички пока еще казались Де Квинси каким-то чудом: подумать только, можно получить пламя, просто чиркнув этой маленькой палочкой о шершавую поверхность. Первые спички, загораясь, распространяли сернистый запах тухлых яиц, но к настоящему моменту этот изъян был устранен. Однако, когда Де

Квинси зажег спичку, он почувствовал отчетливую вонь испорченных яиц, характерную для старых образцов, и отшатнулся.

Он быстро запалил свечу и потушил спичку.

«Не отравился ли я?!»

Он задержал дыхание и ждал, когда накатят головокружение и тошнота. Но проходили секунды — и ничего. Голова немного кружилась, но причиной тому был, скорее всего, элементарный страх. Де Квинси начал дышать и почувствовал себя лучше.

«А что, если эта вонь должна предупреждать Бруклина о том, что кто-то проник в дом, взял спички и зажег свечу?»

Если такова и была задумка, она должна оказаться эффективной, поскольку свеча тоже испускала специфический запах. От свечей высокого качества, производимых из пчелиного воска, исходило благоухание, а дешевые, из животного жира, этим самым жиром и смердели. Эта свеча пахла почти так же скверно, как и спичка. Почему? Ведь доходы Бруклина вполне позволяли ему приобретать хорошего качества свечи и спички. Почему же он этого не делает?

Руки Де Квинси тряслись от возбуждения, и пламя неровными отблесками играло на стенах. Он направился в комнату, расположенную справа от входа. Последний раз он был в этом доме пятьдесят два года назад, но впечатление создавалось такое, будто здесь ничего не изменилось. В комнате, в которую он заглянул, так же как и полвека назад, не было мебели. В те далекие беспросветные зимние ночи он спал прямо на холодном полу, ноги его во сне подергивались, и от этого он постоянно просыпался.

Нынче пол был еще более грязный, весь перепачканный сажой. В дальнем конце комнаты виднелись округлых очертаний пятна — прежде там явно что-то стояло. Очевидно, эти самые предметы и вывезли из дома завернутыми в одеяла.

Остерегаясь новых ловушек, Де Квинси вернулся в коридор и зашел в комнату напротив. Полвека тому назад здесь размещался рабочий кабинет таинственного владельца дома. По всему городу у него было несколько таких домов, и он постоянно менял места обитания. Здесь он каждое утро работал по нескольку часов над какими-то важными юридическими документами. Порой он ел выпечку, а крошками позволял наслаждаться юному Де Квинси.

В комнате имелся маленький столик, на котором стояла керосиновая лампа, а рядом расположился деревянный стул с прямой спинкой. Возле стола на полу возвышалась стопка книг — книг, обескураживающе знакомых.

Де Квинси при помощи ножа поддел стекло, снял его с лампы и поднес свечу, намереваясь запалить фитиль.

И застыл, когда пламя устремилось к фитилю. Его буквально мороз продрал.

Он вспомнил слова Беккера: «Это ловушка. Возможно, есть и другие. Будьте осторожны, старайтесь ничего не трогать».

Фитиль был практически идеально белым. Новым.

Сама лампа казалась тяжелее обычного. Внутри не плескался керосин. Да и характерного его запаха Де Квинси не ощущал.

Очень осторожно он опустил лампу обратно на стол, свечу поставил на пол и открутил крышечку, через которую заправлялось горючее.

Де Квинси сунул в отверстие палец, и по лбу у него заструился пот. Внутри находилась мелкозернистая субстанция. Он поднял руку к глазам и обнаружил, что к пальцу прилипло немного порошка. Черные крупинки напоминали те, что он приметил на полу в комнате напротив.

Де Квинси стряхнул пару крупинок в пламя свечи, и те вспыхнули в миниатюрном взрыве.

Порох.

Керосиновая лампа являлась бомбой.

Поспешно, но так, чтобы не затушить свечу, Де Квинси вернулся в первую комнату, поднял с пола черную крупинку и кинул ее в пламя. Снова произошла вспышка.

Внезапно Де Квинси осенило: те круглые следы на грязном полу были оставлены бочками, в одной из которых оказалась дырочка и порох из нее просыпался.

Порох.

Необходимость действовать пересилила страх. Де Квинси снова пошел во вторую комнату и осмотрел стопку до боли знакомых книг.

Он ощутил слабость в ногах, когда убедился, что все они — его авторства. На полках за стулом стояли и другие книги, также написанные им. Здесь же расположились бесчисленные журналы, в которых были напечатаны его статьи. Эта подборка его произведений

казалась даже более полной, чем та, что принадлежала самому автору. Бруклин обладал всеми книгами, журналами и газетами с работами Томаса Де Квинси.

Он просмотрел наугад несколько книг и поразился тому, насколько они потрепаны и запачканы от регулярного чтения. На каждой странице безумец подчеркивал отдельные фразы и целые строчки. Поля были испещрены непристойными комментариями. Чаще всего встречалось определение «маленький засранец».

И более всего вызывали у Бруклина ярость многочисленные пассажи, в которых шла речь о его отце, Джоне Уильямсе, о том, насколько «гениальными» были его преступления, об учиненной им «выдающейся» резне, о «кровавом совершенстве» чудовищных убийств.

«Насмехается над смертью, убийством. Надо продемонстрировать ему действительность», — писал Бруклин.

В «Исповеди англичанина, употреблявшего опиум» также имелись многочисленные пометки: подчеркнутые строки, безмолвные восклицания на полях.

«Сколько же человек рассталось с жизнью от передозировки лауданума из-за этого сукина сына?»

Строчка внизу страницы прямо-таки дышала ненавистью.

На Де Квинси накатила тошнота.

«Сколько тысяч умерло в Индии и Китае из-за опиума? А скольких убил я своими руками из-за того же опиума и ради интересов Британской Ост-Индской компании? Но вот вопрос: кто из нас, Любитель Опиума или я, более выдающийся убийца?» — вопрошал Бруклин огромными буквами поверх напечатанного текста.

— Неужели все эти несчастные, убитые за последние дни, приняли смерть из-за меня? — прошептал Де Квинси.

Его слова прозвучали гулким эхом в полупустой, напоминающей склеп комнате.

Теперь он понимал, почему Бруклин решил снять этот дом.

«В его воспаленном мозгу я ассоциируюсь с его отцом и с ним самим. Для него все мы — убийцы», — сообразил вдруг Де Квинси.

Его вырвало.

К ужасу, испытанному от чудовищного открытия, примешивалось обоснованное опасение, что Бруклин может вернуться в любую

минуту. Де Квинси утер рот, отбросил прочь все посторонние мысли и подобрал нож. Отрывисто дыша, он быстро исследовал две оставшиеся комнаты на этаже, но не обнаружил в них ничего достойного внимания.

Дальше путь его лежал на второй этаж. Держась вплотную к перилам, он аккуратно обошел едва заметное отверстие, из которого в непрошенных гостей разряжался арбалет, и оказался наверху. Немилосердный скрип старого деревянного пола при каждом шаге заставлял Де Квинси нервничать и ежесекундно озираться. Его ждали четыре комнаты — две в передней части дома и две в задней.

Дверь одной из комнат была закрыта.

Де Квинси обошел ее стороной и осмотрел остальные три. Всюду было пусто. Он поднялся по лестнице на следующий этаж и заглянул в маленький закуток, где обитали слуги. Здесь также не обнаружилось ничего достойного внимания, кроме следов ног, очевидно оставленных Джоуи. Дом был таким же заброшенным, как и пятьдесят два года назад.

Но Де Квинси не давала покоя закрытая комната на втором этаже — все остальные были открыты.

Замирая от страха, он подошел к двери и осторожно — чтобы не угодить в очередную ловушку — подергал за ручку.

Он очень надеялся, что дверь окажется заперта.

Но ручка повернулась.

Де Квинси распахнул дверь, а сам отошел в сторону на случай, если у Бруклина здесь припасен очередной сюрприз вроде арбалета.

Ничего не произошло.

Он осторожно заглянул в комнату и в лучах света, проникающего через хоть и маленькое и зарешеченное, но незанавешенное окно, увидел по-спартански обставленную спальню. Справа находилось окно, выходящее на улицу. Напротив двери стоял гардероб. Слева разместились походная армейская койка.

Де Квинси прошел в комнату и задел правой ногой разбросанные на полу скомканные газеты. Бумажные листы зашуршали.

Осмотрев дверь, Де Квинси обнаружил изнутри засов.

«Значит, Бруклин запирается, когда ложится спать, но не доверяет засову на сто процентов и вынужден класть перед входом скомканные

газеты, чтобы их шелест предупредил о непрошеном посетителе. Интересно, мучают ли его кошмары?

Но почему сейчас он не запер эту дверь? Чтобы заманить внутрь? Где же ловушка?»

Де Квинси подошел к койке того типа, на каких Бруклин, должно быть, спал в Индии. Сверху лежали одеяло и маленькая подушка.

Он заглянул под койку.

Ничего.

Де Квинси уже собирался осмотреть гардероб, но решил сперва проверить, нет ли чего под одеялом. Он осторожно приподнял одеяло и увидел всего лишь простыню.

Тогда он поднял простыню... и обнаружил засохшие пятна крови.

Крови было много.

«Господи всемогущий! Что здесь произошло?»

С учатившимся пульсом Де Квинси приблизился к гардеробу. Здесь он поступил так же, как и когда заходил в спальню: отошел вбок и потянул на себя дверь.

И вздрогнул от неожиданности, когда из шкафа со свистом вылетела арбалетная стрела и вонзилась в стену рядом с дверным косяком. По спине заструились ручейки пота, но Де Квинси осторожно шагнул и заглянул внутрь гардероба.

Там висела форма полковника, а рядом с ней фрачная пара. Также имелись серые брюки, черный жилет и черный плащ до колен — обычный набор, который можно было обнаружить в гардеробе большинства жителей Лондона.

На полке лежали полковничий головной убор и складной цилиндр.

В выдвижном ящике обнаружили две пары нижнего белья, два галстука, две рубашки и пара парадных перчаток.

Де Квинси подумал, что вряд ли найдется еще один человек столь же высокого ранга, который жил бы в такой аскетичной обстановке. Спальня Бруклина больше напоминала монашескую келью.

«Мне нельзя здесь задерживаться», — подумал Де Квинси и направился к выходу, но остановился и пристально посмотрел на верхнюю часть гардероба.

Сердце в груди готово было разорваться.

Гардероб был намного выше самого Де Квинси, а никакого стула в комнате не имелось. Он отложил нож, поставил свечу и, подпрыгнув, ухватился за верхний край шкафа. Потом он, не обращая внимания на боль в суставах, подтянулся на руках и посмотрел, что находится на гардеробе. Увиденное было настолько невероятно, что Де Квинси едва не разжал пальцы.

Прямо перед его глазами лежал кнут, покрытый засохшими пятнами крови.

Де Квинси отпустил одну руку и успел схватить кнут перед тем, как свалиться на пол.

Каждый вечер Бруклин истязал себя.

Теперь Де Квинси подумал, что вряд ли вонючие спички и свеча предназначались для того, чтобы предупредить хозяина о вторжении в дом. Скорее, Бруклин умышленно заставлял себя вдыхать эту гадость — в качестве наказания. Точно так же и деревянный стул с прямой спинкой должен был вызывать болезненные ощущения после долгих часов, проведенных за фанатичным изучением работ Де Квинси.

Воистину — келья монаха.

Но монаха, посвятившего себя служению дьяволу.

Де Квинси скинул с койки одеяло и простыню, чтобы были видны кровавые пятна. Поверх он бросил кнут — теперь у Бруклина не останется сомнений в том, что его постыдная тайна раскрыта.

Как ни спешил Де Квинси, он не забыл при спуске по лестнице держаться ближе к перилам, чтобы избежать возможных новых ловушек.

На первом этаже он задержался, посмотрел на кровавые следы, оставленные Джоуи, на собственную блевотину. Да, Бруклин совершенно точно поймет, что в доме побывали гости.

Де Квинси подбежал к стопке книг, вырвал первую страницу из «Исповеди англичанина, употреблявшего опиум» и написал на ней карандашом:

Любитель Опиума откликнулся на приглашение, но, к глубокому сожалению, не застал вас дома.

Он положил лист бумаги на ступеньку, где его нельзя будет не заметить. Теперь осталось только затушить свечу — и прочь из этого

дома.

Де Квинси открыл входную дверь и едва не врезался в высокого мужчину.

Как и большинство врачей середины девятнадцатого века, доктор Сноу принимал пациентов в собственном доме. Беккер с раненым мальчиком на руках завернул за угол через квартал к западу от дома Бруклина и прыжками взбежал на крыльцо здания по Фритт-стрит, куда в прошлую субботу доставили его самого.

Держа Джоуи на руках, Беккер начал сражаться с дверной ручкой, но тут кто-то подошел и помог ему. Это была Эмили. Девушка почти не отстала от долговязого констебля. Не сковывающая движений одежда позволяла ей бежать с такой скоростью, какую Беккер никак не мог ожидать от женщины.

Вдвоем они вихрем пронеслись через прихожую, Эмили открыла следующую дверь и пропустила констебля вперед.

Доктор Сноу и его пациент, сидевшие друг против друга за столом, изумленно уставились на непрошенных посетителей.

Доктору было чуть за сорок. Узкое лицо окаймляли, подчеркивая его худобу, темные бакенбарды и борода. Глаза живо смотрели на вошедших. На голове обозначились залысины, отчего лоб доктора казался непропорционально высоким.

Пациент был хорошо одетым дородным мужчиной средних лет с густой бородой.

— Какого черта?! — воскликнул он.

Они с доктором вскочили на ноги.

— Мальчику требуется помощь, — сказал Беккер.

— Он такой отвратительный, — сморщился дородный мужчина.

— Его подстрелили из арбалета.

— Этот оборванец, наверное, пытался залезть в чей-то дом.

Доктор Сноу, посмотрите — он сейчас перепачкает вам кровью весь пол.

— В десяти кварталах отсюда есть хирург, — сообщил Сноу.

— Но мальчику необходимо оказать помощь прямо сейчас, — крикнул Беккер.

— Видите ли, я больше не хирург. Я врач.

Беккер понял. Врачи занимали высшее положение в строгой иерархии, существовавшей среди представителей медицинского сословия. Они никогда не дотрагивались до пациентов, а просто выслушивали их рассказ о своих недомоганиях, после чего выписывали рецепты к аптекарям, с которыми имели определенные финансовые договоренности. Таким образом, врачи не получали деньги непосредственно от пациентов, и их деятельность не подпадала под определение «ремесло» — занятие среди представителей высшего класса недопустимое.

Ниже врачей шли хирурги, которые не имели социального статуса, поскольку им приходилось вступать в физический контакт с пациентами, иметь дело с кровью и грязью. Еще хуже было то, что они получали деньги прямо из рук людей, которым оказывали помощь. К врачам обращались уважительно «доктор», в то время как хирургов называли просто «мистер». Врача могли допустить к королевскому двору, а вот хирургу путь туда был заказан.

— Вы хотите сказать, что отказываетесь помочь этому мальчику? — уточнил Беккер.

Судя по виду дородного пациента, он буквально пришел в ужас от одной мысли, что его доктор может оказывать практическую помощь кому бы то ни было, не говоря уже о каком-то окровавленном, перемазанном сажей нищем.

— Я хочу сказать, что это занятие для хирурга, — ответил Сноу, с беспокойством глядя, как на полу собирается лужица крови.

— Доктор Сноу, — возмущенным тоном произнес пациент, — может, мне выйти и позвать констебля?

— Благодарю вас, сэр Герберт, но...

Беккер хотел крикнуть, что он-то и есть констебль, но потом вспомнил: теперь он уже не имеет права так называться.

— Не далее как в прошлую субботу вы оказывали помощь именно как хирург, — напомнил он Сноу.

— Что? Что вы делали? — воскликнул пораженный сэр Герберт.

— Вы промыли мои раны и зашили их. Почему вы не можете сделать то же с этим мальчиком?

— Вы действительно промывали раны? — не скрывая ужаса, спросил сэр Герберт.

— Я сделал это в качестве одолжения инспектору Райану, — ответил доктор. — Он в свое время помог мне определить источник эпидемии холеры, и я чувствовал себя обязанным ему. Да, когда-то я был хирургом, но теперь добился большего.

— Чушь какая-то, — перебила его Эмили и повернулась к сэру Герберту. — А вы, пожалуйста, выйдите.

— Будьте любезны, поясните, по какому праву вы...

— Выйдите, — повторила девушка и подтолкнула ничего не понимающего бородача к двери. — Вам здесь нечего делать. Вы будете только мешать.

— Но...

Эмили вывела сэра Герберта в прихожую и теперь открывала входную дверь.

— Если не будете соблюдать осторожность, можете запачкать одежду в крови.

— Кровь на моей одежде? Где?

— Доброго дня, — сказала Эмили, выставила сэра Герберта на улицу и плотно закрыла дверь. Потом вернулась в кабинет и спросила: — Доктор Сноу, у вас сохранились хирургические инструменты?

— Они в этом шкафчике. Но я вовсе не собираюсь...

— Вы, может, и нет, зато я очень даже собираюсь. Констебль Беккер, положите мальчика на этот стол и помогите снять с него одежду.

— Вы не имеете права вламываться в чужой дом и начинать распоряжаться, — возразил Сноу.

Но Эмили не собиралась терять на него время и уже стаскивала с Джоуи грязное пальто, пропитавшееся кровью.

— Полагаю, первым делом нужно вымыть мальчика, чтобы понять, насколько серьезные у него повреждения. Доктор Сноу, где у вас кухня? Дайте, пожалуйста, кому-нибудь указание принести горячей воды. Она нам понадобится. Беккер, а вы в это время помогите мне вытащить из плеча стрелу.

— Нет, не торопитесь! — крикнул Сноу. — Эти зазубрины на острие или перья только расширят рану.

— Тогда что мне делать?

— Стрелу необходимо разрезать, чтобы извлечь или перья, или наконечник. Потом ее нужно будет продезинфицировать нашатырным

спиртом и тогда только вытаскивать.

Эмили наконец сняла с мальчика пальто и обнажила рубашку, настолько дырявую, что она легко разошлась по швам.

— И как мне разрезать стрелу?

— При помощи пилы.

— А где пила? Послушайте, доктор Сноу, давайте уже шевелитесь и помогайте нам. Этот мальчик рисковал жизнью, чтобы остановить убийцу.

— Убийцу?

— Да. Он живет на Греческой улице, всего в одном квартале от вас.

— В одном квартале? — повторил встревоженный доктор.

— Убийца мог бы зарезать вас во сне, а этот мальчик, вполне возможно, спас вам жизнь. А теперь, пожалуйста, хватит повторять все, что я говорю. Нам нужна пила, нужна горячая вода и... Вот, отлично. Пила. Благодарю вас. Как ее держать? Где мне резать стрелу? Здесь?

— Так вы разрежете ему плечо.

— Вот так?

— Нет-нет. Вот так.

— Ну так, ради всего святого, покажите сами, пока я не натворила дел. Ага, хорошо. Пожалуйста, продолжайте, а я схожу за горячей водой. Где кухня?

— В эту дверь.

— Ваша жена дома?

— Я не женат. Подержите мальчика, — велел доктор Беккеру. — Он так мечется, что я не могу работать.

Когда Эмили вернулась с чистыми тряпками и тазиком испускающей пар воды, она увидела, что доктор Сноу прижимает к лицу Джоуи маску, а другой рукой открывает краник на металлическом сосуде.

Мальчик перестал дергаться.

— Он умер?

— Заснул. Риска не больше, чем когда я назначил хлороформ королеве во время ее последних родов. — Доктор Сноу приставил лезвие пилы к стреле и сказал Беккеру: — Мальчик должен лежать на

боку. Крепко держите стрелу. Пока я буду пилить, она должна оставаться неподвижной, а иначе может еще больше повредить плечо.

Беккер ухватился одной огромной ручищей за наконечник, а второй за хвост стрелы.

Доктор начал пилить. Эмили в это время обтирала кровь и морщилась от скрежещущего звука, издаваемого пилой.

Чтобы отвлечься, она спросила доктора:

— Вы в самом деле назначили хлороформ королеве?

— Да, к ужасу отдельных церковников. Они возражали, уверяли меня, что Библия учит: дескать, женщины во время родов должны страдать.

Сноу еще усерднее заработал пилой.

— В Библии не говорится ничего подобного.

— Это из Книги Бытия, глава третья, стих шестнадцатый. После того как Адам и Ева согрешили, Господь наказывает их и говорит Еве: «В муках будешь рожать детей».

— Эти священники такие идиоты!

— И я точно так же думаю. Есть, конечно, редкие исключения. Готово! — воскликнул доктор и торжествующе поднял зазубренный наконечник. — А теперь, перед тем как я вытащу стрелу, протрем ее нашатырным спиртом.

Вдруг дверь в кабинет распахнулась, и удивленная Эмили увидела на пороге трех мужчин.

— Отец!

Вместе с Де Квинси в комнату быстрыми шагами вошли инспектор Райан и импозантного вида мужчина, которого Эмили прежде не встречала.

— Это комиссар полиции Мэйн, — быстро представил его Райан. — Перед тем как я отправился в Скотленд-Ярд, ваш отец сообщил, где, скорее всего, обитает полковник Бруклин. Мы встретили мистера Де Квинси в дверях, когда он уходил оттуда.

— Не скажу чтобы я поверил в виновность полковника Бруклина в недавних убийствах, — прямо дал понять комиссар. — Но вот какое дело: исчез повар, который подсыпал наркотик в пищу заключенным в «Колдбате». Мои люди разведали, что он воевал в Индии.

— На теле человека, убитого в тюрьме, обнаружена татуировка, из которой следует, что и он тоже служил в Индии, — подхватил Райан. — В том же самом полку. Дальше оказалось, что и Бруклин служил в этом полку.

— Возможно, полковник вспомнит двух этих людей и сможет рассказать нам об их связях с преступным миром, — предположил комиссар. — Прошу прощения, юная леди, я знаю констебля Беккера, но еще не имел удовольствия быть знакомым...

— Эмили Де Квинси.

— Да, конечно. Инспектор Райан очень хорошо о вас отзывался.

— Правда? — переспросила изумленная девушка.

Щеки инспектора моментально сделались такого же цвета, как выбивающиеся из-под кепки волосы.

— А это тот самый уличный попрошайка, который вломился в дом полковника Бруклина? — спросил комиссар.

— Но вы же не собираетесь его арестовать? — вступилась за Джоуи Эмили. — Он рисковал жизнью, чтобы изобличить убийцу.

— Напомню вам: у нас нет никаких доказательств, что убийца — полковник Бруклин. Я согласился сопровождать инспектора Райана, с тем чтобы предостеречь: мы все должны работать сообща и не воевать друг с другом.

— Вы назвали его инспектором. Значит ли это, что мы снова служим в полиции? — спросил Беккер.

— Даже я не в силах отменить приказ лорда Палмерстона. Но неофициально могу сказать: я вам доверяю. После того как мистер Де Квинси показал мне жилище полковника, у меня появились сильные подозрения. Но должен признаться, я чувствовал себя крайне неловко из-за этого вторжения в чужой дом.

— Для начала, с чего бы это Бруклину хранить у себя такое количество пороха? — задал риторический вопрос Райан. — И почему он истязает себя таким способом, о котором я не смею заикнуться в присутствии мисс Де Квинси?

— Поверю вам на слово, инспектор. Я ведь не заходил в его спальню — для меня это было бы уже слишком — и потому не видел ни крови, ни кнута, о которых вы говорили.

— Кнута? — переспросила Эмили.

— Честное слово, — покраснел Райан, — это слишком деликатная тема для...

— Бруклин стегает себя кнутом до крови, — любезно пояснил Де Квинси.

— Спасибо, отец, а то я бы могла и не такое себе представить.

— Я не вижу, как это может быть связано с убийствами, — заявил комиссар. — То, чем занимается полковник Бруклин в своем доме, не касается никого, кроме него самого.

— Но против него может сыграть то обстоятельство, что он — сын Джона Уильямса, — стоял на своем Де Квинси.

— У вас есть лишь свидетельство пожилой женщины, которая работает в пекарне в одном из самых неблагополучных районов Лондона. Нет никаких доказательств, что она и есть Маргарет Джуэлл.

— Но пометки в моих книгах ясно говорят о его болезненном интересе к Джону Уильямсу.

— То же можно сказать и о вашей персоне, — возразил комиссар. — Все это не служит доказательством его виновности. Я оставил констебля дожидаться возвращения полковника. Он должен сообщить Бруклину, что я желаю с ним переговорить.

Бруклин не раскрывал местонахождение своего жилища даже кебменам. Обычно он велел им свернуть с Оксфорд-стрит в сторону Сохо-сквер, выехать на Греческую улицу, проехать по ней пару кварталов на юг и там остановиться. И все это время он внимательно изучал окрестности из окна кеба. Если все было в порядке, он возвращался домой пешком, глядя в оба, нет ли слежки.

В этот раз, когда кеб миновал номер тридцать восемь, Бруклин откинулся на спинку сиденья, встревоженный присутствием констебля на крыльце своего дома. Входная дверь была приоткрыта, а на ступеньках виднелись следы крови. Полковнику очень хотелось выглянуть из окошка и проверить, в какую сторону ведут кровавые следы, но он не рискнул.

Проехав пару кварталов, Бруклин расплатился с кучером, вылез из кеба, но вместо привычного маршрута свернул за угол и прошел до улицы, параллельной Греческой. Там он нырнул в узкий проулок между домами, добрался до калитки, отпер ее собственным ключом, потом дошел до следующей калитки и также открыл ее, а после запер

за собой. В обоих случаях он задерживался и осматривал замки, проверяя, не пытался ли кто-то открыть их. Также он убедился, что комочки грязи, аккуратно положенные по краям калитки, остались на своих местах — свидетельство того, что калитку никто не открывал.

Наконец полковник оказался в мрачном внутреннем дворике, в котором стоял туалет. Ступеньки спускались в подвал, где размещалась кухня. Единственное ее окно закрывала решетка. Дверь была заперта, и Бруклин не обнаружил никаких следов попытки проникновения.

Короткая лестница вела на первый этаж. Окна здесь также были забраны решетками. На двери черного хода, так же как и на парадной, не имелось дверной ручки. И здесь разложенные в укромных местах комочки грязи остались нетронутыми. Бруклин вставил необычной формы ключ в замок.

В холл через приоткрытую парадную дверь проникала узкая полоска света. Бруклин увидел, что полностью закрыть дверь невозможно — металлическая пластина, в которую входил язычок замка, откручена от косяка.

В воздухе витал запах тухлых яиц (кто-то зажигал спичку), смешивавшийся с вонью жировой свечи.

На полу была кровь.

Первоначальное изумление сменилось яростью, когда Бруклин убедился, что в его доме побывали незваные гости. Первым его побуждением было ринуться выяснять, где еще они оставили следы, но годы военной дисциплины взяли свое. Он вдруг оказался будто в разведывательном рейде и должен был действовать скрытно, не привлекая внимания полицейского на крыльце. Тихо пробравшись по коридору, Бруклин завернул в комнату, где хранил свои книги.

На полу он обнаружил лужу блевотины. Книги лежали в беспорядке, а из одной неизвестный вандал вырвал первую страницу.

На столике стояла лампа со снятым стеклом. Крышечка, закрывающая отверстие для заправки горючим, была откручена — явный признак того, что взломщик обнаружил внутри порох.

Не забывая о дежурящем на крыльце полицейском, Бруклин тихо прошел в комнату напротив и в свете, проникающем через неплотно прикрытую входную дверь, разглядел на полу среди рассыпавшегося из одной бочки пороха следы ног. Судя по размеру, их обладатель был маленького роста.

Полковник направился к лестнице и на ступеньке увидел тот самый лист, вырванный из книги. Поперек карандашом было крупно выведено:

«Любитель Опиума откликнулся на приглашение, но, к глубокому сожалению, не застал вас дома».

Вне себя от ярости Бруклин поднимался по лестнице, держась ближе к перилам, чтобы не наступить на ступеньку, в которой скрывался механизм, разряжающий арбалет. Впрочем, предосторожности казались излишними. Бруклин уже убедился, что из арбалета был произведен выстрел, и, если ему сопутствовала удача, стрела поразила этого маленького засранца, оставившего нахальную записку.

«Спальня!»

Он бегом поднялся на второй этаж и обнаружил, что дверь в спальню, всегда закрытая, сейчас распахнута. Войдя в комнату, Бруклин увидел, что гардероб тоже открыт, арбалет произвел выстрел, а стрела торчит из стены возле двери.

Но полковник едва обратил на все это внимание. Его взгляд был прикован к армейской койке. Маленький мерзавец откинул в сторону одеяло и простыню, и на брезенте отчетливо виднелись следы засохшей крови. Кнут, который Бруклин прятал на гардеробе, сейчас лежал здесь же.

Он так внимательно уставился на свое спальное место, что вроде бы даже разглядел отдельные волокна в брезентовой ткани и расплывшиеся по ним кровавые пятна. В Индии Бруклин спал на такой же койке и часто просыпался по ночам от кошмаров, в которых заново совершал свои злодеяния. От кошмаров, в которых видел совершающего зверские убийства отца. Как бы сейчас он ни наказывал себя, ни терзал плоть, воспоминания намертво врезались в память и не желали исчезать.

«Ум лишен способности забывать», — так писал Любитель Опиума.

Бруклина захлестнули гнев и стыд. Он раскинул руки в стороны, задрал голову в потолок и раскрыл рот, будто собрался заорать во весь голос. И хотя из широко раздвинутых губ не вырвалось ни звука,

внутри Бруклина клокотал настоящий ураган. Он безмолвно ревел и чувствовал, что грудь может вот-вот взорваться от охватившей его первобытной ярости. Вены на лбу набухли и угрожали лопнуть. Жилы в глотке натянулись до такой степени, что казалось, они вот-вот порвутся от безмолвного вопля.

Маленький засранец.

МАЛЕНЬКИЙ ЗАСРАНЕЦ!

Присутствие констебля у дверей его дома означало, что полиции стало известно о порохе. И как все объяснить лорду Палмерстону? Допустим, с убийствами Бруклина ничто не связывает, но после событий, которые произойдут этим вечером, ему придется держать ответ на вопрос, зачем он хранил в доме такое количество пороха. И в конечном итоге даже лорд Палмерстон вынужден будет рассмотреть, казалось бы, невероятную гипотезу.

Впрочем, у Бруклина уже давно был предусмотрен план действий на такой случай. Поскольку возможности передать сведения о нем через океан посредством телеграфа не существовало, он спокойно может бежать в Америку, а в этой непрерывно расширяющейся стране исчезнуть будет легко. В конце концов, в Индии он в совершенстве овладел искусством маскировки.

Но, так или иначе, оставить свидетельства своего позора он не может.

Бруклин спустился на первый этаж. За приоткрытой дверью топтался на месте констебль. Бруклин взял коробок спичек и лампу, заряженную порохом, крадучись вернулся к лестнице и тихонько поднялся наверх. Там он вошел в спальню и поставил лампу возле койки.

Вынув спрятанный под пальто нож, Бруклин разрезал простыню на ленты и привязал одну к фитилю лампы. Затем он расправил полоску ткани на полу во всю длину и положил сверху вторую такую же. Подобную операцию он проделал и с третьей, и с четвертой лентами, разматывая их и, где нужно, складывая, так что полоски протянулись через всю комнату.

Наконец он разложил вдоль остатков простыни спички. Теперь, если огонь начнет угасать, вспыхивающие спички придадут ему свежую силу.

Бруклин чиркнул спичкой. Глубоко вдохнув запах тухлых яиц (тоже своего рода наказание), он поднес огонек к концу ленты. Пламя медленно поползло по полоске ткани. Бруклин немного понаблюдал за ним, потом покинул спальню и закрыл за собой дверь.

Он быстро спустился по лестнице, прошел в заднюю часть дома и оказался в мрачном внутреннем дворике. Даже в этом замкнутом пространстве дул ветер. Да, сегодня вечером тумана не будет, и жители Лондона смогут наблюдать за уничтожением города.

Бруклин запер калитку, прошел узким проходом, закрыл за собой вторую калитку и выбрался на соседнюю улицу.

— Мальчик, — обратился он к нищему, одному из тех несчастных, которые не смогли этим вечером убраться из города. — Я дам тебе шиллинг, если окажешь мне одну услугу.

— Шиллинг? — подозрительно спросил мальчик. — За что это вы готовы заплатить мне целый шиллинг?

— Среди вас есть Любитель Опиума? — спросил чумазый мальчишка, когда Де Квинси, Эмили и полицейские торопливо вышли от доктора Сноу.

— А зачем тебе это знать? — в свою очередь поинтересовался Де Квинси.

— Да это, наверное, вы. Тот джентльмен сказал, что вы маленького роста. Джентльмен заплатил мне шиллинг, чтоб я прошел по кровавым следам от тридцать восьмого по Греческой. Велел поторопиться. Сказал передать вам от него послание.

— Что за послание?

— Тот джентльмен сожалеет, что его не было дома, когда вы пришли с визитом.

Де Квинси показалось, что воздух вокруг сгустился. Невидимые руки будто сжали горло. В это мгновение в квартале от дома доктора грохнул взрыв, от которого зазвенело в ушах. Даже на таком расстоянии был хорошо слышен грохот падающих обломков.

Все пятеро бросились бежать к перекрестку. Когда они очутились на Греческой улице, то замерли с разинутыми ртами, глядя на то место, где еще недавно стоял дом номер тридцать восемь.

Верхний этаж был объят пламенем. Взрыв произошел, судя по всему, в комнате на втором этаже справа от входа. Во всех остальных

комнатах ударной волной повыбивало стекла. Само здание накренилось в сторону проезжей части, словно собиралось вот-вот упасть.

Полицейский, оставленный дежурить у входа, лежал без движения на брусчатке.

Райан и Беккер бросились к нему. А вокруг уже разрасталась встревоженная толпа. Крики испуганных горожан смешивались с набирающим силу треском пламени. Ветер доносил горьковатый запах дыма.

Полицейские поспешно оттащили бесчувственного коллегу на противоположную сторону улицы. Стена тридцать восьмого дома закричала, затрещали кирпичи, и внезапно половина здания со страшным грохотом обрушилась на проезжую часть.

Люди кинулись врассыпную. Во все стороны летели обломки кирпичей и куски дерева. Райану и Беккеру пришлось закрыть спинами неподвижного констебля. Вдалеке зазвонил пожарный колокол.

Из ниши в стене дома в паре сотен ярдов от места взрыва Бруклин наблюдал, как Любитель Опиума с ужасом взирает на творящийся на Греческой улице хаос. Здесь же были и Райан с Беккером. Эти двое не могли удержаться и не продемонстрировать героизм, спасая оглушенного констебля.

Был с ними и комиссар Мэйн. Не приходилось сомневаться, что скоро он явится с разговором к лорду Палмерстону.

Бруклин выступил из ниши и пошел прочь.

Группа людей поспешно выбралась из кареты и оказалась перед Музеем восковых фигур.

— Бруклина видели здесь сегодня утром, — сообщил Де Квинси.

Все посмотрели на юго-восток, в направлении Греческой улицы, откуда сильный ветер приносил дым. К тому времени как они отбыли с места пожара, две команды борцов с огнем уже изо всех сил пытались потушить пламя.

— Люди встревожатся из-за пожара. По городу поползут слухи о взрыве. Это только усугубит панику, — заметил Де Квинси.

В подтверждение его слов мимо почти бегом проследовали несколько взволнованных пешеходов да пролетели два экипажа.

— И что вы надеетесь найти здесь? — указал на музей комиссар Мэйн.

— Немножечко зная полковника, могу утверждать: он не пришел бы сюда просто так. Это место чем-то для него важно.

Де Квинси пришлось довольно долго стучать в окошечко кассы, пока не появилась женщина средних лет.

— Наконец-то явились посетители, — буркнула она.

— Боюсь, не совсем так, — сказал Мэйн и предъявил удостоверение комиссара полиции.

Со вздохом разочарования женщина открыла дверь.

— Сегодня сюда приходил один джентльмен, — обратился к ней Де Квинси и описал внешность Бруклина.

— Да. Он снял для себя музей на час. Чуть позже к нему присоединились еще три джентльмена. За сегодняшний день они — наши единственные посетители.

— Куда они пошли?

Женщина указала направление.

— В Кабинет ужасов.

Де Квинси и его сопровождающие вошли в темную комнату и увидели, как двое служителей музея достают труп из гроба, стоящего в кладбищенском антураже. Вся сцена выглядела настолько реалистично, что Эмили судорожно выдохнула.

— Бурк и Хэй, «похитители тел», — прокомментировал Де Квинси.

Рядом расположилась гильотина с пятнами крови и корзина с двумя отрубленными головами жертв революции.

— А это Робеспьер и Мария-Антуанетта.

Де Квинси внезапно остановился у следующей экспозиции. На полу лежали трупы с проломленными головами. Мужчина замахнулся молотком на служащего, сидящего за прилавком.

— Вот почему полковник приходил сюда, — объявил Де Квинси. — Сцена изображает Джона Уильямса в момент, когда он совершает первое убийство. Скажите, комиссар, он вам никого не напоминает?

Мэйн смотрел несколько секунд, а потом воскликнул:

— Боже правый, он похож на Бруклина!

— Жутко похож. Бруклин просто помешался на преступлениях, совершенных его отцом. — Де Квинси показал на чудовищную сцену. — Интересно, когда он глядит на эту восковую фигуру, он представляет себя на месте отца, воображает, как сам убивает этих людей?

Комиссар нахмурился:

— Это вам не опиум навеял такие мысли? Что-то вы меня сбиваете с толку.

— Мистер Де Квинси начиная с субботней ночи всех нас сбивает с толку, — пояснил Райан.

— Кроме того, он заставляет нас думать самостоятельно, — добавил Беккер. — И вот что я сейчас подумал. Бруклин не стал бы взрывать свой дом, если бы не предполагал, что его вот-вот разоблачат. Он знает, что времени у него осталось не много.

— Верно, — кивнул Де Квинси. — Что бы еще ни задумал Бруклин, это произойдет сегодня.

Коляска остановилась на Оксфорд-стрит возле безногого нищего на деревянной платформе с колесиками.

Райан кивком подозвал его к себе.

Тележка, скрипя колесами, подкатила к экипажу.

— Эдвард, друг мой, — обратился к нему Де Квинси, не высовываясь наружу, чтобы никто не мог его заметить, — есть новые сведения?

— За этим полковником Бруклином, которого вы разыскиваете, сегодня утром следил мальчишка, помощник мусорщика. Он направился в доки.

— В какие доки?

— Мальчонка не смог подобраться близко, чтобы выяснить. Этот Бруклин был в полицейской коляске с тремя констеблями.

— В полицейской коляске? С констеблями? — озабоченно покачал головой комиссар. — Мне об этом ничего не известно.

— Можете дать этому несчастному шиллинг? — попросил Де Квинси.

Комиссар бросил серебряную монетку в шапку Эдварда.

— Спасибо, начальник! Благослови вас Господь!

— Эдвард, продолжайте собирать информацию! — крикнул Де Квинси, когда коляска покатила по улице.

— Доки, — задумчиво произнес Беккер. — Их же десятки.

— Учитывая прошлое Бруклина, предположу, что его интересуют только вполне определенные доки, — сказал Де Квинси.

— Что вы имеете в виду?

— Бруклин двадцать лет прослужил в Индии. В заметках на полях моих книг он упоминает обо всех людях, которых убил там. Из-за опиума. Людей, которых он убил, работая на Британскую Ост-Индскую компанию. Он неоднократно подчеркивал название этой компании.

Впереди на углу стояли две проститутки.

— Беккер, пожалуйста, попросите кучера остановиться, — попросил Де Квинси.

Женщины с надеждой посмотрели на остановившийся экипаж.

— Дорис, Мелинда, как я рад снова вас видеть.

— Это же мой любимый малыш, — захлопала глазами Дорис.

Мелинда загоготала, распахнув беззубый рот.

— У меня есть для вас работа.

— Погодите, это не те самые проститутки, которых мы допрашивали в Воксхолл-Гарденс? — спросил смущенный Райан.

— Вам лучше снова вызвать несколько больших полицейских экипажей, — сказал инспектору Де Квинси. — Сегодня нам потребуется помощь этих прелестных дам и их подружек.

— Отец, ради бога, о чем ты говоришь?

Глава 16

ВЗДОХ ИЗ ГЛУБИН

Лондонские доки начинались от Тауэра и тянулись вдоль Темзы на восток. Они разрастались с каждым годом и в начале девятнадцатого века образовали крупнейший в мире порт. К 1854 году треть всех доков использовалась Британской Ост-Индской компанией. Корабли, на борту которых перевозили опиум, чай, специи и шелк, поднимались по Темзе, входили в канал, врезающийся в северный берег реки, и дальше через систему шлюзов попадали в две огромные искусственные гавани, по берегам которых протянулись причалы. Одна гавань предназначалась для экспортных товаров, другая — для импортных. Гавани были настолько громадными, что в них одновременно могло стоять на якоре две с половиной сотни судов.

Вскоре после наступления темноты у крепких ворот остановился полицейский экипаж. Из него выпрыгнул Бруклин и подошел к стражнику. Тот поднял фонарь, осветил лицо полковника и кивнул в знак узнавания.

— Вернулись? — спросил он.

За спиной стражника стояли еще несколько человек. Холодный ветер хлопал лапами их пальто.

— Приказ лорда Палмерстона.

Бруклин вытащил документы.

— Ни к чему это. Я уже много раз видел их.

— Его светлость по-прежнему обеспокоен слухами о том, что кто-то планирует воспользоваться царящей в городе паникой и устроить беспорядки в доках.

Упоминание имени лорда Палмерстона произвело должный эффект. Будучи министром внутренних дел, Палмерстон, помимо всего прочего, обеспечивал и безопасность лондонского порта. Как бывшему секретарю по иностранным делам, лорду было также обеспечено место в руководстве Британской Ост-Индской компании.

— Да уж, Господь свидетель, паника сейчас повсюду, — согласно закивал стражник. — Прошлой ночью толпа вынудила группу моряков забаррикадироваться в пакгаузе возле Шадуэлл-Бейсин. Они их там

чуть не поубивали. Нам пригодится любая помощь, какую захочет оказать его светлость.

Стражник открыл ворота и махнул кучеру, чтобы тот проезжал.

— Слухи, которые до нас дошли, касаются складов опиума, — сообщил Бруклин.

— Хорошо. Посмотрите там сами. Делайте все, что сочтете нужным.

Экипаж проследовал мимо стражников.

Возле складского здания он остановился, и на землю спрыгнули три человека, одетые констеблями. На самом деле все они в прошлом служили в Индии в том же специальном подразделении, что и Бруклин.

По поверхности гавани гуляли волны. Вдалеке на ветру раскачивались взад-вперед фонари, с которыми стражники патрулировали причалы.

Переодетые констеблями сообщники Бруклина зажгли принесенные с собой фонари и прошли в здание склада. Они уже трижды побывали здесь, каждый раз под предлогом полицейских проверок, и использовали высокие борта полицейского экипажа как прикрытие для осуществления своих истинных намерений. Из соображений безопасности порох они переносили в маленьких бочонках — пять дюймов в диаметре и восемь дюймов в высоту. В декабре такую ночь легко было укрыть под просторной зимней одеждой.

Бруклин с подельниками убедились, что в помещении никого больше нет. Потом они прошли по всему складу от одного штабеля опиумных брикетов, укрытых грубой джутовой тканью, к другому, проверяя, хорошо ли спрятаны от посторонних глаз бочонки с порохом. В нужных местах они уложили те, что принесли сейчас с собой. Хотя упакованные брикеты и не пахли. Бруклин по своему двадцатилетнему опыту легко мог представить исходящий от них отвратительный запах гашеной извести, которая использовалась в процессе изготовления наркотика.

— Я сегодня исчезаю, — объявил он сообщникам.

— Так быстро?

— Я попал под подозрение. Время совершить стратегическое отступление.

Все улыбнулись, услышав привычный армейский термин.

— Вы исполнили то, о чем мы договаривались, — продолжал Бруклин. — Завтра, после того как огонь уничтожит сотни и тысячи домов, в городе останется мало людей. Уцелевшие банки и торговые компании окажутся без охраны. Возьмите себе за труды столько, сколько сочтете нужным. Никто вас не остановит, особенно учитывая, что вы одеты в полицейскую форму. И не забудьте сжечь здания, в которых совершите кражу.

— А ты? Какой будет твоя награда?

— Для начала уничтожение всего этого опиума.

— А потом?

— После того как половина Лондона сгорит, возможно, паника достигнет предела, за которым народ решится на революцию.

— Ты так любишь говорить о революции.

— Задача армии — защищать Англию, но в Индии мы на самом деле занимались тем, что помогали нашим богачам становиться еще богаче за счет продажи опиума. Я сбился со счета, скольких я убил из-за этих ничтожных аристократов и их чертова наркотика.

— И теперь ты убиваешь граждан Англии.

— Неизбежные потери. Существующую систему необходимо уничтожить. Мне приятно думать, что аристократишки, которые наживались на совершаемых нами убийствах, теперь дрожат от страха.

— Ладно. Тебе — революция, нам — деньги.

— Честная сделка. Вы без проблем покинете город на украденных похоронных дрогах. Оденетесь сотрудниками похоронного бюро, поверх реквизированных денег поставите гробы с трупами, так что никто вами не заинтересуется.

— Чем скорее мы начнем, тем лучше. Давайте сообщим стражникам у ворот, что все здесь, похоже, в порядке.

— Взрыватели установлены на десять минут?

— Да. К тому времени мы уже будем на безопасном расстоянии. — Говоривший отогнул джутовую ткань и продемонстрировал засунутый между брикетов запал. — Поджигай. За ним воспламятся и все остальные.

Бруклин чиркнул спичкой.

— Стоп! — раздался крик за спиной.

А в полумиле от доков, грохоча по булыжной мостовой, к Рэтклифф-хайвей приближался кеб.

Когда сидевшая в кебе Маргарет Джуэлл узнала эти мрачные улицы, она пришла в сильное возбуждение.

— Нет! Вы не сказали, что мы поедem сюда!

— Понимаю, вам тяжело, — сказала Эмили и взяла руку женщины в свою. — Но нам нужна ваша помощь.

— Вы даже не можете представить, как мне тяжело!

Кеб свернул на Рэтклифф-хайвей. В обычный день на улице бурлила бы жизнь, но этим вечером она была неестественно пустынной. Страх разогнал всех жителей по домам.

— Везите меня обратно! Я поклялась никогда не возвращаться в эти места!

— Маргарет, — мягко произнес Беккер, — вашего сына необходимо остановить.

— За этим я и пришла в Скотленд-Ярд.

Даже несмотря на скудное освещение внутри кеба от редких уличных фонарей, женщина повернула голову так, чтобы не был виден шрам на лице.

— Вы, Маргарет. Только вы и можете его остановить, — сказала Эмили.

Кеб достиг места назначения.

Маргарет выглянула в окошко и застонала.

Ее взору предстал магазин одежды — тот самый, который в 1811 году принадлежал Тимоти Марру и в котором Джон Уильямс зверски убил четырех человек.

Маргарет заговорила. Так тихо, что Эмили и Беккер едва ее расслышали:

— Вы не заставите меня войти туда.

— Туда и не нужно, — успокоила ее Эмили. — Нужно перейти через дорогу. Мой отец и комиссар Мэйн приехали раньше нас и нашли подходящее место, где можно будет подождать.

Девушка и Беккер помогли Маргарет выбраться из кеба так, чтобы она не увидела лавку Марра.

Ледяной ветер пронизывал до костей.

Скрипнула, отворяясь, дверь. За ней, казалось, царит абсолютный мрак.

— Сюда, Эмили, — позвал Де Квинси.

Когда глаза привыкли к темноте, стало ясно, что в качестве наблюдательного пункта выбрана бакалейная лавка. В воздухе стоял запах муки. На полках лежали рядом упаковки печенья и патентованные лекарства.

Беккер быстро захлопнул входную дверь и подвел Маргарет к стулу у прилавка. Женщина старалась не смотреть в сторону окна. Ее всю трясло.

К ней подошел Де Квинси.

— Маргарет, я — отец Эмили.

Она не ответила.

— Спасибо, что согласились приехать. Ваше присутствие чрезвычайно важно.

Маргарет всхлипнула, но ничего не сказала.

— Этот джентльмен — комиссар полиции Мэйн. Он тоже вам премного благодарен.

— Зачем вы привезли меня сюда? — с болью в голосе спросила Маргарет.

— Мы считаем, что сегодня вечером ваш сын совершит нечто еще более ужасное, чем все, что он сотворил до сих пор.

— Но как такое возможно?

— Мы предполагаем, что он планирует устроить взрыв в доках Британской Ост-Индской компании. При таком ветре пламя почти наверняка быстро распространится на пол-Лондона.

— Что?

— После этого он покинет город, возможно, навсегда. Но сперва явится сюда. Он просто помешан на убийствах, совершенных его отцом, он испытывает непреодолимое желание вновь пережить прошлое. И поэтому я убежден, что он не сможет противостоять искушению в последний раз увидеть лавку Марра.

В комнате настала тишина.

— Джон Уильямс, — сказала наконец Маргарет. Странно было слышать, как она произносит полностью имя и фамилию человека, которого когда-то любила. — Будь он проклят. Будь проклята я. Будь проклят ребенок, которого мы произвели на свет.

Она повернула голову и уставилась в окно на противоположную сторону улицы. Даже в полутьме присутствующие отчетливо

разглядели шрам на щеке.

— Тогда здесь располагалась лавка сапожника. В ту ночь, перед тем как пойти разобраться с Марром, Джон Уильямс скрывался в темноте здесь, возле этой лавки. Он сам мне рассказал. Он видел, как я вышла по поручению Марра. Марр объявил, что желает на ужин для своей семьи свежих устриц. Но на самом деле этот ужасный человек хотел испугать меня, хотел, чтобы я испытала страх, идя одна по темным ночным улицам. Когда я скрылась из виду, Джон Уильямс вошел в лавку и...

Слезы заструились из глаз Маргарет.

— Если вы поможете нам, — произнес Де Квинси, — история, начавшаяся сорок три года назад, наконец завершится.

— Стоп! — услышал Бруклин повелительный оклик.

Держа зажженную спичку возле запала, он резко обернулся в направлении, откуда раздался голос. К его удивлению, источник голоса находился где-то наверху.

Один из сообщников Бруклина поднял фонарь, и на самой границе света появилась голова инспектора Райана. Он притаился на верху штабелей опиумных брикетов.

Распахнулись двери склада и от сильного порыва ветра с грохотом ударились о стену.

Внутри ворвались полицейские. В руках они держали дубинки, а свет фонарей был направлен на Бруклина и его подельников.

Полковник прищурился от ослепительного сияния и поджег фитиль.

— Нет! — крикнул Райан.

Пламя поползло, плюясь искрами и распространяя вокруг дым, по фитилю, большая часть которого была скрыта под брикетами опиума.

Райан заскользил вниз по штабелю, скребя ботинками по джутовой ткани.

Едва он приземлился на отозвавшийся гулким эхом деревянный пол, как тут же прыгнул, чтобы ухватить горящий фитиль.

Но не дотянулся. Молниеносным движением Бруклин выхватил кинжал и полоснул Райана по руке.

Инспектор вскрикнул, схватился за раненую руку и отскочил.

— И сколько у вас здесь полицейских? — небрежно спросил Бруклин.

Ответил один из его сообщников:

— Похоже, около дюжины.

— И еще с полдюжины вон там, — добавил второй подельник и указал на группу патрульных, входящую в здание склада через дверь в дальнем конце.

Райан, обливаясь кровью, попытался еще раз ухватиться за фитиль, но вынужден был отпрыгнуть в сторону, когда Бруклин снова нанес удар.

— Маловато вы привели помощников, — бросил полковник.

Трое его товарищей тоже выхватили кинжалы.

Полицейские устремились к небольшой группе преступников. Но пока что все внимание Бруклина было поглощено горящим фитилем, который наконец исчез, продолжая разбрызгивать искры, среди брикетов опиума.

— Пора! — коротко скомандовал полковник.

Их движения были потрясающе быстрыми. Не давая полицейским возможности ответить, Бруклин и его товарищи налетели на них, демонстрируя мастерство и выучку, наработанные за двадцать лет боевых действий в Индии и Китае. Они были настолько хорошо обучены убивать, что не задумывались и на секунду перед тем, как совершить то или иное действие, которое обычному человеку показалось бы вовсе не возможным. Элита британских вооруженных сил — благодаря этим парням и их коллегам «Юнион Джек» развевался над четвертью земного шара.

Выпали из безвольных рук дубинки. Полетели на пол шлемы. Поразбивались фонари. Одежда и плоть разлетались на мелкие кусочки под молниеносными ударами острых как бритва кинжалов. Лезвия мелькали с такой скоростью, что глаз не успевал за ними уследить. Через каких-то несколько секунд пол склада был усеян телами полицейских. Некоторые еще дышали и издавали предсмертные стоны.

Из упавших и разбившихся ламп вытекал керосин и смешивался с кровью. Местами занялось пламя.

— Эти остолопы думали, что они нам ровня, — презрительно заметил Бруклин.

— Ворота перекроют, — предупредил один из его сообщников.

— Перелезем через стену и пешком доберемся до катафалков, — сказал другой. — Ничего не поменялось. План сработает. По сравнению с Индией это сущая ерунда.

— Я горжусь тем, что служил вместе с вами, — торжественно произнес Бруклин.

— Мы тоже гордимся, полковник. Надеюсь, у тебя все сложится с революцией.

В огромном здании склада звук выстрела прозвучал подобно раскату грома.

Сообщники Бруклина, спешившие к двери в дальнем конце здания, удивленно обернулись и увидели, как их предводитель тяжело опускается на колени.

Истекающий кровью Райан взвел курок флотского «кольта нэви» и вторым выстрелом уложил за смертью одного из лжеконстеблей. Пока оставшиеся двое приходили в себя от изумления, Райан нашел в себе силы выстрелить еще раз. Из дула вырвался дымок, и огромный пистолет едва не вылетел из рук инспектора. Пуля прошла мимо, но оглушительно громкие звуки выстрелов будут слышны на большом расстоянии, и совсем скоро в здание склада ворвется подмога.

Невредимые сообщники Бруклина наконец опомнились и помчались изо всех сил, топоча ботинками по деревянному полу, в дальний конец склада. Хлопнула дверь, и мужчины растворились в ночи.

Бруклин покачнулся и упал навзничь. Райан медленно подошел к нему.

— Мне сказали, что из подобного револьвера стрелял ваш человек, когда инсценировал покушение на лорда Палмерстона.

Морщась от боли в раненой руке, он сделал еще пару шагов.

— В пистолете пороха было чуть-чуть больше, чем необходимо, но ровно настолько, чтобы при взрыве сам стрелявший не пострадал. Вы же проявили себя героем, предотвратили «покушение» и заработали себе тем самым еще большее доверие лорда Палмерстона. В то же время такое дерзкое нападение на члена правительства способствовало усилению паники. Но с этим пистолетом никаких осечек не случится. Оружейник, который одолжил мне «кольт», лично

проверил количество пороха в пулях и проследил, чтобы барабан был в полном порядке.

Райан посмотрел сверху вниз на поверженного противника.

— Только, пожалуйста, не умирайте от огнестрельного ранения. Я хочу увидеть, как вы болтаетесь на виселице.

Внезапно у Райана перехватило дыхание. Он сморщился от боли и дернулся назад. Удар Бруклина был настолько же точным, насколько и быстрым.

Райан застонал, обхватил обеими руками живот и, сделав неуклюжий шагок, врезался в штабель опиумных брикетов. Колени его подогнулись, и инспектор плюхнулся на пятую точку.

Шипя от боли, Бруклин кое-как поднялся на ноги, восстановил равновесие и шагнул к Райану. Он уже занес руку с ножом, готовясь нанести смертельный удар, когда от входа донеслись крики.

В это время Райан из последних сил поднял двумя руками тяжеленный револьвер, взвел курок и нажал на спусковой крючок.

Грохнул оглушительный выстрел, и пуля просвистела мимо полковника. Он уставился на дверь, крики за которой становились все громче, потом обернулся и увидел, что инспектор непослушными пальцами пытается перезарядить револьвер.

И Бруклин побежал.

В здание склада ворвались вооруженные люди и замерли от ужаса, увидев при свете разгорающегося пожара чудовищную картину бойни.

— Бруклин и два его сообщника, переодетые констеблями, бежали через ту дверь, — задыхаясь от боли, сообщил стражникам Райан. — Они направляются к стене, окружающей доки. Бруклин ранен.

Пистолет выпал из обессиленных рук инспектора.

Часть людей кинулась ко второму выходу, другие затаптывали пламя.

В здании появились люди с ведрами, которые принялись заливать огонь.

— Порох, — простонал Райан. — Под опиумом.

— Порох?

— Запал уже зажжен, — чуть громче сказал инспектор.

Плохо видя в густом дыму, он ухватился за ближайший штабель и попытался подняться. Показалось, что прошла целая вечность, пока

ему наконец удалось встать на ноги. Штаны были влажными, как будто он обмочился. Вполне возможно, так и произошло, но инспектор знал, что в основном они мокрые от его крови.

— Нам нужно, — прохрипел, задыхаясь от дыма, Райан, — раскидать брикеты и найти запал.

— Вы сказали — порох?

Инспектор вытащил из штабеля завернутую в ткань упаковку наркотика и швырнул на пол.

— И зажженный запал?

Райан поморщился и вытащил еще один брикет.

— Давайте убираться отсюда! — крикнул кто-то.

— Ветер перекинёт пламя на город, — со стоном произнес инспектор.

Он сбросил на пол несколько брикетов и тихо воскликнул:

— Нашел!

Борясь с головокружением, Райан сфокусировал взгляд на бегущем огоньке.

— Поздно. О господи! Воспламенились еще три запала.

Наконец к нему пришли на помощь. Во все стороны полетели брикеты опиума.

— Есть один! — крикнул стражник и перерезал фитиль.

— Еще два уходят в эти штабели!

С громким кашлем люди отчаянно раскидывали упаковки с наркотиком.

— Здесь!

— Там дальше — еще запалы!

— Поторопитесь!

— Нашел!

— И еще один!

Стражники перебежали от одного штабеля к другому, яростно раскидывая упаковки опиума.

Райан отыскал еще один горящий фитиль и перерезал его. Ноги у инспектора дрожали.

— Последний фитиль уходит под этот штабель! — крикнул кто-то. — Мы ни за что не успеем до него добраться!

— Бегите!

Люди бросились прочь. Один из стражников, пробегая мимо, подхватил Райана и потащил за собой к двери. Когда прогремел взрыв, ударная волна подняла инспектора в воздух и вышвырнула из здания. Он больно приземлился на гравий и несколько раз перевернулся. Стены склада разлетелись обломками, во все стороны хлынули горящие брикеты опиума, обрывки ткани и куски дерева. Райана снова подбросило в воздух. Он был настолько ошеломлен происходящим, что и не заметил, как перелетел через край причала и плюхнулся в воду.

Бруклин заставлял себя не думать о боли в груди. Из всех сил напрягая натренированные десятилетиями ноги, он взбирался по склону к ограждающему доки забору и убеждал себя, что ранение не может быть серьезным. Ведь в противном случае он не в силах был бы бежать с такой скоростью. Пуля угодила в правую часть грудной клетки. Одет полковник был тепло: толстое пальто, пиджак и жилет — и вся эта одежда значительно ослабила скорость пули. Она не могла проникнуть глубоко. Бруклин в этом не сомневался.

Сильный ветер разгонял привычный лондонский туман, и полковник ориентировался по свету звезд и полумесяца. Он добрался до забора и обнаружил лежащую в грязи приставную лестницу. Охранники Британской Ост-Индской компании пользовались ею, чтобы следить за тем, что происходит за оградой, и швырять камни, отпугивая потенциальных грабителей.

Бруклин поднял лестницу и взобрался на забор. Ребра сильно болели, но полковник убеждал себя, что причиной тому просто ушибы. Столбы, из которых состоял забор, были заострены, а между ними рассыпано битое стекло. Со стороны склада слышались громкие голоса преследователей. Бруклин ухватился за верхушки столбов и поставил обутую в крепкий ботинок ногу на стекло. Острый осколок вонзился в штанину и разорвал ткань, но все же полковнику удалось благополучно перебраться на другую сторону, после чего он оттолкнул лестницу и услышал, как она с шумом ударилась при падении.

— Что это? — крикнули с той стороны.

Бруклин повис на заборе. Расстояние до земли здесь было больше, так как вдоль ограды протянулась канава.

В груди что-то треснуло. Звук был таким неприятным, что по телу полковника пробежала дрожь. Он разжал пальцы и полетел вниз. Хоть он и приготовился к жесткому приземлению, но все же громко охнул, когда колени от удара подогнулись. Он не удержал равновесия и завалился на бок.

Из-за забора раздались сердитые вопли. Бруклин с трудом поднялся, пересек канаву и ползком взобрался по противоположному склону. Правое колено горело огнем, но полковник заставил себя преодолеть невысокую ограду из жердей — и вот он уже добрался до Ост-Индия-Док-роуд.

С возвышения он оглянулся и увидел опиумный склад и гавань. Из открытой двери склада вырывалось пламя.

Впереди простирались туманные очертания городских кварталов. Бруклин побежал, неуклюже припадая на одну ногу, стараясь максимально ослабить нагрузку на поврежденное колено.

И еще у него сильно болела грудь. После того как там что-то треснуло, боль сделалась почти непереносимой.

Взрыв швырнул его на землю. Здание склада разлетелось обломками. В воздух взвились огромные языки пламени, повалил дым. В ушах полковника и так звенело после сумасшедшей перестрелки в замкнутом пространстве, теперь же он почти оглох от грохота.

Всего один взрыв.

А планировалось, что их будет десять. Объединенная сила этих взрывов должна была сровнять с землей не только склад опиума (а он оказался разрушен лишь частично), но и другие здания в округе. В воздух должно было взлететь такое количество пылающих деревянных обломков, что сейчас полковник попал бы под настоящий огненный дождь. Сильный ветер, дующий с реки, унес бы искры в сторону городских кварталов. Дома по северной стороне Ост-Индия-Док-роуд занялись бы огнем. Все вокруг должно было охватить безжалостное пламя.

Скрипя зубами от боли, Бруклин несколько секунд смотрел, как, размахивая фонарями, от доков бегут перепуганные взрывом люди. Потом он добрал до перекрестка, на котором сходились сразу пять улиц, и двинулся на юг. Вряд ли преследователи подумают, что беглец решит вернуться назад к реке. Табличка на столбе сообщала, что он находится на Черч-стрит. Недалеко отсюда юный Бруклин убил

родную мать и приемного отца, а затем поджег стоявшую на берегу хибару.

Он миновал церковь, в которой обучался грамоте. В памяти вдруг возник отрывок из часослова:

«Если мы говорим, что не имеем греха, то обманываем себя, и истины нет в нас».

«Это неправда, — подумал Бруклин. — Во мне нет греха».

Опиум — это грех.

Англия — это грех.

Любитель Опиума — это грех.

Мой отец — это грех.

Он брел, шатаясь, и наконец добрался до южного конца Черч-стрит. Здесь его снова ждал перекресток пяти ведущих в разных направлениях улиц. Где-то выводили тревожную мелодию полицейские трещотки — но далеко, судя по всему в районе Ост-Индия-Док-роуд. Бруклин намеревался как можно сильнее запутать преследователей, и этот сложный перекресток вполне отвечал его целям.

Он решил двигаться на запад и заковылял по улице, которую помнил по своему детству, — Броуд-стрит. Вдалеке ветер подхватывал искры бушующего среди руин склада пламени, и Бруклина вновь охватила надежда, что грандиозный пожар, о котором он мечтал, все же произойдет.

Он достиг следующего перекрестка — еще одна возможность сбить с толку преследователей. Здесь Броуд-стрит переходила в другую улицу, и, даже не видя указателя на столбе, Бруклин с легкостью ее определил. Этот уголок Лондона он знал лучше любого другого. Знал лучше, чем Любитель Опиума знает район Оксфорд-стрит.

Ощувив легкий шок от узнавания, Бруклин посмотрел налево и даже в темноте сообразил, что сейчас он ковыляет мимо Нью-Грейвеллейн. Там, в доме номер 81, среди убогих лавочек, продававших всякую ерунду морякам, находилась таверна «Кингз армз». В ней его отец совершил второй акт своего кровавого преступления. В ней он проломил голову и перерезал горло Джону Уильямсону, его жене и служанке.

Джон Уильямс.

Джон Уильямсон.

Джон Уильямс.

Джон Уильям-сын.

Перед самым своим поступлением добровольцем в армию Бруклин еще раз посетил лавку Марра и таверну «Кингз армз». В обоих местах он прошел внутрь. Постоял на том месте, где в его воображении стоял отец. Где он убивал.

Когда же Бруклин вернулся из Индии (куда его отец, служивший матросом на торговом судне, плывал множество раз), первым делом после двадцатилетнего пребывания вдали от родины он наведлся в лавку Марра.

Затем он отправился на Нью-Грейвел-лейн, но, к глубокому своему огорчению, обнаружил, что таверны «Кингз армз» больше не существует. По западной стороне улицы тянулась высоченная мрачная стена, огородившая территорию доков.

«Когда это случилось?» — спросил он прохожего. Но тот испуганно взглянул на Бруклина и заспешил прочь.

Он помчался на Синнамон-стрит и там, обливаясь потом после быстрого бега, с облегчением прислонился к фонарю. Пансион под названием «Грушевое дерево» стоял на прежнем месте. В этом пансионе его отец ночевал после того, как совершил убийство в доме Марра и таверне Уильямсона...

Джон Уильямс.

Джон Уильям-сын.

В первую ночь после возвращения из Индии Бруклину удалось снять ту же комнату, которую тогда снимал отец. Насколько он понимал, спал он на той самой кровати, на которой спал Джон Уильямс.

Сейчас Бруклин ковылял в западном направлении, а высокая стена, выросшая на месте таверны «Кингз армз», угрюмо нависала над ним в темноте. Над головой проносились искры. Жители окрестных домов слышали звук взрыва, и отдельные смельчаки отважились покинуть свои жилища, чтобы отправиться на разведку. При виде летающих искр, грозящих пожарами, они принялись отчаянно их гасить.

Боль в правом колене вынуждала Бруклина морщиться всякий раз, когда он наступал на поврежденную ногу. Но еще большие мучения

доставляла рана в груди. Он чувствовал, как под пальто, пиджаком и жилетом по коже течет жидкость, и не думал, что просто вспотел от длительного бега. Похоже было, что пуля все же проникла в тело глубже, чем Бруклин пытался себя убедить.

Он переходил от одного фонаря к другому и читал номера домов по левой стороне улицы: 55, 49, 43, 37. А впереди ждал дом номер 29 по Рэтклифф-хайвей.

Продолжение дневника Эмили Де Квинси

Я уселась рядом с Маргарет и взяла ее старческие руки в свои. В царящем в бакалейной лавке мраке я не увидела, а услышала, как отец ощупью ищет что-то на полках. Вот он негромко вскрикнул от радости, откупорил бутылку и сделал большой глоток.

— Если это у вас вино, я бы с удовольствием тоже отхлебнул. Чтобы согреться, — сказал комиссар Мэйн.

— Это не вино, — ответил отец.

— Тогда что же?

— Лекарство.

— Лекарство?

— Лауданум, — пояснил Беккер.

— Господи, — выдохнул комиссар.

Казалось, воздух в помещении сгустился. Я одновременно услышала и почувствовала донесшийся с востока грохот. Задребезжали стекла.

— Что это было? — вскрикнула Маргарет.

— Взрыв, — коротко ответил Беккер.

Маргарет вскочила со стула и собралась бежать к выходу.

Я встала у нее на пути.

— Нет. Нас не должны увидеть.

— У Райана ничего не вышло, — покачал головой комиссар.

— Это еще неизвестно, — парировал отец. — В доме на Греческой улице остались следы нескольких бочонков с порохом, а взрыв мы услышали только один.

— Достаточно будет и одного взрыва.

Беккер встал у окна и осторожно выглянул наружу.

— В воздухе летают искры. Ветер несет их с востока. Но возможно, этого недостаточно, чтобы вспыхнул пожар на весь город. Думаю, именно на это и рассчитывал Бруклин.

— А много и не нужно, — заметил пессимистично настроенный комиссар. — Такой сильный ветер быстро разнесет пламя.

Словно в подтверждение его слов, на улице завыл ветер. Стоявшая рядом со мной Маргарет тихонько заплакала.

— Де Квинси, думаю, вы ошибаетесь и он здесь не появится, — сказал Мэйн. — В доках сейчас царит суматоха. Бруклину будет не так-то просто улизнуть оттуда.

— Ум лишен способности забывать, — подчеркнул отец. — Бруклин просто помешан на своем прошлом. Быть может, он и сам не подозревает, что хочет сюда прийти. Но я не сомневаюсь: если у него будет такая возможность, он обязательно явится на то место, где прежде находилась лавка Марра.

— Сам не подозревает, что хочет сюда вернуться? — поднял брови комиссар. — О чем это вы?

— Да, мистер Де Квинси снова сбивает вас с толку, — ответил Беккер. — Он уже убеждал меня, что порой люди совершают какие-то поступки, хотя сами не понимают их причины.

— Как, например, я поддался на ваши просьбы и теперь сижу здесь в ожидании неизвестно чего, хотя мог бы организовывать преследование преступника.

В лавке надолго воцарилась тишина. Лишь периодически отец нарушал ее, открывая бутылочку с лауданумом и отхлебывая из нее.

— Мне нужно идти, — объявил комиссар. — Если лорд Палмерстон узнает, что я действовал с вами заодно, вместо того чтобы исполнять свои прямые обязанности, он потребует моей отставки.

— Чрезвычайно важно, чтобы вы остались, — настойчиво сказал отец. — Нам лорд Палмерстон не поверит, но к вам он прислушается.

— Может и не прислушаться. Помните: я ведь должен буду обвинить ни много ни мало начальника его охраны, человека, который вроде бы спас ему вчера жизнь.

— Отец, на улице кто-то есть.

В лавке стало неестественно тихо.

За окном материализовалась человеческая фигура. Высокий мужчина стоял спиной к нам и смотрел на бывший магазинчик Марра.

— Там же стоял и Джон Уильямс сорок три года назад, — простионала Маргарет. — Он следил, как я закрываю дверь и ухожу по поручениям.

Мы все потихоньку придвинулись к окну. Я держала Маргарет за руки, чтобы она случайно не выдала нас резким движением.

Оставаясь спиной к нам, мужчина вышел на середину улицы. Я заметила, что он хромает. Руки он прижимал к груди, как будто был ранен.

— Вы подготовились, Маргарет? — спросил отец.

— У меня была для этого целая жизнь.

Высокий мужчина тем временем склонился вправо — видимо, так легче было переносить боль.

Хотя я видела его через окно и со спины, я чувствовала, как он буквально впился глазами в здание, где раньше помещалась лавка Марра.

В восточной стороне загудели полицейские трещотки.

Мужчина склонил голову в том направлении, борясь с желанием обратиться отсюда.

Отец открыл дверь и позвал:

— Джон Уильямс?

Мужчина развернулся к нам.

— Джон Уильямс, это вы?

— Кто со мной говорит?

При свете луны я разглядела, что правая сторона его пальто выпачкана в темной жидкости.

— Да, вы Джон Уильямс. Вас я бы узнал где угодно.

— Вы меня с кем-то путаете.

— Это невозможно.

Вдруг из темноты, сгустившейся за фонарными столбами, раздался женский голос:

— Джон Уильямс!

К нему присоединился другой:

— Джон Уильямс!

И еще один:

— Джон Уильямс!

— Кто вы? — крикнул мужчина.

Из противоположной стороны прилетел голос еще одной женщины:

— Джон Уильям-сын!

И другие подхватили:

— Джон Уильям-сын!

Теперь крики женщин доносились непрерывно, из разных мест.

— Джон Уильямс!

— Джон Уильям-сын!

Внезапно одно «заклинание» сменилось другим. Женщины все вместе завопили:

— Сын Джона Уильямса! Ты — сын Джона Уильямса!

Бруклин не выдержал и поспешно захромал в западном направлении, к Тауэру, который служил условной границей между нищенским Ист-Эндом и приличной частью города.

Но ему почти сразу пришлось остановиться. Шеренга констеблей выступила из темноты и, рассредоточившись по всей ширине улицы, двинулась к Бруклину. Лучи фонарей были направлены ему прямо в глаза. Отец специально проинструктировал полицейских, чтобы они оставались в засаде, пока женщины не заведут свою «песню».

Бруклин развернулся на сто восемьдесят градусов и увидел перед собой другую шеренгу. Полицейские так же растянулись от одного края улицы до другого и светили фонарями прямо в глаза попавшему в западню полковнику.

А женщины продолжали надрываться:

— Джон Уильямс! Джон Уильям-сын! Сын Джона Уильямса!

Затем крики прекратились.

Констебли тоже остановились. И только ветер продолжал мчаться вдоль по улице.

А в темной лавке отец повернулся к Маргарет и спросил:

— Вы помните, о чем мы договаривались?

— Как я могу забыть? Уйдите с дороги. Мне нужно кое-что сказать сыну.

Я отпустила ее руку.

Маргарет вышла на улицу.

Я пошла следом. Поскольку Маргарет ни за что не появилась бы здесь, если бы не моя настойчивость, я чувствовала себя обязанной помогать ей, как смогу.

— Роберт? — позвала она.

Бруклин настороженно обернулся к женщине.

— Роберт? — повторила она, приближаясь к сыну.

— Кто меня так называет?

— Твоя мать.

Бруклин отшатнулся, словно его качнул порыв ветра.

— Нет. Моя мать погибла много лет назад. При пожаре.

— Сэмюель погиб, но я выжила.

Она медленно шла к Бруклину, и в каждом шаге ощущалось охватившее женщину эмоциональное напряжение.

Полковник сделал еще шаг назад.

— Это ложь.

— Несмотря на рану, я смогла выбраться из огня.

— Ты лжешь!

— Огонь изуродовал мне лицо. Видишь этот шрам, Роберт? Вот он, на левой щеке. Каждый день этот шрам напоминает мне о том, каким дерьмом был Джон Уильямс и какую мразь мы с ним породили на свет! Каждый день я молю Господа, чтобы Он опустил на меня Свою карающую длань!

— Не называй меня мразью!

— Как бы я хотела никогда не появляться на свет, чтобы не рожать тебя!

— Ты не моя мать! Ни одна мать не может говорить так о своем сыне!

— Кто еще знает, что ты мучил животных, сидя под причалом?

— Нет.

— Ты связывал им лапы и надевал на них намордник.

— Ребенок не понимает, что делает или почему он это делает.

Но я учился на ошибках. Я улучшу этот мир.

Маргарет подошла еще ближе.

— Убивая?

— Двадцать лет, которые я провел в Индии, мне приказывали убивать. Я получал повышение по службе, меня награждали медалями, а в Англии за то же самое я бы отправился на виселицу. Не говори со

мной об убийствах. Убийство само по себе не является злом, все зависит от точки зрения.

— Ты лишился рассудка.

— Тогда и Англия лишилась рассудка!

— А как быть с теми пятью несчастными, которых ты зверски убил в субботу вечером? Среди них были две женщины и двое детей!

— Я не признаюсь в убийстве в субботу вечером. Но в Индии мне довелось убить множество женщин и детей, и меня за это отмечали. Мои командиры говорили, что так нужно для империи. Но на самом деле они хотели сказать: так нужно, чтобы богатые стали еще богаче на торговле опиумом.

— А те, кого ты прикончил в понедельник? Они никак не связаны с торговлей опиумом.

— И в убийстве в понедельник я тоже не признаюсь. Но если смерть пяти, десяти или тысячи человек спасет миллионы от пожизненной нищеты, с этими потерями можно смириться и эти люди будут героями. Если ты действительно моя мать, ты скажешь, сколько ты, я и Сэмюель зарабатывали каждый день. Ты рылась в грязи на берегу, искала куски угля, а мы с Сэмюелем горбатились, собирая золу.

— Все мы? Если нам везло, то выходило два шиллинга в день.

Маргарет подошла к Бруклину почти вплотную.

— Допустим, четырнадцать шиллингов в неделю. Даже меньше фунта. Этого было недостаточно, чтобы нормально питаться и жить в комнате без крыс. Когда я вернулся из Индии, один землевладелец заплатил мне тысячу шестьсот фунтов за то, чтобы стать армейским офицером. Ты знала, мать, что большинство офицеров в наших войсках получают звания не за годы службы? Они покупают их у отставников. И вот этот недоумок был просто счастлив заплатить мне тысячу шестьсот фунтов, чтобы занять мою должность полковника. Тысяча шестьсот фунтов за право стать убийцей. Если ты действительно моя мать, как утверждаешь, ты скажешь мне, что я получал в церкви каждое воскресенье, когда приходил туда учиться читать.

— Булочку.

— Прежде я радовался, если мне удавалось попробовать крошки от булочки. Когда я работал помощником мусорщика и собирал золу в

домах богачей, я видел такие вещи, о существовании которых прежде и не подозревал. В некоторых домах было по восемь-десять комнат, и каждая размерами превосходила ту жалкую хибарку, в которой ты, я и Сэмюэль вынуждены были ютиться втроем. Я видел роскошные одежды, совсем новые и такие дорогие, что мне казалось, будто я сплю. Я видел, как за один день в таких домах поглощали больше еды, чем мы трое могли позволить себе за неделю. И сколько миллионов людей по всей Англии страдают так же, как страдали мы с тобой, а, мать? Когда я смотрю на лорда Палмерстона и его богатых, влиятельных и высокомерных друзей, когда я читаю в их глазах бесконечную алчность и пренебрежение к беднякам, я ощущаю такую ярость, что с трудом нахожу в себе силы сдерживать ее.

— Но ты ее и не сдерживал.

Маргарет подобралась к нему вплотную.

Я по-прежнему была готова помочь доброй женщине любым возможным способом и потому двигалась следом. Внезапно у меня мурашки побежали по коже. Маргарет сжала руки в кулаки и ударила сына. Ей не хватало роста, чтобы дотянуться до лица, и потому она била его в грудь. Правой-левой, правой-левой. Удивительно было наблюдать, как пожилая, уставшая женщина с такой силой лупит крепкого мужчину. Маргарет вошла в раж и не могла остановиться. При этом дыхание ее так участилось, что я уже стала опасаться, как бы она не упала в обморок.

Бруклин, казалось, не чувствовал боли, даже когда удары приходились по ране. Хотя повреждение, судя по тому, сколько крови пропитало пальто, было серьезным, он стоял с прямой спиной и опущенными руками и молчал. Видно было, что полковник с трудом сдерживается, но пока что он покорно сносил побои матери.

Я подбежала к Маргарет и хотела оттащить ее, пока Бруклин не надумал ничего худого.

Но неожиданно он схватил меня. Сдавил рукой горло, оторвал от земли и прижал к груди, так что я едва могла дышать. Потом он так же внезапно ослабил хватку. Видно, тем самым Бруклин хотел показать, что легко может сделать мне больно, если только пожелает.

Я предприняла еще одну попытку оттащить от него Маргарет. Рядом возник Беккер. Увидев, что мне больше ничто не угрожает, он

схватил Маргарет за другую руку, но, несмотря на наши совместные усилия, она продолжала молотить сына кулачками по груди.

— Я вижу здесь героического констебля, — заметил Бруклин. — Быть может, вы, Беккер, тоже когда-нибудь получите медаль, но уверяю: это произойдет быстрее, если вы станете убивать.

Наконец нам удалось оторвать Маргарет от сына. Мы потащили ее назад к бакалейной лавке, а она изо всех сил старалась высвободиться.

— Только не говори, что убиваешь ради тех несчастных, которые живут здесь! — кричала Маргарет. — Сегодня они могли погибнуть из-за тебя!

— Если произойдет революция, их дети станут счастливее, — не унимался и Бруклин. — Они будут благодарить меня.

— Мразь! — брызжа слюной, возопила разъяренная мать.

— Мрази — это лорд Палмерстон и ему подобные. Чем быстрее народ уничтожит их и сокрушит созданный ими порядок вещей, тем скорее эта страна перестанет страдать!

— Полковник! Спасибо, что не тронули мою дочь!

Я обернулась и увидела, как на пороге лавки появился отец.

— Кто там? — спросил Бруклин. — Любитель Опиума?

Отец сделал пару шагов, чтобы его осветила луна.

— Хоть я вам и признателен, все же должен выразить и свое неодобрение: вы не совсем честны с нами.

— Ах ты, маленький засранец!

— Я не маленький, а худой.

— Для тебя все шутка! Опиум. Насилие. Все у тебя вызывает веселье. «Стоит только человеку не в меру увлечься убийством, как он очень скоро не останавливается и перед ограблением, — с пренебрежительным видом процитировал Бруклин. — А от грабежа недалеко до пьянства и небрежения воскресным днем, а там — всего один шаг до неучтивости и нерасторопности. Ступив однажды на скользкую дорожку, никогда не знаешь, где остановишься. Многие относили начало своего падения ко времени того или иного убийства, над которым прежде особенно не задумывались».

— Мне приятно, что вы так точно цитируете мои произведения.

— Ты и есть мразь, как выражается моя мать. Твои восторги по поводу опиума и насилия послужили причиной стольких смертей, что

мне даже и не снилось.

Вдалеке послышались тревожные сигналы пожарных экипажей. Отец обернулся.

Я проследила за его взглядом и увидела на востоке сияние над тем местом, где, как мне сказали, находились доки Британской Ост-Индской компании. Над сиянием поднимались в небо искры. Мне они напомнили рой причудливых огненных насекомых. Ветер кружил их в воздухе и нес в нашем направлении. Но сюрреалистический фейерверк прекращался, не долетая до того места, где мы стояли. Ветер, его раздувавший, сам же его и гасил.

Когда я снова посмотрела на отца, он находился уже на шаг ближе к Бруклину.

— Уверяю вас, полковник, я не нахожу ничего веселого ни в опиуме, ни в насилии. Каждый день в течение последних пятидесяти лет я сожалею о том ужасном часе, когда мне пришлось в первый раз принять лауданум, чтобы ослабить лицевые боли. Что же касается насилия, я буквально вынужден о нем писать. А пишу я на эту тему с несомненным юмором, потому что мне очень страшно. Много лет назад мне довелось смотреть в глаза бешеному псу. На губах у него пузырилась пена, а во взгляде читалась такая жуткая злоба, что я оказался загипнотизирован и не мог отвернуться.

— Так ты сравниваешь меня с бешеным псом? — осклабился Бруклин и вытащил кинжал.

— Ни в коем случае. Бешеный пес не знает, что творит. Вы же, напротив, совершенно ясно осознаете, что именно делаете. Пусть даже не понимаете, почему так поступаете.

— Все это не имеет смысла. Опиум помутил тебе рассудок.

— Совсем наоборот — он проясняет мои мысли.

Судя по усиливающимся звукам, на месте взрыва собиралось все больше пожарных экипажей.

— Пожар стихает, — заметил отец. — Ситуация находится под контролем. Так что вы проиграли, полковник. И я осмелюсь заметить, вы стоите в большой луже крови. Нам послать за доктором?

— Я переносил и более тяжелые повреждения.

— Тела или рассудка?

— Рассудка? Вы опять меня оскорбляете?

Бруклин сделал угрожающий жест в сторону отца, и тут же вперед выступил, помахивая дубинкой, Беккер.

— Констебль, — обратился к нему полковник, — неужели вы действительно думаете, что справитесь со мной, пусть даже я сейчас не совсем в форме? Возможно, не спорю, вы в данный момент и сильнее меня, но у вас начисто отсутствует одно важное качество.

— Какое же? — спросил Беккер.

— Готовность без колебаний убить противника. Ну-ка, покопайтесь у себя в душе. Вы готовы убить меня или серьезно изувечить в такой же степени, в какой я готов проделать это с вами, без малейшего промедления и сожаления?

Беккер промолчал.

— Возможно, вы готовы защищать Любителя Опиума (уж не знаю почему), его дочь или эту женщину, которая называет себя моей матерью, — продолжал Бруклин. — Но одного только благородства недостаточно. У вас нет того характера, нет того многолетнего опыта, которым наделила меня Англия, благодаря чему я стал настоящим профессионалом. Райану я уже преподал этот урок.

— Райан?! — воскликнул Беккер. — Что с ним?

— Это он меня подстрелил. Но у него не хватило решимости довести начатое до конца. Я показал ему, в чем он слабее меня.

— Что вы ему показали? Где он?

— Последний раз, когда я его видел, он валялся в луже крови и был занят тем, что пытался запихнуть на место кишки.

— Вы...

— Беккер! — крикнул отец констеблю, который, похоже, собрался броситься на негодея. — Этого он и добивается. Он вас дразнит. Неужели вы еще не поняли? Ему нужен мотив, чтобы можно было оправдать убийство.

Беккер замер.

— Очень мудро, — усмехнулся Бруклин. — Маленький засранец спас вам жизнь.

— Полковник, а лужа крови у ваших ног разрастается. Вы уверены, что нам не пора послать за доктором?

— Подозреваю, что доктор здесь не поможет, — покачал головой полковник.

— И вы решили покончить с собой не как ваш отец, в петле, а истечь кровью до смерти?

— Смерть от ран, полученных в сражении, всегда почетна.

— Судя по количеству потерянной вами крови, у нас осталось не так много времени. Скажите, полковник, зачем вы стегаете себя кнутом?

— Ты не стесняешься говорить о таких вещах в присутствии женщин?

— Им предстоит услышать еще и не такое. Отвечайте на мой вопрос: зачем вы стегаете себя?

— Ты хуже вора!

— Согласен. Залезть в вашу спальню было недостойным поступком. Так зачем вы...

— Я наказываю себя за все те убийства, которые совершил.

— А вы наказываете себя за убийство приемного отца, вместе с которым вы с матерью жили? А за попытку убить родную мать?

— Это был чудовищный поступок. Но я был ребенком, находился в смятении и не сознавал, что делаю.

— Вы наказываете себя за то, что убили множество людей в Индии из-за торговли опиумом?

— Мне они являются в кошмарах.

— Возможно, лучше будет сказать — в снах.

— Снах?

— Определенного рода.

— Я не понимаю.

— Вы знаете, о чем я говорю. Хоть мы и очень непохожи, все же мы оба мужчины и знаем, каковы бывают последствия определенных снов. Думаю, не будем углубляться в подробности, чтобы не смущать дам.

Я действительно была смущена. Просто не знала, куда деваться. Это был тот редкий случай, когда от отцовских заявлений у меня кровь прилиwała к щекам.

— А вы хлестали себя кнутом, после того как убили пятерых человек в прошлую субботу?

— В качестве наказания.

— Вы наказывали себя в понедельник, когда лишили жизни восьмерых в таверне, а потом еще троих в доме врача?

— Чтобы искупить вину.

— Я видел на койке в вашей спальне не только кровавые пятна.

На улице вдруг стало неестественно тихо, несмотря на завывания ветра и звон пожарных колоколов вдалеке.

— В моей спальне? — переспросил Бруклин.

— Вы хлещете себя кнутом, чтобы удовлетворить свою плоть, возбужденную мыслями об убийствах. Свидетельства тому имеются на койке.

Полковник так страшно зарычал, что я даже сделала шаг назад, как если бы он на меня накинулся.

Его рев слышали констебли, стоявшие в трех домах от нас в обоих направлениях. Крик боли достиг небес, но звезды и полумесяц остались равнодушны к человеческим страданиям.

Бруклин запрокинул голову и широко разинул рот. Руки его были устремлены ввысь.

Постепенно страшный крик затих. Он опустил руки и голову. Плечи безвольно поникли, и Бруклин издал глухой звук, который, наверное, можно было считать рыданием. Одна из книг отца называется «*Suspiria de Profundis*», то есть «Вздых из глубин». Нечто подобное я сейчас и услышала — самый мучительный стон, какой только могло когда-либо издать человеческое существо.

Бруклин повернулся и с ошеломленным видом зашагал по улице, оставляя за собой кровавый след.

Отец пошел рядом с ним.

— Вы убиваете, потому что получаете от этого наслаждение. Все остальное — ложь, которую постоянно нашептывало вам ваше второе, враждебное «я» и в которую вы в итоге поверили.

Полицейские, стоявшие дальше по улице, подались навстречу Бруклину, готовые надеть на него наручники.

— Это ни к чему, — сказал отец. — Он не собирается никуда бежать. Куда он направляется, вполне очевидно. Пропустите.

Полицейские расступились и позволили полковнику пройти, но сами двинулись следом.

Из укромных местечек на улице выбрались проститутки, которых отец убедил оказать ему помощь. Глядя на их изможденные лица и развевающиеся на ветру лохмотья, я вспомнила истории о банши.

— Дорис! Мелинда! — позвал отец. — Это тот самый джентльмен, который обещал заплатить вам еще по одному шиллингу?

— Ну, он был иначе одет и носил желтоватую бороду, но роста такого же. А голос этот я бы узнала где угодно, — ответила Дорис.

— Полковник, вы так печетесь о бедняках. Не заплатите ли в таком случае еще по шиллингу этим добрым женщинам, которые накинулись на меня в Воксхолл-Гардене? Вы им обещали.

Бруклин не обратил на отца внимания. Он брел вперед, спотыкаясь и глядя на что-то, видимое ему одному. Мы с Маргарет шли следом, за нами — Беккер и комиссар Мэйн. Компанию нам составляли полицейские и проститутки — они не отставали от Бруклина.

Отец шагнул прямо за ним.

— Полковник, куда же подевалась ваша забота о бедных? Если у вас осталась хоть капелька чести, вы сдержите обещание, данное этим дамам.

По-прежнему смотря прямо перед собой, Бруклин трясущимися руками вывернул карманы пальто и вывалил на мостовую кучу монет. Медные, серебряные и золотые — они издавали различные звуки, когда падали и катились по брусчатке.

«Ночные феи» кинулись, отпихивая друг друга, подбирать монетки.

Бруклин так и шел с вывернутыми карманами, и ими играл ветер. Вот он достиг таблички с надписью «Кэннон-стрит» и повернул на север. Полицейские, а также наша небольшая группа не отставали от полковника. Теперь путь пролегал мимо угрюмых зданий, которые, казалось, вот-вот обрушатся.

— А что с Энн? — спросил Бруклина отец. — У вас есть о ней какие-нибудь сведения?

— О ком?

— Энн! Вы утверждали, будто вам о ней что-то известно. Потому я и приехал в Лондон.

— Насколько я знаю, шлюха умерла от чахотки после того, как ты ее бросил.

— Я ее не бросал! Скажите же мне! Вы вообще можете что-нибудь сообщить?

— Как может выжить проститутка с чахоткой? Ты себе жил, употреблял опиум, а она гнила в могиле для нищих. Глупец!

Я шла практически рядом и поэтому разглядела на лице отца выражение глубочайшего отчаяния. Последняя частица его прошлого исчезла. Кожа туго обтянула скулы, глаза потухли и сделались безжизненными. Отец застонал — или, возможно, это было рыдание, происходящее из глубин его разбитого сердца.

Из рушащегося здания появилась и в страхе уставилась на нас очень бедно одетая женщина. Позади нее показался тщедушного сложения мужчина.

Не говоря ни слова, они присоединились к нашей жутковатой процессии.

И другие жалкого вида мужчины и женщины выходили из своих развалюх, бросали хмурый взгляд на Бруклина и шли вместе с нами. Все словно чувствовали, что сейчас происходит.

Скоро нас сопровождали уже десятки людей, потом — сотня, потом — две сотни. Шум их шагов становился все громче.

Бруклин добрался до пересечения с широкой улицей. Табличка на стене гласила, что мы стоим на углу Кэйбл-стрит. Я припомнила, что писал в эссе отец, и содрогнулась. Я поняла, что полковник следует тем же маршрутом, по которому сорок три года назад везли тело его отца.

Бруклин, шатаясь, вышел на середину перекрестка. Все остальные застыли на месте. Фонари полицейских освещали одинокую фигуру. Бруклин обвел взглядом собравшуюся толпу, хотя, судя по невидящим глазам, он вряд ли кого-то замечал.

Снова раздался тот же мучительный, исходящий из самых глубин души стон.

Непослушными руками он вытащил из-под пальто какой-то предмет.

— Назад! — крикнул Беккер. — У него может быть оружие!

Колени Бруклина подломались. Его длинное тело не упало, а, скорее, сложилось, и он повалился лицом на булыжную мостовую.

Полковника сотрясла судорога, а потом он замер.

Притихшая толпа приблизилась, но оставалась на безопасном расстоянии.

— Перекресток Кэннон и Кэйбл-стрит, — заметил комиссар Мэйн. — Где-то здесь, под этими камнями, был похоронен Джон Уильямс.

— Не где-то, — вмешался отец. — Прямо здесь. Я уверен: Бруклин точно знал место, где покоятся останки его отца.

— Эмили, Маргарет, отвернитесь, — скомандовал Беккер и осторожно нагнулся, чтобы перевернуть тело полковника на спину.

Но мы не отвернулись. Все обычные чувства покинули меня. Я была настолько ошеломлена случившимся, что даже не моргнула и не содрогнулась, когда увидела, что причиной смерти Бруклина стал кинжал — он вытащил его из-под полы пальто и, падая, вонзил себе между ребер.

Как и тогда, когда Бруклин выл, запрокинув голову в небо, рот его был широко открыт.

— Они так уже умирал, но все же счел необходимым воспользоваться кинжалом, — произнес отец. — Конечно, это не совсем то же самое, что забитый в сердце кол. Однако, по моему мнению, Бруклин хотел, чтобы все максимально походило на произошедшее в конце с его отцом. Простите, Маргарет.

— Для меня он умер давным-давно, — тихо сказала Маргарет. — Мне нет нужды его жалеть. Но вот за то, что он натворил, воспользовавшись моей тогдашней слабостью, пусть Господь сжалится надо мной.

— Человек может обнаружить в себе, в отдаленном потайном уголке сознания, совершенно другую, чуждую сущность, — продолжал отец, мысленно обращаясь к одному из своих произведений. — Но что, если эта чуждая сущность начинает конфликтовать с породившей ее, вступает с ней в схватку и в итоге разрушает то, что человек полагал некогда надежным и незыблемым убежищем для своей души?

— Вы здесь справитесь без меня? — внезапно спросил Беккер, переводя взгляд с отца и комиссара на нас с Маргарет.

— Мы в безопасности. Идите! — ответила я за всех.

Толпа расступилась, и Беккер кинулся бежать в сторону освещающего темный горизонт зарева пожара в доках.

Вокруг трещало пламя, в ужасе ржали лошади. Звон пожарных колоколов звал на подмогу. Люди лежали на причалах, перевесившись

через край, и наполняли ведра водой. Ведра они передавали по цепочке, растянувшейся до самого склада. По другой цепочке поспешно возвращали назад опустевшие емкости. Из гавани протянулись шланги к пожарным экипажам. Одни люди неистово качали воду помпами, другие направляли струи воды на горящий склад.

Беккер отыскивал в этом хаосе констебля и подбежал к нему.

— Где инспектор Райан?

— Не знаю такого.

Беккер устремился к другому полицейскому. Вокруг бушевало пламя.

— Я ищу инспектора Райана.

— Я его не видел.

Задыхаясь от долгого и быстрого бега, Беккер в отчаянии огляделся по сторонам.

— Эй, это вы говорили, что ищете Райана? — спросил его стражник.

— Да!

— Он был вместе с теми полицейскими, которых убили.

— Райан мертв? — крикнул Беккер.

— Не знаю. — Стражнику пришлось повысить голос, чтобы его было слышно за всеобщей суматохой и ревом пламени. — Он получил удар ножом.

— Что?

— Я как раз помогал ему выбраться из склада, когда рвануло. Нас подбросило в воздух. Потом я его не видел.

— Куда? Покажите, куда вас отбросило взрывом.

— Вон туда.

Стражник показал на усыпанную гравием площадку. Там никого не было.

Беккер оглянулся и закричал:

— Райан! Ради всего святого, отзовитесь, Райан! — Он остановил спешащего мимо мужчину. — Вы знаете, куда отправили раненых?

— Туда! В склад специй.

Он указал на здание неподалеку от горящего склада.

Беккер побежал в том направлении.

Живые и мертвые лежали на одеялах. Беккер перебежал от одного тела к другому и всматривался в лица. Иногда для этого приходилось счищать с них копоть.

Не найдя Райана, констебль помчался обратно к уничтоженному складу опиума. За стеной огня он разглядел место, где находилась дверь, снесенная взрывом. Если кто-то выходил через нее, ударной волной его должно было поднять в воздух и...

Беккер пошел по прямой от дверного проема в направлении покрытой гравием площадки, на которую указал стражник. Там он обнаружил кровь. Пройдя по следу, констебль оказался на деревянном причале. Самый его край был также перепачкан кровью.

— Райан!

Беккер опустился на колени и стал всматриваться в грязную воду. Только что сердце его бешено стучало в груди, а теперь будто остановилось. Он увидел человека, наполовину погрузившегося в воду, правой рукой тот держался за веревочную петлю.

— Помогите мне! — заорал Беккер. — Ради бога! Помогите кто-нибудь!

Крик услышал один из констеблей и подбежал к причалу.

— Я полицейский! — сообщил Беккер. — Там в воде инспектор Райан!

Он сорвал с себя пальто, во все стороны полетели пуговицы. Потом скинул ботинки и нырнул.

Вода оказалась чудовищно холодной. Правда, в первое мгновение Беккер почти ничего не почувствовал, но уже через несколько секунд все тело онемело. Дрожащими, непослушными руками он ухватился за веревку, которую сбросил констебль, продел ее под мышками Райана и махнул полицейскому, к которому присоединился его коллега, чтобы они вытаскивали инспектора.

Но когда тело показалось из воды, в свете пожара Беккер увидел в животе старшего товарища ужасную рану.

Его едва не стошнило, но констебль сдержал рвотные позывы и крикнул:

— Стойте! Он ранен! Мы сейчас сделаем только хуже!

Полицейские опустили Райана обратно в воду. К счастью, отец-фермер в свое время настоял, чтобы юный Беккер научился плавать, прежде чем ходить на рыбалку к ручью, что протекал рядом с их

фермой. Сейчас он одной рукой обхватил бесчувственного Райана, а второй погреб вдоль причала. Намокшая одежда тянула Беккера ко дну, но он продолжал двигаться вперед. Вот он ухватился за сваю, хлебнул воды, но смог подтянуть себя и инспектора к деревянному настилу, спускающемуся с причала.

Туда уже подбежали полицейские и помогли вытащить инспектора из воды.

— Он мертв, — тихо произнес один из них.

— Нет! — крикнул Беккер. — Он не может умереть! Я ему не позволю!

— Вы посмотрите, какая у него рана в животе, — сказал другой полицейский, не потрудившийся даже обратить внимание на разрезанную левую руку Райана.

— Кажется, он пошевелился! — воскликнул Беккер.

— Хотелось бы верить, но это все пламя играет такие шутки.

— Да нет же! Пошевелился! И губы — они двигались!

Беккер склонился к самому лицу инспектора, пытаясь разобраться, что тот говорит.

Двое полицейских также нагнулись.

— Сноу, — прошептал Райан.

— Бедняга бредит. Он думает, что сейчас идет снег. [\[17\]](#)

— Он не имел в виду снег! Помогите поднять инспектора! Надо отвезти его к доктору Сноу!

— Инспектор Райан оправится от ран? — спросил лорд Палмерстон.

Во второй раз за последние два дня Де Квинси, Эмили и Беккер оказались в бальном зале особняка лорда. Приглашен был и комиссар Мэйн.

За окнами небо только начинало сереть, предвещая рассвет, но Палмерстон был одет так, словно находился на рабочем месте в правительстве: привычные серые брюки, черная жилетка и черный, опускающийся до колен пиджак. Обращали на себя внимание длинные и густые, выкрашенные в каштановый цвет бакенбарды, а также пронзительный взгляд умных глаз. Любому было ясно, что перед ним находится человек, облеченный властью.

— Доктор Сноу осторожен в своих выводах, но настроен оптимистично, ваша светлость, — ответил Беккер. — Он говорит, что в обычных обстоятельствах Райан скончался бы от потери крови, но холодная вода произвела какой-то эффект — ослабила кровотечение, так я это понимаю. Доктор продезинфицировал и зашил раны. Теперь остается только ждать, сможет ли организм Райана сам себя исцелить.

— Где сейчас находится инспектор?

— Оправляется от ран в доме доктора Сноу. Когда ему станет немного лучше, его перевезут в больницу. Райан успел предупредить нас, что у Бруклина были сообщники. Их арестовали, когда они пытались покинуть город на похоронных дрогах. К счастью, Райану удалось подслушать на складе, как они обсуждали свой побег. Они были одеты гробовщиками, а под трупами в гробах прятали похищенные деньги.

— Комиссар Мэйн, пошлите констебля к доктору Сноу. Пусть передаст: я хочу, чтобы инспектора Райана доставили не в больницу, а в мой дом.

— Ваша светлость так великодушны.

Лорд Палмерстон кивнул.

— Когда Райан достаточно оправится и сможет говорить, у меня будет возможность узнать больше о том, что произошло. Скажите, комиссар, во время событий этой ночи Бруклин не упоминал обо мне?

— О вашей светлости? Я... ммм...

— Отвечайте на мой вопрос!

— Должен признать, он сказал кое-что о вас.

— И в каких именно выражениях?

Глаза лорда сузились — разговор коснулся весьма щекотливой темы.

— С позволения вашей светлости...

— Говорите же!

— Он сказал, что вы и ваши... Прошу прощения, ваша светлость... он выразился в том духе, что ваши богатые, влиятельные и высокомерные друзья жадны до денег и плевать хотели на бедных.

— И?

— Это все, ваша светлость.

— Он ничего не говорил о политике?

— Нет, ваша светлость. Вас беспокоит что-то конкретное?

— Бруклин присутствовал на множестве секретных совещаний. Если бы он разгласил их подробности, это стало бы большим несчастьем. — Палмерстон расслабился и сменил тему: — Беккер, вы дрожите.

— Вода была очень холодная, ваша светлость.

— Возможно, вам станет теплее, если я назначу вас, с согласия комиссара Мэйна, детективом.

Беккер выглядел ошарашенным. Он, казалось, не верил собственным ушам.

— Детективом?

— Встаньте возле огня, — сказал Палмерстон и обратился к слуге: — Принесите детективу Беккеру сухую одежду и одеяло. И для всех — горячий чай.

Слуга отправился выполнять приказание.

— Де Квинси, — снова заговорил Палмерстон, — почему вы шагаете на месте? У вас все лицо блестит от пота.

— С позволения вашей светлости...

Де Квинси вытащил из кармана пальто бутылочку и сделал глоток.

Его светлость побледнел от ужаса.

— Это... это...

— Мое лекарство.

— Вы безнадежны.

— Точно так, ваша светлость.

— И вас не волнует, что вы разрушаете свое здоровье?

— Ваша светлость, я принимаю лауданум уже полвека, и здоровье мое давно погублено.

— И вам не совестно подавать такой ужасный пример дочери?

— Напротив, я служу отличным примером, как не надо поступать. Видя меня каждый день, Эмили в жизни не подумает притронуться к этому пагубному зелью.

Палмерстон, чье состояние по большей части было нажито на торговле опиумом, сообразил, что его замечания не вполне уместны, и принял деловой вид.

— Итак, я пригласил всех вас, чтобы совершить один из тех поступков, которые человек моего положения почти никогда не совершает. Я хочу признать свою ошибку. Примите мои извинения за

то, что я так заблуждался насчет Бруклина и ошибался в отношении вас. Если я могу как-то выразить свою благодарность, вам стоит только попросить.

— Ваша светлость, мы с дочерью остались в Лондоне без крыши над головой, — быстро сообщил Де Квинси.

Палмерстон был удивлен таким скорым ответом.

— О нашем предыдущем жилье позаботился полковник Бруклин, — пояснил Де Квинси. — Но связанные с ним воспоминания настолько неприятны, что, боюсь, ни Эмили, ни я не сможем спать спокойно в том доме.

Палмерстон что-то прикинул в уме и сказал:

— Вы вдвоем останетесь здесь, в моем особняке. Возможно, вы припомните еще что-нибудь, что полковник Бруклин говорил обо мне. Ну и если вы ничего больше не желаете...

— На самом деле, ваша светлость...

Эмили, до того не подававшая голоса, шагнула вперед.

— Слушаю вас, мисс Де Квинси, — обеспокоенно произнес Палмерстон.

Лорд будто почувствовал, о чем его собирается просить девушка.

— Нужно возместить владельцу похоронного бюро расходы на похороны жертв первого убийства. Это шестнадцать фунтов.

— Расходы на похороны?

— Далее: мой отец дал обещание группе нищих с Оксфорд-стрит, что за их неоценимую помощь в этом деле их в течение года в достатке обеспечат едой.

— Нищих? Едой?

— И я лично пообещала одному из них, а именно мальчику с недюжинными акробатическими способностями — это его ранили в доме Бруклина, — что ему будет оплачено обучение и стол в одной из приличных школ.

— Обучение? Стол?

— Кроме того, я обещала нескольким дамам, оказывающим услуги личного характера, что они смогут получить работу: выращивать овощи на ферме и там поправить свое здоровье.

— Услуги личного характера?

— Я имею в виду проституток, ваша светлость, — не моргнув глазом пояснила Эмили.

— Детектив Беккер, эта девушка всегда столь откровенна?

— С радостью скажу — да, ваша светлость.

Эмили спрятала улыбку, но все же не настолько, чтобы новоиспеченный детектив этого не заметил. Он, в свою очередь, попытался незаметно улыбнуться.

— Я выполню ваши просьбы, но при одном условии, — объявил лорд Палмерстон. — С вами со всеми захотят пообщаться сотни репортеров. Вы должны будете однозначно дать им понять, что все усилия по предотвращению настоящего хаоса и разрушения города координировало мое ведомство и что я лично отдал приказ изобличить как преступника полковника Бруклина.

Райан лежал на кровати в комнате для прислуги на четвертом этаже особняка.

Эмили изо всех сил пыталась не показать, как она встревожена его бледным видом. Отец и Беккер стояли по другую сторону постели.

— Доктор Сноу сообщил мне, что ваши раны, похоже, не представляют опасности, — заверила Райана Эмили, надеясь, что ее радость не выглядит искусственной.

Веки инспектора задрожали, он открыл глаза и сфокусировал взгляд на посетителях.

— Вам больно? — сочувственно спросила девушка.

— Нет, — с трудом произнес Райан. — Доктор Сноу дал мне лауданум.

— Будьте осторожны, не попадите в зависимость, — предупредил Де Квинси.

— Я бы засмеялся, но тогда у меня могут разойтись швы, — пробормотал инспектор.

— Ага, он улыбнулся, — радостно возвестила Эмили.

— Несмотря на не очень веселые обстоятельства, которые сопутствовали нашему знакомству, я рад, что встретил вас, мисс Де Квинси, и вашего отца.

— Если вы таким образом прощаетесь с нами, могу сказать, что это преждевременно. Вы видите нас с отцом не в последний раз. Вместо того чтобы возвращаться в Эдинбург к взыскателям долгов, мы собираемся на некоторое время задержаться в Лондоне.

Райан немного подумал над ее словами и, к удивлению девушки, сказал:

— Это хорошо. В Лондоне вам будет значительно интереснее. Он вас впечатлит.

У Эмили покраснели щеки.

— Пока что впечатления были так себе. Сейчас же мы с отцом намерены вернуться к скучному и нудному занятию: вести переговоры с книгоиздателями и авторами журналов.

— Я уверен, вы сможете провести время с большей пользой, — нашел в себе силы произнести Райан. — В Лондоне есть много вещей более интересных, чем общение с книгоиздателями.

— Да, я слышала о знаменитом Хрустальном дворце и просто мечтаю его увидеть, — восторженно сообщила Эмили. — Говорят, он такой огромный, что его интерьер украшают высокие вязы.

— Да, это настоящее чудо. После Всемирной выставки три года назад его разобрали и перенесли из Гайд-парка в Сиднем-Хилл.

— Я готов сопроводить туда Эмили и мистера Де Квинси, — со счастливой улыбкой заявил Беккер.

— Какая забота, — пробормотал Райан. — Я бы и сам с удовольствием это сделал.

— Уверена, вы расстроены тем, как медленно проходит выздоровление, — заметила Эмили. — В этом и состоит еще одна причина, почему мы с отцом решили остаться в Лондоне.

— Еще одна причина?

— Доктор Сноу связан определенными обязательствами, которые не позволяют ему навещать вас так часто, как ему хотелось бы. Он дал мне подробные указания, как за вами ухаживать в его отсутствие.

— Поскольку мы не состоим в родстве, такие близкие отношения могут создать для вас неудобства, мисс Де Квинси. Боюсь, я буду для вас обузой.

— Ерунда! Вы вспомните, как ухаживала за ранеными во время Крымской войны Флоренс Найтингейл, и вам станет очевидно, что, когда дело касается милосердия, разговоры о ложной скромности неуместны. У женщин скоро появятся и другие занятия, кроме как быть служанкой, продавщицей в лавке или гувернанткой.

— Да, мисс Де Квинси, в ходе общения с вами я научился воспринимать новые и смелые мысли. И буду очень благодарен за

ваше внимание.

— Пожалуйста, называйте меня Эмили. Детектив Беккер уже к этому привык. Мы столько всего пережили вместе — к чему же такие формальности?

— Детектив Беккер? — непонимающе покачал головой Райан.

— Да, я получил повышение по службе. И этим обязан случаю, который свел меня с вами, инспектор. Надеюсь, что нас ждут новые приключения.

— Думаю, с меня приключений достаточно, — пробормотал Райан и потер слипающиеся веки.

— Вы просто устали, — заключила Эмили. — И вы, и детектив Беккер — люди действия. Я еще не встречала таких активных людей. Теперь отдыхайте. Но может быть, перед тем как заснуть, вы назовете свое имя?

Райан немного поколебался, но ответил:

— Шон.

— А как зовут меня?

— Мисс...

— Пожалуйста, скажите еще раз.

— Вас зовут Эмили.

— Очень хорошо. — Девушка посмотрела на Беккера. — А как ваше имя?

Новоиспеченный детектив тоже несколько смутился.

— Джозеф.

— Великолепно.

Эмили переводила взгляд с одного полицейского на другого. Беккер казался лишь немногим старше ее двадцати одного года. Высокий, сильный, красивый молодой человек с уверенными манерами, а маленький шрам на подбородке делает его еще более привлекательным. Райан же был почти вдвое старше и теоретически вряд ли мог рассматриваться в ином качестве, нежели как надежный друг и старший брат, но ей так нравилось смотреть на эти морщинки на лице, свидетельствующие о большом жизненном опыте. Ну а его уверенность в себе и даже эта вечная угрюмость так и притягивали внимание девушки.

«Какие меня посещают странные мысли», — подумала она.

Но, как то всегда бывало с новыми идеями, Эмили не стала их отвергать.

— Шон и Джозеф, — провозгласила она и взяла руки мужчин в свои, — мне кажется, можно наконец сказать, что мы друзья.

— Ум лишен способности забывать, — с улыбкой заметил Томас Де Квинси. — Но, должен сказать, это происшествие я всегда буду вспоминать с радостью.

Постскриптум

В 1886 году, спустя семьдесят пять лет после убийств на Рэтклифф-хайвей, рабочие газовой компании проводили работы по устройству траншеи для прокладки трубы на пересечении Кэннон и Кэйбл-стрит. На глубине шести футов в самом центре перекрестка они обнаружили скелет. Грудная клетка слева была пробита колом. Поначалу рабочие предположили, что откопали жертву произошедшего много лет назад убийства, но в ходе проведенного полицией расследования выяснилось, что скелет принадлежит Джону Уильямсу, человеку, которого подозревали в совершении убийств на Рэтклифф-хайвей. Он повесился в тюремной камере, и его не успели объявить виновным в зверских преступлениях, буквально парализовавших Лондон и всю Англию за три четверти столетия до того. Кости рук и ног, отдельные ребра были растащены любопытными на сувениры. Владелец таверны на пересечении Кэннон и Кэйбл-стрит демонстрировал посетителям череп убийцы на полке позади барной стойки. Что стало впоследствии с этим черепом, неизвестно.

Эпилог

ПРИКЛЮЧЕНИЯ С ЛЮБИТЕЛЕМ ОПИУМА

В течение двенадцати месяцев я жил в Лондоне 1854 года. Подвигнул меня к этому Чарльз Дарвин. Ну или точнее — фильм о нем. Фильм назывался «Творение», и в нем рассказывалось о тяжелой работе Дарвина над его знаменитым произведением «О происхождении видов». Если вы относите себя к ортодоксальным христианам, вероятно, вы желали бы, чтобы он так и не закончил свой труд. Именно этого хотела жена Дарвина. Она твердо была уверена, что его теория эволюции богохульна, и всячески убеждала мужа прекратить работу. Одновременно сам Дарвин испытывал острое чувство вины, — возможно, он, пусть и неосознанно, был повинен в смерти любимой дочери. Дарвин дал добро врачам на терапевтическое вмешательство — гидротерапию, которая, похоже, ускорила неспешное течение болезни и приблизила развязку.

Все это, вместе взятое, вызвало у Дарвина хронические головные боли, учащенное сердцебиение и проблемы с желудком, так что он едва ли мог работать. И вот в этом-то вся соль. Дарвин не осознавал свою вину ни в смерти дочери, ни во все ухудшающихся отношениях с супругой. Мы-то, люди, знакомые с учением Фрейда, понимаем связь, существующую между разумом и телом, но для медицины викторианской Англии середины девятнадцатого века постоянные проблемы Дарвина со здоровьем являлись неразрешимой загадкой.

Кульминация фильма происходит, когда к Дарвину приходит его друг и говорит: «Чарльз, некоторые люди, скажем Де Квинси, придерживаются теории, что на нас влияют наши мысли и чувства, о которых сами мы даже и не знаем».

Мысли и чувства, о которых мы сами не знаем? Звучит совершенно по-фрейдовски. Но работы Фрейда о подсознательном впервые были опубликованы только в девяностые годы, через сорок лет после описываемых событий. На самом же деле теория Де Квинси о том, что сам он именовал «отдельными камерами нашего сознания»

(он изобрел и термин «подсознание»), впервые появилась в 1820-е годы, то есть за семьдесят лет до Фрейда.

Эта фраза привлекла мое внимание. Де Квинси? Я припомнил прослушанный давным-давно курс английской литературы девятнадцатого столетия и профессора, который упоминал имя Томаса Де Квинси, но не в качестве предшественника Фрейда, а как печально известного наркомана, который первым в мировой литературе посвятил этому запретному предмету свою скандальную книгу «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум». Профессор пренебрежительно отозвался о Де Квинси как о незначительной фигуре в истории литературы и переключился на повествование о всем известных шедеврах Романской и Викторианской эпох.

Любопытство побудило меня подойти к книжной полке, на которой я до сих пор хранил, подобно барахольщику, учебники за старшие курсы. С учетом того, что рассказывал нам профессор, я не удивился, обнаружив, что Де Квинси в тысячестраничной антологии уделили не более десяти страниц. А вот что меня действительно поразило, это то, что, хотя в издание была включена лишь часть его эссе «Английская почтовая карета», эти несколько страниц оказались полной противоположностью тому, чего следовало ожидать после слов профессора, — они полностью захватили мое внимание.

С исключительной достоверностью Де Квинси описывал путешествие в почтовой карете рядом с кучером. Они неслись по темной дороге. Оба заснули. Пробудившись, Де Квинси увидел, как что-то движется им навстречу. Через пару секунд он четко различил легкую коляску, на большой скорости вылетевшую из-за поворота. Мужчина правил, а сидевшая рядом женщина с интересом прислушивалась к его рассказу. Де Квинси попытался разбудить кучера, но безуспешно. Коляска быстро приближалась. Де Квинси хотел забрать у спящего кучера поводья, но не смог разжать его пальцы. Коляска была уже совсем близко. Габариты почтовой кареты не оставляли сомнений: при столкновении коляске не избежать падения, а ее пассажирам — гибели. В последнюю секунду Де Квинси удалось растолкать кучера. Тот ахнул от ужаса, но сумел отвернуть карету чуть в сторону, так что она лишь по касательной зацепила коляску. Тем не менее удар оказался чувствительным, и женщина,

осознавшая, что только чудом избежала смерти, разинула рот в безмолвном крике.

Описание это напоминало сцену из триллера, но на самом деле являлось частью эссе, посвященного английской почтовой системе. В целом же эссе (как выяснилось, когда я смог раздобыть полный текст) постепенно выливалось в обсуждение вопросов подсознательного и природы сновидений.

Я оказался заинтригован и купил «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум». Когда я читал эти воспоминания, изданные в 1821 году, мне казалось, будто маленький джентльмен обращается прямо ко мне. Он с такой правдоподобностью описывал свое горе после смерти отца, усиленное безразличием матери и четверых опекунов, побег из школы, зиму, проведенную на суровых лондонских улицах, трогательные отношения с его возлюбленной Энн, их трагическое расставание, первый раз, когда он попробовал лауданум... Рассказ Де Квинси обо всех этих событиях целиком захватил меня.

Я узнал, что в дальнейшем он произвел настоящую сенсацию, написав эссе «Убийство как одно из изящных искусств». Третья его часть была признана самым кровавым и самым реалистичным описанием подлинного убийства, какие существовали на тот момент. В ней в деталях рассказывалось о знаменитых массовых убийствах на Рэтклифф-хайвей, которые в 1811 году привели в ужас Лондон и всю Англию. При чтении у меня создавалось впечатление, будто Де Квинси присутствовал там лично. Вот тогда-то мне в голову и пришла идея романа «Убийство как изящное искусство». Третья часть эссе была опубликована в 1854 году. В то время Де Квинси проживал в Эдинбурге. Но что, подумал я, если кто-то выманил его в Лондон, пообещав рассказать о судьбе Энн? Что, если этот кто-то вознамерился использовать третью часть эссе в качестве практического руководства для повторения ужасных убийств 1811 года? Что, если Де Квинси попадет под подозрение? Что, если...

Редко когда общий замысел произведения рождался у меня так быстро. Но, как известно любому романисту, замысел — это наиболее легкая часть. Важно то, как будет развиваться сама история, а в данном случае задача передо мной стояла грандиозная. Не хотелось создать очередную костюмированную драму с современными диалогами и прямолинейными персонажами.

Мой роман должен был в точности передавать дух того времени. Потому, перед тем как сесть и написать первое предложение, я поставил себе цель стать настоящим специалистом по Томасу Де Квинси, разузнать все-все, как будто я собирался написать о нем докторскую диссертацию. Чтобы обеспечить жену и восьмерых детей, а также удовлетворить тягу к лаудануму, Де Квинси писал и писал без передышки. В его активе числится огромное число эссе, воспоминаний, книжных обзоров, переводов и художественных произведений. Собрание его сочинений насчитывает несколько тысяч страниц. Подобно актеру, вживающемуся в роль по системе Станиславского, я раз за разом перечитывал написанное Де Квинси и постоянно находил для себя что-нибудь новое. Я решил, где только возможно, использовать в своем романе стиль прозы Де Квинси, и в особенности его диалогов. Как отмечал его американский издатель, Де Квинси «выражался с непревзойденным красноречием. Было бы преступлением не записывать его удивительные по красоте фразы».

Затем мне было необходимо узнать побольше о жизни этого неординарного человека и о тех событиях, которые не нашли отражения в его мемуарах. В этом неоценимую помощь мне оказала написанная Робертом Моррисоном биография Де Квинси «Англичанин, употреблявший опиум». После этого мы с профессором Моррисоном завязали оживленную переписку по электронной почте, и мне удалось выведать еще много нового. Настоящий роман посвящен Роберту Моррисону и другому биографу Де Квинси, Гревелу Линдопу, чей труд «Любитель опиума» также оказался мне очень полезен.

Следующим шагом я должен был узнать все о Лондоне 1854 года до таких мельчайших подробностей, будто я в действительности там побывал. Какими были тогда улицы? Какие деньги были в ходу? Какую одежду носили жители города? Чем они питались? Как принимали ванну?

На протяжении года я непрерывно путешествовал по прошлому, читал только то, что имело отношение к тому времени и месту. Среди прочитанного мною множества книг назову наиболее значительные: Ричард Д. Олтик «Люди и мысли Викторианской эпохи»; Хезер Криэйтон «Викторианские дневники: повседневная жизнь викторианских мужчин и женщин»; Орландо Фиджес «Крымская война»; Джудит Фландерс «Викторианский дом изнутри»; Элисон

Гернсхайм «Мода времен Виктории и Эдуарда: фотообзор»; Джиллиан Джилл «Мы двое: Виктория и Альберт»; Генри Мейхью «Труженики и бедняки Лондона»; Салли Митчелл «Повседневная жизнь викторианской Англии»; Лайза Пикард «Викторианский Лондон»; Дэниел Пул «Что ела Джейн Остин и что знал Чарльз Диккенс»; Литтон Стрейчи «Королева Виктория»; Джудит Саммерс «Сохо: история самого колоритного района Лондона»; Кейт Саммерскейл «Подозрения мистера Уичера, или Убийство на Роуд-хилл»; Ф. М. Л. Томпсон «Подъем респектабельного общества. История викторианской Британии в 1830–1900 годах»; Дж. Дж. Тобайас «Преступники и полицейские в Англии с 1700 по 1900 год». Также мне помог очерк Грегори Дарта «Кабинет ужасов», опубликованный в книге «Томас Де Квинси: новые теоретические и критические тенденции» (под редакцией Роберта Моррисона и Дэниела Санджива Робертса).

Некоторые книги заслуживают отдельного упоминания. Знаменитая вспышка холеры, случившаяся в Лондоне в 1854 году, лучше всего описана в работе Стивена Джонсона «Карта призраков. История самой страшной лондонской эпидемии». В ней автор повествует об отчаянных попытках доктора Джона Сноу отыскать источник заразы. Огромную помощь доктору оказал священник по имени Генри Уайтхед. К сожалению, в моем романе места преподобному Уайтхеду не нашлось, так что теперь я с радостью упоминаю его имя.

Наиболее полное описание убийств на Рэтклифф-хайвей можно найти в книге «Колотушка и груша» известных авторов детективов Ф. Д. Джеймс и Т. А. Кричли. Один только нюанс не нашел отражения в этом захватывающем художественном произведении: удивительная схожесть имен предполагаемого убийцы, Джона Уильямса, и одной из его жертв, Джона Уильямсона. Когда я в первый раз прочел, что Джон Уильямс убил Джона Уильямсона, я решил, что столкнулся с банальной опечаткой. Судебные записи, относящиеся к 1811 году, не привлекли ничьего внимания к этому сходству. Только Г. К. Честертон (спустя сотню лет после убийств) счел сей факт заслуживающим следующего комментария: «Человек по фамилии Уильямс практически случайно убивает другого человека, чья фамилия — Уильямсон (Уильям-сын). Смахивает на своего рода детоубийство». Поскольку Де Квинси первым заговорил о подсознательном, я решил, что в романе,

излагающем новую версию знаменитых убийств, уделю серьезное внимание не только теме детоубийства, но и отцеубийства и массе прочих психоаналитических штучек.

Я изучал карты Лондона того времени. Из них я узнал о местонахождении тюрьмы «Колдбат филдз», а также доков Британской Ост-Индской компании и Воксхолл-Гарденс. Я значительно обогатил свой словарный запас за счет слов и выражений, давно уже вышедших из употребления, таких как: метельщик, бездомник, щипач, шмара, плотолобец, шалман, зеленщик и многие другие.

Вся художественная литература, которую я тогда читал, также относилась к средневикторианскому периоду. В основном это были произведения Чарльза Диккенса, Энтони Троллопа и Уилки Коллинза, из которых я почерпнул мельчайшие подробности о быте того времени: что люди ели, что носили и тому подобное. К Коллинзу слава пришла на несколько лет позже, чем к Де Квинси. Ею он обязан двум романам — «Женщина в белом» (1860) и «Лунный камень» (1868). Между двумя авторами прослеживается тесная связь. Если Коллинза часто называют изобретателем жанра детективного романа, то благодаря постоянному упоминанию Де Квинси в своих книгах о наркотической зависимости и убийствах возникли предпосылки для повального увлечения детективами, а о самом писателе говорят как о человеке, оказавшем наибольшее влияние на этот литературный жанр. Признает этот факт и сам Коллинз: в «Лунном камне» герои горячо обсуждают «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум», и в итоге это произведение Де Квинси дает им ключ к разгадке тайны.

Кроме того, Де Квинси оказал влияние и на Эдгара Аллана По, который, в свою очередь, вдохновил сэра Артура Конан Дойля на создание образа знаменитого Шерлока Холмса. Таким образом, в известной степени мир обязан Де Квинси появлением как детективного жанра в целом, так и самого известного в его истории сыщика.

«Убийство как изящное искусство» представляет собой мою версию романа девятнадцатого века. В то время как современные романы очень редко пишутся от третьего лица, авторы произведений девятнадцатого столетия любили именно эту форму изложения, когда беспристрастный рассказчик постепенно вводит нас в курс дела и разворачивает перед нами цепь событий. Я решил, что такой способ

будет более подходящим для рассказа о различных аспектах жизни викторианской Англии. В противном случае этот мир показался бы современному читателю таким же непостижимым, как если бы я писал о чужой галактике. Я проигнорировал другую общепринятую среди нынешних писателей условность и смешал в одном произведении рассказ от первого и третьего лица, сделав вставки из дневника главной героини — прием, часто используемый в детективных романах. Вернувшись мысленно в девятнадцатое столетие, я мог позволить себе определенную свободу в своем повествовании.

Я провел серьезное и длительное исследование, но иногда мне приходилось отклоняться от фактов. Например, Эмили никогда не обращалась к Томасу «отец». Она называла его «пап *a*» — именно так, с ударением на второй слог. В первоначальных набросках романа я использовал исторически более правильное «пап *a*», но в устах Эмили такое обращение звучало слишком по-детски, и я склонился к более, как мне показалось, подходящему слову «отец». Кроме того, в отдельных случаях я сокращал некоторые цитаты из Де Квинси и немного вольно обходился с происходившими в его жизни событиями.

И еще один момент. Ради стройности повествования мне пришлось ввести в текст одну историческую неточность. Я знал, что к 1854 году доктор Сноу уже переехал с расположенной в районе Сохо Фрит-стрит (дом номер 54) в соседний район Мейфар на Сэквилл-стрит в дом номер 18. Но я не мог не использовать в романе тот факт, что Фрит-стрит находится совсем рядом (всего в одном квартале) с Греческой улицей, на которой в пустующем доме обитал некоторое время юный Де Квинси. В конце концов я решил, что в доме на Сэквилл-стрит затеяли ремонт и доктор Сноу вынужден был вернуться на свое прежнее место жительства на Фрит-стрит.

Во всем остальном я постарался сделать так, чтобы мой роман полностью соответствовал историческим реалиям. Целый год я получал удовольствие от того, что жил в Лондоне 1854 года. Надеюсь, вам тоже понравилось это маленькое приключение.

Благодарности

Как обычно, я признателен за помощь и советы Джейн Дистел и Мириэм Гоудрич, а также всем замечательным сотрудникам литературного агентства «Дистел энд Гоудрич», и в особенности Лорен Э. Абрамо и Рэйчел Стаут.

Также я многим обязан блестящей команде из «Малхолланд букс / Литтл, Браун». Особенно выделяю: Джудит Клейн, Терезу Джакопази, Дебору Джейкобс, Джоша Кендалла, Уэса Миллера, Мириэм Паркер, Майкла Питша, Джона Шенфельдера, Рут Тросе (в Великобритании) и Трэйси Уильямс. И конечно, не забуду последнюю линию своей обороны, редакцию — в данном случае моя благодарность адресована Биллу Дреннану.

Что меня привлекает, когда я провожу того или иного рода исследование, так это возможность сдружиться (иногда всего лишь посредством общения по электронной почте) с людьми, которые бескорыстно делятся своими знаниями по интересующему меня предмету. Одного из них я уже называл: биограф Роберт Моррисон, автор труда «Англичанин, употреблявший опиум: биография Томаса де Квинси». Всемирно признанный специалист по литературе эпохи романтизма и викторианского времени, Роберт является профессором Королевского университета в Кингстоне, штат Онтарио. Он любезно согласился прочитать рукопись будущего романа и дал несколько бесценных советов касательно ряда фактов из жизни Де Квинси. Кроме того, Роберт прислал мне копии некоторых документов, касающихся моего героя, которые практически невозможно было достать, а также научные статьи, которые я не смог найти.

Джефф Коутон из Фонда Вордсворта (Дав-Коттедж, Грасмер, Великобритания) снабдил меня фотографиями Томаса Де Квинси и его дочери Эмили. Их можно увидеть на моем сайте www.davidmorgrell.net. Там же вы найдете и восхитительные иллюстрации Томислава Тикулина.

Мой добрый друг, Барбара Питерс, хозяйка книжного магазина «Отравленное перо» в Скоттсдэйле, штат Аризона, оказала мне огромную поддержку, когда я сообщил ей, что отправляюсь в

путешествие в Лондон 1854 года. Кто бы мог представить, что такое произойдет?

И конечно, моя жена Донна — мой первый читатель, она, как обычно, дала мне несколько прекрасных советов. Я благодарен ей за терпение, которого хватило на четыре десятилетия, — ведь каждый день на несколько часов я полностью ухожу в себя.

notes

Примечания

1

Слово «reeler» можно перевести с английского как «обдирала», а Бобби — уменьшительное от «Роберт». — *Здесь и далее примечания переводчика.*

Подразумевается Великий голод 1845–1849 гг., когда в Ирландии случился неурожай картофеля и счет погибших и эмигрировавших шел на сотни тысяч.

3

Имеется в виду английский центнер, равный 112 фунтам, или 50,8 кг.

Генри Джон Темпл, лорд Палмерстон(1784–1865) — знаменитый английский государственный деятель. В описываемый период времени возглавлял министерство внутренних дел. Считался дамским угодником, и одним из его прозвищ было «господин Купидон». — *Прим. перев.*

5

В английском языке слова «rat» («крыса») и «red» («красный») произносятся одинаково.

День подарков (англ. Boxing Day) — праздник, отмечаемый в Великобритании и ряде других стран 26 декабря.

«Патерностер» — Господня молитва на латинском языке (от лат. «Pater noster» — «Отче наш»).

Воксхолл-Гарденс— одно из главных мест общественного отдыха и развлечений в Лондоне с середины XVII до середины XIX века. Располагался в Кеннингтоне на южном берегу Темзы.

9

Эта игра была предшественницей крикета.

10

Одна гинея равнялась 21 шиллингу, а 1 фунт стерлингов — 20 шиллингам.

«Колдбат филдз» («Coldbath Fields») можно перевести как «Поля, где расположена прохладная купальня».

Джереми Бентам(1748–1832) — английский социолог, юрист, один из крупнейших теоретиков политического либерализма. Автор ряда работ о судебной системе.

Игра слов — по-английски слово «screw» означает и «винт», и «тюремный надзиратель».

«Mount Pleasant» — славная, милая гора (*англ.*).

Перевод К. Д. Бальмонта.

В английском языке эта игра слов более выражена: Williams и Williamson.

Фамилия доктора, Snow, переводится как «снег».